

РОСТРАНСТВА ПАМЯТИ

Российская академия наук
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

ПРОСТРАНСТВА ПАМЯТИ

**Сборник материалов и исследований
памяти Андрея Николаевича Власова**

Текстовое научное электронное издание

Сыктывкар
2025

ISBN 978-5-907496-11-8

© ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина», 2025

© ФГБУН «ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН», 2025

© Коллектив авторов, 2025

© Безбатинова Т. А., обложка, 2025

Титул

Об издании

Производственно-технические сведения

Содержание

УДК 398, 811, 882, 930.85
ББК 63.2, 81, 82.3, 83.3
П82

*Издается по решению Редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина» (протокол № 5 от 01.07.2025)
и Ученого совета ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (протокол № 8 от 15.09.2025)*

Редакционная коллегия:

Жадовская Светлана Александровна
Канева Татьяна Степановна (отв. редактор)
Прокуратова Екатерина Владимировна
Тубылевич Руслана Евгеньевна

Рецензенты:

О. М. Гончарова, д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы
РГПУ им. А. И. Герцена
Е. А. Дорохова, канд. искусствоведения, зам. руководителя Центра русского фольклора
ГРДНТ им. В. Д. Поленова

Пространства памяти : сборник материалов и исследований памяти Андрея Николаевича Власова [Электронный ресурс] : текстовое научное электронное издание на компакт-диске / ред.-сост. Т. С. Канева (отв.), С. А. Жадовская, Е. В. Прокуратова, Р. Е. Тубылевич ; Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования «Сыктыв. гос. ун-т им. Питирима Сорокина»; Федер. гос. бюджет. учреждение науки «ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН». — Электрон. текстовые дан. (6,0 Мб) — Сыктывкар : Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2025. — 1 опт. компакт-диск (CD-ROM). — Систем. требования: ПК не ниже класса Pentium III ; 256 Мб RAM ; не менее 1,5 Гб на винчестере ; Windows XP с пакетом обновления 2 (SP2) ; видеокарта с памятью не менее 32 Мб, экран с разрешением не менее 1024 × 768 точек ; 4-скоростной диск-вод (CD-ROM) и выше, мышь ; Adobe Acrobat Reader. — ISBN 978-5-907496-11-8

Сборник посвящен памяти выпускника, а впоследствии — доцента и профессора Сыктывкарского государственного университета, профессора Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, ведущего научного сотрудника, заведующего отделом русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН Андрея Николаевича Власова и приурочен к его 70-летию (17.10.1955–23.06.2023). Авторами выступили главным образом коллеги, ученики, последователи и учителя-наставники ученого, представители разных научных центров Санкт-Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода, Сыктывкара.

Тематика статей и материалов в целом отражает спектр научных интересов А. Н. Власова: древнерусская литература и севернорусская книжность, письменное наследие старообрядцев; фольклор и народная речь; полевая фольклористика и археография; саморефлексия и самопрезентация местных народных традиций; история и культура локальных центров Русского Севера и др. В особый раздел вошли работы о научной деятельности А. Н. Власова и воспоминания о нем.

Предназначен для исследователей этнокультурного наследия России, всех интересующихся духовной культурой, современными аспектами ее изучения, в том числе вопросами о роли личности в науке.

УДК 398, 811, 882, 930.85
ББК 63.2, 81, 82.3, 83.3

СОДЕРЖАНИЕ

Пространства Андрея Николаевича Власова (от составителей).....	7

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ВЛАСОВ И ЕГО ДЕЯНИЯ

Волкова Т. Ф. Археографическая юность Андрея Власова.....	16
Бубнов Н. Ю. Андрей Николаевич Власов и археографические экспедиции Библиотеки академии наук.....	19
Рыжова Е. А. Экспедиционная работа А. Н. Власова в старообрядческом центре на Удоре (Республика Коми).....	26
Канева Т. С. Фольклорный архив Сыктывкарского университета: начало.....	31
Ельчанинова И. Н. О верхнетоемской фольклорной экспедиции 1981 года.....	40
Мехреньгина З. Н. О пинежской фольклорной экспедиции 1982 года.....	42
Тубылевич Р. Е. Личная библиотека А. Н. Власова в фондах сыктывкарской лаборатории.....	44
Селиванова О. В. Деятельность А. Н. Власова в фундаментальной библиотеке РГПУ им. А. И. Герцена и его книжное собрание.....	50
Панюков А. В. А. Н. Власов о проблемах формирования эпических форм коми фольклора.....	58
Васильева Е. Е. «Свети солнце в долги часы»: посвящение А. Н. Власову.....	68
Розов А. Н. Андрей Николаевич Власов — истинный пушкинодомец.....	74

СТАТЬИ

Афанасьев А. В., Канева Т. С. Поморские помянники как источники по истории печорского старообрядчества.....	77
Бунчук Т. Н. (С)Тырей: к вопросу о коми-русских этнолингвистических и этнокультурных связях.....	89
Волоскова С. Е. Собрание народных сказок в личной библиотеке О. И. Капицы (из фонда фундаментальной библиотеки РГПУ им. А. И. Герцена).....	100
Дементьева В. А. Особенности воплощения темы страха в похоронно-поминальных причитаниях И. А. Федосовой.....	110
Иванова А. А. Этнолингвистический словарь как форма репрезентации культурного ландшафта Кенозерья.....	118
Иванова Т. Г. Маркеры посадско-слободской культуры провинциального города Лальска (по записям И. С. и В. И. Пономаревых).....	126
Козлова И. В. Новая жизнь советского человека в творчестве сказителей.....	136
Комелина Н. Г. Штрихи к портрету сказительницы Аграфены Матвеевны Крюковой.....	147
Корепова К. Е. Словотворчество в частушке. Игра словом.....	156
Коровина Н. С. Саморефлексия в творчестве коми сказочников.....	165
Кужлев М. В. Следы северодвинского переписчика Е. И. Меньшикова на Печоре.....	172
Некрылова А. Ф. Календарное прочтение имени святого. Конон Градарь.....	180
Петрова Л. А. Неизвестные источники старообрядческого издания духовных стихов.....	185

Поздеев В. А. Рукописный альбом-песенник студентки предвоенных советских лет.....	194
Прокуратова Е. В., Канева И. И. Повести «Великого Зеркала» в рукописных цветниках удорских староверов-странников: репертуар чтения и редакторская работа переписчиков.....	205
Рейли М. В. Образ коня в эпосе Урала.....	215
Розов А. Н. Народные предрассудки в восприятии духовенства.....	226
Савельева Г. С. Песенный фольклор села Серёгово.....	234
Храмова Н. Б. Фольклористика в Нижегородском крае в 1920–1930-е годы: роль краеведческих организаций.....	242
Шишкина Л. И. Опыт истории: Русско-японская война в зеркале газетной периодики.....	251
Щукина У. О. Память традиции и локальная идентичность в историко-краеведческой деятельности жителей верховий Северной Двины (по материалам региональных музеев).....	258

ПУБЛИКАЦИИ ПОЛЕВЫХ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Васкул А. И., Жадовская С. А. Вологодские частушки в записи В. А. Молодцова начала 1910-х годов.....	267
Подрезова С. В. «Пишу из настоящей деревни, из настоящей избы»: Экспедиция С. И. Бернштейна и Н. П. Гринковой в Гдовский уезд Петроградской губернии летом 1920 года.....	279
Якубовская Е. И. Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд. Полевой дневник Пинежской экспедиции 1927 года.....	295
Канева Т. С., Шомысов Д. И. Ленские мифологические рассказы о случаях у воды (по материалам Фольклорного архива Сыктывкарского университета).....	311
Артеменко Н. Н. «Народная песня делает человека живым». Саморефлексия народных исполнителей.....	321
Лобанова Л. С. Мария Ивановна Соколовская — хранительница устной и книжной культуры верхней Вычегды.....	336

Список биографических, библиографических и мемориальных публикаций, посвященных А. Н. Власову.....	343

Сокращения.....	344

Сведения об авторах.....	345

Пространства Андрея Николаевича Власова (От составителей)

Андрей Николаевич Власов (17.10.1955–23.06.2023). Доктор филологических наук. Выпускник и профессор Сыктывкарского государственного университета (ныне — СГУ им. Питирима Сорокина). Профессор Российского государственного университета имени А. И. Герцена. Заведующий отделом русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Место рождения: г. Котлас Архангельской области.

Места учебы: г. Сыктывкар (СГУ, специальность «Филология. Русский язык и литература»), Ленинград (ЛГУ, аспирантура по специальности «Русская литература»).

Места жизни и деятельности в хронологической последовательности: Котлас — Сыктывкар — Ленинград — Сыктывкар — Санкт-Петербург.

Настоящий сборник — свидетельство живой памяти об Андрее Николаевиче Власове. Он объединил тех, кому близки его научные интересы и устремления, кто шел рядом с ним путем научного познания и кто был бы рад в октябре 2025 г. поздравить его с 70-летием. Авторы — его преподаватели из Сыктывкарского университета (Т. Ф. Волкова, Л. И. Шишкина), старшие товарищи по профессии (Н. Ю. Бубнов, К. Е. Корепова, Е. Е. Васильева), сподвижники, коллеги, ученики, ученики учеников, единомышленники — представители разных поколений.

Тематическое поле статей и публикаций сложилось по преимуществу в пространстве А. Н. Власова — между фольклором и книжно-рукописной традицией, локализуясь в основном в пределах Русского Севера, но отнюдь не ограничиваясь им. География статей охватывает территорию севернорусских областей, нижегородского фольклора и донской песенной традиции.

Открывает сборник раздел, посвященный воспоминаниям коллег о совместных с Андреем Николаевичем шагах в профессии («Андрей Николаевич Власов и его деяния»). Именно в нем ясно проступают «места памяти» Власова — от мест первых экспедиций с его участием (Печора: Усть-Цильма), Се-

верная Двина, Пинега, Тарнога, Прибалтика)¹ до мест, сохраняющих память о его созидательном труде. В статьях *Т. Ф. Волковой*, *Н. Ю. Бубнова*, *И. Н. Ельчановой* мы видим студента и аспиранта, нащупывающего свою дорогу в филологической науке, в статьях *Е. А. Рыжовой*, *З. Н. Мехреньгиной* — молодого, но уже уверенно ведущего за собой следующие поколения преподавателя.

Жизненная дорога самого А. Н. Власова, как известно, вела от Сыктывкарского университета к Ленинградскому, затем опять, но уже в новом качестве (кандидата филологических наук, доцента, соорганизатора лаборатории, декана и заведующего кафедрой) — к Сыктывкарскому университету, и наконец, в очередном новом качестве (профессора и ведущего научного сотрудника, заведующего отделом русского фольклора) — к РГПУ им. А. И. Герцена и Пушкинскому Дому в Петербурге². Каждое из этих мест сохраняет сегодня следы деятельного участия А. Н. Власова в его научной жизни, будь то архив фольклорных записей в СГУ им. Питирима Сорокина (статья *Т. С. Каневой*), книжно-рукописное собрание в Герценовском университете (статья *О. В. Селивановой*), а также личная библиотека ученого в научно-исследовательской лаборатории «Филологические исследования духовной культуры Севера» СГУ им. Питирима Сорокина (статья *Р. Е. Тубылевич*). *А. В. Панюков* и *Е. Е. Васильева* в своих статьях продолжают научный диалог с Андреем Николаевичем, анализируют явления, исследованию которых юбиляр посвятил многие годы.

А. Н. Розов как будто подытоживает все сказанное в первом разделе о А. Н. Власове, подчеркивая: истинного пушкинодомца определяют не только научные, но и человеческие качества. Думается, эта характеристика стала бы для Андрея Николаевича ценнейшим признанием.

Во втором разделе («Статьи») публикуется 21 статья 23-х авторов. Их жанровый и проблемно-тематический спектр весьма разнообразен, и они поданы в алфавитном порядке. В статьях предлагаются результаты историко-филологических разысканий в разных областях: изучение письменного наследия старообрядцев (статьи *А. В. Афанасьева* и *Т. С. Каневой*, *М. В. Кужлева*, *Л. А. Петровой*, *Е. В. Прокуратовой* и *И. И. Каневой*), образно-поэтического строя фольклора (статьи *В. А. Дементьевой*, *К. Е. Кореповой*, *М. В. Рейли*), эпического творчества (статьи *И. В. Козловой*, *Н. Г. Комелиной*), саморефлексии носителей устной культуры (статья *Н. С. Коровиной*), народных верований (статьи *А. Ф. Некрыловой*, *А. Н. Розова*), форм презентации и самопрезентации локальных традиций (статьи *А. А. Ивановой*, *В. А. Поздеева*, *У. О. Щукиной*), их источников и фольклорного репертуара (статьи *Т. Г. Ивановой*, *Г. С. Савельевой*), межэтнических контактов (статья *Т. Н. Бунчук*), фольклористического краеведения (статья *Н. Б. Храмовой*), личных библиотек (статья *С. Е. Во-*

¹ Фотографии, представленные в сборнике (с. 12–15), показывают первые шаги молодого исследователя по пространствам Русского Севера.

² Подробнее о жизни и деятельности А. Н. Власова см. в материалах, отраженных в «Списке биографических, библиографических и мемориальных публикаций, посвященных А. Н. Власову» в данном сборнике.

лосковой), отражения исторических событий в газетной периодике (статья *Л. И. Шишкиной*).

Раздел «Публикации полевых и архивных материалов» вводит в научный оборот шесть групп источников по фольклору, традиционной культуре и истории фольклористики. Самые ранние из них относятся к первой половине 1910-х гг., это рукописные записи частушек В. А. Молодцова из Вологодской губернии, хранящиеся в Научном архиве Русского географического общества (подготовлены к печати *А. И. Васкул* и *С. А. Жадовской*). Две публикации представляют собой материалы экспедиций 1920-х гг. из московских хранилищ: это документы поездки С. И. Бернштейна и Н. П. Гринковой в Петербургскую губернию из Дома-музея Марины Цветаевой и Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (публикация *С. В. Подрезовой*) и пинежские полевые дневники Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд из Российского национального музея музыки (публикация *Е. И. Якубовской*). Другая часть публикуемых материалов была получена в экспедициях последних десятилетий. Мифологические рассказы, тематически связанные с поверьями о воде и водных духах, были записаны в Ленском районе Архангельской обл. филологами Сыктывкарского университета в 1989 и 1990 гг. (руководитель экспедиций — А. Н. Власов; публикация *Т. С. Каневой* и *Д. И. Шомысова*). Большой блок текстов из материалов фольклорных экспедиций ансамбля «Домострой» (Санкт-Петербург) в Ростовскую и Волгоградскую области 2000–2019 гг. посвящен психологии исполнительского творчества на примере донской певческой традиции (публикация *Н. Н. Артеменко*). Завершают раздел совсем свежие записи биографических, историко-конфессиональных, легендарных нарративов от одной рассказчицы с верхней Вычегды, выполненные в ходе экспедиции Гимназии искусств при Главе Республики Коми в 2023 г. (публикация *Л. С. Лобановой*).

Если бы этот сборник стал юбилейным, а не мемориальным, Андрей Николаевич наверняка порадовался бы тому, как его коллеги и ученики успешно «выводят в научный свет» дневники экспедиций, полевые и архивные материалы из разных собраний, как развиваются разыскания, когда-то заданные, вдохновленные им или начатые под его руководством, как обрастают новыми подробностями образы мест и людей, к которым обращался он сам. Нет сомнений, что интерес у А. Н. Власова вызвали бы и разнообразные по находкам, методологии, по продвижению в пространствах познания работы его коллег из разных научных центров (Московского и Нижегородского университетов, Коми научного центра, Библиотеки академии наук, ставшего родным Пушкинского Дома). При этом нельзя не сожалеть о том, что от нашего юбиляра мы уже не получим отклика о трудах представителей молодого поколения, по-разному соприкасающихся с его собственными научными направлениями (статьи *В. А. Дементьевой*, *М. В. Кужлева*, *Н. Б. Храмовой*, *У. О. Щукиной*).

В этом сборнике Андрей Николаевич как будто собрал вокруг себя единомышленников — поделиться, похвастаться, обсудить и, возможно, поспорить... Он и в жизни был «собирателем людей», заботливо возвращал молодых, преданных делу, верил в них, доверял своим ученикам и коллегам. И это обязывало к особой ответственности за дело и изучаемый материал.

Андрей Николаевич учил держать слово и доводить начатое до конца. Поддерживал своих друзей, учеников и коллег, был участлив ко всем тем, с кем проживал свою жизнь на ее разных этапах. Будучи разделенным временем и расстоянием с единомышленниками, продолжал помнить о близких ему по духу людях, проявляя заботу и внимание. Несмотря на свои научные и карьерные достижения, был прост в общении, живо откликался на проблемы, с которыми к нему мог обратиться и коллега, и студент.

Андрей Николаевич был энергичным, эмоциональным и широко мыслящим человеком. Он с интересом обращался к разным научным областям и ученикам нередко предлагал темы, которые стояли на стыке научных направлений; он щедро дарил свои идеи, подталкивая молодых исследователей к их реализации.

Андрей Николаевич Власов.

Ученый, педагог, организатор науки.

*Человек, научившийся и научивший постигать пространства
культурной памяти.*

Более двух лет назад он сам ушел в пространство памяти.

Будем помнить.

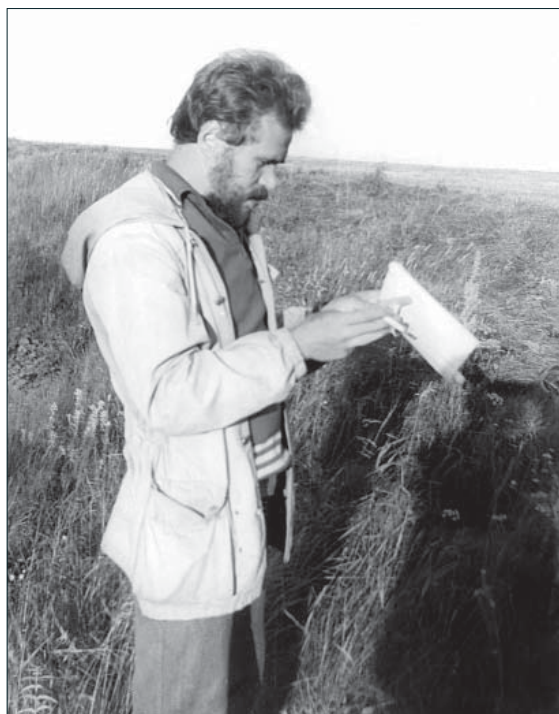
**АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ВЛАСОВ
И ЕГО ДЕЯНИЯ**

Участники археографической экспедиции на Печору в аэропорту Сыктывкара.

Слева от А. Н. Власова Лидия Ивановна Шишкина (рук. поездки),
Наталья Лаврова (Ленинград), крайняя справа — Алла Мальцева (СГУ).

Лето 1980 г. Из фондов ПНИЛ ФАИ СГУ

В Усть-Цилемской археографической экспедиции СГУ.

На фото слева — Татьяна Федоровна Волкова (рук. экспедиции).

Август 1986 г. Из фондов ПНИЛ ФАИ СГУ

**Сыктывкарская группа Пинежской фольклорной экспедиции
Ленинградской консерватории на перроне ж/д вокзала в Котласе.**
Слева от А. Н. Власова Зинаида Мехреньгина, Ирина Гаврилова, Наталья Шелякина,
справа — Татьяна Васильева, Марианна Александрова.
Июнь 1982 г.

**Пинежская фольклорная экспедиция
Ленинградской консерватории, аэропорт Карпогор.**
Справа от А. Н. Власова Татьяна Галкина, Марина Казанцева, Галина Лобкова.
Июнь 1982 г.

Фотоснимки предоставлены З. Н. Мехреньгиной

В Удорской археографической экспедиции СГУ.
Июнь 1987 г. Из фондов ПНИЛ ФАИ СГУ

В Троицко-Печорской фольклорно-археографической экспедиции СГУ.
Слева от А. Н. Власова Зинаида Мехреньгина, Алексей Бильчук,
справа — Елена Пономарева. Июль 1987 г., д. Курья. Из фондов ПНИЛ ФАИ СГУ

А. Н. Власов в экспедициях. 1980-е гг.
Из фондов ПНИЛ ФАИ СГУ

Археографическая юность Андрея Власова

Аннотация. Воспоминания посвящены участию Андрея Николаевича Власова в археографических экспедициях Сыктывкарского университета на Нижнюю Печору, в Усть-Цильму, организуемых с 1977 г. автором данного текста.

Ключевые слова: А. Н. Власов, полевая археография, Усть-Цильма

Археографом, и вполне успешным, Андрей Власов стал уже после первого года своего обучения в Сыктывкарском университете. Прослушав мой курс древнерусской литературы и узнав, что я собираюсь со студентами ехать в археографическую экспедицию на нижнюю Печору, в Усть-Цилемский район Республики Коми, он сразу принял решение к нам присоединиться. В состав экспедиции входили еще два юноши, которые уже перешли на третий курс — Михаил Мелихов и Евгений Хлыбов. Кроме того, в этой экспедиции приняла участие и моя подруга по Ленинградскому университету — Элла Давлетшина, которая с собой взяла и свою семью — сына Максима и мужа-кинооператора Сергея Лаврентьева. Были в составе экспедиции и прекрасные девицы, которые очень успешно освоили тип археографической работы, особенно Алена Мальцева, которой удалось покорить сердце нашей гостеприимной наставницы Федосьи Ефимовны Чупровой, а потом и ее мужа, жившего тогда уже отдельно в соседней деревне — сурового старообрядца Филата Васильевича Чупрова.

Была с нами и одnogруппница М. Мелихова Марина Зверева (в замужестве Ильина), которая после первого курса уже получила опыт археографической работы в составе экспедиции Пермской областной библиотеки (где я раньше работала) вместе со своими одnogруппниками Женей Хлыбовым и Таней Семёновых. Так начиналась наша многолетняя (продолжавшаяся около 10 лет) археографическая работа в Усть-Цилемском районе. О трудностях нашей первой экспедиции на Печору я рассказала в своей статье¹, основанной на моем письме Н. С. Демковой (моему научному руководителю), случайно мною обнаруженном в архиве Натальи Сергеевны, который я перевезла по ее завещанию из Петербурга в Сыктывкар в нашу лабораторию. Сейчас занимаюсь вместе со студентами в ходе археографической практики его разбором. Но многое осталось неопианным даже в столь подробном письме. Попытаюсь, сфокусировав свое внимание на роли Андрея Власова в работе наших печорских экспедиций, дополнить то, что я уже рассказала в своей статье.

В первой же экспедиции Андрей проявил себя как очень удачливый археограф. От него исходила такая энергия, против которой не могли устоять как наши археографические «объекты», так и женская часть нашего отряда. Даже сам облик Андрея в те годы придавал ему романтический вид — белокурые локоны почти до плеч. Это впечатление углублялось и тем, что Андрей

¹ Волкова Т. Ф. О первой археографической экспедиции Сыктывкарского университета в Усть-Цильму // Вестник Сыктывкарского университета. 2022. № 4. С. 40–54.

тогда, в те далекие годы, писал стихи, которые нам читал. У меня даже где-то хранится магнитофонная кассета, на которой записано чтение Андреем своих поэтических творений. А после нашей второй экспедиции в Усть-Цилемский район это впечатление о романтическом Власове у меня укрепились тем, что я увидела, как всю ночь он танцевал в роли Христа в только что появившейся рок-опере «Иисус Христос — суперзвезда». Это действо происходило в вологодской квартире Эллы Давлетшиной — после экспедиции 1978 г. она пригласила нашу экспедиционную группу к себе в гости, в Вологду. Поехали не все, но костяк отряда оказался в Вологде, и почему-то ночью мы решили под знаменитую сейчас музыку первой рок-оперы потанцевать, передать ее содержание в танце. Конечно, главную роль взялся исполнить Андрей. Были там и Мария-Богородица и Мария-Магдалина. Кто их исполнял, не очень помню, одну из них танцевала однокурсница Андрея Луиза Кузьмина, которую мы для краткости называли «Лу». Я смутно помню детали этого своеобразного балета в вологодской квартире, но очень хорошо помню Андрея, самозабвенно исполнявшего главную роль.

В Андрее как-то удивительно сочеталась эта романтическая грань его личности с другой — прагматической. Вдохновившись задачей приобретения рукописей в ходе наших экспедиций, он отдавался полностью работе, как я знаю от тех членов наших экспедиций, с кем он в паре работал. Его азарт меня всегда удивлял, особенно в первых экспедициях. Я сразу поняла, что на него могу положиться, и в первую нашу экспедицию вместе с Наташей Потаповой и двумя нашими «телохранителями» — Мелиховым и Хлыбовым — покинула через несколько дней после прибытия в Усть-Цильму остальную группу и улетела в с. Замежная, а оттуда еще дальше на север — в д. Скитскую в верховьях Пижмы. В своем письме Н. С. Демковой я вспоминаю свои опасения, что оставшиеся в Усть-Цильме ребята вряд ли что-то приобретут, и расстраивалась не столько из-за этого, сколько из-за разочарования усть-цилемской группы в этой археографической работе. Но этого не произошло, во многом благодаря оптимизму Андрея и его умению настроить всех на победу. Мы все же кое-что привезли уже из первой нашей экспедиции, которая происходила через 5 лет после последней ленинградской экспедиции. Я говорю об этом потому, что ленинградцы не выполнили некоторые свои обещания старообрядцам, которых они посещали (привезти печатные книги, прислать свечи и т. п.), но зато они дали нам адреса тех людей, у которых они побывали или о которых была информация, что у них есть рукописи. Поэтому мы шли по данным нам адресам, и иногда это было очень трудно. Я ни разу не работала в паре с Андреем, так как сразу поняла, что он вполне сам справится с заданием, но те, кто с ним на эти задания ходили, чувствовали себя уверенно. Наверное, те актерские таланты, которые проявились вологодской танцевальной ночью, и помогали Андрею в его визитах к предполагаемым хранителям рукописей.

Потом, после первой экспедиции, я вела для второго курса свой просеминар, в ходе которого надо было написать курсовую работу. Это очень трудный, но важный для будущей судьбы вид научной работы, с которой далеко

не все успешно справлялись. Помню, что оба моих ученика (Мелихов и Власов) первоначально представили мне такие тексты, от которых я чуть не упала в обморок. А ведь оба они через много лет стали докторами наук и профессорами! А тогда для Андрея решался вопрос, останется ли он дальше в моем семинаре. И тут он меня поразили тем, что продолжало удивлять и всю его оставшуюся научную жизнь. Я часто о нем рассказываю студентам, показывая, какое качество считаю главным в любом деле, в том числе и в научной работе. Качество это — *устремление* к той цели, которую человек перед собой ставит. Андрей такую цель поставил перед собой еще на первых курсах университета, и он ее достиг, став и доктором наук, и профессором в ленинградском Герценовском университете, и заведующим отделом фольклора в Пушкинском Доме.

Но это было много лет спустя. А осенью 1978 г. я поступила в аспирантуру ЛГУ, и мне пришлось бросить моих первых учеников, которые перешли под руководство других преподавателей, оставив только двух дипломников — М. Мелихова и Р. Яковенко. Андрей стал учеником нашей зав. кафедрой Таисии Яковлевны Гринфельд и все последующие годы оставался преданным ее учеником. Потом у него появились свои ученики, которым Андрей Николаевич, уже ставший преподавателем, так же оставался верен всю свою жизнь.

Но вернемся к экспедиционной теме. Андрей всегда мне очень помогал во всех моих экспедиционных придумках. Так, в ходе одной из первых наших экспедиций я придумала, а Андрей активно меня поддержал, особый ритуал подведения итогов экспедиции. В последнюю ночь пребывания в Усть-Цильме мы поднимались на холм за селом и там оставляли записку с перечнем наших экспедиционных достижений, которую мы помещали в какую-то бутылку, закрывали ее пробкой и закапывали в определенном месте на холме. Расстояние от определенного столба электропередачи до места «захоронения» бутылки обычно отмерял своими шагами Мелихов. А на следующее лето, приехав в Усть-Цильму, мы искали послание предшествующей экспедиции и всегда находили его. Помню Андрея с лопатой в руках.

Вторую часть ритуала составляло посвящение в археографы новичков. Они давали клятву верности археографии и повторяли слова клятвы за кем-то из «старичков», кто их зачитывал.

Эти прощания с Усть-Цильмой и посвящения в археографическую жизнь создавали особый настрой, и в этом во многом была заслуга Андрея, который всегда передавал всем членам экспедиции свое археографическое настроение. Позднее, уже в 80-е годы, после моей первой защиты — кандидатской диссертации, в наш отряд стали приезжать ученики Натальи Сергеевны Демковой, студенты Ленинградского университета, и Андрей легко находил с ними общий язык, помогал им «акклиматизироваться» и в новом коллективе, и в новом типе археографической работы.

Андрей всегда стремился к независимости, хотел все делать по-своему. В археографии это проявилось в том, что он самостоятельно стал осваивать и Верхнюю Печору, куда я уже не ездила, занявшись исследованием наших

усть-цилемских находок, и после первых экспедиций сотрудника Пушкинского Дома Г. М. Прохорова возродил работу в Удорском районе Республики Коми. Он стал самостоятельным руководителем этих экспедиций. Его устремленность распространялась и на полевую археографическую работу. А когда пришло время, он защитил и кандидатскую, и докторскую диссертации, которые ему также помогла осуществить его *устремленность* к цели. Выражаясь языком Таисии Яковлевны Гринфельд, «солдат стал генералом».

Н. Ю. Бубнов (Санкт-Петербург)

**Андрей Николаевич Власов
и археографические экспедиции Библиотеки академии наук**

Аннотация. *Статья содержит информацию о сотрудничестве А. Н. Власова с археографами Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки РАН, участии ученого в экспедиционной работе библиотеки и в совместных программах по описанию и изучению книжных памятников Вологодской области и Республики Коми. Отмечается также успешно осуществлявшийся исследователем проект реконструкции состава средневековой книжности Великого Устюга и Сольвычегодска, рассеянной по разным древлехранилищам, выявление оригинальных памятников письменности, созданных в этом северном регионе. Дана оценка научного вклада ученого в гуманитарные науки: литературоведение, книговедение, фольклористику.*

Ключевые слова: *А. Н. Власов, Библиотека академии наук, археографические экспедиции, Тарнога, Великий Устюг, история Русского Севера, древнерусская книжность*

Я познакомился с А. Н. Власовым в Сыктывкаре в 1977 г., когда приезжал туда для чтения спецкурса по истории старообрядчества в университет. Андрей Николаевич еще учился в университете, и профессор (тогда еще доцент) Т. Ф. Волкова назвала его одним из наиболее способных своих учеников. Научная деятельность Андрея Николаевича Власова оказалась тесно связана с Отделом рукописей Библиотеки АН и его сотрудниками. Особенно ярко это отразилось в участии в археографической деятельности БАН в период, когда Андрей Николаевич проходил обучение в аспирантуре ЛГУ в 1981–1985 гг.

Летом 1984 г. Андрей Николаевич участвовал в археографической экспедиции БАН на Тарногу, куда мы поехали втроем вместе с сотрудницей БАН Л. А. Петровой¹. Экспедиция была связана с инициативой А. А. Амосова по «сплошному археографическому обследованию» районов Вологодской области совместно с Вологодским педагогическим институтом и местным краеведческим музеем. В 1980 и 1982 гг. А. А. Амосовым было предпринято не-

¹ Бубнов Н. Ю., Власов А. Н., Петрова Л. А. Археографическая экспедиция на Тарногу летом 1984 г. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР. 1985. Л., 1987. С. 258–267.

сколько кратковременных поездок по области с посещением Тарноги, в ходе которых были получены сведения о состоянии книжной культуры в регионе и выявлены адреса держателей книг. Помимо задач «сплошного археографического обследования», археографов БАН интересовал также район, где в конце XIX — начале XX в. действовала семейная артель Каликиных из д. Гавриловской, промышлявшая изготовлением старообрядческих икон и лицевых рукописей на продажу. Образцы работы этой артели имеются в собрании В. Г. Дружинина в Библиотеке РАН. На припереплетном листе лицевого списка «Истории об отцах и страдальцах соловецких», написанного на бумаге с водяными знаками второй половины XVIII в., имеется запись собирателя: «Работа семьи Каликина, Вологодской обл., Тотьменского уезда, Спасской вол., дер. Гавриловской. Текст — Иван Антонович Каликин, картинки — Григорий (17 лет) и София (8 лет)»¹.

О наличии на Тарноге рукописных книг и о существовании здесь активной традиции книгописания впервые прознали еще в последней четверти XIX — начале XX в. московские торговцы книжным антиквариатом, организовавшие в эти места несколько поездок с целью книжных закупок. Так, в письме В. Г. Дружинину от 24 февраля 1909 г. старообрядческий наставник Семен Гаврилов сообщает: «А что в Кокшенге, то там найти для покупки ничего невозможно, потому что и до Федора Антоновича [Каликина] были покупатели старины: Варфоломей Петрович, да Демид Ефимыч, они все закупили и свезли в Москву в библиотеки, да которые — книжным торговцам продали в Москве, Большакову и прочим»². Что касается Ф. А. Каликина, то рукописи его привозов отложились в собраниях ОЛДП (РНБ), В. Г. Дружинина (БАН), Н. П. Лихачева (ИРИ), а также в его именных собраниях в БАН и ИРЛИ.

Экспедиция на Тарногу 1984 г., согласованная с вологодскими археографами, благодаря участию в ее работе филолога и этнографа А. Н. Власова получила многоаспектный характер. Ее участников интересовала не только книжная культура старообрядцев, но также и этнографический и фольклорный материал. Ряд найденных в экспедиции вещественных атрибутов крестьянской культуры был передан в Вологодский краеведческий музей. Работа экспедиции велась не только в традиционных районах расселения старообрядцев, но и среди местного православного населения, еще хранящего традиции деревенской жизни. Так, например, одно из сохранившихся преданий повествует об основании церкви пророка Илии в с. Заборье и восходит, видимо, к несохранившемуся церковному летописцу. Наиболее чтимыми здесь святыми были Фрол и Лавр, в честь которых была устроена часовня и совершался «кокшарами»³ праздничный крестный ход. У каждой группы здешних деревень был, кроме того, свой «очередной» годовой праздник: во имя Ка-

¹ Бубнов Н. Ю. В. Г. Дружинин и его коллекция старообрядческих рукописей // Археографический ежегодник за 1983 г. М., 1985. С. 113–125. (БАН. Собр. Дружинина 109).

² Бубнов Н. Ю., Власов А. Н., Петрова Л. А. Указ. соч. С. 259. (БАН. Собр. Дружинина 1023. Архив).

³ От названия реки Кокшеньги (прим. редколлегии).

занской Богородицы, царя Константина, Петров день и др. Много интересных сведений удалось записать у старейшего жителя д. Сметанино Заборского сельсовета Виталия Константиновича Русинова. Знание крестьянского быта и личные жизненные впечатления побудили его написать автобиографические записки под названием: «Коротко о моей жизни»¹. В записках отражены местные деревенские обычаи и правила, в том числе поведение участников пьяных застолий и драк. Например, хозяин, принимавший в своем доме гостей на празднике, брал на себя ответственность за все возможные последствия дурного поведения приглашенных и их жертв. Эти записки, переписанные А. Н. Власовым, были впоследствии использованы им в статьях о пьянстве (экстазе) в народной культуре².

«Книг на Тарноге уже давно не переписывают ни для себя, ни для продажи, хотя рукописи XVIII — начала XX в. еще используются для чтения и богослужения в старообрядческой среде», — пишут участники экспедиции. Не осталось тут, видимо, и знатоков древнерусской книжности — старообрядческих начетчиков, хранивших в прежние времена богословские и учительные книги. Собранные устные сведения, а также остатки сохранившихся книг позволили выяснить картину расселения представителей старообрядческих конфессий. Старообрядцы на Тарноге селились обычно своеобразными «гнездами» среди «мирских» или «церковных» крестьян. В Верховском с/с по границе с современным Важским районом идут почти сплошь старообрядческие селения, причем по реке Кокшеньге живут филипповцы, а по реке Уфтьюге — федосеевцы. В прошлом, как нам сообщили, в здешних краях были и бегунские (скрытнические) поселения»³.

Самые старые рукописи, привезенные экспедицией БАН, датируются XVI в. Это Часослов середины XVI в. (Устюж. 113), происходящий, судя по владельческой записи XVIII в., из соседней Верхневажской волости, а также Евангелие апракос конца XVI в. (Устюж. 126), также, видимо, местного вологодского письма.

Самой интересной рукописью оказался сборник-конвюльт, включающий сочинения известного русского полемиста и путешественника Арсения Суханова (Устюж. 112). Первая часть этого сборника, написанная характерной московской писцовой скорописью 70-х гг. XVII в., содержит текст «Прения с греками о вере», состоявшегося у Арсения во время его поездки на Православный Восток в 1650 г.⁴ Вторая часть рукописи, датируемая началом XVIII в., содержит довольно редко встречающееся в списках сочинение «Про-

¹ БАН. Устюжское собр. № 129.

² Власов А. Н.: 1) Образ «пьяницы» в народной литературе Севера // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре: Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор. М., 2001. С. 152–162; 2) Опьянение как состояние экстаза в русских эпических песнях // Все восторги мира: Экстаз в литературе и искусстве : сб. статей. СПб.; Тверь, 2015. С. 17–30.

³ Бубнов Н. Ю., Власов А. Н., Петрова Л. А. Указ. соч. С. 260.

⁴ Белокуров С. Арсений Суханов. 2-е изд. М., 1894. Ч. 2. С. 26–97.

скинитарий» того же автора¹. Сборник, как следует из владельческой записи, был куплен в XVIII в. в Поморье жителем г. Тотьмы за 1 рубль 44 коп., и ранее, должно быть, принадлежал одному из православных архиереев, заказавших список в Москве. Из экспедиции 1984 г. в БАН была привезена 21 рукопись и 6 старопечатных книг, пополнивших Устюжское собрание БАН.

Вместе с А. А. Амосовым и Л. А. Петровой А. Н. Власов участвовал и в археографической поездке Библиотеки АН осенью того же года в Ригу и Литву. В ходе поездки было обследовано пять районов: Шяуляйский, Тельшайский, Радивилишкский, Паневежеский, Каунасский и Вильнюсский. В итоге Двинское собрание БАН пополнилось четырьмя, а Неманское — десятью новыми рукописями XV–XIX вв. Среди них Евангелие толковое 2-й четверти XV в. (Нем. 74). В Риге наставник Рижской Гребенщиковской общины Л. С. Михайлов передал в БАН Иконописный подлинник 80-х гг. XVIII в. (Двин. 51), принадлежавший артели тарногских иконописцев и книгописцев Каликиных, дом которых в д. Гавриловской археографы посетили в том же году. В книге есть запись, свидетельствующая о том, что она первоначально предназначалась Ф. А. Каликиным для продажи в коллекцию В. Г. Дружинина, но покупка не состоялась, и книга была отправлена владельцем своим единоверцам в Ригу. Так причудливо переплелись судьбы людей и книг. Краткое сообщение о поездке было сделано А. А. Амосовым на годовичном заседании Ленинградского отделения Археографической комиссии в октябре 1984 г.²

Научные интересы Андрея Николаевича по изучению книжности и книжников Устюжского края соприкоснулись с моими исследованиями ранней старообрядческой книжности³. Совместно с ним была написана статья о епископе Александре Вятском и его библиотеке⁴. В 2008 г. автору этой статьи довелось прочесть доклад об Александре Вятском на конференции в честь епископа Александра, организованной А. Н. Власовым в г. Коряжме Архангельской обл.⁵ В соавторстве с Т. Б. Парамоновой Андрей Николаевич, с согласия автора настоящей статьи, опубликовал впервые обнаруженное и рассмотренное нами в монографическом исследовании⁶ сочинение Александра Вятского «Вопросы к собору наименьшего из архиереев»⁷. Но были и «встреч-

¹ Проскинитарий Арсения Суханова. Казань, 1870. С. 11–197.

² Амосов А. А., Петрова Л. А. Археографическая работа в Прибалтике в 1977–1984 гг. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки РАН. 1987. Л., 1987. С. 267–277.

³ Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы и эволюция. СПб., 1995.

⁴ Бубнов Н. Ю., Власов А. Н. Александр Вятский — писатель и книжник XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 375–381.

⁵ Бубнов Н. Ю. Александр епископ Вятский — церковный и общественный деятель начала эпохи преобразований // Сборник избранных докладов Третьих научно-практических краеведческих Лонгиновских чтений (Коряжма, 22 февраля 2008 года). Коряжма, 2008. С. 19–31.

⁶ Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. С. 68–75.

⁷ Власов А. Н., Парамонова Т. Б. Произведение Александра епископа Вятского «Вопросы

ные влияния». В 1991 г. А. Н. Власов написал статью о библиотеках церковных иерархов в Устюжском крае в конце XVII в.¹ Позднее нам удалось расширить охват исследования (вторая половина XVII — первая четверть XVIII в.), привнеся в тему новонайденные источники².

В период преподавательской работы в Сыктывкарском университете в 1986–1999 гг. Андрей Николаевич организовал несколько археографических экспедиций со своими студентами по Республике Коми. В экспедиции на р. Вашку в 1988 г. мне довелось принять участие. В селе Пучкома Андрей познакомил меня с носительницей коми фольклора М. И. Палевой, которая являлась также наставницей местной старообрядческой общины. От нее в предшествующую экспедицию Андрей Николаевич записал ряд песен и сказаний, а также получил старопечатные книги. Подобное сочетание различных культурных традиций в сознании и практике одного физического лица феноменально. Известно, что сказители-старообрядцы встречались собирателям фольклора (преимущественно былины) еще в XIX в. в Карелии³. Однако в отмеченном случае мы имеем дело с билингвизмом — двуязычием и коми-фольклором, что расширяет наши представления о проблеме взаимодействия и взаимопроникновения культур. Наблюдениями, сделанными в экспедиции, Андрей Николаевич поделился в своих статьях⁴.

Сотрудничая с БАН по организованной А. А. Амосовым «Вологодской программе» (1982–1998), А. Н. Власов принял участие в аналогичной программе, развернутой А. А. Амосовым и Т. Ф. Волковой в Республике Коми — описанию старинных кириллических книг и рукописей в местных библиотеках и архивах. Итогом проделанной работы стало издание описаний рукописей Усть-Цилемского собрания НБ СГУ⁵, а затем участие в фундаментальном исследовании и описании рукописей Национального музея Республики Коми, в котором помимо сыктывкарцев участвовали также археографы БАН

к собору наименьшего из архиереев» // Проблемы изучения традиционной культуры Севера (К 500-летию города Сольвычегодска) : межвуз. сб. науч. трудов. Сольвычегодск, 1992. С. 72–79.

¹ Власов А. Н. Библиотеки церковных иерархов в Устюжском крае в конце XVII в. // Книга в культуре Урала XVI–XIX вв. : сб. науч. тр. Екатеринбург, 1991. С. 34–43.

² Бубнов Н. Ю. Библиотека Устюжской епархии (вторая половина XVII — первая четверть XVIII в.) // Духовное наследие народов Республики Коми: история и современность : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Редкие книги в фондах современных библиотек, архивов, музеев» / отв. ред. Е. В. Прокуратова. Сыктывкар, 2009. С. 101–108.

³ Кузнецова В. П. Северорусские эпические традиции в старообрядческой среде // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории русской культуры : тезисы докл. междунар. науч. конф. (13–17 сент. 1994 г.). Петрозаводск, 1994. С. 47–49.

⁴ Старообрядческий центр на Вашке. Устная и письменная традиция Удоры : материалы и исследования. Сыктывкар / отв. ред и сост. А. Н. Власов. Сыктывкар, 2002; Власов А. Н., Филиппова В. В. Фольклорное двуязычие в традиционной культуре коми // Традиционная культура. 2000. Т. 1. № 2 (2). С. С. 87–89.

⁵ Памятники письменности в хранилищах Коми АССР. Каталог-путеводитель. Ч. 1. Рукописные книги. Вып. 1. Рукописные собрания Сыктывкарского государственного университета / отв. сост. Т. Ф. Волкова. Сыктывкар, 1989. С. 136–242.

(А. А. Амосов, О. П. Лихачева, Л. А. Петрова)¹. Под брендом «Вологодской программы» у археографов появилась возможность начать реализацию «глобальных» планов изучения северной книжной культуры и выявления ее региональных особенностей, и это начало оказалось вполне успешным. Воплотить проект в полном объеме помешала безвременная кончина А. А. Амосова и прекращение финансирования. Успешно продолжить задуманную программу в рамках одного из ключевых северных регионов удалось лишь А. Н. Власову, изучавшему средневековую книжность ареала Великого Устюга и Сольвычегодска².

Опыт реконструкции книжности Великого Устюга, рассеянного по разным древлехранилищам, был предпринят исследователем на основе привлечения коллекций БАН, РГБ и Великоустюжского историко-художественного и архитектурного музея-заповедника. В одной из последних статей А. Н. Власова был сделан общий обзор рукописей и старопечатных книг из разных хранилищ, с уточнениями исторических судеб отдельных сохранившихся кодексов. В приложении к статье приведена таблица, где перечислено 314 рукописей и книг устюжского происхождения с указанием источников поступлений и современных мест их хранения. Помимо 123 рукописей Устюжского собрания БАН, в таблице названы 2 рукописи из других коллекций БАН (№ 133, — 32.9.8 и № 138 — Арханг. Д. 233)³.

Продолжая общаться с А. Н. Власовым после его переезда в Санкт-Петербург в 2001 г., сотрудники ОР БАН совместно участвовали в научных конференциях, обменивались изданными книгами. В 2022 г. Андрей Николаевич написал рецензию на подготовленную в БАН к печати книгу Л. А. Петровой «Светская и духовная поэзия XVII–XX вв.»⁴. Стоит отметить, что научные работы Андрея Николаевича особенно ценны тем, что в них ощутим синтез двух научных направлений — литературоведения и фольклористики. Эти научные дисциплины нераздельно присутствовали в сознании ученого и, несомненно, отразились на многих его работах. Это придает им особую ценность.

Список источников

Амосов А. А., Петрова Л. А. Археографическая работа в Прибалтике в 1977–1984 гг. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки РАН. 1985. Л.: БАН, 1987. С. 267–277.

¹ Памятники письменности в хранилищах Республики Коми. Каталог-путеводитель. Ч. 1. Вып. 2. Рукописные книги XV–XX веков в собрании Национального музея Республики Коми / отв. ред. Б. Н. Морозов. Сыктывкар, 2013. А. Н. Власовым были подготовлены приложения 2, 3, 4 (С. 471–486).

² Власов А. Н. Устюжская литература XVI–XVII веков. Историко-литературный аспект. Сыктывкар, 1995.

³ Власов А. Н. Проблемы исторической рецепции книжной традиции Великого Устюга // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. Вып. 8. СПб., 2020. С. 290–329.

⁴ Светская и духовная поэзия XVII–XX вв. / сост. Л. А. Петрова, науч. ред. Н. Ю. Бубнов. СПб., 2024. (Серия: Описание Рукописного отдела БАН. Т. 4. Вып. 3).

Белокуров С. Арсений Суханов. 2-е изд. М., 1894. Ч. 2. С. 26–97.

Бубнов Н. Ю. Библиотека Устюжской епархии (вторая половина XVII — первая четверть XVIII в.) // Духовное наследие народов Республики Коми: история и современность : материалы Всеросс. науч.-практ. конф. «Редкие книги в фондах современных библиотек, архивов, музеев» / отв. ред. Е. В. Прокуратова. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ. Сыктывкар, 2009. С. 101–108.

Бубнов Н. Ю. В. Г. Дружинин и его коллекция старообрядческих рукописей // Археографический ежегодник за 1983 г. М.: Наука, 1985. С. 113–125.

Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы и эволюция. СПб.: Изд-во БАН, 1995. 435 с.

Бубнов Н. Ю., Власов А. Н. Александр Вятский — писатель и книжник XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 375–381.

Бубнов Н. Ю., Власов А. Н., Петрова Л. А. Археографическая экспедиция на Тарногу летом 1984 г. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР. 1985. Л.: Изд-во БАН, 1987. С. 258–267.

Власов А. Н. Библиотеки церковных иерархов в Устюжском крае в конце XVII в. // Книга в культуре Урала XVI–XIX вв. : сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1991. С. 34–43.

Власов А. Н. Образ «пьяницы» в народной литературе Севера // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре: Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор. М.: Лабиринт, 2001. С. 152–162.

Власов А. Н. Опыление как состояние экстаза в русских эпических песнях // Все восторги мира: Экстаз в литературе и искусстве : сб. ст. / отв. ред. С. В. Денисенко. СПб.; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2015. С. 17–30.

Власов А. Н. Проблемы исторической рецепции книжной традиции Великого Устюга // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. Вып. 8. Памяти Александра Александровича Амосова (1948–1996) / сост. и ред. Ф. В. Панченко (отв. ред.), О. С. Сапожникова. СПб.: БАН, 2020. С. 290–329.

Власов А. Н. Устюжская литература XVI–XVII веков. Историко-литературный аспект. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 1995. 210 с.

Власов А. Н., Парамонова Т. Б. Произведение Александра епископа Вятского «Вопросы к собору наименьшего из архиереев» // Проблемы изучения традиционной культуры Севера (К 500-летию города Сольвычегодска) : межвуз. сб. науч. трудов. Сольвычегодск: Изд-во Сыктывкарского университета, 1992. С. 72–79.

Власов А. Н., Филиппова В. В. Фольклорное двуязычие в традиционной культуре коми // Традиционная культура. 2000. Т. 1. № 2 (2). С. 87–89.

Кузнецова В. П. Северорусские эпические традиции в старообрядческой среде // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории русской культуры : тезисы докл. междунар. науч. конф. (13–17 сент. 1994 г.). Петрозаводск: ПГУ, 1994. С. 47–49.

Памятники письменности в хранилищах Коми АССР. Каталог-путеводитель. Ч. 1. Рукописные книги. Вып. 1. Рукописные собрания Сыктывкарского государственного университета / отв. сост. Т. Ф. Волкова. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. 288 с.

Памятники письменности в хранилищах Республики Коми. Каталог-путеводитель. Ч. 1. Вып. 2. Рукописные книги XV–XX вв. в собрании Национального музея Республики Коми / отв. ред. Б. Н. Морозов. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2013. 489 с., 12 ил.

Проскинитарий Арсения Суханова. Казань, 1870. С. 11–197.

Светская и духовная поэзия XVII–XX вв. / сост. Л. А. Петрова; науч. ред. Н. Ю. Бубнов. СПб.: Изд-во БАН, 2024. 800 с. (Серия: Описание Рукописного отдела БАН. Т. 4. Вып. 3).

Старообрядческий центр на Вашке. Устная и письменная традиция Удоры: Материалы и исследования / отв. ред и сост. А. Н. Власов. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского госуниверситета, 2002. 251 с.

Е. А. Рыжова (Сыктывкар)

Экспедиционная работа А. Н. Власова в старообрядческом центре на Удоре (Республика Коми)¹

Аннотация. *Статья посвящена характеристике деятельности А. Н. Власова по открытию нового старообрядческого центра книжной и традиционной культуры XVIII–XX вв. в Удорском районе Республики Коми (северо-западная часть Коми края в бассейне р. Вашки, притоке р. Мезени), чья уникальность обусловлена сплавом коми и русской культуры. Опираясь на археографические данные 50–60-х гг. XX в. (Н. Ф. Дробленкова, Г. М. Прохоров), в течение 1987–1999 гг. А. Н. Власов организовал пять фольклорно-археографических экспедиций на Удору. В результате коллективной собирательской работы в НБ СГУ были созданы территориальные собрания привезенных рукописных и старопечатных книг (58 и 33 ед.хр. XVII–XX вв.), а также Удорское собрание Фольклорного архива СГУ. Описание и исследование удорского материала продолжается в настоящее время.*

Ключевые слова: А. Н. Власов, Удорский (Вашкинский) старообрядческий центр книжной и традиционной культуры, археографическая деятельность

Андрея Николаевича Власова и как человека, и как ученого-исследователя всегда выгодно отличала одна особенность: равнодушие к делу, которым он занимался, и к людям, которые его окружали. Он совершенно не напоминал ученого-отшельника или исследователя-затворника. С ним всегда было связано живое дело. И не случайно поэтому Андрей Николаевич много лет своей научной жизни посвятил полевой, экспедиционной работе. Поскольку его научный путь во многом тесно связан с Сыктывкарским государственным университетом, его экспедиционная деятельность в 80–90-е гг. прошлого века также проходила в Республике Коми.

Исторически на современной территории Республики Коми в местах компактного проживания старообрядческого населения сложилось несколько локальных центров духовной культуры, в которых сформировались уникальные письменные и фольклорные традиции. И если Усть-Цилемский центр достаточно хорошо был к этому времени известен книжникам и фоль-

¹ Статья написана на основе доклада, сделанного на конференции: Фольклор и книжность: памяти Андрея Николаевича Власова: Всероссийская научная конференция с международным участием (13–14 июня 2024 г.). СПб., ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

клористам, то другой центр — Удорский — еще только предстояло открыть. И это было сделано А. Н. Власовым.

Появление старообрядчества в Удорском районе Республики Коми (это северо-западная часть Коми края в бассейне реки Вашки, притоке реки Мезени) было связано с притоком крестьян-старообрядцев из различных севернорусских регионов, которые скрывались от гонений официальных властей в отдаленных северных районах. Удорские старообрядцы являлись последователями старопоморского, филипповского, страннического согласий. Однако на формирование духовного наследия местного населения, на его самосознание повлияла не только старообрядческая идеология в целом, но и двуязычный (коми-русский) характер культуры жителей Удорского края. Сведения о некогда богатой здесь книжной рукописной традиции археографы фиксировали еще в 50–60-х гг. XX в. Н. Ф. Дробленкова в 1960 г. писала о том, что верховья рек Мезени и Вашки издавна славились своей рукописной стариной и этот пласт народной культуры «ждет своих собирателей»¹. Первая археографическая поездка на территорию Удорского района Республики Коми была предпринята сотрудником ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН Г. М. Прохоровым в 60-х гг. XX в. В ходе экспедиции были выявлены места компактного проживания удорских старообрядцев и хранителей рукописного наследия. В результате экспедиции им были выявлены 23 рукописные книги, которые в настоящее время включены в Мезенское собрание ИРЛИ РАН².

Дальнейшее изучение рукописного творчества местных крестьян-старообрядцев было продолжено сыктывкарскими археографами. В период с 1987 по 1999 г. на Удору было отправлено пять экспедиций, и практически все — при непосредственном участии и под руководством А. Н. Власова. Как правило, в каждую экспедицию выезжало от шести до четырнадцати человек, среди которых были филологи, историки, библиотекари, музыковеды, лингвисты, сотрудники Министерства культуры Республики Коми. Костяк экспедиции составляли студенты, аспиранты и выпускники Сыктывкарского университета, преподаватели организованной А. Н. Власовым в Сыктывкарском государственном университете кафедры фольклора и истории книги, а также сотрудники Проблемной научно-исследовательской лаборатории фольклорно-археографических исследований (ПНИЛ ФАИ СГУ), созданной по инициативе Т. Ф. Волковой и А. Н. Власова и при поддержке академика Д. С. Лихачева. В составе экспедиций всегда были исследователи из крупных научных центров. Так, в работе первой экспедиции на Удору в 1987 г. принимал активное участие доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН Г. М. Прохоров. На следующий год в ней успешно работал доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник рукописного отдела Библиотеки академии наук

¹ Дробленкова Н. Ф. Поиски рукописей на Мезени // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 528–538.

² Прохоров Г. М. За рукописями на Мезень и Вашку // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 404–408.

Н. Ю. Бубнов. В экспедициях также участвовали московская исследовательница И. Д. Иорданская, петербургский музыковед А. Н. Захаров и др.

За 12 лет экспедиционной работы было обследовано более пятнадцати населенных пунктов трех сельских советов Удорского района в низовьях реки Вашки, в том числе в Чупровском (с. Чупрово, д. Коптюга, д. Муфтыга); Пучкомском (с. Большая Пучкома, с. Тойма, д. Острово, д. Вильгорт, д. Кирик, д. Верхозерье); Важгортском (с. Важгорт, д. Кривое и др.), а также сельское поселение Большая Пысса и др.

Во время экспедиционной работы А. Н. Власов всегда был собран, целеустремлен, очень подвижен и все время занят какой-нибудь полезной для экспедиции деятельностью. У него, что называется, был профессиональный «нюх» на материал, он радовался каждой находке и любому открытию, и заряжал этой энергией всех, кто был рядом с ним. Важно отметить еще одну черту А. Н. Власова. Он всегда в человеческом и профессиональном плане доверял тем, кто был с ним рядом, хотя зачастую это были всего лишь студенты или совсем начинающие исследователи. Но он верил в нас, давал во время экспедиции сложные задания и поручения, и это безусловное доверие нас окрыляло и вселяло уверенность в своих силах, что приводило к новым археографическим находкам и к записям интересного фольклорного материала.

Следует сказать и о том, что А. Н. Власов был собирателем-универсалом, если можно так выразиться. Он одинаково успешно выявлял и собирал на Удоре и книжность, и фольклор. Так, например, в 1988 г. он записал от хранительницы родовой старообрядческой библиотеки Марьи Ивановны Палевой (с. Пучкома) интересные исторические и топонимические предания о Стефане Пермском, Иване Грозном, чуди, а также важные сведения по истории местных конфессий. Другие участники экспедиции не имели таких навыков, поэтому постепенно, и, как мне кажется, именно во время экспедиций на Удору сложилась особая форма экспедиционной работы: на адрес отправлялись двое, причем один был специалистом в области книжной культуры, а второй — фольклористом, и в зависимости от ситуации работал либо один из них, либо оба. Это было обусловлено действительностью, когда стояла необходимость обследования многочисленных населенных пунктов и невозможно было предугадать, с чем встретятся участники экспедиции на очередном адресе: с владелицей родového собрания рукописей или со сказочницей, а иногда это был один и тот же человек. В дальнейшем данная практика довольно успешно проявила себя в экспедиционной работе под руководством А. Н. Власова в других районах Республики Коми: в Усть-Куломском и Троицко-Печорском.

Профессиональная заинтересованность, проявленная учеными к родовым старообрядческим коллекциям, а также многолетнее дружеское общение хранителей родовых собраний и их наследников с сыктывкарскими и петербургскими исследователями не только во время экспедиций, но и вне их способствовали созданию своеобразного феномена. С течением времени у наследников этих собраний на Удоре произошла конфессиональная иденти-

фикация, они осознали себя носителями старообрядческого вероучения, хранителями старообрядческой книжности и в той или иной мере продолжили дело своих предков. Так произошло с наследницей известного на Удоре рода писцов-книжников Рахмановых-Матевых-Палевых (с. Пучкома) А. И. Сивковой. Выпускница журфака ЛГУ и в свое время корреспондент сыктывкарской газеты «Эском» («Вера»), она бережно хранит родовую коллекцию, доставшуюся ей от ее тети М. И. Палевой, публикуя статьи о своем роде в республиканской прессе. Интерес к своим корням оказался так велик, что А. И. Сивкова впоследствии посвятила себя научному краеведению. Она выявляет в архивах Республики Коми и Вологды материалы о происхождении зырянских фамилий Удорского района Коми края и уже сделала 12 выпусков «Крестьянского родословия». Наследник другой старообрядческой библиотеки, находившейся у А. П. Лимеровой в д. Муфтыга, выпускник коми отделения филологического факультета Сыктывкарского государственного университета П. Ф. Лимеров, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела фольклора Коми НЦ Уро РАН, редактор популярного в Республике Коми журнала «Арт» («Лад»), активно занимается популяризацией рукописного наследия удорских староверов и своей семейной коллекции. Он предоставляет самые ценные ее образцы, в частности, богато иллюстрированный рукописный «Цветник» старообрядцев-скрытников конца XIX — начала XX в., для проведения выставок и различных исследований.

Собранные во время экспедиций на Удору рукописные и старопечатные книги сформировали Удорскую (Вашкинскую) коллекцию отдела редкой книги Научной библиотеки СГУ им. Питирима Сорокина. Сейчас она насчитывает 58 рукописных и 33 старопечатные книги XVII–XX вв. Записанные фольклорные материалы образовали Удорское собрание ФА СГУ.

Наряду с экспедиционной работой осуществлялись исследования письменной и устной традиции Удоры, они затем нашли свое отражение в коллективной монографии 2002 г. «Старообрядческий центр на Вашке: Материалы и исследования». Идея ее создания принадлежала, конечно же, А. Н. Власову, который являлся и ее ответственным редактором и составителем¹. В книге приведена характеристика всех выявленных удорских наставников, книжников и писцов, реконструированы их родовые библиотеки, исследовалась литературная и книжная удорская традиция: старообрядческие произведения, а также агиографические памятники, составленные выговскими авторами, сочинения скрытников, оригинальные удорские произведения, удорские переработки древнерусских памятников («Азбука о голом и небогатом», «Повесть о царе Аггее» и др.), что свидетельствует о достаточно высоком уровне удорской книжной культуры. В данном издании были опубликованы многие значимые для удорской старообрядческой традиции произведения.

В ходе исследования выяснилось, что письменная культура удорских крестьян-старообрядцев развивалась под воздействием наследия крупных

¹ Старообрядческий центр на Вашке. Устная и письменная традиция Удоры : материалы и исследования / отв. ред. и сост. А. Н. Власов. Сыктывкар, 2002.

севернорусских книжных и литературных центров Поморья, Каргополья, Мезени, Пинеги, Северной Двины. В рукописной традиции удорских старообрядцев выделяется несколько книжников XIX–XX вв., оставивших значительное письменное наследие: Иван Малахеевич Матев (1816–1886); Ольга Петровна Коровина (1888–1937); Прохор Филиппович Ильин (1865–1922); Алексей Петрович Сивков (? — 60-е гг. XX в.), Алексей Стефанов Тукоев (?–1898 г.) и др.

Анализировалась в монографии 2002 г. и фольклорная традиция Удоры с публикацией многих записанных текстов. Устно-поэтический материал представлен в книге обзором целого ряда жанров традиционного фольклора (причитания, устные рассказы, заговоры, песенный фольклор, детский фольклор); большим разнообразием отличаются фольклорно-этнографические рассказы (о народном календаре, престольных праздниках, поминальном обряде, играх, сакральной топографии, народном православии), сведения исторического характера (об истории местного старообрядчества, церквях, часовнях, ярмарках) и др.

В том же 2002 г. аспирантка А. Н. Власова Е. В. Прокуратова, в настоящее время доцент кафедры русской филологии Сыктывкарского университета, защитила диссертацию об удорской старообрядческой книжности. В 2010 г. она подготовила и издала монографию по удорским материалам¹.

Еще при жизни А. Н. Власова авторским коллективом, который он возглавлял, был подготовлен каталог-путеводитель с научным описанием всех 58 рукописей Удорского (Вашкинского) собрания НБ СГУ: «Памятники письменности в хранилищах Республики Коми: Рукописные собрания Сыктывкарского государственного университета: Вашкинское (Удорское) собрание рукописных книг: Каталог-путеводитель»². Данное описание продолжает серию научных каталогов-путеводителей «Памятники письменности в хранилищах Республики Коми» и является третьим выпуском этой серии³. Принципы описания удорских рукописей в новом каталоге основаны на этих предшествующих изданиях региональных коллекций и учитывают специ-

¹ Прокуратова Е. В. Старообрядческая культура Коми края XVIII–XX вв.: книгописная деятельность и литературное творчество удорских староверов. СПб., 2010.

² Памятники письменности в хранилищах Республики Коми: Рукописные собрания Сыктывкарского государственного университета: Вашкинское (Удорское) собрание рукописных книг: Каталог-путеводитель / Власов А. Н. (отв. ред. и сост.), Е. А. Рыжова, Е. В. Прокуратова. Сыктывкар. Вып. 3 (в печати).

³ Первый научный каталог, посвященный рукописным книгам из коллекций Сыктывкарского государственного университета, был опубликован в 1989 г. В редколлегия издания входил и Андрей Николаевич Власов. Работа по подготовке данного издания проводилась по «Вологодской программе», разработанной в конце 1980-х гг. учеными Археографической комиссии и Библиотеки академии наук, среди которых был доктор исторических наук Александр Александрович Амосов, совместно с археографами Сыктывкарского университета. В то же время был подготовлен к печати и следующий том описания рукописей, хранящихся в Национальном музее Республики Коми, который был опубликован только в 2014 г. при поддержке Министерства культуры Российской Федерации и Министерства культуры Республики Коми. Одним из составителей этого издания также был А. Н. Власов.

фику данного старообрядческого собрания. В дальнейшем планируется подготовка и издание научного описания старопечатных книг XVII–XIX вв. Удорского (Вашкинского) собрания Научной библиотеки Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

И в заключение хочу сказать о том, что нам, конечно, еще только предстоит осознать весь масштаб научной деятельности Андрея Николаевича Власова как исследователя книжности и фольклора Русского Севера. Однако уже сейчас очевидно, что Андреем Николаевичем Власовым был открыт совершенно новый — Удорский — старообрядческий центр книжной и традиционной культуры. А всем нам, участникам удорских экспедиций и исследователям Удоры, посчастливилось быть в это время рядом с Андреем Николаевичем и принимать участие в выявлении и освоении этого уникального старообрядческого материала.

Список источников

Дробленкова Н. Ф. Поиски рукописей на Мезени // ТОДРЛ. Т. 16. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 528–538.

Прокуратова Е. В. Старообрядческая культура Коми края XVIII–XX вв.: книгописная деятельность и литературное творчество удорских староверов. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. 523 с.

Прохоров Г. М. За рукописями на Мезень и Вашку // ТОДРЛ. М.; Л.: Наука, 1964. Т. 20. С. 404–408.

Старообрядческий центр на Вашке. Устная и письменная традиция Удоры : материалы и исследования / отв. ред. и составитель А. Н. Власов. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского госуниверситета, 2002. 251 с.

Т. С. Канева (Сыктывкар)

Фольклорный архив Сыктывкарского университета: начало

Аннотация. *Статья посвящена истории появления в Сыктывкарском университете Фольклорного архива — хранилища материалов, собранных, прежде всего, сотрудниками, преподавателями и студентами вуза в рамках фольклорных, фольклорно-археографических и фольклорно-диалектологических экспедиций; она связывается с инициативой и активной деятельностью А. Н. Власова. Автор останавливается на начальном этапе формирования архива, обращаясь непосредственно к материалам ФА СГУ (полевым дневникам и тетрадям, аудио- и рукописным записям), а также к архиву ПНИЛ ФАИ, к устным воспоминаниям участников сыктывкарского «фольклорного движения» тех лет и докладчиков, выступавших на недавних встречах памяти А. Н. Власова.*

Ключевые слова: *Фольклорный архив Сыктывкарского университета, А. Н. Власов, экспедиции, региональная фольклористика*

С конца 1980-х гг. Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета (далее — ФА / ФА СГУ) довольно прочно вошел в региональную фольклористику как важная источниковая база по народным традициям Европейского Северо-Востока России. К настоящему времени имеется довольно большой перечень изданий на его основе (это разнообразные указатели и публикации текстов)¹, а также многочисленные студенческие выпускные (дипломные) работы. В устных выступлениях и публикациях о ФА наше внимание до сих пор сосредоточивалось преимущественно на его содержательно-организационной и функциональной сторонах — структуре, особенностях описания материалов, его значении, на связи с собирательской работой вуза². Сама же история возникновения фольклорного хранилища, в общих чертах известная многим участникам этого процесса (вдохновленное А. Н. Власовым поколение студентов-фольклористов филфака СГУ второй половины 1980-х гг., к которому принадлежит и автор данного текста), оставалась «сюжетом» нашей повседневной профессиональной жизни, и до сих пор задача ее детализированного письменного описания не осознавалась нами. Но преждевременный уход из жизни Андрея Николаевича Власова, создателя архива, обострил осмысление его деяний, высветив и тему рождения нашего фольклорного собрания. Очевидно, пришло время обратиться к этой истории.

Появление ФА СГУ как инвентаризированного корпуса полевых записей относится, очевидно, ко второй половине 1987 г., когда на работу в университет пришла Зинаида Мехреньгина, выпускница филологического факультета СГУ 1986 г.³ Прошедшая школу фольклорной экспедиции Ленинградской консерватории еще в рамках студенческой практики (см. далее), с возвращением в альма-матер в качестве сотрудника она вместе с А. Н. Власовым на несколько лет стала наставником для увлеченных фольклором студентов в деле его собирания и обработки. Рукой Зинаиды Николаевны были зафон-

¹ Перечень публикаций указателей и текстов из ФА СГУ см. на интернет-странице НИЛ ФИДКС: https://www.syktsu.ru/edu/if/ign/noc_dk/НИЛ_ФИДКuC_ФА_2023_1.pdf (дата обращения: 05.02.2025).

² См.: *Канева Т. С.* Современное состояние Фольклорного архива СыктГУ: актуальные проблемы и перспективы // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов : материалы 3-й Всерос. науч. конф. финно-угроведов (1–4 июля 2004 г.). Сыктывкар, 2005. С. 255–257; *Ангеловская Л. В., Канева Т. С.* Об описании и систематизации полевых материалов в Фольклорном архиве СыктГУ // Актуальные проблемы полевой фольклористики : сб. науч. тр. М.; Сыктывкар, 2008. Вып. 4. С. 73–79.

³ Точнее определить это событие мы пока не можем. В представлении декана филологического факультета Л. Я. Петровой ректору СГУ им. 50-летия СССР А. Е. Грищенко об утверждении студенческой научно-исследовательской лаборатории по археографии и фольклору при кафедре русской литературы от 30.11.1987 уже сообщается, что в результате экспедиций сформирован фольклорный архив и фонотека фольклорных записей. Считаем нужным добавить, что, как и практически все вузовские фольклорные архивы, ФА СГУ и сейчас выступает в своем статусе неофициально, и не существует документов, в которых было бы формализовано его появление.

дированы первые поступления в ФА. Нет сомнений в том, что его создание стало естественным шагом после инициированной А. Н. Власовым активной собирательской работы в регионе. Напомним, как происходила организация полевых разысканий¹.

В 1985 г. молодой кандидат филологических наук вернулся из аспирантуры Ленинградского государственного университета в Сыктывкар, и зимой 1986 г. в рамках учебной практики филологов он со студентами отправился в фольклорную экспедицию в уже хорошо известный ему Усть-Цилемский район Республики Коми². Летом 1986 г. состоялись экспедиции в Вилегодский район Архангельской обл. и в Троицко-Печорский район Республики Коми, зимой 1987 г. — снова на Виледь, летом 1987 г. — в Усть-Цильму, на верхнюю Печору, Виледь. Таким образом, за два первых года, точнее за четыре полевых сезона, проведено 7 экспедиций в 3 района³. Сейчас результаты этих поездок представлены в ФА СГУ 88 единицами хранения аудиофонда, а также некоторым объемом рукописных записей. Появление полевых материалов, увеличение их объема от экспедиции к экспедиции вызвало необходимость организованного хранения, и началось создание архива.

Наш ФА сформирован по локально-региональному принципу: независимо от формата носителей информации (аудио- или видеоносители, рукописные записи) весь материал сгруппирован в территориальные собрания, которым присвоены свои имена (обычно совпадающие с названием района — местом записи) и порядковые номера. Их перечень отражает географию экспедиций, с 1986 г. проводимых вузом под руководством А. Н. Власова. Поэтому история ФА СГУ — это прежде всего история полевой фольклористической деятельности вуза. Сегодня ФА состоит из 34 собраний, 32 из них — собственно территориальные⁴.

Однако перечень архивных собраний открывают не Усть-Цилемское и Вилегодское собрания, что ожидаемо в контексте озвученной истории первых фольклорных экспедиций под руководством А. Н. Власова (им присвоены

¹ См. об этом, например: *Власов А. Н., Канева Т. С.* Фольклорные традиции европейского северо-востока России (полевые исследования СыктГУ) // Актуальные проблемы полевой фольклористики : сб. науч. тр. М.; Сыктывкар, 2008. Вып. 4. С. 60–62; *Канева Т. С.* Андрею Николаевичу Власову — 60 лет // Традиционная культура. 2015. № 4. С. 166–167.

² В студенческие годы А. Н. Власов был участником археографических экспедиций в Усть-Цильму, см.: *Волкова Т. Ф.* Археографическая работа Сыктывкарского университета на Нижней Печоре в 1977–1990-х гг. // Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера : межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1997. С. 96; *Канева Т. С.* Счастливое поле Андрея Николаевича Власова: встреча памяти учителя // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2023. № 4 (28). С. 109. См. также воспоминания *Т. Ф. Волковой* в данном сборнике.

³ Перечень экспедиций см. на интернет-странице НИЛ ФИДКС: https://www.syktu.ru/edu/if/ign/noc_dk/expedition/ (дата обращения: 05.02.2025).

⁴ Структуру ФА СГУ см.: *Ангеловская Л. В., Канева Т. С.* Указ. соч. С. 76. Перечень архивных собраний представлен также на интернет-странице лаборатории: https://www.syktu.ru/edu/if/ign/noc_dk/НИЛ_ФИДКуС_ФА_2023_1.pdf (дата обращения: 05.02.2025).

3-й и 4-й порядковые номера соответственно). Первыми собраниями в нашем архиве стали Верхнетоемское и Пинежское: именно они являются свидетельствами появления Власова-фольклориста.

Как известно, главные научные труды А. Н. Власова, подтвердившие его квалификацию филолога, связаны со специальностью «Русская литература»¹. Но в ленинградский период своей жизни (1981–1985 гг.: стажировка и аспирантура в ЛГУ) Андрей Николаевич познакомился с музыковедами-фольклористами Пушкинского Дома и Ленинградской государственной консерватории². В те годы А. Н. Власов стал участником трех ленинградских экспедиций под руководством известного исследователя и популяризатора народной культуры Анатолия Михайловича Мехнецова: в Верхнетоемский и Пинежский районы Архангельской обл. (1981 и 1982 гг. соответственно) и в Псковскую обл. (1984)³. В результате молодой исследователь получил важный опыт фольклорного поля и вообще «работы» с материалами по устным традициям. Эти экспедиции можно считать дорогой Андрея Николаевича в фольклористику, причем выбранную им сознательно.

Вместе с А. Н. Власовым в поездках ленинградских специалистов два года подряд принимали участие и небольшие группы студентов-филологов Сыктывкарского университета. Возможно, это была инициатива А. М. Мехнецова, но в любом случае она соотносится с установками Андрея Николаевича, который всегда был нацелен на широкое привлечение студенческой молодежи к исследовательской деятельности.

В 1981 г. на Северную Двину, в Верхнетоемский район Архангельской обл., в рамках учебной практики от Сыктывкарского университета отправилось 5 студенток: Ирина Жеребцова⁴, Светлана Напалкова, Марина Подольская, Светлана Сидорова, Наталья Студнева. Экспедиция Ленинградской консерватории продлилась более месяца (28.06–03.08); у сыктывкарцев в этой поездке было 8 рабочих дней — с 1 по 8 июля, они побывали в Нижнетоемском, Афанасьевском и Сойгинском сельсоветах. Судя по полемому дневнику А. Н. Власова, паспортам аудиозаписей и рукописных материалов из ФА СГУ, а также по данным описей экспедиционных коллекций Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской госу-

¹ Дипломная работа «Становление художественного метода М. Пришвина (на материале ранних очерков)» (науч. рук. — Т. Я. Гринфельд-Зингурс, СГУ им. 50-летия СССР, 1981), кандидатская диссертация «Проблемы изучения книжной и литературной традиции Великого Устюга и Сольвычегодска XVI–XVII вв.» (науч. рук. — Н. С. Демкова, ЛГУ, 1985 г.), докторская диссертация «Устюжская литературная традиция: генезис и эволюция повествовательных форм XVI–XVII веков» (МПГУ, 1995 г.).

² См.: Канева Т. С. Андрею Николаевичу Власову — 60 лет. С. 166; см. также в выступлении Е. И. Якубовской (Тубылевич Р. Е. Мемориальные чтения, посвященные Андрею Николаевичу Власову // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2023. № 4 (28). С. 100–101).

³ Об этих «фольклорных полях», в частности, шла речь на одной из мемориальных встреч, см.: Канева Т. С. Счастливое поле Андрея Николаевича Власова. С. 109.

⁴ См. воспоминания И. Н. Ельчаниновой (в девичестве Жеребцовой) в настоящем издании.

дарственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова, сначала сыктывкарцы работали в составе разных экспедиционных групп: так, 1 июля А. Н. Власов и С. Напалкова выходили на адреса под руководством А. М. Мехнецова, И. Жеребцова — в группе Н. Н. Артеменко (Ирина оставалась с Ниной Николаевной и в последующие 4 дня), остальные девушки — в группе А. Ю. Кастрова; 2 и 3 июля А. Н. Власов и Н. Студнева присоединились к группе О. В. Викторовой и В. Н. Теплова; 5 июля руководителем сыктывкарцев (кроме И. Жеребцовой) был А. Н. Захаров. Последние три дня сыктывкарская группа работала самостоятельно: 6 июля ее возглавил А. Н. Власов, а 7 и 8 июля запись велась двумя составами (А. Н. Власов, С. Сидорова, Н. Студнева и И. Жеребцова, С. Напалкова, М. Подольская).

В аудиофонде Верхнетоемского собрания ФА СГУ хранится 4 магнитных пленки общим объемом более 7 часов звучания¹, а также рукописные материалы собирателей (полевые блокноты двух студенток, дневник и полевая тетрадь А. Н. Власова, студенческие расшифровки отдельных фрагментов фонозаписей). Содержательно это довольно большой корпус образцов песенных жанров (по два десятка сюжетов необрядовой лирики и песен гуляний и игр (плясовых и хороводно-игровых песен), 14 свадебных песен, колядка), рассказы о свадьбе, поверьях и др.

В то же лето А. Н. Власов выезжал в Усть-Цилемский район, однако экспедиция, очевидно, носила археографический характер², и в ФА СГУ материалов той поездки нет.

Вторая фольклорная экспедиция, к которой по инициативе А. Н. Власова подключились сыктывкарские студенты и по результатам которой в ФА СГУ также появились свои полевые материалы, — пинежская — была, как и первая, организована Ленинградской консерваторией при участии Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Свою учебную практику на Пинеге проходили филологи-первокурсники СГУ Марианна Александрова, Татьяна Васильева, Ирина Гаврилова, Зинаида Мехреньгина³ и Наталья Шелякина. Экспедиция длилась с 28 июня по 26 июля; сыктывкарские собиратели работали в ее составе в соответствии со сроками практики: как указано в отчете А. Н. Власова, хранящемся в рукописном фонде ФА СГУ, это был период с 27 июня по 11 июля⁴. Непосредственно сбор материала начался 1 июля; последней датой в пинежских записях ФА СГУ является 9 июля.

Согласно отчету, «студенты-филологи работали в различных маршрутных группах»⁵. В описи коллекции пинежской экспедиции Санкт-

¹ ФА СГУ, Верхнетоемское собрание, АФ 0101–0104.

² Об этом свидетельствуют записи А. Н. Власова в тетради между заметками по верхнетоемской (1981) и пинежской (1982) экспедициям. В числе собирателей А. Н. Власовым названы Е. П. Волкова, Н. Н. Борисова, И. Н. Егоров; автор будет признателен за уточняющую информацию об этих участниках экспедиции.

³ См. воспоминания *З. Н. Мехреньгиной* в настоящем издании.

⁴ ФА СГУ, Пинежское собрание, РФ 0201, л. 6.

⁵ Там же.

Петербургской консерватории есть данные о распределении почти всех наших практикантов: М. Александрову включили в группу Н. Н. Артеменко, И. Гаврилову и Н. Шелякину — в группу Е. И. Мельник (Якубовской), З. Мехреньгину — в группу И. Б. Толстиковой¹. По устному сообщению З. Мехреньгиной, Т. Васильева была в группе А. Ю. Кастрова. Сам А. Н. Власов работал под началом Т. Ф. Галкиной².

Судя по отчету А. Н. Власова, «практика была оснащена 2-мя магнитофонами, поэтому фольклорный материал фиксировался на магнитофонной записи и в полевой тетради; кроме того, были сделаны фотографические снимки. Весь материал, таким образом, хранится на 11 кассетах, 3 магнитофонных пленках и [в] 5 полевых тетрадях с черновиками»³. Между тем в Пинежском собрании ФА СГУ поступления той экспедиции представлены, по всей видимости, не полностью: это 11 (а не 14, как следует из отчета) единиц хранения аудиозаписей (4 компакт-кассеты и 7 катушек по 150 м общим объемом около 11 часов звучания)⁴; записи сделаны в Сурском и Кушкопальском сельсоветах в период с 3 по 9 июля группой с участием только самого А. Н. Власова⁵. Из полевых тетрадей практикантов в архиве было зафондировано всего 2 тетради — М. Александровой и И. Гавриловой; пинежских фотоснимков в ФА СГУ нет.

Кроме рукописного в ФА СГУ имеется машинописный отчет А. Н. Власова о пинежской экспедиции 1982 г., посвященный прозаическим жанрам. Этот текст объемом в 10 страниц включает небольшую пояснительную записку и жанровый обзор записанных сюжетов сказок, легенд, быличек и заговоров. Информация о них выделена особо, поскольку «кроме выполнения основной задачи экспедиции» филологи-сыктывкарцы «должны были уделять посильное внимание и тому фольклорному материалу, который не укладывается в систему песенно-музыкальных жанров. Речь идет о произведениях <...> прозаического характера»⁶.

Пинежские рукописные материалы, подшитые в отдельной папке-скоросшивателе⁷, А. Н. Власов сопровождал указателями: географическим, ис-

¹ З. Н. Мехреньгина по личной инициативе участвовала в экспедиции в полном объеме; после отъезда сыктывкарцев она работала в группе А. Ю. Кастрова. См. ее воспоминания в настоящем издании.

² Татьяна Филипповна Галкина — выпускница консерватории, дирижер хора, первый руководитель фольклорного ансамбля Ленинградского университета (по сведениям Г. В. Лобковой, предоставленным ею для вечера памяти А. Н. Власова, см. о нем: *Канева Т. С.* Счастливое поле Андрея Николаевича Власова. С. 109).

³ ФА СГУ, Пинежское собрание, РФ 0201, л. 7.

⁴ ФА СГУ, Пинежское собрание, АФ 0201–0211.

⁵ Папка с рукописными материалами именно так собственноручно и подписана собирателем: «Материалы фольклорной практики 1982 г. в Пинежском районе Архангельской области. Записи Власова А. Н.» (ФА СГУ, Пинежское собрание, РФ 0201, л. 1).

⁶ ФА СГУ, Пинежское собрание, РФ 0204, л. 1. Сама машинопись представляет собой 2-й или 3-й экземпляр; скорее всего, первый был передан в Ленинградскую консерваторию.

⁷ ФА СГУ, Пинежское собрание, РФ 0201.

полнителей, сюжетов по жанрам¹, и в этом уже видно его стремление к систематизации фольклорных материалов. Это довольно разнообразные тексты, относящиеся к свадьбе, календарю, народной медицине и знахарству, демонологии, детскому фольклору и другим сферам; большую часть составляют песни разных жанров.

Мы надеемся завершить начатую сверку данных и корректировку описаний материалов 1981 и 1982 гг., после чего совместно с петербургскими музыковедами необходимо будет определить степень оригинальности этих записей из нашего архива. Они являются частью объемной источниковой базы по пинежской и верхнетоемской традициям, довольно активно изучающимся в разных научных центрах, и важно, чтобы они были доступны для исследований².

В ФА СГУ есть еще одна коллекция записей, сделанных А. Н. Власовым в первые годы его фольклористических разысканий. Это его третья фольклорная экспедиция — в Великоустюгский район Вологодской обл.; она состоялась как экспедиция Ленинградского университета в 1983 г. В дневнике А. Н. Власова зафиксирован состав группы, в которой он, аспирант ЛГУ, по всей видимости, выступил руководителем: это студенты ЛГУ Елена Пал. [Павловна?] Гладких, Наталья Михайловна Зотова, Наталья Алекс. Корсакова, Елена Васильевна Кузнецова.

Сама коллекция — это 4 единицы хранения аудиозаписей на магнитной ленте общим объемом 7,5 часов звучания³. Паспортизация материалов оставляет много вопросов. По имеющимся реестрам и дневнику А. Н. Власова можно заключить, что экспедиция началась 7 июля в г. Великий Устюг; заметки о встречах с информантами в дневнике появляются с 8 июля; последней датой, когда были сделаны аудиозаписи, в одном из реестров отмечено 23 июля⁴; из мест работы приведены деревни Ломоватского и Стреленского сельсоветов. По каким-то причинам великоустюгские пленки были зафондированы только в 1989 г. (это собрание № 11 в ФА СГУ), при этом есть основания считать их копиями, а не оригиналами. Однако указанные технические моменты ни-

¹ Подобным образом А. Н. Власов описывал некоторые рукописные материалы фольклорных практик студентов-филологов СГУ 1970–1980-х гг. при их фондировании в ФА, до того момента хранившиеся на кафедре русской литературы.

² Долгое время эти материалы не становились объектом специального изучения и в СГУ; сравнительно недавно появились две выпускные студенческие работы под руководством автора данной статьи: Некрасова Е. С. Заговоры Пинеги и Верхней Тоймы в записях Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина: сюжетная характеристика (2018); Белыева В. А. Свадебные причитания Пинеги: обрядовый контекст и образно-поэтическая характеристика (2021).

³ ФА СГУ, Великоустюгское собрание, АФ 1101–1104.

⁴ Добавим, что в той же тетради А. Н. Власова, содержащей сведения о поездках 1983 г., до записей из Великого Устюга описаны музейные разыскания в соседнем районе — Котласском (22–30 июня); из другой тетради известно, что после великоустюгской экспедиции исследователь посетил с. Ильинско-Подомское Вилегодского района Архангельской обл. (имеются записи о визитах в краеведческий и школьный музеи 28 и 29 июля).

коим образом не влияют на оценку самих записей, содержащих рассказы о свадьбе, праздниках, хозяйственном укладе, песни разных жанров, частушки под язык, сюжеты народной прозы, приговоры и многое другое. Уверены, они могут выступить ценным источником по изучению малоисследованных фольклорных традиций Великоустюгского района, практически не представленных в отдельных изданиях.

Итак, первые фольклорные выезды филологов СГУ (его выпускника А. Н. Власова и привлеченных им студентов), сначала интегрированные в профессиональную деятельность ленинградских собирателей (верхнетоемская, пинежская экспедиции), а затем организованные собственными силами (Печора, Виледь) стали основой для организации специализированного хранилища фольклорно-этнографических материалов. К моменту открытия в СГУ ПНИЛ ФАИ — в феврале 1988 г. — ФА уже стал для его создателей и хранителей важным структурным объектом¹. В апреле 1988 г. А. Н. Власов принял участие в Вильнюсском семинаре по вопросам хранения и систематизации фольклорных записей, а студенты-активисты «фольклорного движения» в СГУ Елена Шевченко и Елена Пономарева побывали в Ленинградской консерватории с целью получения консультаций по этим же вопросам. После этого архивирование материалов в ФА СГУ, ориентированное на существующие профессиональные подходы, обрело прочную основу. В конце 1989 г. вышел первый сборник научных трудов лаборатории, где, по всей видимости, впервые в заголовке печатной статьи назван *фольклорный архив Сыктывкарского университета*².

Без сомнения, ФА СГУ — здание, воздвигнутое Андреем Николаевичем Власовым. Конечно, без участия заинтересованных студентов и действенной поддержки выпускников-единомышленников «фольклорное дело» в Сыктывкарском университете не получило бы своего развития. Но именно А. Н. Власов создал «фольклорный прецедент» в нашем вузе, он определял стратегию и тактику сбора материалов (во всяком случае, в первые 15 лет — с 1986 г. до своего отъезда в Петербург в 2001-м), его заботами полевые записи стали достоянием вузовского архива, под его руководством они выступили объектами студенческих исследований, многие из которых переросли в серьезные труды. Добавим, что стараниями А. Н. Власова в ФА попали и уцелевшие на кафедре русской литературы материалы фольклорных практик 1970-х — первой половины 1980-х гг. В архив, организованный Андреем Николаевичем, принес часть магнитофонных пленок и их машинописных расшифровок известный финноугровед, профессор СГУ Анатолий Константинович Микушев (1926–1993). С 1996 г. в ФА СГУ стала передавать свои и практикантов финно-угорского факультета фольклорные записи однокурсница

¹ См. сноску № 3 на с. 33.

² Власов А. Н., Мехреньгина З. Н. Современное состояние Усть-Цилемской фольклорной традиции. Некоторые проблемы собирания, хранения и изучения (по материалам фольклорного архива Сыктывкарского университета) // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера : межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1989. С. 101–114.

А. Н. Власова, доцент СГУ Валентина Викторовна Филиппова (1957–2012). Можно продолжить ряд фактов, подтверждающих, что само наличие ФА обеспечивает аккумуляцию, хранение и использование самых разных сведений, многие из которых могли бы остаться без фиксации и/или не сохраниться для науки. В интервью сыктывкарской газете «Красное знамя» к 10-летию лаборатории основной ее задачей А. Н. Власов назвал именно создание фольклорного фонда, и она была выполнена¹.

Более чем три тысячи единиц хранения рукописных, аудио-, видеозаписей и фотоматериалов, которые представлены сегодня в ФА СГУ, отражают богатейший спектр жанров севернорусского и коми фольклора и свидетельствуют о разнообразных явлениях традиционной народной культуры края. Как собрание прежде всего устных документов, зафиксированных от нескольких поколений северян, родившихся в конце XIX — первой половине XX в., оно выступает репрезентативным источником по изучению не только фольклора, но и этнографии, говоров, истории, традиционной культуры повседневности, нравственных устоев коренного населения Европейского Севера. Фольклорный архив — это не только хранилище тетрадей, аудиопленок, дисков, это место «хранения памяти» — пространство памяти. А еще это память о его создателе.

Список источников

А. Власов: «Голоса — это и есть наше главное богатство»: интервью / зап. И. Лобанова // Красное знамя. 1998. 12 марта. С. 4.

Ангеловская Л. В., Канева Т. С. Об описании и систематизации полевых материалов в Фольклорном архиве СыктГУ // Актуальные проблемы полевой фольклористики : сб. науч. тр. / отв. ред. А. А. Иванова. Вып. 4. М.; Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2008. С. 73–79.

Власов А. Н., Канева Т. С. Фольклорные традиции Европейского Северо-Востока России (полевые исследования СыктГУ) // Актуальные проблемы полевой фольклористики : сб. науч. тр. / отв. ред. А. А. Иванова. Вып. 4. М.; Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2008. С. 60–73.

Власов А. Н., Мехреньгина З. Н. Современное состояние Усть-Цилемской фольклорной традиции. Некоторые проблемы собирания, хранения и изучения (по материалам фольклорного архива Сыктывкарского университета) // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Г. М. Прохоров. Сыктывкар: СГУ, 1989. С. 101–114.

Волкова Т. Ф. Археографическая работа Сыктывкарского университета на нижней Печоре в 1977–1990-х гг. // Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Т. Ф. Волкова. Сыктывкар: СГУ, 1997. С. 94–105.

Канева Т. С. Андрею Николаевичу Власову — 60 лет // Традиционная культура. 2015. № 4. С. 165–169.

¹ «Корр.: “Когда создавалась лаборатория, основной задачей сотрудников было...” А. Н. Власов: “...собрать фонд фонограмм. С этой задачей мы справились, собрали много”» (А. Власов: «Голоса — это и есть наше главное богатство»: интервью / Зап. И. Лобанова // Красное знамя. 1998. 12 марта. С. 4).

Канева Т. С. Современное состояние Фольклорного архива СыктГУ: актуальные проблемы и перспективы // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов : материалы 3-й Всероссийской научной конференции финно-угроведов (1–4 июля 2004 г.). Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2005. С. 255–257.

Канева Т. С. Счастливое поле Андрея Николаевича Власова: встреча памяти учителя // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2023. № 4 (28). С. 108–111.

НИЛ «Филологические исследования духовной культуры Севера» СГУ им. Питирима Сорокина [Электронный ресурс]. URL: https://www.syktsu.ru/edu/if/ign/nos_dk/ (дата обращения: 05.02.2025).

Собрание документальных материалов Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова: 1962–2021 : учебно-методич. пособие / науч. ред. К. А. Мехнецова. 2-е изд., испр. и доп. СПб.; Саратов: Санкт-Петербургская гос. консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова, 2022. 320 с.

Тубылевич Р. Е. Мемориальные чтения, посвященные Андрею Николаевичу Власову // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2023. № 4 (28). С. 100–108.

И. Н. Ельчанинова (Краснодарский край)

О верхнетоемской фольклорной экспедиции 1981 года

Аннотация. Воспоминания посвящены фольклорной экспедиции Ленинградской государственной консерватории в Верхнетоемский район Архангельской области, в которой по инициативе А. Н. Власова принимали участие студенты-филологи Сыктывкарского университета.

Ключевые слова: А. Н. Власов, А. М. Мехнецов, полевая фольклористика, Верхняя Тойма

Июль 1981 года. Я и моя подруга Светлана Напалкова (сейчас Донцова), закончив 1-й курс филфака Сыктывкарского государственного университета, отправляемся в совместную фольклорную экспедицию с фольклорной лабораторией Ленинградской государственной консерватории. Руководитель экспедиции — заведующий этой лабораторией Анатолий Михайлович Мехнецов. Инициатор нашего участия — Андрей Власов, закончивший в этом же году 5-й курс филфака нашего университета и ставший аспирантом Ленинградского государственного университета. Тогда уже проявился деятельный, предприимчивый характер Андрея, его организаторские способности и стремление заниматься живой исследовательской работой. Начинания Андрея поддержала зав. кафедрой литературы филфака СГУ Таисия Яковлевна Гринфельд.

Ни он, ни мы, девчонки-первокурсницы, не имели опыта серьезной экспедиционной работы по сбору фольклора. Поэтому Андрей нам все время говорил о том, что мы должны учиться полевой работе, ловить каждое слово Анатолия Михайловича Мехнецова, опытнейшего собирателя-фольклориста, и сотрудников его лаборатории.

Экспедиция предстояла в Верхнетоемский район Архангельской области. До Котласа из Сыктывкара мы втроем доехали на поезде. Помню, были у Андрея дома, его мама кормила нас обедом. В Котласском аэропорту встретились с ленинградцами. Познакомились. Андрея уже знали, а нас со Светой приняли хорошо. Анатолий Михайлович похвалил нас за правильную экипировку: платья в мелкий цветочек, платки, повязанные концами назад, а на ногах — кеды. До районного центра — села Верхняя Тойма, расположенного на правом берегу Северной Двины, летели на самолете Ан-2 (или, как его называли в народе, кукурузник). Внутри самолета — лавки по бокам, посередине сложили наши рюкзаки и магнитофоны. В то время в Верхней Тойме был свой аэропорт и бетонная полоса для малой авиации.

Разместились мы с разрешения сельсовета в школе, спали в спортзале на матах. Посередине в длинный ряд поставили столы. Это было наше рабочее место. Здесь мы и ели, здесь и расшифровывали магнитофонные записи. Нас распределили по группам. Мы все трое оказались в разных. Уходили в радиальные выходы в деревни после завтрака. Возвращались ближе к вечеру. Расшифровывать записи нас приучали сразу же. Андрей всегда вечером с нами общался, мы обменивались впечатлениями, которых было очень много. Наши полевые дневники пополнялись записями: долгие лирические песни, свадебный обряд, особенности быта, этнографические детали, диалектные слова и выражения и даже рецепты...

Встречали нас жители доброжелательно: рассказывали, пели — и в одиночку, и собираясь ансамблем, и, конечно, угощали. Из того, что особенно запомнилось — шаньги с картошкой и шаньги с толокном. И удивительная забористая окрошка, в жару (а дни стояли погожие да жаркие) — самое то: нарезались вареные картофель и яйца, много зеленого лука и редиски из огорода, все это сдабривалось хорошей порцией тертого хрена и заправлялось домашним холодным квасом из погребя. Со свежим хлебом из русской печи — просто объедение!

А еще память сохранила как будто цветную вкладку из глянцевого журнала: солнечный день, высокое безоблачное голубое небо, на взгорке — бревенчатый большой дом, как там говорили, на две клетки (он был сделан как бы из двух половин), яркая зеленая трава, и на ней разостланы домотканые белые холстины (их называли портна), а на заборе — домотканые рубахи с вышивками, набивные сарафаны, юбки с подзорами... Проветривали и просушивали сложенное в сундуках и бережно хранимое наследие семейных рукодельниц.

Помнятся и наши вечерние экспедиционные гуляния на берегу реки. Разжигался костер, и мы водили хороводы... Особенно любимыми стали «Заплетайся, плетень...» и «Что кругом города царёва...».

Для нас, городских жителей, и эти вечера, и наши экспедиционные будни, и удивительно красивая природа, и сохранявшаяся тогда еще самобытность русской старины в убранстве изб, в устройстве подворий, во встрече и приветствии гостей хозяевами, в неспешной речи и в песнях были чудесным, незабываемым обращением к истокам.

З. Н. Мехреньгина (Великий Устюг)

О пинежской фольклорной экспедиции 1982 года

Аннотация. *Воспоминания посвящены фольклорной экспедиции Ленинградской государственной консерватории в Пинежский район Архангельской области, в которой по инициативе А. Н. Власова принимали участие студенты-филологи Сыктывкарского университета.*

Ключевые слова: *А. Н. Власов, А. М. Мехнецов, полевая фольклористика, Пинега*

После первого курса летом 1982 г. на фольклорную практику с Андреем Николаевичем Власовым нас отправилось пять человек: Т. Васильева, Н. Шелякина, М. Александрова, И. Гаврилова и я. Ехали поездом из Сыктывкара до Котласа, на следующий день — до Архангельска, затем до Карпогор. В дороге Андрей Николаевич включал нам экспедиционные записи на своем магнитофоне, объяснял, чему мы должны научиться. То, что мы будем проходить практику в составе экспедиции Ленинградской консерватории, нам объяснили старшекурсники еще до поездки.

Одну ночь ночевали в гостинице. На следующий день приехали консерваторцы, и мы все обосновались в школе.

В первый же вечер собрались за общим столом, и руководитель экспедиции Анатолий Михайлович Мехнецов торжественно объявил, кто в какой группе будет работать. Распределяли по группам так: руководитель — кто-то из преподавателей или выпускников консерватории, старшекурсников с опытом экспедиционной работы, студенты — музыканты и филологи из разных вузов. Я попала в группу с Сашей Тепловым и Ирой Толстиковой. После организационной части ходили все вместе на берег Пинеги. Здесь я впервые услышала живое звучание старинных песен от фольклорного ансамбля консерватории.

На следующий день, 1 июля, мы двумя группами на самолете отправились в деревню Нюхча. Во второй группе был сам Анатолий Михайлович с сыном Алексеем, Галя Лобкова — студентка консерватории, Лена Демиденко — филолог из Ленинградского университета.

Село Нюхча — одно из самых дальних в Пинежском районе, находится на границе с Республикой Коми. Самолет приземлился на центральной улице, напротив школы. Улетая, помахал нам крылом.

От Нюхчи осталось ощущение, что бабушки поют неохотно, ссылаются друг на друга и на то, что «голос не бежит», стесняются своих родственников. Пеняли, что собиратели приезжают каждый год, а песен своих по радио они не слышат: «Наши песни за границу, что ли, увозите?» Оказалось, что мы двигались вслед за экспедицией МГУ, которая была годом раньше. Удивило то, что одна из старушек, вспомнившая «Цвели в поле цветики», рассказала, как пела эту песню в 14-летнем возрасте «самому Е. В. Гиппиусу»! Консерваторцы придавали особую важность тому, что мы работаем в местах, где Гиппиус записал «роскошный материал», как говорил Анатолий Михайлович, еще в 1920-е гг. Каждый вечер собирались и обсуждали, кому что удалось за день насобирать.

Через пару дней, 3 июля, всё с лихвой компенсировала деревня Кучкас — настоящий музей северной деревянной архитектуры. Огромные старинные дома с охлупнями-коньками на крышах, колодцы-журавли, амбарчики, напоминающие избышки на курьих ножках. Бабушки, которые носили повойники! Ходили в походы и на рыбалку, много чего помнили, пели и рассказывали с удовольствием.

После Кучкаса была фантастическая Шардонемь — кладезь пинежской песенности. Двумя группами писали два (!) ансамбля (по 6 человек!) в одном селе. Здесь было всё: лирика, свадьба, причитания, хороводы. Впечатлил рассказ одной бабушки о разговоре с филином.

Она ему:

– Филин-полатуха!

Он отвечает:

– Буду!..

10 июля вся наша сыктывкарская группа уехала. А я осталась. Хотелось еще и еще быть в этом неведомом мне доселе мире.

Накануне Петрова дня, 11 июля, участники экспедиции побывали на празднике песни в Карпогорах. Запомнилось шествие фольклорных коллективов по селу в старинных нарядах, высоких, как их здесь называют, хазовых повязках, были и новодельные костюмы. Тут я увидела и осознала, что есть подлинное, а что подделка, «клюква», как говорят фольклористы.

Во второй половине экспедиции я работала с сотрудником Фонограммархива Пушкинского Дома А. Ю. Кастровым. Мы побывали в Кевроле, Немнуге, Кушкопале, Б. Кротово, Кобелёво, Лохново. Писали много. Александр Юрьевич — на магнитофон, я — в тетрадку от руки. Вечером с аудиозаписи дописывала то, что не успевала днем. Богатейшая пинежская традиция представляла во всем ее многообразии: песни лирические — «долгие», игровые и хороводные, поцелуйные припевки, календарно-обрядовые, «дубинушки», свадебные и похоронные причитания, кадрили; обряды «завивания бороды» на дожинках и многодневной свадьбы, проводов «в рекрута» и многое другое. Всё это еще было живо в памяти носителей традиции.

**Личная библиотека А. Н. Власова
в фондах сыктывкарской лаборатории**

Аннотация. Статья представляет собой обзор личной библиотеки Андрея Николаевича Власова, хранящейся в научно-исследовательской лаборатории «Филологические исследования духовной культуры Севера» СГУ им. Питирима Сорокина (Сыктывкар). Анализируется ее состав с учетом научных интересов владельца, уделяется внимание дарственным надписям на книгах, указывающим на творческие связи Андрея Николаевича с учеными России и стран зарубежья.

Ключевые слова: личные библиотеки, Андрей Николаевич Власов, фольклор, книжность, дарственные надписи

Как известно, значительная часть жизни и профессиональной деятельности А. Н. Власова связана с Сыктывкарским университетом¹. С созданием фольклорно-археографической лаборатории в вузе она на долгие годы стала его вторым домом, здесь он проводил большую часть своего времени, здесь он общался со студентами и коллегами, здесь он работал, и понятно, почему в лаборатории сосредоточились его книги, конспекты и другие материалы. С отъездом из Сыктывкара часть своей библиотеки Андрей Николаевич оставил в лаборатории для общественного пользования ею².

Личная библиотека Андрея Николаевича Власова, хранящаяся в научно-исследовательской лаборатории «Филологические исследования духовной культуры Севера» СГУ им. Питирима Сорокина, отражает широкие научные интересы ее владельца. На настоящий момент в качестве его библиотеки на основе личной подписи или дарственных надписей атрибутировано 240 книг. Это разнообразные научные издания гуманитарной направленности преимущественно XX в. Среди них — фундаментальные научные труды по литературе, фольклору, мифологии, этнографии и иконописи: работы А. Н. Веселовского, Д. Д. Фрэзера, Д. С. Лихачева, М. Элиаде, Н. П. Колпаковой, Э. В. Померанцевой, Т. М. Кольцовой и др.³

¹ Канева Т. С.: 1) Андрею Николаевичу Власову — 60 лет // Традиционная культура. 2015. № 4 (60). С. 165–169; 2) Андрей Николаевич Власов: некролог // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 3. С. 188–191; Прокуратова Е. В.: 1) А. Н. Власову — 60 лет // Живая старина. 2015. № 4. С. 54; 2) Памяти учителя: Андрей Николаевич Власов — археограф, фольклорист, исследователь литературы Русского Севера // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2023. № 4. С. 78–82.

² Библиотека А. Н. Власова недавно стала предметом внимания студентов-филологов И. Каневой, И. Куракина, Е. Поляшовой, см.: Личная библиотека А. Н. Власова в НИЛ ФИДКуС: студенческий видеоролик. URL: https://vkvideo.ru/video-222472661_456239029 (дата обращения: 29.05.2025).

³ Например, монографии А. Н. Веселовского «Историческая поэтика» в двух изданиях (Л., 1940 и 1989), Н. П. Колпаковой «Русская народная бытовая песня» (М.; Л., 1962), Т. М. Кольцовой «Северные иконописцы» (Архангельск, 1998) и др.

В книжном собрании ученого можно выделить книги, непосредственно связанные с его сыктывкарским этапом жизни. Например, сохранившийся, скорее всего со студенческих времен, немецко-русский словарь (М., 1976). Он, как гласит собственноручная надпись владельца на форзаце, «*помог сдать кандидатский минимум*» трем поколениям аспирантов: самому А. Власову в 1982 г., его ученице Татьяне Степановне Каневой в 1993 г. и Марине Алексеевне Потаповой (Анкудиновой)¹ в 2000 г. Согласно устным воспоминаниям Т. С. Каневой, по этому словарю в лаборатории занимались и другие студенты и аспиранты-«немцы», в частности выпускник истфака, сотрудник лаборатории в 1991–1995 гг. Юрий Савельев. Судя по году издания словаря, совпадающему с годом поступления А. Н. Власова на филфак, можем предположить, что этот словарь мог быть одной из первых книг в личной библиотеке будущего филолога.

В библиотеке Андрея Николаевича представлена литература, связанная с преподавательской деятельностью: учебные пособия и методические указания по истории литературы и фольклору, некоторые из них написаны коллегами А. Н. Власова из других вузов и научных центров. Например, пособия С. И. Машинского «Художественный мир Гоголя» (М., 1979), А. Ф. Белоусова «Городской фольклор» (Таллин, 1987), П. Ф. Лимерова «Коми несказочная проза» (Сыктывкар, 1998), А. С. Измайловой «Удмуртская литература в контексте языческих и христианских традиций» (Ижевск, 2000). Отдельно упомянем пособия коллеги А. Н. Власова и соратницы по первым годам экспедиционной работы Елены Александровны Рыжовой «Риторика» (Сыктывкар, 1996), а также его ученика Анатолия Васильевича Панюкова («Актуальные проблемы изучения устной несказочной прозы: Проблема мифологического нарратива», Сыктывкар, 2000).

Основной массив изданий связан с научными «полями» Андрея Николаевича — книжностью и фольклором. Во-первых, это работы по истории книгопечатания, особенностям древнерусской и старообрядческой книги и книжным собраниям². Сюда отнесем и серийные научные сборники: «Труды Отдела древнерусской литературы», выпускаемые ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, «Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр» Петрозаводского государственного университета, «История Сибири: первоисточники» Института истории Сибирского отделения РАН и др. Во-вторых, научная литература о разных фольклорных жанрах, а также сборники былин, песен, сказок, несказочной про-

¹ Ученица коллеги Андрея Николаевича — канд. филол. наук и доцента СГУ им. Питирима Сорокина Валентины Викторовны Филипповой (1957–2012). Сейчас М. А. Анкудинова — директор Коми республиканского колледжа культуры им. В. Т. Чисталева (Сыктывкар).

² Например, каталог «Филигрании XVII века. По рукописным источникам ГИМ» (М., 1988), книги Т. В. Панич и Л. В. Титовой «Описание собрания рукописей ИИФиФ СО АН СССР» (Новосибирск, 1991), Е. П. Немировского «Путешествие к истокам русского книгопечатания» (М., 1991) и др.

зы, заговоров, издания памятников древнерусской литературы и др.¹ Среди них — книги о фольклоре регионов, интересовавших Андрея Николаевича как «экспедиционные поля» — Архангельской, Кировской и Вологодской областей, Республики Коми². В-третьих, в личной коллекции Андрея Николаевича представлена литература на иностранных языках, большую часть которой составляют издания из Болгарии (более 30 единиц): «Информационен бюлетин. Сибал», каталог «Watermarks of the hilandar Slavic codices» П. Матеича (София, 1981), исследование Д. Богдановича, Б. Велчева, А. Наумова «Болгарский апостол XIII века: рукопись Дечани-Црколез» (София, 1986), литература по болгарскому языку, в т. ч. болгарско-русский словарь и др. С болгарскими коллегами (например, с Васей Велиновой, PhD, профессором Софийского университета им. св. Климента Охридского) А. Н. Власова связывали и дружеские отношения.

Хранится в сыктывкарской библиотеке и несколько работ самого Андрея Николаевича: оттиски статей («К вопросу о происхождении цикла сказаний о Прокопии и Иоанне Устюжских», «Сказание о грамоте и пермской азбуке в истории книжной культуры Древней Руси» и «Фольклорный текст в контексте междисциплинарных исследований»), учебное пособие «Книжная культура Устюга Великого и Сольвычегодска в XVI–XVII веках» (Сыктывкар, 1991), автореферат диссертации «Устюжская литературная традиция XVI–XVII вв. (Проблемы генезиса и эволюции повествовательных форм)» (М., 1995) и монография «Устюжская литература XVI–XVII веков: Историко-литературный аспект» (Сыктывкар, 1995)³.

На многогранные научные, творческие и дружеские связи Андрея Николаевича с коллегами из разных научных и образовательных центров России и зарубежья указывают дарственные на книгах из его сыктывкарской библиотеки. Нами выявлено свыше 50-ти книг с дарственными надписями. Остановимся на некоторых из них.

Обратим внимание на автографы наставников Андрея Николаевича — д-ров филол. наук Татьяны Федоровны Волковой, которая разглядела в нем будущего археографа⁴, и Натальи Сергеевны Демковой (1932–2018), его научного руководителя в аспирантуре Ленинградского (ныне Санкт-

¹ Это монографии Н. М. Ведерниковой «Русская народная сказка» (М., 1975), Ю. И. Юдина «Героические былины» (М., 1975), «Словарь языка русского фольклора» (Курск, 1999) М. А. Бобуновой и А. Т. Хроленко, сборники «Былины Севера» (Т. 2. Прионежье, Пинега и Поморье» (М.; Л., 1951), пособие Ю. Г. Круглова «Русские свадебные песни» (М., 1978), издание «Святитель Стефан Пермский» (1995) и др.

² Сборники «Вятские песни, сказки, легенды» (Горький, 1974), «Народные песни Вологодской области» (Л., 1981) и «Фольклор Севера» (Архангельск, 1998), пособие В. В. Филипповой «Коми фольклор сылан жанръяс поэтика» (Сыктывкар, 1996).

³ С электронным вариантом можно ознакомиться на сайте ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН: Власов А. Н. Устюжская литература XVI–XVII вв.: Историко-литературный аспект. Сыктывкар, 1995 // ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. URL: <http://pushkinskiydom.ru/wp-content/uploads/2021/12/Vlasov-Ustyuzhskaya-lit.pdf> (дата обращения: 29.03.25).

⁴ См. публикацию Т. Ф. Волковой в настоящем сборнике.

Петербургского) государственного университета (1981–1985). Татьяна Федорова на своем учебном пособии по спецкурсу «Развитие повествовательного и художественного вымысла в русской исторической литературе» (Сыктывкар, 1989) написала: *«Дорогому Андрею Николаевичу от автора в надежде в скором времени увидеть Ваше пособие изданным. 10.04.91»*¹. Наталья Сергеевна оставила послание на книге «Средневековая русская литература» (СПб., 1997): *«Дорогому Андрею, свет Николаевичу, сыну Власову с древнерусским поклоном. 14.V. 1997»*. Сохранились автографы фольклористов Института мировой литературы им. А. М. Горького — Виктора Михайловича Гацака (1933–2014) и Юрия Ивановича Смирнова (1935–2015). Виктор Михайлович, всегда «оказывавший Сыктывкару свою авторитетную поддержку»², подарил Андрею Николаевичу монографию своей ученицы, ныне д-ра филол. наук Джульетты Янковны Адлейбы «Устные стилевые основы сказки» (Сухоми, 1991) с теплыми словами: *«Дорогому Андрею Николаевичу, его лаборатории — одной из самых славных на русской земле — его лабораторницам и лаборантикам — со всею особенною сердечностью и многоохватным благопожеланием порос»*³! 6.05.96. Ваш Викт. Гацак»⁴. Д-р филол. наук Ю. И. Смирнов передал А. Власову свою книгу лечебных и любовных заговоров «Встану я благословясь...» (М., 1992) с припиской: *«для защиты от злых сил, а также с пожеланием собирать заговоры. 16.5.1993»*. Специалисты Библиотеки Академии наук А. А. Амосов, О. П. Лихачева, Н. Ю. Бубнов и Л. А. Петрова, которые были для Андрея Николаевича учителями в полевой и камеральной археологии⁵, подарили ему свою новинку «Книжные сокровища» (Л., 1990) с дарственной и подписями (от 16.05.1990).

На нескольких книгах из библиотеки Власова есть дарственные фольклористов, с которыми он был лично знаком, регулярно встречался на различных научных мероприятиях: Неонила Артемовны Криничной (1938–2019),

¹ По-видимому, речь идет об учебном пособии А. Н. Власова «Книжная культура Устюга Великого и Сольвычегодска в XVI–XVII вв.» (Сыктывкар, 1991).

² Канева Т. С. Андрею Николаевичу Власову — 60 лет. С. 168.

³ Noros в переводе с румынского — «счастье», «удача» (см. Мультитран. URL: <https://www.multitrans.com/m.exe> (дата обращения: 18.02.25)). Румынский язык В. М. Гацак хорошо знал, его научные труды были связаны в том числе с румынским фольклором (См.: Гацак Виктор Михайлович // Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН URL: <https://imli.ru/index.php/institut/sotrudniki/981-gatsak-viktor-mihajlovich> (дата обращения: 18.02.25)).

⁴ Монографию своей ученицы Джульетты Адлейбы В. М. Гацак, подарил, очевидно, когда был в Сыктывкаре на конференции «Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры» (6–9 мая 1996 г.), где выступал с докладом «Память традиции и былины Русского Севера» (7 мая 1996 г.) на секции «Традиционное мировоззрение и обрядность». Пост об этой дарственной надписи был опубликован 19 февраля 2025 г. к дню кончины Виктора Михайловича (20.02.2014) в группе лаборатории ВКонтакте: Наша библиотека. Памятные даты. Память // Филологические исследования духовной культуры Севера: страница группы в рос. сети ВКонтакте. 19 февраля 2025. URL: https://vk.com/club222472661?w=wall-222472661_784 (дата обращения: 26.03.25).

⁵ См. статью Н. Ю. Бубнова в настоящем сборнике.

Юрия Александровича Новикова (1938–2023), Татьяны Григорьевны Владыкиной (1953–2024) и Клары Евгеньевны Кореповой (1934). Дарственные Неонила Артемовны видим на двух книгах. Приведем одну из них, сделанную на книге «Русская народная историческая проза» (Л., 1987) во время ее приезда в Сыктывкар: *«Глубокоуважаемому Андрею Николаевичу с чувством глубокой благодарности за гостеприимство. Н. Криничная. Сыктывкар. 19 мая 1990 года»*¹. Юрий Александрович охарактеризовал А. Власова как *«знатока старообрядческой культуры»* (запись от 10.11.1998 на книге «Старообрядцы Литвы: материалы и исследования 1996–1997» (Вильнюс, 1998)). Клара Евгеньевна подарила книгу «Русская лубочная сказка» (Н. Новгород, 1999) с подписью *«А. Н. Власову с уважением»*.

Многие дарственные отсылают к обстоятельствам встреч их авторов с А. Н. Власовым на научных конференциях и семинарах в России и за рубежом. Так, известный фольклорист, д-р ист. наук Лев Григорьевич Бараг (1911–1994) оставил автограф на одном из выпусков серийного издания башкирских филологов «Фольклор народов РСФСР» (Уфа, 1986), который свидетельствует о том, что новая встреча с Андреем Николаевичем вызвала *«приятные воспоминания об октябрьском Сыктывкаре 1987 г. <...> Уфа 21.X.87»*². Сборник «Pasakos su dainuojanaisias intarpais» (Литовские народные сказки с песенными вставками) (Вильнюс, 1987) была подарена Андрею Николаевичу одним из составителей, литовским филологом Алексинасом Константас-Альгирдасом Юозо *«на память о встрече на Вильнюсском семинаре фольклористов. 6 апреля 1988»*³. Крупный ученый в области литературы и фольклора, канд. филол. наук Александр Федорович Белоусов (1946–2023) подарил пособие «Школьный быт и фольклор» (Таллин, 1992) *«на добрую память о встрече в Сольвычегодске. 5.09.92»*⁴. О рабочих «встречах на Виледи и добрых делах по сохранению песенного фольклора» вспоминает известный в Вилегодском

¹ Н. А. Криничная выступала с докладом «Севернорусские предания: реальность и традиции (к семантике фольклорного образа)» на Всесоюзной научной конференции «Устные и письменные традиции в духовной культуре народа» (16–19 мая 1990 г., Сыктывкар), организаторами которой выступили Академия Наук СССР, Институт мировой литературы имени А. М. Горького, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) и Сыктывкарский госуниверситет. Выступление Неонила Артемовны пришлось на упомянутую в дарственной дату — 19 мая 1990 г.

² Л. Г. Бараг вспоминает о своем приезде в Сыктывкар в связи с участием в научном симпозиуме «Фольклорное наследие и его роль в духовной культуре народов Урала и Поволжья» (8–10 октября 1987 г.), где он выступал с докладом «Сюжетный репертуар башкирских народных сказок (по материалам подготавливаемого “Указателя сюжетных типов башкирских народных сказок по системе АТ”»». По-видимому, сама книга была вручена в Уфе, когда туда приезжал А. Н. Власов.

³ Речь идет об участии А. Н. Власова в школе-семинаре по вопросам хранения и систематизации фольклорных записей (апрель 1988 г., г. Вильнюс).

⁴ По-видимому, А. Ф. Белоусов писал о научной конференции «Сольвычегодск в истории русской культуры» (4–5 сентября 1992 г.), которая проводилась в Сольвычегодском историко-художественном музее. А. Н. Власов был одним из инициаторов и организаторов конференции.

районе Архангельской обл. краевед Екатерина Григорьевна Байбородина в дарственной на книгу «“Начинаю, запеваю...” Вилегодские частушки» (1996) и поздравляет А. Н. Власова «с творческим успехом и докторской»¹. Экземпляр «Культурного ландшафта Русского Севера: Пинежье, Поморье» (М., 1998) был подписан канд. филол. наук, доцентом Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова Анной Александровной Ивановой «на добрую память о встрече в Москве. 24.V.1999»; очевидно, это произошло на ежегодной майской конференции Центра русского фольклора «Славянская традиционная культура и современный мир» в Москве.

Не только о «филологических» встречах напоминают надписи на книгах Андрея Николаевича. Так, известный финноугровед Анатолий Константинович Микушев (1926–1993) подарил А. Н. Власову свое издание «Коми народный эпос» (1989) «в память о III Всесоюзной конференции по нелинейной теории упругости в Сыктывкаре, сентябрь 1989», которая проводилась 12–14 сентября 1989 г. кафедрой математического моделирования и кибернетики Сыктывкарского госуниверситета².

На книгах, пособиях, авторефератах диссертаций из сыктывкарской личной библиотеки Андрея Николаевича Власова есть автографы и других ученых — Н. В. Дранниковой, Л. А. Бруцкой (Архангельск), Г. Н. Чагина (Пермь), М. П. Чередниковой (Ульяновск), Г. В. Судакова (Вологда), И. Ф. Амроян (Тольятти), Е. В. Душечкиной (Санкт-Петербург), Т. А. Золотовой (Йошкар-Ола), Н. Д. Конакова, П. П. Котова, И. Л. Жеребцова, П. Ф. Лимерова (Сыктывкар), А. А. Чувьорова (Санкт-Петербург) и др.

Особо отметим, что немало книг в библиотеке нашей лаборатории вообще появилось благодаря Андрею Николаевичу. Часто авторы дарили ему свои труды, адресуя их всему коллективу — лаборатории, кафедре фольклора и истории книги, «фольклористам Сыктывкарского университета». Как невозможно отделить Андрея Николаевича от сыктывкарской лаборатории, так же трудно порой вычленить книги, которые можно уверенно назвать «личной библиотекой» этого ученого. В завершение приведем слова близкой коллеги, однокурсницы А. Н. Власова — Валентины Викторовны Филипповой (1957–2012) из надписи на ее пособии по спецкурсу «Коми фольклор» (Сыктывкар, 1996), подаренном в день 40-летия Андрея Николаевича, они очень точно характеризуют его: «Уважаемому близкому другу, коллеге, защите, генератору идей, щедрому человеку, профессионалу-специалисту... 17.10.1995 г.»³.

¹ Защищена в 1995 г.

² Михайловский Е. И. Полвека с механикой оболочек (часть вторая — нелинейная теория) // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 1: Математика. Механика. Информатика. 2012. № 16. С. 43.

³ Андрей Николаевич также подарил Валентине Викторовне свое учебное пособие («Книжная культура Устья Великого и Сольвычегодска в XVI–XVII веках», Сыктывкар, 1991) с дарственной: «Дорогой Валентине Филипповой на память о совместной деканатской обязанности и творческих удачах, несмотря на трудные годы». Речь идет о периоде работы в деканате филологического факультета: с 1991 по 1998 гг. А. Н. Вла-

Список источников

Власов А. Н. Устюжская литература XVI–XVII вв.: Историко-литературный аспект. Сыктывкар, 1995 // ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. URL: <http://pushkinskiydom.ru/wp-content/uploads/2021/12/Vlasov-Ustyuzhskaya-lit.pdf> (дата обращения: 29.03.25).

Гацак Виктор Михайлович // Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН URL: <https://imli.ru/index.php/institut/sotrudniki/981-gatsak-viktor-mihajlovich> (дата обращения: 18.02.25).

Канева И., Куракин И., Поляшова Е. Личная библиотека А. Н. Власова в НИЛ ФИДКУС: студенческий видеоролик. URL: https://vkvideo.ru/video-222472661_456239029 (дата обращения: 07.05.2025).

Канева Т. С. Андрей Николаевич Власов: некролог // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 3. С. 188–191.

Канева Т. С. Андрею Николаевичу Власову — 60 лет // Традиционная культура. 2015. № 4 (60). С. 165–169.

Михайловский Е. И. Полвека с механикой оболочек (часть вторая — нелинейная теория) // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 1: Математика. Механика. Информатика. 2012. № 16. С. 42–59.

Мультитран. URL: <https://www.multitran.com/m.exe> (дата обращения: 18.02.25).

Наша библиотека. Памятные даты. Память // Филологические исследования духовной культуры Севера: страница группы в рос. сети ВКонтакте. 19 февраля 2025. URL: https://vk.com/club222472661?w=wall-222472661_784 (дата обращения: 26.03.25).

Прокуратова Е. В. А. Н. Власову — 60 лет // Живая старина. 2015. № 4. С. 54.

Прокуратова Е. В. Памяти учителя: Андрей Николаевич Власов — археограф, фольклорист, исследователь литературы Русского Севера // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2023. № 4. С. 78–82.

О. В. Селиванова

Деятельность А. Н. Власова в фундаментальной библиотеке РГПУ им. А. И. Герцена и его книжное собрание

Аннотация. В статье раскрывается деятельность Андрея Николаевича Власова в отделе редкой книги фундаментальной библиотеки РГПУ им. А. И. Герцена. Представлен также анализ книжного собрания, сложившегося по результатам археографических экспедиций по Русскому Северу и других поездок и переданного в дар библиотеке. Провинциальные издания служат ярким примером собирательских и научных устремлений А. Н. Власова. Собрание является дополнительным источником по изучению литературной жизни малых городов России, истории освоения Русского Севера, истории и современного состояния старообрядче-

сов был деканом, а с 1991 по 1993 г. В. В. Филиппова — его замом. За уточнение сведений по работе Валентины Викторовны благодарю ее дочь Анастасию Александровну Филиппову.

ской культуры и др. По материалам собрания проводятся научные и библиографические исследования.

Ключевые слова: книжное собрание, библиотека, Русский Север, археографические экспедиции, провинциальные издания, региональная идентичность, РГПУ им. А. И. Герцена, А. Н. Власов

В 2001 г. А. Н. Власов переехал в Санкт-Петербург и с 2002 по 2010 г. заведовал отделом редкой книги фундаментальной библиотеки РГПУ им. А. И. Герцена (далее — библиотека РГПУ).

Идея возрождения этого отдела целиком приписывалась тогдашнему директору А. В. Воронцову, желавшему оставить след в истории библиотеки. Однако это не совсем так. Дело в том, что в то же самое время А. Н. Власов, профессор кафедры русской литературы РГПУ им. А. И. Герцена, обратился к заведующему Древлехранилищем ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН В. П. Бударагину с просьбой предоставить доступ герценовским студентам-филологам к рукописному собранию для знакомства с культурой бытования рукописных текстов. На эту просьбу А. Н. Власов получил ответ, что библиотека РГПУ обладает для этих целей собственными рукописями. Таким образом, благодаря подобному стечению обстоятельств начался новый период в жизни отдела.

Получив доступ к фондам, А. Н. Власов приступил к отбору редких книг. За короткий промежуток времени был практически полностью сформирован фонд отдела: образована небольшая коллекция рукописных книг, включающая интересные масонские сочинения, выявлены книжные памятники на русском и иностранных языках, изданные до 1830 г., выделены частные собрания и учрежденческие коллекции, связанные с историей РГПУ, описаны редкие детские книги, в т. ч. с автографами К. Чуковского, С. Маршака, В. Бианки и т. д. Формирование редкого фонда происходило довольно стихийно, совершенно не согласуясь с правилами работы основного фондохранилища, но этому способствовало состояние переезда и ремонта библиотеки в целом. Тем не менее через год после начала отбора книг можно было уже говорить именно о фонде редких книг, а не о «шкафе редких книг» — той обидной приписке, которая встречалась на некоторых редких изданиях.

Прилагая титанические усилия по спасению сваленных в сыром подвале библиотеки книг XVII–XIX вв., А. Н. Власов совершил массу открытий. Чего стоит только обнаружение двух экземпляров первого издания «Слова о полку Игореве» (М., 1800), которые до тех пор не были учтены научным сообществом!¹ Да еще каких экземпляров! Один из личного собрания историка-слависта А. А. Котляревского с сохранением поколенной росписи российских князей, а второй — из личного собрания филолога-слависта Н. М. Каринского с личными пометами русского библиофила и коллекционе-

¹ Власов А. Н., Селиванова О. В. Как создавался книжный фонд фундаментальной библиотеки Герценовского университета // Вестник Герценовского университета. 2007. № 5 (43). С. 65–67.

ра рукописей и исторических документов А. И. Сулакадзева, представляющими собой шедевр книжных маргиналий¹.

Такие находки натолкнули А. Н. Власова на мысль о выделении в фондах отдела небольшой тематической коллекции, посвященной «Слову о полку Игореве», самому загадочному памятнику древнерусской литературы, вокруг которого до сих пор не умолкают научные споры. В нее вошли как издания самого текста, включая репринтные воспроизведения первого издания, сделанные в 1900, 1904 и 1920 гг., так и исследования многих известных филологов: Е. В. Барсова, Н. К. Гудзия, Ф. Е. Корша, В. Ф. Миллера, А. А. Потебни и др.

Пополнением коллекции можно считать своеобразный самиздат «Слово о полку Игореве (комментарий краеведа А. С. Тинькова)» (Набережные Челны, 1996), попавший в библиотеку из собрания А. Н. Власова и заключающий в себе подборку газетных статей самобытного исследователя, предложившего самостоятельный перевод древнерусского текста, собственную трактовку маршрута новгород-северского князя, а также оригинальные комментарии происходивших событий, упоминаемых имен и «темных мест» памятника².

Анализ и научное описание редких книг начались одновременно с осознанием, насколько велика и значима ценность сохранившихся в основном фонде изданий. Под руководством А. Н. Власова в отделе кипела исследовательская деятельность, и ее промежуточным итогом стал выпуск коллективной монографии «Частные коллекции в фонде редкой книги Фундаментальной библиотеки им. императрицы Марии Федоровны РГПУ им. А. И. Герцена» (СПб., 2007). Монография была замечена библиотечным профессиональным сообществом и награждена дипломом Всероссийского конкурса научных работ по библиотековедению, библиографии и книговедению за 2006–2007 гг. Многие материалы А. Н. Власова легли в основу юбилейного издания «История фундаментальной библиотеки Герценовского университета» (СПб., 2017). А. Н. Власов научил своих молодых сотрудников видеть даже в самом малом и незначительном материале для научных изысканий, на личном примере показывал, из чего строится научная повседневность, мотивировал к регулярному участию в научных конференциях и научно-практических семинарах.

В период работы в отделе редкой книги А. Н. Власова заинтересовала современная литературная жизнь малых городов России, проблемы современного восприятия и сохранения историко-культурного наследия. С присущим ему энтузиазмом он начал привозить из археографических экспедиций книги разных региональных авторов, в которых отражался реальный срез литературы и культуры Русского Севера.

¹ Селиванова О. В. Книжные редкости в коллекции Н. М. Каринского в фундаментальной библиотеке РГПУ им. А. И. Герцена // Материалы XXXV международной филологической конференции (13–18 марта 2006 г., Санкт-Петербург). Вып. 6. История русского языка и культурная память народа. СПб., 2006. С. 127–131.

² Свистунов С. Александр Семенович Тиньков // Туристический Смоленск. URL: <https://m.ok.ru/group/57096162705457/topic/156379584371505?ysclid=m6hzehqrm0422277903> (дата обращения: 20.01.2025).

В результате сложилось небольшое книжное собрание, состоящее из 81 экземпляра. Привезенные книги не были отмечены никаким личным книжным знаком, определяющим принадлежность собрания, поэтому сотрудники отдела редкой книги заказали штамп с надписью: «Коллекция Андрея Николаевича Власова», которым и проштамповали все книги, а затем торжественно вручили штамп собирателю, чтобы он обозначил им остальные издания своей библиотеки.

Жемчужиной собрания стали три старообрядческие рукописи, привезенные из Тарногского района Вологодской обл. (о своем неизменном интересе к культуре и быту старообрядцев А. Н. Власов никогда не забывал): «Сборник богослужебный» (XVII–XVIII вв., с поздней владельческой реставрацией отдельных листов; «Житие и канон святого великомученика Георгия» (странническая рукопись конца XIX в.); «Пролог» (нач. XX в.). О последней рукописи также известно, что она получена в дар 30 июня 2004 г. от Марии Феокистовны Слудной, 1930 г. р., дер. Агапитовская (Нечухина), с/с Верховский.

Все три рукописи и часть провинциальных изданий составили большую экспозицию «Библиотека Русского Севера: традиции и современность», организованную в мае 2005 г. в рамках IX университетской выставки научных достижений. Уникальность представленного материала была высоко оценена руководством вуза, а сотрудники отдела во главе с А. Н. Власовым получили диплом 1-й степени в номинации «Лучшая научно-творческая разработка».

По книгам собрания А. Н. Власова можно проследить путь исследователя, изучить круг его личных контактов, познакомиться с укладом жизни того или иного населенного пункта, сформулировать четкую и последовательную собирательскую позицию.

Стоит отметить, что при организации археографических экспедиций А. Н. Власова интересовали в первую очередь города и села, связанные с историей освоения Русского Севера, с так называемым ленточным расселением, когда размещение населенных пунктов шло вдоль рек или транспортных артерий, а основной задачей градообразования было закрепление права России на эти земли¹. Наиболее часто поездки совершались по территории Республики Коми, Архангельской и Вологодской областей. Особого исследовательского внимания удостоивались малые города и районные центры, например, Котлас, Каргополь, Коноша, Яренск, Сольвычегодск, Никольск, Кичменгский Городок, Тарногский Городок и т. д.

Собственные труды А. Н. Власова, ставшие отражением его экспедиционной деятельности, составили научное ядро книжного собрания. Так, отделу редкой книги был презентован один из авторских экземпляров книги «Старообрядческий центр на Вашке: устная и письменная традиция Удоры: материалы и исследования» (Сыктывкар, 2002) — А. Н. Власов был руководителем вашкинской экспедиции, редактором сборника, инициатором изучения вашкинских книжных традиций. На титульном листе имеется дарствен-

¹ Гаврильева Т. Н., Архангельская Е. А. Северные города: общие тренды и национальные особенности // ЭКО: всероссийский экономический журнал. 2016. № 3. С. 63–79.

ная надпись: *«В отдел редкой книги фундаментальной библиотеки им. императрицы Марии Федоровны от авторов. 8.01.2003»*.

С литературной традицией Великого Устюга связаны основные научные интересы А. Н. Власова, ей посвящены обе его диссертации. Завершающей точкой многолетнего исследования можно считать фундаментальную монографию «Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских» (Санкт-Петербург, 2010), изданную ИРЛИ. В книге представлена жизнь церковного предания в книжной культуре городов Великого Устюга и Сольвычегодска, а также прослежена история возникновения агиографической традиции на Русском Севере. Один экземпляр книги А. Н. Власов подарил библиотеке РГПУ, оставив на титульном листе дарственную надпись: *«В дар в родной отдел редкой книги Фундаментальной библиотеки от первого “зава” и автора-составителя. 2012»*. Показательно, что среди изданий, привезенных из Великого Устюга, больше всего книг, связанных с церковной культурой и историей.

Заведование отделом редкой книги вызвало интерес А. Н. Власова к собиранию материалов по истории книжного и библиотечного дела. Так, из Вологды он привез второе издание каталога Е. Л. Демидовой, главного библиотекаря сектора редких книг Вологодской областной универсальной научной библиотеки, «Переплетный и книготорговый знак конца XVIII — начала XX века в книжном собрании Вологодской областной универсальной научной библиотеки» (Вологда, 2007) с личным обращением дарителя (*«Уважаемому Андрею Николаевичу от автора. 18.06.08. Демидова»*), а из Сыктывкара — монографию об истории возникновения и развития библиотек Архангельской и Вологодской губерний профессора Сыктывкарского университета Л. П. Рощевской «Библиотечное дело на Европейском Севере России в конце XVIII — начале XX века» (Сыктывкар, 2002).

Большая часть книжного собрания А. Н. Власова так или иначе связана с региональной литературой, причем с литературой во всем разнообразии направлений, жанров и форм издания. Это и проза (повесть В. П. Чиркина «По злой воле» (Архангельск, 2002), написанная по воспоминаниям ссыльных крестьян и посвященная трагической участи спецпереселенцев), и стихи (сборники А. Зязиной «Лесное разнотравье» (Каргополь, б/г), В. Мишенева «Слух души» (Кичменгский Городок, 1993), «Северный ветер» (Кичменгский Городок, 1994), посвященные природе родного края, обычаям и характерам его жителей). Это и литературные альманахи («Сыктывкар», «Выбор», «На изломе», «Берега»), и произведения отдельных авторов (Канев А. В. «Контрольный выстрел» (Сыктывкар, 2000), Спичак Г. И. «Желтые лошади» (Визинга, 1994)). Это и биографические очерки (Кузнецов Ю. В. «Пройденный путь» (Тарногский Городок, 2000) — об энтузиасте-краеведе, основателе и первом директоре Тарногского музея традиционной народной культуры В. Е. Величутине), и детское творчество (в сборнике «Районный конкурс творческих работ “Надежда”» (Никольск, 2003) изданы крайне интересные лите-

ратурные зарисовки об истории старой церкви в деревне Демино и церкви Иоанна Предтечи в деревне Пантелеево) и многое другое.

Вот что пишет о литературной жизни северной провинции писатель-краевед, почетный гражданин г. Котласа Н. В. Шептяков: «Всплеск активности котласских литераторов пришелся как раз на самый перевал веков. Из кулуарной местная литература стала публичной, нашла настоящий выход к читателям. Сказалась гласность, отпали запреты. До этого лишь единицы попадали в планы издательств, а тут вдруг шлюзы открылись, появились послабления, «самиздат» перестал быть преследуемым, и местная типография стала свободно печатать своих, живущих на территории, авторов. Похоже на бум, как прорвало»¹. Поэтому неслучайно А. Н. Власов привез из Котласа книги популярных в то время земляков: В. Меньшиковой «Апельсин доверия: лирика» (Котлас, 1994), Г. Сергеевой «Я чуда жду...: стихи» (Котлас, 1998), А. Яишницына «Зажигалка: юмористические рассказы, стихи» (Котлас, 1994) и др.

Судя по собранию А. Н. Власова, Каргополь — самый литературный город. Книги из него и про него самого разнообразного содержания составляют пятую часть собрания. Среди каргопольских изданий можно встретить доступный младшим школьникам материал о природе Каргополя Н. Н. Проничевой «Росинка малая» (Архангельск, 2002), стихи самобытного каргопольского поэта З. Солдатовой о северной природе, любви к родному краю, о людях села, их нелегком крестьянском труде «Струя речушки Свидь» (Архангельск, 2002), книгу «Каргопольские тетерки» (Каргополь, 2002) об обрядовом пряничном изделии витой формы, описание старинных народных обрядов и обычаев «Вечеринки Каргополя» (Каргополь, 1999). Музыкальные традиции отражены в публикации инструментальных пьес «Каргополье в творчестве Б. Бершадского» ([Каргополь], 1997)². Имеются каталоги выставок, например, «Святые Каргопольской земли: живопись, графика из собрания музеев Архангельской области» (Архангельск, 2002).

Особенно много в рассматриваемом собрании материалов по краеведению, раскрывающих малоизвестные факты из истории, культуры, образования и экономики региона. Например, географические сведения о крае, рецепты местной кухни и описание нарядов жительниц Каргополя и Поонежья собраны в работе С. П. Кораблева «Этнографический и географический очерк г. Каргополя Олонецкой губернии» (Архангельск, 1993); история Каргопольских храмов отражена в очерках Ф. К. Докучаева-Баскова «Каргополь, 1146–1996» (Архангельск, 1996); история педагогического образования изложена на основе архивных материалов и переписки с выпускниками и бывшими преподавателями в книге Н. Н. Проничевой «Каргопольское педагогическое училище» (Архангельск, 1997); обширные библиографиче-

¹ Шептяков Н. В. Литературная жизнь Котласского края на стыке веков (города Котлас, Коряжма, Котласский район): [электронный ресурс]. URL: https://kotlaslib.aonb.ru/doc/literaturnaja_zhizn.pdf (дата обращения: 25.10.2024).

² Борис Бершадский — член объединения композиторов Архангельской области, автор музыки для баяна, фортепиано, хоровой музыки и песен.

ские сведения приведены в указателе «Каргопольский край: природа, история, экономика, культура» (Архангельск, 1999); материалы, посвященные 85-летию Каргопольского историко-архитектурного и художественного музея, изданы в трудах его сотрудников «Каргополь: летопись веков» (Москва; Каргополь, 2004) и т. д.

Краеведческая работа, через которую проявляется региональная идентичность, является неотъемлемой частью культурной жизни Русского Севера. Куда бы ни ездил А. Н. Власов, он отовсюду привозил книги, пропагандирующие знания о родном крае, о сохранившихся традициях и культурных особенностях. Например, этнографическое исследование историка и краеведа Б. А. Угрюмова «Крестьянство Средней Вычегды в XVII — начале XX века» (Архангельск, 2002) об эволюции вычегодского крестьянства; книга В. Н. Паникарова «Никольские фамилии» (Никольск, 2006), в которой рассказывается о коренных антропонимах местных жителей, а распространение тех или иных фамилий связывается с освоением земель Верхнего Поюжья; опубликованные в книгах В. А. Лукошникова «Яренск: Яренский уезд — Ленский район» (Сыктывкар, 1994) и «Яренские воеводы» (Ухта, 2001) факты, события, документы, дающие представление об освоении территории Вычегодского края, управлении и развитии различных отраслей народного хозяйства и торговли, зарождении промышленности, лесозаготовок, о жизни и быте местного населения; изданный Вологодским государственным историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником сборник «Послужить Северу...» (Вологда, 1995), посвященный культуре и быту населения Вологодской области.

Несомненно, в каждый свой экспедиционный выезд А. Н. Власов становился центром притяжения для многих людей. Подтверждением его обширных связей с единомышленниками, творческой интеллигенцией, коллегами по научным интересам становятся дарственные надписи. Так, иллюстрированное издание известного вологодского краеведа, градозащитника и экскурсовода А. И. Сазонова «Такой город в России один» (Вологда, 1993), являющееся рассказом о деревянном зодчестве Вологды, содержит на свободном листе форзаца дарственную надпись: *«Отделу редкой книги Фундаментальной библиотеки имени имп. Марии Федоровны от автора и художника с наилучшими пожеланиями. 20 июля 2000 г. Великий Устюг».*

Особое значение дарственные надписи приобретают тогда, когда они являются «говорящим» свидетельством подлинного интереса А. Н. Власова к местным авторам и знаком их ответного уважения. Например, сборник лауреата литературной премии им. Федора Абрамова писателя Н. И. Редькина «Вилегодские повести» (Архангельск, 1996) имеет на титульном листе автограф автора: *«Андрею Николаевичу с искренним расположением от автора. 11 января 1997 г.».* Стихи А. А. Байбородиной представляют целую эпоху крестьянской жизни на Виледи. На обороте мягкой обложки одного из сборников «Виледь просила...» (Ильинско-Подомское, 1996) стоит очень развернутое послание: *«С любезностью! От автора А. Байбород[ина]. В день встречи*

“Вилегодское землячество” на земле Вилегодской в Ильинском РДК 29 марта 1997 г. Буду сердечно признательна, если отзоветесь мне на эту книгу. Сейчас выходит мое 2-е издание “Милый сердцу край”. <...> А. А. Байбород[ина]».

Таким образом, книжное собрание А. Н. Власова в полной мере отражает самобытность изучаемого им региона. Русский Север представлен как со стороны сохранившихся уникальных традиций, так и со стороны современного состояния культурной и литературной жизни. Большую часть коллекции составляют издания художественных произведений региональных авторов, а также книги по краеведению, этнографии, церковной истории и агиографии. Уникальность собрания заключается не только в его тематике, но и в способе собирательства: в большинстве книги были переданы А. Н. Власову в дар при личном общении с авторами и издателями.

Книжные собрания представителей академической общественности принято считать частью их личного информационного пространства¹, своеобразной лабораторией для исследования. В обширной библиографии А. Н. Власова литературной жизни севернорусской провинции посвящено всего две статьи². Однако он никогда не был «жадным» на идеи, он всегда щедро делился задумками и мыслями с коллегами, задавал векторы научной работы ученикам. Поэтому книжное собрание провинциальных изданий в фонде редких книг библиотеки РГПУ легло в основу нескольких диссертационных исследований, раскрывающих вопросы региональной идентичности и саморефлексии.

Список источников

Власов А. Н., Селиванова О. В. Как создавался книжный фонд Фундаментальной библиотеки Герценовского университета // Вестник Герценовского университета. 2007. № 5 (43). С. 65–67.

Гаврильева Т. Н., Архангельская Е. А. Северные города: общие тренды и национальные особенности // ЭКО: всероссийский экономический журнал. 2016. № 3. С. 63–79.

Научные публикации А. Н. Власова: материалы к библиографии / сост.: А. И. Васкул, Т. С. Канева, Р. Е. Тубылевич // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2023. № 4 (28). С. 83–99.

Рожнева Ж. А., Осташова Е. А. Личные библиотеки представителей академического сообщества в цифровую эпоху: изменение форм и смыслов // Вестник Томского государственного университета. Серия: Культурология и искусствоведение. 2020. № 37. С. 258–272.

¹ *Рожнева Ж. А., Осташова Е. А.* Личные библиотеки представителей академического сообщества в цифровую эпоху: изменение форм и смыслов // Вестник Томского государственного университета. Серия: Культурология и искусствоведение. 2020. № 37. С. 258–272.

² Научные публикации А. Н. Власова: материалы к библиографии / сост.: А. И. Васкул, Т. С. Канева, Р. Е. Тубылевич // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2023. № 4 (28). С. 83–99.

Свистунов С. Александр Семенович Тиньков // Туристический Смоленск. URL: <https://m.ok.ru/group/57096162705457/topic/156379584371505?ysclid=m6hzehqrm0422277903> (дата обращения: 24.03.2025).

Селиванова О. В. Книжные редкости в коллекции Н. М. Каринского в Фундаментальной библиотеке РГПУ им. А. И. Герцена // Материалы XXXV международной филологической конференции (13–18 марта 2006 г., Санкт-Петербург). Вып. 6. История русского языка и культурная память народа. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. С. 127–131.

Шептяков Н. В. Литературная жизнь Котласского края на стыке веков (города Котлас, Коряжма, Котласский район). URL: https://kotlaslib.aonb.ru/doc/literaturnaja_zhizn.pdf (дата обращения: 24.03.2025).

А. В. Панюков (Сыктывкар)

А. Н. Власов о проблемах формирования эпических форм коми фольклора¹

Аннотация. Для большинства работ А. Н. Власова, связанных с проблемой коми-русских фольклорных контактов, характерен тезис о том, что возникающее в результате межэтнических взаимодействий культурное двуязычие представляет собой результат встречи на одном пространстве нескольких стадийно разобщенных типов мировоззрения: языческого и христианского, родового и государственного. В настоящей статье дана характеристика некоторых положений его концепции, отразившихся в исследованиях эпической традиции коми-зырян. Автором также предпринята попытка обозначить перспективу изучения эпических заимствований и становления коми эпической поэзии в контексте фольклорной системы «исполнитель — текст — аудитория».

Ключевые слова: фольклорное двуязычие, межэтнические взаимодействия, героический эпос, сказители, А. Н. Власов

Одной из самых цитируемых работ А. Н. Власова можно назвать совместную с В. В. Филипповой статью «Фольклорное двуязычие в традиционной культуре коми»², принципиально изменившую отношение не только к проблемам коми-русских фольклорных взаимосвязей, но и к проблеме происходящих на наших глазах ассимиляционных процессов. Несомненно, А. Н. Власов обладал уникальным опытом полевых исследований в контактных зонах, связанных в том числе и с бытовым двуязычием, которое, по его мнению, связано и с этногенетическими, и этнокультурными процессами. Регион коми-русского пограничья, с которым в основном связан сыктывкарский период его жизни, определил стратегическую составляющую, ставшую сквозной для его научной биографии: контакты коми и русской традиций и изучение ха-

¹ Работа выполнена в рамках плановой темы НИР (рег. № 121051400044-2).

² Власов А. Н., Филиппова В. В. Фольклорное двуязычие в традиционной культуре коми // Традиционная культура. 2000. № 2. С. 87–89.

ракторного для межэтнической среды феномена культурного двуязычия. Начиная с менее известной публикации 1992 г., А. Н. Власов на протяжении многих лет (1992–2022) так или иначе возвращался к этой теме¹.

По определению В. А. Лапина, введенный им термин «фольклорное двуязычие» «представляет собой особое состояние традиционной культуры, возникающее при длительном и глубоком межэтническом этнокультурном взаимодействии и, в свою очередь, формирующее специфическую фольклорную среду»². Более полное понимание этого феномена было изложено в его программной статье «Фольклорное двуязычие: феномен и процесс»³. Процесс такого фольклорного взаимодействия стадияльно-историчен, и фольклорное двуязычие соответствует продуктивной стадии — т. е. представляет пик развития подобного этнокультурного симбиоза, за которым следует дальнейшая ассимиляция вплоть до появления монофольклорной традиции.

Концепция А. Н. Власова может быть представлена как попытка связать воедино и историческую глубину, и разнообразие локально-специфических проявлений этого феномена: «Культурное двуязычие, распространенное по всей территории Севера, по сути, — результат встречи на одном пространстве нескольких стадияльно разобщенных типов мировоззрения: языческого и христианского, родового и государственного. Достаточно поздние и медленные темпы культурного освоения «пустого» пространства обусловили возникновение локальных центров на всей территории Севера с ярко выраженной доминантой регионального сознания и присущим для него культом предка. Отсюда вытекает и стремление закрепить на практике архаические виды и формы народной традиции, отчасти языка»⁴. Вполне ожидаемо, что А. Н. Власов отталкивается от теории «встречных течений» А. Н. Веселовского, согласно которой процесс культурных контактов взаимообразен, носит характер «встречных течений» и является избирательным. Без встречного течения невозможно взаимодействие культур, поэтому в центре внимания исследователей должно быть не только то, что приобретает в процессе культурного обмена, но и то, что происходит с приобретенным в новых условиях «усвояющей среды». «Таким образом, перед нами возникает сложная, комплексная проблема, требующая специального рассмотрения на ментально-

¹ Власов А. Н.: 1) Проблема двуязычия в традиционной народной культуре на территории Коми Республики (по материалам фольклорных экспедиций Сыктывкарского университета) // Духовная культура: история и тенденции развития : тез. докл. Ч. 1. Сыктывкар, 1992. С. 81–85; 2) Фольклорное «двуязычие»: актуальные проблемы российской антропологии // Пути-перепутья современной фольклористики : сб. ст. и материалов памяти В. А. Лапина / сост., отв. ред. А. Ф. Некрылова. СПб., 2022. С. 151–165.

² Лапин В. А. Русский музыкальный фольклор и история (к феноменологии локальных традиций): Очерки и этюды. М., 1995. С. 62–102.

³ Лапин В. А. Фольклорное двуязычие: Феномен и процесс // Искусство устной традиции. Историческая морфология : сб. науч. статей, посвящ. 60-летию И. И. Земцовского. СПб., 2002. С. 28–39.

⁴ Власов А. Н. Фольклорное «двуязычие»: актуальные проблемы российской антропологии. С. 164.

идеологическом, ритуально обрядовом, жанровом, сюжетно-тематическом, формульно-стилевом срезам фольклорной культуры»¹. О необходимости комплексного междисциплинарного подхода к проблеме фольклорного билингвизма на протяжении многих лет говорят и этномузыковеды².

Материалы полевых исследований на современной территории Республики Коми показывают, что в различных локальных традициях коми оказались законсервированными разностадиальные пласты народного сознания и функционально присущие их уровню произведения устного поэтического творчества. Приведенный тезис А. Н. Власова о том, что культурное двуязычие, распространенное на многих территориях Русского Севера, можно рассматривать как «результат встречи на одном пространстве нескольких стадияльно разобобщенных типов мировоззрения: языческого и христианского, родового и государственного», основан прежде всего на наблюдениях за эпической традицией коми-зырян. По мнению Е. А. Дороховой, мысли А. Н. Власова органично «вписаны» в общий контекст проблематики «этнокультурного билингвизма»: «Согласно наблюдениям ученых, одним из непеременимых условий культурных заимствований, безусловно, является высокий статус культуры-донора в целом и ее отдельных составляющих. Этот статус может определяться уровнем общественного развития и хозяйственных технологий, наличием государственности, причинами конфессионального характера, эстетическими воззрениями и художественными вкусами, господствующими в социуме в определенный период»³.

Прежде всего, исходные положения А. Н. Власова закрепляют его статьи в энциклопедии «Мифология коми»⁴, посвященные заимствованным эпическим персонажам (Илья Муромец, Кирьян-Варьян, Педор Кирон, Мича Рёман и ряд других). Отталкиваясь от проблематики фольклорного двуязычия, исследователь стремился выявить степень «вхождения» русских текстов в коми традицию, при усвоении которых происходила традиционная адаптация, приближающая тексты к привычным и уже усвоенным фольклорным сознанием коми жанрам и обрядовому контексту. Попытаемся в сжатом виде обозначить его выводы.

Эпическая песня Педёр Кирон. От содержания русского духовного стиха в коми вариантах осталось только имя героя и некоторые общие песенные формулы (типа призыва на битву), попадающие в ряд типологических

¹ Власов А. Н. Фольклорное «двуязычие»: актуальные проблемы российской антропологии. С. 152.

² См. об этом: Дорохова Е. А. Этнокультурный билингвизм как предмет междисциплинарных исследований // III Всероссийский конгресс фольклористов (Москва, 3–7 февраля 2014 г.): сб. науч. ст. : в 5 т. Т. 1: Актуальные проблемы российской фольклористики / сост.: В. Е. Добровольская, Е. А. Дорохова, И. В. Дынникова, А. Б. Ипполитова. М., 2017. С. 16–30.

³ Дорохова Е. А. Указ. соч. С. 25.

⁴ Мифология коми. Энциклопедия уральских народов / науч. ред. В. В. Напольских. Т. 1. М.; Сыктывкар, 1999 (статьи А. Н. Власова: Илья Муромец: с. 164–165; Кирьян Варьян: с. 195–197; Мича Рёман: с. 239–240; Рёманича: с. 333; Педор Кирон: с. 292; Ёлексея божья: с. 274–275).

форм песенной сюжетики историко-героического характера. Бытование сюжета в местах расселения коми старообрядческого населения и распространения местного религиозного течения «певцы добра» (скорее всего, сложившегося под влиянием старообрядчества) закрепило в устной традиции имя христианского героя-воина Федора Тирона из русских духовных стихов вместо безымянного воина из солдатских песен, сюжетную схему которых усвоили коми исполнители. Изначальный образ святого великомученика-воина обретает привычные для народного сознания черты песенного лирического героя. Условность образа достигается путем именованья безымянного молодца из русских песенных сюжетов и внесения в образную систему сказочного колорита. Перед нами явление фольклорного «перевода», или перекодировки образа в связи с законами другой традиции.

Песня о Кирьяне-Варьяне представляет собой переходный вид от жанра духовного стиха к собственно героической песне. Система персонажей условна, приближается к сказочной; перед нами типичный, выраженный в песенной форме сказочный сюжет новеллистического характера о подвиге богатыря. Скорее всего, образ Кирьяна-Варьяна следует не ставить в ряд эпических традиционных образов русских богатырей, а относить его к типу образов местных силачей из поздних преданий, распространенных по всей территории Севера и представляющих позднюю стадию развития эпического сознания — переход от массового народного к исполнительно-индивидуальному.

Эпическая песня «Мича Рёман» (Прекрасный Роман). Ее сюжет отдаленно напоминает русскую балладу «Князь Роман и Марья Юрьевна». Зафиксированные версии бытовали на верхней Вычегде и верхней Печоре (в районах расселения коми старообрядцев); в жанровом отношении эти песни ближе к балладам. Имя героя имеет постоянный эпитет *мича* ‘красивый, прекрасный’, что придает имени собственному мифопоэтизированный смысл, образ получает положительную заданность значения. Образ Мича Рёмана — это условно обобщенный тип исторического персонажа, историческая конкретность которого утеряна и заменена на качественную оценку «прекрасный». Центральное место в сюжете песни занимает образ Рёманичи — жены (невесты) Мича Рёмана. Сюжет коми песен носит семейно-бытовой характер, сквозной является тема судьбы молодой женщины. Здесь обнаруживается сильное влияние свадебной семантики. Описание же фантастического бегства Рёманичи из плена напоминает мотив бегства в волшебных сказках, в которых природа обычно помогает героям спастись от преследователей.

Духовный стих «Олексея божья» представляет собой одну из народных версий на сюжет жития св. Алексея. Перевод на коми язык известного на севере духовного стиха связан с усвоением коми народом главным образом старообрядческой идеологии. Стих относится к внецерковной и внебогослужебной народно-песенной культуре духовного плана. В коми-зырянской среде сюжет русского духовного стиха претерпел существенную деформацию, хотя и узнаваем, т. к. строится на известных фабульных узлах. По стилисти-

ке он ближе к стилю лирической песни и поздней баллады. Это указывает на достаточно позднее его усвоение, причем следует скорее говорить не о переложении на коми язык, а о своеобразной форме народно-песенной, сказочного характера «импровизации» на тему христианского житийного сюжета. Ёлексея божья в коми стихе — жених, нарушающий статус свадебного и сакрального действия, вступающий в конфликт с установленным социальным порядком. При этом нарушение ритуального порядка в стихе ничем не мотивировано, оно важно само по себе — как путь получения статуса мифологического героя, добровольно отказывающегося от уз семейной жизни и высокого социального положения. В этом отношении его духовный подвиг заключается в добровольной жертве, т. е. добровольном отказе человека от жизненных благ и обретения состояния странника-скрытника, что позволяет установить мифопоэтические корни народного понимания святости христианского святого, его духовного подвига.

Эпическая песня об Илье Муромце. В основе единственного рукописного варианта песни об Илье Муромце («Илья Муромец да Калига»¹) лежит популярный в севернорусской эпической традиции сюжет старины «Илья Муромец и Идолище» и присутствуют элементы из других известных былинных сюжетов — «Илья Муромец и Калика перехожий» и «Ссора Ильи с князем Владимиром». Предпринятый А. Н. Власовым анализ позволил предположить, что текст былины на коми языке возник не ранее XIX — нач. XX в. в близкой к старообрядческим кругам среде и представляет собой осознанную переработку на коми языке русских былинных сюжетов об Илье Муромце, стилизованную под русскую устную эпическую традицию. В коми версии образ русского эпического богатыря более социологизирован, чем в русских сюжетах, и функционально сближается с героями волшебной сказки.

Убежденность А. Н. Власова в том, что «сравнительный анализ былин, бытовавших у русских и коми, на уровне этнопоэтических средств, через которые проступает мир человека этнического, может рассматриваться как одно из наиболее продуктивных направлений исследования этих практически не изученных записей былин»², сказала и в его последующих работах, посвященных эпическим заимствованиям³.

Прежде всего отметим определенное расширение исследуемого материала. Так, в поле изысканий А. Н. Власова был включен второй рукописный ва-

¹ Текст опубликован: *Микушев А. К.* Коми эпические песни и баллады. Л., 1969. С. 72–79. Из последующих публикаций коми эпоса этот текст исключен.

² *Власов А. Н.* Фольклорное «двуязычие»: актуальные проблемы российской антропологии. С. 165.

³ *Власов А. Н.*: 1) Образы русских эпических героев и процессы формирования эпических форм коми фольклора // Общие проблемы преподавания языков: преподавание русского языка в финно-угорской аудитории : тез. междунар. науч.-методич. конференции. Сыктывкар, 1998. С. 36–59; 2) Русские сюжеты в коми фольклоре. Проблемы формирования эпических форм // Этнопоэтика и традиция: к 70-летию члена-корреспондента РАН Виктора Михайловича Гацака. М., 2004. С. 78–114; 3) Фольклорное «двуязычие»: актуальные проблемы российской антропологии.

риант эпической песни об Илье Муромце на коми языке¹. Она была записана С. А. Поповым в 1924 г. в селении Уса, находящемся в устье р. Усы, притоке Печоры. Имени сказителя собиратель не зафиксировал. Текст былины не опубликован, рукопись хранится в фонде Национального музея Республики Коми. В комментариях к былине С. А. Попов указывает, что воспроизвел пересказ без напева. Таким образом, оба варианта бытовали на Печоре и связаны по содержанию. Данный вариант является контаминацией четырех былинных сюжетов: исцеление Ильи, ссора с Владимиром, Илья и Идолище, смерть Святогора. Из особенностей рассматриваемых текстов А. Н. Власов выделяет: 1) в обеих коми былинах калика является братом Ильи, тогда как в севернорусских вариантах он его давний знакомый (конюх в доме отца); 2) по сюжету Илья освобождает от Идолища отца с матерью, подвергшихся большим мучениям (в русских былинах им освобождается князь Владимир или Киев); 3) описание русского богатыря «в железной одежде, в железной шапке, с железной палицей» не характерно для русских былин, но имеет явные параллели с коми эпическим фольклором (например, образ героя коми преданий — колдуна Кёрт-Айки ‘Железного свекра’). Особо выделен и мотив восхождения Ильи на небо, неизвестный в севернорусской традиции. По поводу последнего мы можем добавить, что в мифопоэтических представлениях коми образ Ильи Муромца легко сливается с образом громовержца, тем более что коми муравны имеет значение ‘глухо греметь, слышаться отдаленному грому’: *«Илья Муромеч мунэ телегас-пе пидзессянясема и нёль пара вёлэн-пе мунэ кёрт поскэд: гымалэ (сiе шувёны гымалэм). Кор Илья Муромеч мунэ зэл ёдйэ, телега гёгыль улсис биис сявкъялэ и вот-пе востымасе и биис сiя лове. Кор-пе йона ёддзедас мунні, сэк-пе сiя нёёл вуджъен лые»* (Илья Муромец, сидя на коленях, на телеге, запряженной четырьмя парами коней, по железному мосту едет — тогда, говорят, гром гремит. А когда Илья Муромец едет быстро, из-под колес искры летят, и вот это и есть зарницы. Когда очень быстро едет, тогда, говорят, молнии вылетают)»². Размышляя о данном тексте, необходимо выделить еще один, абсолютно чуждый для русского эпоса мотив убийства богатырем князя Владимира с княгиней: *«Юрсё босьтiс, пос помас сетiс, — пос пырыс муні. А княгинясё босьтёс да ётар кокас туччис да мёдсё вылё чашвартiс»*³ (Схватил за волосы, ударил об лестницу — сквозь лестницу прошел. А княгиню взял, на одну ногу наступил и другую вверх разорвал). Так богатыри убивают своих супротивников (Илья Муромец разрывает Сокольника и т. п.), но никак не князя. Это позволяет говорить о том, что исполнитель не только владел определенным былинным и, вероятно, сказочным репертуаром, но и своеобразно сочетал и трансформировал сюжетные пово-

¹ НМ РК. КП-12482. Фольклор летского р-на. Записи С. А. Попова. «Илья Муромеч сын Иванович». Лл. 38–53.

² Fokos-Fuchs D. R. Volksdichtung der Komi (syrjanen). Budapest. 1951. P. 245. [с. Керчомья, Усть-Куломский район Республики Коми].

³ НМ РК. КП-12482. Фольклор Летского р-на. Записи С. А. Попова. «Илья Муромеч сын Иванович». Л. 42.

роты. К сожалению, С. А. Попову не удалось выявить репертуар этого сказителя. Как отмечает собиратель, запись былины в с. Уса сделана почти случайно: ему указали дом, где хозяин — «хороший сказочник», который «отнекивался», ссылаясь на свою занятость, но, получив серебряный двугривенник, сразу запел былинку на коми языке. Времени у С. А. Попова не оставалось, и больше он ни о чем расспросить исполнителя не успел: ни о других «песнях про богатырей», ни о другом, «сказочном», репертуаре, ни даже о биографических данных исполнителя.

В целом рассматриваемый рукописный вариант эпической песни допускает несколько вариантов дальнейшего осмысления. Тот же былинный сюжет «Смерть Святогора в гробу», введенный в данный вариант коми эпической песни, находит текстуальные параллели как с коми сказками Удоры, так и с русскими былинами, записанными А. Д. Григорьевым на Мезени¹. Н. С. Коровина, исследуя взаимосвязь русского песенного эпоса и коми сказок о богатырях русского эпоса, выделяет две локальные зоны, где сконцентрированы близкие по составу сказки о богатырях: это Ижма, соседствующая с эпической традицией Усть-Цильмы, и Удора, соседствующая с русской эпической традицией Мезени².

Размышляя далее на эту тему, можно несколько по-иному взглянуть на появление коми эпических песен о богатырях русского эпоса. По убеждению А. Н. Власова, «интерпретация русских эпических сюжетов и образов в фольклорном сознании коми народа неотделима от усвоения основных мировоззренческих универсалий старообрядческой традиции»³. Однако, на наш взгляд, общим для Усть-Цильмы, ижемских, да и удорских коми может быть названа не только конфессиональная составляющая, но и общая для этих традиций оленеводческая субкультура. И устьцильмы, и коми-ижемцы развивали товарное оленеводство, которое пришло на Мезень, где в начале XIX в. появились крестьяне, владеющие стадами оленей. Товарное оленеводство было завязано на продажу его продукции на рынке, а ключевым пунктом сбыта продукции северных промыслов были Никольская (в декабре) и Благовещенская (в марте) ярмарки в Пинеге, куда существовало два пути, которыми оленеводы могли прибыть в город Пинегу из ближайших Тиманской и Канинской тундр: зимний путь через город Мезень, далее — вверх по реке Кулой до самой Пинеги и летний, по водораздельной области: от Усть-Цильмы (через Пёзский волок) к селу Вожгора на Мезени, затем к селу Важгорт на Вашке, затем путь выходил к селу Сура на реке Пинеге, от которого по реке шел к городу Пинеге. Этот путь вплоть до начала XX в. поддерживался в рабочем состоянии, на всем пути были избы, обогреваемые весь период яр-

¹ Целый ряд подобных совпадений выявлен Н. С. Коровиной в ее монографии: *Коровина Н. С. Типология взаимодействия коми и русских волшебных сказок (сюжетный состав, художественно-стилевая структура)* / отв. ред. А. Н. Власов. Сыктывкар, 2013. С. 48.

² Там же. С. 45–55.

³ Власов А. Н. Фольклорное «двуязычие»: актуальные проблемы российской антропологии. С. 162.

марок¹. Ю. А. Новиков, рассматривая взаимосвязь эпических традиций Кулоя, Мезени и Печоры, подчеркивает важную роль водного пути Мезень — Пёза — Волок — Цильма — Печора в появлении сходства мезенского и печорского эпических репертуаров². Таким образом, существовала устойчивая досуговая «ниша» — исполнительская среда (исполнитель — текст — аудитория), в которой сказители, без сомнения, имели особый статус. Вероятно, одну из таких ситуаций воспроизводит академик А. Кастрен в своих путевых заметках, где он в нескольких словах описывает редкие для своего путешествия по европейским тундрам минуты отдыха: «В нашем пестром кружку наслаждение жизнью проявляется однако ж чрезвычайно разнообразно. Русский распевает веселые песни, шутит, подсмеивает, дурачится; зырянин — читает молитвы, рассказывает жития святых и преподает нравственные наставления; самоед — сидит тихо и внимательно слушает, что говорят люди умнейшие»³. Обратим внимание на то, что в описанной обстановке не устьицелёмы, а именно православные коми-ижемцы выступают в роли носителей репертуара духовно-этического содержания.

Коми-билингвы, являясь слушателями, а возможно, также исполняя свой сказочный репертуар, таким образом перенимали эпические песни, которые затем переводили на коми язык уже для другой аудитории. Возникшие таким образом эпические песни на коми языке в силу особых исполнительских требований, вероятно, не нашли последователей, и в дальнейшем стали бытовать уже в прозаической форме, соединившись со сказочным репертуаром исполнителей. Возможно, еще и поэтому предпринятые поиски песенного эпоса во второй половине прошлого века не увенчались успехом. А. К. Микушев, побывав в Ижемском районе в 1958–1959 гг., в научном отчете отмечает: «Мы настойчиво искали по всей Ижме былины на коми языке — об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, про Платова-казака, на существование которых среди ижемцев указывали в начале XX в. известные русские фольклористы. Но нам не удалось записать ни одного былинного отрывка. Более того, большинство из стариков даже не слышали слов — былина, старина. И все-таки можно согласиться с русскими фольклористами в том, что на коми языке подобные старины бытовали. Конечно, не зная коми языка, русские фольклористы не смогли записать этих старин. Но сам факт существования этих старин подмечен правильно. Имена героев русского эпоса популярны среди сказителей всех поколений. Сказки об Илье, Добрыне зарегистрированы нами повсеместно. Старожилы утверждают, что они слышали в прошлом, как пели про Илью»⁴. Позже, в 1964 г. А. К. Микушев попытался записать от И. Ф. Быковой

¹ Тютторский А. Сура — взгляд этнографа // Тетради по консерватизму. 2020. № 1. С. 17.

² Новиков Ю. А. Обзор былин мезенской традиции // Былины Мезени. СПб.; М., 2003. С. 36–49. (Свод русского фольклора: Былины в 25 т. Т. 3).

³ Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849). М., 1860. IV. С. 175.

⁴ Микушев А. К. Ижемская народная поэзия. Записи фольклорного материала за 1958–1959 гг. // НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 194. Л. 47.

былину «Илья Муромец да сын Иванович», но, к сожалению, она не сумела ее воспроизвести. Запела она тем же напевом, что и эпическую песню «Даскык ая-пия» (Отец с сыновьями сам-двенадцать), судя по фрагментам (*Мый пö тэ джёмдалан травяной мешок? Что ты спотыкаешься, травяной мешок?*), это была былина «Илья Муромец и Соловей-разбойник»); пели эту песню и мать, и отец Быковой, она ее тоже знала, но поскольку давно не исполняла («Детям это неинтересно, им бы «Бобö» да «Пипилисті сөкөл»), вспомнить не смогла¹.

Рассуждая далее, эпическую традицию Ижмы можно восполнить рядом памятников ижмо-колвинской эпической традиции, никогда не терявшей связь с материнской ижемской культурой. Здесь также были записаны баллады о Мича Рёмане (как в песенной, так и в стихотворно-прозаической формах), духовный стих о Егории Храбром, варианты вымской эпической песни «Дас кык ая-пия». Далее можно предположить, что Ижму с другими коми регионами особым образом связывали именно фольклорные связи, реализуемые разного рода сказителями. Так, по записям А. К. Микушева, Д. Г. Канева из с. Несь (1888 г.р.), «знающая сказки про Илью Муромца» (от нее была записана сказка «Добрыня да Алеша Попович»), еще застала время, когда на Ижму с Сысолы приезжали певцы («стих сьылысьяс») и пели по-коми духовные стихи о святых — Алексее человеке божьем, Федоре Кироне и другие². Известным фактом является существование своего рода отхожего промысла вишерских³ коми, ходивших группами в поисках милостыни на Ижму. Вероятно, и они пользовались сказительской репутацией.

Несомненно, здесь мы переходим к совершенно другому типу исполнительства и другой системе «исполнитель — текст — аудитория». Песенный эпос определенным образом был направлен на охват всей этнической культуры, выражал общезнающие идеалы и был известен во многих уголках коми края. Само владение песенной формой требовало уже определенных исполнительских навыков. И хотя принято считать, что профессиональных исполнителей у коми не было, многие факты говорят об обратном. Исполнителями были странствующие, прежде всего в поисках пропитания и, возможно, с определенной духовной миссией по коми краю певцы, в репертуар которых входил и сказочный фольклор. Так, упоминаемая выше исполнительница И. Ф. Быкова, эпической песней которой открывается раздел «Коми-зырянский эпос» книги «Коми народный эпос»⁴, переняла часть своего репертуара от матери, часть — от паломников Ульяновского монастыря на верхней Вычегде, часть от «странников», которые часто останавливались в их доме. При этом сама всю жизнь безвыездно провела в своем селении. Ссы-

¹ ФФ ИЯЛИ. А15р2. Записано А. К. Микушевым в д. Ибы Усть-Вымского р-н от И. Ф. Быковой, 1884 г.р. в 1964 г.

² Микушев А. К. Научный отчет о Канино-Тиманской фольклорной экспедиции (май-июнь 1972 г.) // НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 118. Т. 1. Л. 35.

³ Вишера — приток Вычегды.

⁴ Коми народный эпос / вступ. ст., пер. текстов песен, коммент. А. К. Микушева; отв. ред. Б. П. Кирдан. М., 1987.

ляется она и на сказителей — странствующих нищих: «Корысьяс вöлі воласны: Стик пö сьылам. Ная пырасны да татче сувтасны да стик и мöдöны вöлы сьывны. Кызд Господьсö виемась да мый да»¹ (Просящие милостыню, бывало, зайдут: «Стих споем». Зайдут, у порога встанут и стих станут петь. О том, как господа убивали и что-то такое). Вероятно, это такие же странники, о которых вспоминает Д. Г. Канева из с. Несь.

Таким образом, проблема фольклорного двуязычия в области песенного эпоса обретает новый исследовательский ракурс, направленный на реконструкцию всей фольклорной системы «исполнитель — текст — аудитория», которая позволит увидеть и осознать роль многих надфольклорных фактов, задействованных в становлении этой традиции.

Список источников

Власов А. Н. Илья Муромец; Кирьян Варьян; Мича Рёман; Рёманича; Педор Кирон; Ёлексея божья // Мифология коми. Энциклопедия уральских народов. Т. 1 / науч. ред. В. В. Напольских. М.; Сыктывкар: ДИК, 1999. С. 164–165; 195–197; 239–240; 333; 292; 274–275.

Власов А. Н. Образы русских эпических героев и процессы формирования эпических форм коми фольклора // Общие проблемы преподавания языков: преподавание русского языка в финно-угорской аудитории : тез. междунар. науч.-методич. конференции. Сыктывкар: Мин-во образования и высшей школы Республики Коми, 1998. С. 36–59.

Власов А. Н. Проблема двуязычия в традиционной народной культуре на территории Коми Республики (по материалам фольклорных экспедиций Сыктывкарского университета) // Духовная культура: история и тенденции развития: тез. докл. Ч. 1. Сыктывкар: СГУ, 1992. С. 81–85.

Власов А. Н. Русские сюжеты в коми фольклоре. Проблемы формирования эпических форм // Этнопоэтика и традиция : сб. науч. ст. в честь 70-летия В. М. Гацака / отв. ред. В. А. Бахтина. М.: Наука, 2003. С. 78–114.

Власов А. Н. Фольклорное «двуязычие»: актуальные проблемы российской антропологии // Пути-перепутья современной фольклористики : сб. ст. и материалов памяти В. А. Лапина / сост., отв. ред. А. Ф. Некрылова. СПб.: б/и, 2022. С. 151–165.

Власов А. Н., Филиппова В. В. Фольклорное двуязычие в традиционной культуре коми // Традиционная культура. 2000. № 2. С. 87–89.

Дорохова Е. А. Этнокультурный билингвизм как предмет междисциплинарных исследований // III Всероссийский конгресс фольклористов (Москва, 3–7 февраля 2014 г.) : сб. науч. ст. : в 5 т. Т. 1. Актуальные проблемы российской фольклористики / сост. В. Е. Добровольская, Е. А. Дорохова, И. В. Дынникова, А. Б. Ипполитова. М.: Роскультпроект, 2017. С. 16–30.

Коми народный эпос / вступ. ст., пер. текстов песен, коммент. А. К. Микушева; отв. ред. Б. П. Кирдан. М.: Наука, 1987. 686 с.

Коровина Н. С. Типология взаимодействия коми и русских волшебных сказок (сюжетный состав, художественно-стилевая структура) / отв. ред. А. Н. Власов. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. 232 с.

¹ ФФ ИЯЛИ А15р2. Записано А. К. Микушевым в д. Ибы Усть-Вымского р-н от И. Ф. Быковой 1884 г.р. в 1964 г.

Лапин В. А. Русский музыкальный фольклор и история (к феноменологии локальных традиций): очерки и этюды. М.: Моск. гос. фольклор. центр «Русская песня», 1995. 185 с.

Лапин В. А. Фольклорное двуязычие: Феномен и процесс // Искусство устной традиции. Историческая морфология : сб. науч. статей, посвящ. 60-летию И. И. Земцовского. СПб.: Российский ин-т истории искусств, 2002. С. 28–39.

Микушев А. К. Коми эпические песни и баллады. Л.: Наука, 1969. 292 с.

Новиков Ю. А. Обзор былин мезенской традиции // Былины Мезени. СПб.: Наука; М.: Классика, 2003. С. 36–49. (Свод русского фольклора: Былины в 25 т. Т. 3).

Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849). М., 1860. IV. 254 с.

Туторский А. Сура — взгляд этнографа // Тетради по консерватизму. 2020. № 1. С. 15–24.

Fokos-Fuchs D. R. Volksdichtung der Komi (syrjanen). Budapest, 1951. 472 p.

Е. Е. Васильева (Санкт-Петербург)

«Свети, солнце, в долги часы»: посвящение А. Н. Власову

Аннотация. В статье предложен комментарий и вопросы по атрибуции произведения из рукописного песенника (собрание Титова Российской национальной библиотеки). Оно состоит из 72 8-сложных стихов нерегулярной строфики; в нем не просматривается сюжет, ведущей является тема обращения к свету, солнцу. Автор и творческий посыл, вызвавший к жизни этот текст, остаются неизвестными. Размышления об этом расцениваются автором статьи как несостоявшийся разговор с Андреем Николаевичем Власовым.

Ключевые слова: рукописный песенник, книжная песня, собрание Титова РНБ

Андрей Николаевич Власов был фольклористом с необыкновенно широким кругозором. Так многое его интересовало! Но самое главное заключалось в большом, необыкновенной конфигурации контексте, в котором воспринимались и осмыслились и разные темы, и отдельные тексты. Песни — они живут в звучании, и сыктывкарские фольклористы запели, песни уже много лет хранят дружескую и профессиональную общность. Рукописные источники — поиск и история книжных центров, жития святых и записки деревенских жителей, сделанные когда-то на память. Полевые исследования — бесконечные диалоги, в которых среди прочего были и обрядовые тексты на русском и коми языках, составлявшие непостижимое для рутинного восприятия фольклористов того времени единство (идея фольклорного двуязычия была сформулирована и развита В. А. Лапиным значительно позже)¹. Любимые города — Сольвычегодск, Великий Устюг, с их храмами, улицами, судьбы людей,

¹ Лапин В. А. Русский музыкальный фольклор и история (к феноменологии локальных традиций). Очерки и этюды. М., 1995.

любительский спектакль, исторические предания. Книжные песни тоже вызвали его интерес — большая редкость среди фольклористов.

Общение с Андреем Николаевичем было разнообразным и плодотворным; можно было задать странные вопросы, привести в движение неожиданные ассоциации. Так, однажды возник вопрос атрибуции необыкновенного текста, «Похвалы Великому Устюгу», который был извлечен из рукописного песенника. Андрей Николаевич уверенно сказал, что он был опубликован в Великоустюжском издании полуторавековой давности. Когда «Песенная артель» (составившаяся из студентов кафедры русского народного песенного искусства Санкт-Петербургского государственного института культуры) приехала в Великий Устюг с концертами и с изданиями великоустюжских рукописных песенников¹, то сказанное Андреем Николаевичем было подтверждено. К слову сказать, первое выступление «Песенной артели» со спектаклем «Песни дружеского круга», давшее ей имя, состоялось в семинаре А. Н. Власова в Пушкинском Доме.

И вот у меня на руках еще один необыкновенный текст. Так хотелось бы прочесть его вместе с Андреем Николаевичем, порадоваться, обменяться впечатлениями и догадками о возможной его истории, авторе, обстоятельствах возникновения. Надеюсь, что публикация в сборнике его памяти хотя бы отчасти выполнит роль этого диалога.

Вот это стихотворение, извлеченное из песенника, где оно было вписано под партитурой и преобразовано стихотворной графикой:

Солнце токмо как пригрело,
Кони быстры как из моря
Вынырнули, то пришло
Слезам сохнуть, и всецело
Появилась щастья зоря.
Пусть же светик присекает,
С веселием поспешает,
Звезды себе пусть катают,
Неба круг пусть украшают,
Кроме меня пусть гуляют.
О как скучно было жити,
Как печально плакать всегда,
Молвить, скучать и тужити,
Каковую очи тогда
Ночь имели — сонца нету,
Седеть во тме, в угле свету.
От лихаго все навету

¹ Речь идет об изданиях песенников из отдела рукописей РНБ: песенник Q. XIV. 134 опубликован в извлечениях Е. Е. Васильевой, см.: *Васильева Е. Е. Рукописный песенник XVIII века. К истории книжной песни // Русская народная песня: Известные страницы музыкальной истории / сост. и отв. ред. В. А. Лапин. СПб., 2009. Вып. 2. С. 48–132 (Серия «Фольклор и фольклористика»); второй песенник (РНБ, Тит. 4272): Музыкальный Петербург: энциклопедический словарь. Т. 1. XVIII в. Кн. 5. Рукописный песенник с голосами, положенными на ноты / изд. подгот. Е. Е. Васильева, В. А. Лапин, Н. О. Атрощенко; отв. ред. Е. Е. Васильева. СПб., 2002.*

Мнил бы уже, что при смерти,
Нету слезы кому стерти.
На что беды поминаю?
Ныне солнце величаю.
Щастье мое вожделенно,
Будь со мною неотменно,
Обидимых всех прощаю.
А как простил, начну канты,
Рондо, менвет, Италия,
Воспой сонет и куранты —
Стала в глазах веть Россия.
Дышкант, тенор и два басы
Переменны поют гласы.
Пусть услышат, что Бог с нами,
Лежит зависть под ногами.
Нету беды, и слез нету.
Возвратился с края свету,
Вижду солнце, что сияет,
Лучи светлы простирает.
Ум печален не бывает,
Плоды щастья собирая.
Поля, холмы, луга чисты,
Пред очима грады, веси,
Хлебны нивы разложисты.
Почудися, кто ни еси,
Что Бог творит: он смиряет,
Он бросает, поднимает.
Ничто дивно: мир сей тако
Стой, обыкл он отпадати,
Божие же — возставляти,
Никто не мни, что инако.
Он то сделал, дабы злато
Чище было сквозе воду,
Сквозе камень, море, блато
Перепускал. Пусть же роду
Последнему вестно будет —
Злато в цене не убудет.
Начну канты. Свети, солнце,
Пришло само под оконце.
Кто бы думал, что спасуся?
Но что долго не сумнюся,
Веть то не сон, правда ясна,
Прошли беды, как ужасна
Туча прейдет, небо ведро
Льет радости густы щедро.
Уж и звезды, прежде злобны,
Стыд подносят и крыются,

Как обыче прах вседробный
Исчезает, разсыплутся.
Кто Бог велий обладаяй,
Яко Бог наш свободаяй.
Мила муза, нища, бедна,
Начни канты и куранты,
Деликатны воспой гласы:
Свети, солнце, в долги часы¹.

Большое стихотворение, из 72 8-сложных стихов, которые не складываются в регулярные строфы: прихотливая рифмовка объединяет то 5 стихов, то 3, то пару. В композиции не просматривается сюжет, важна тема обращения к свету, к солнцу: *«Солнце токмо как пригрело...»*; *«Вижду солнце, что сияет, / Лучи светлы простирает...»*; *«Свети, солнце, / Пришло само под оконце...»*; *«...небо ведро / Льет радости густы щедро...»*; *«Свети, солнце, в долги часы...»*.

Тема солнца обрамляет стихотворение и получает развитие в противопоставлениях несчастью, бедам, возможно болезни:

О как скучно было жити,
Как печално плакать всегда,
Молвить, скучать и тужити,
Каковую очи тогда
Ночь имели — сонца нету,
Седеть во тме, в угле свету...

Или еще более рельефное сжатое противопоставление: *«На что беды поминаю? / Ныне солнце величаю»*.

Причина бед не названа: это не заключение в тюрьме, не изгнание, но несчастье, вызванное «злым наветом». Теперь, когда «лежит зависть под ногами», их прекращают не действия героя, а воля Божия:

Что Бог творит: он смиряет,
Он бросает, поднимает.
Ничто дивно: мир сей тако
Стой, обыкл он отпадати,
Божие же — возставляти...

В стихотворении образ света, солнца является как символ Родины, воли и счастья. Область света, тепла расширяется видением России.

Стала в глазах веть Россия. <...>
Вижду солнце, что сияет,
Лучи светлы простирает
Ум печален не бывает,
Плоды щастья собирая.
Поля, холмы, луга чисты,
Пред очима грады, веси
Хлебны нивы разложисты.
Почудися, кто ни еси...

¹ РНБ, отдел рукописей, Тит. 2038. Л. 74–77, № 58.

Итак, текст одушевлен единым порывом, то — *счастья зоря*, чаемое, желанное возвращение в Россию. Солнце, воля после «сидения во тьме зельной», милые виды кружат в пространстве этого текста, обращаясь к «щастью неотменну».

Это отнюдь не песенный язык. Лексика пестра, соединяет «разнородные» элементы: просторечие инициального стиха *«солнце токмо, как пригре-ло»* соседствует с мифологической аллюзией *«кони быстры как из моря / Вынырнули»*, кони Гелиоса — кони солнца, Фебова колесница. В текст легко входят молитвословные формулы *«...Кто Бог велий обладая, / Яко Бог наш свободяй»* («Кто Бог велий, Яко Бог наш!»), призыв *«...что Бог с нами»*.

Особый интерес вызывает ряд музыкально-поэтических терминов, в котором европейским — французским и итальянским сонету, менуэту, рондо, противостоят канты как любимая, избранная форма. Отметим, что канты, которые с петровских времен вошли в культурное достояние России, хорошо знакомы автору / лирическому герою. Он знает их звучащую реальность: «дишкант, тенор и два басы, переменны поют гласы...».

Столь же неоднородна и версификация, стихотворная речь: легкие, как дыхание, стихи соседствуют с архаичными по лексике и выбору рифм строками.

Ничто дивно: мир сей тако
Стой, обыкл он отпадати,
Божие же — возставляти,
Никто не мни, что инако.

Четырехстопный хорей часто уступает облегченным стихам с пропущенными ударениями, а однажды просто сменяется прозаизмом, напоминающим поговорку или детскую закличку: «Свети, солнце, пришло само под оконце».

Итак, перед нами сложный текст без выстроенного сюжета с неожиданными поворотами, стилистическими перепадами, за которыми стоит богатый слуховой опыт, с разнообразием аллюзий, широким спектром лексики, поэтических приемов. Хочется понять, какие житейские коллизии могли за ним стоять? Каким культурным и литературным кругозором обладал автор? Кто это мог быть?

Обратимся к рукописи, из которой извлечен текст. Это песенник Титовского собрания, хранящегося в Российской национальной библиотеке (Тит. 2038). Филигрانی указывают на то, что бумага произведена на Ярославской мануфактуре Сидора Яковлева; в соответствии с таблицами С. А. Клепикова, употребление подобных листов зафиксировано между 1771 и 1789 гг. Состав песенника и события, к которым отсылают панегирические канты, не противоречат такой датировке¹. На листах 74–77 написана партитура с двумя текстами — № 57 и № 58. Первый из них Пасхальный («Почто мрачны глухи ночи») принадлежит, по мнению Т. В. Ливановой, Симону, епископу Твер-

¹ Подробнее см.: Васильева Е. Е. Трижды ростовский песенник из собрания ОР РНБ // История и культура Ростовской земли: материалы научной конференции (Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль», 12–14 ноября 2006 г.). Ростов, 2007. С. 20–48.

скому¹. Второй — наш («Солнце токмо как пригрело»). Он не координирован с партитурой, совпадает только объем стиха. Причина, по которой он оказался вписанным под партитурой, не ясна. Можно предположить, что составитель песенника имел перед собой стихотворный (не музыкальный) текст, который жаль было потерять, и по сходству стиха ему нашлось место под прямо противоположным по начальному образу текстом.

Итак, обращение к рукописи может дать только условную датировку: верхняя граница — конец XVIII в., позже которого он не мог быть написан, нижняя неопределенна, т. к. рукописные песенники часто включали в себя удержанные бытованием «старые» тексты. Некоторым доводом может служить то обстоятельство, что канты оставались живым творческим явлением в послепетровскую эпоху. Позднее, к концу царствования Елизаветы и в Екатерининское время, они превратились в неподвижные фигуры, украшающие царственных особ. Для человека (автора / лирического героя нашего стихотворения) кант был живым пространством творчества (вспомним: «начну канты»).

Текст не дает основания искать повод к его созданию ни во внешнем вызове (посвящение персоне или событию), ни во «внутреннем» (собственно литературной задаче, подобно тем, которые ставили авторы трактатов о стихосложении). Остается полагать, что этот монолог мотивирован переживаниями, основанными на жизненных коллизиях.

Итак, на наши вопросы нет ответа. Остается надежда на читателей и собеседников.

Список источников

Васильева Е. Е. Рукописный песенник XVIII века. К истории книжной песни // Русская народная песня: Неизвестные страницы музыкальной истории / сост. и отв. ред. В. А. Лапин. СПб.: ГНИИ «Институт истории искусств», 2009. Вып. 2. С. 48–132 (Серия «Фольклор и фольклористика»).

Васильева Е. Е. Трижды ростовский песенник из собрания ОР РНБ // История и культура Ростовской земли: материалы научной конференции (Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль», 12–14 ноября 2006 г.). Ростов: Изд-во Гос. музея-заповедника «Ростовский Кремль», 2007. С. 20–48.

Лапин В. А. Русский музыкальный фольклор и история (к феноменологии локальных традиций). Очерки и этюды. М.: Московский государственный фольклорный центр «Русская песня»; Российский институт истории искусств, 1995. 200 с.

Музыкальный Петербург: энциклопедический словарь. Т. 1. XVIII в. Кн. 5. Рукописный песенник с голосами, положенными на ноты / изд. подгот. Е. Е. Васильева, В. А. Лапин, Н. О. Атрощенко; отв. ред. Е. Е. Васильева. СПб.: Композитор, 2002. 312 с.

Сборник кантов XVIII века (в извлечениях): Из рукописных фондов Гос. исторического музея: Прил. к 4 разделу книги Т. Ливановой «Русская музыкальная культура XVIII в.», т. 1. М.: Гос. муз. изд-во, 1952. 136 с.

¹ См.: Сборник кантов XVIII века (в извлечениях): Из рукописных фондов Гос. исторического музея: Прил. к 4 разделу книги Т. Ливановой «Русская музыкальная культура XVIII в.», т. 1. М., 1952. С. 94–97, № 46; с. 135 (комментарий).

Андрей Николаевич Власов — истинный пушкинодонец

Аннотация. Заметка связана с размышлениями об А. Н. Власове как сотруднике ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, с воспоминаниями о совместно прожитых буднях, праздниках и поездках; автор выделяет личные качества А. Н. Власова как человека, как организатора науки и как ученого, принадлежащего Пушкинскому Дому.

Ключевые слова: А. Н. Власов, Пушкинский Дом

Был ли Андрей Николаевич моим другом? Пожалуй, нет, он был для меня хорошим товарищем. Впервые я увидел его в Сыктывкарском университете в 1990-е гг., когда он был деканом филологического факультета, а я читал спецкурс по севернорусским былинам. Так как я был старше его на семь лет, то обращался к нему просто «Андрей», а он ко мне — «Александр Николаевич». Как известно, с 2005 г. Андрей Николаевич стал работать ведущим научным сотрудником в Отделе фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, совмещая эту должность с должностью профессора на кафедре русской литературы в Российском государственном педагогическом университете имени А. И. Герцена. Уже в Пушкинском Доме мы с Андреем Николаевичем сблизились. Помню, как весело отмечалось его 50-летие в читальном зале Древлехранилища имени В. И. Малышева. Здесь собрались не только фольклористы, но и сотрудники Отдела древнерусской литературы, представители других отделов. В том же году в переполненном Древлехранилище праздновалось 60-летие Владимира Павловича Бударagina, на котором в бумажных богатырских шлемах звукоинженер Фонограммархива Александр Валентинович Осипов («Илья Муромец»), я («Добрыня Никитич») и Андрей Николаевич исполняли сочиненную былинку про великого князя Владимира. В октябре 2010 г. в огромном переполненном зале башни Пушкинского Дома отмечалось 55-летие Андрея Николаевича. Как он был весел — особенно когда его сыктывкарские коллеги и ученики подарили ему видеофильм с признаниями в любви к нему.

В 2009 г. Александр Александрович Горелов по возрасту перестал руководить Отделом фольклора. Мне позвонил тогдашний директор ИРЛИ Всеволод Евгеньевич Багно и предложил возглавить отдел, но я отказался и назвал кандидатуру А. Н. Власова как человека, обладающего опытом руководителя. Он был прекрасным заведующим. Заботился о сохранении штата, заботился о людях, работающих в отделе много лет, старался привлечь в отдел новых, молодых, перспективных сотрудников. Он прекрасно разряжал подчас чересчур нервную обстановку на наших заседаниях.

Никогда не забуду, как он однажды выручил меня. Мы с женой купили путевки в туристическую поездку в Израиль. Однако меня неожиданно в эти же сроки вызвали в Москву с отчетом в Российский гуманитарный научный

фонд. Я попросил Андрея заменить меня, и он сразу согласился, хотя командировка пришлась на его день рождения. Потом он со смехом рассказывал, как отмечал этот день утром и вечером в поезде «Сапсан».

Особенно сблизились мы благодаря многочисленным командировкам: в Москву на конференции, организуемые Центром русского фольклора, в Петрозаводск на «Рябининские чтения», на конгрессы фольклористов в Подмосковье, в Тулу и Калугу, на Пушкинскую конференцию в Великом Новгороде. Как правило, мы жили в одном номере, который почти каждый вечер становился веселым центром встреч с коллегами: Ю. А. Новиковым, Е. А. Костюхиным, Е. А. Дороховой, В. А. Лапиным, Е. Е. Васильевой и другими. На следующий день Андрей Николаевич вставал рано и начинал петь что-то из шлягеров, обычно «Всё будет хорошо!» Я умолял его прекратить, он замолкал на минуту, а потом продолжал свое пение.

Я всегда восхищался умением Андрея Николаевича общаться с людьми старшего поколения. Помню его долгие разговоры с В. М. Гацаком, его многолетнюю дружбу с Т. Я. Гринфельд, Ю. А. Новиковым и Е. А. Костюхиным. Когда Евгений Алексеевич Костюхин скоропостижно скончался, Андрей Николаевич трогательно заботился о его вдове и всячески поддерживал его осиротевших дочек-школьниц. Умел он дружить и со сверстниками. Долгие годы дружбы связывали Андрея Николаевича с московским музыковедом Екатериной Анатольевной Дороховой. Когда она приезжала в Петербург, он встречал ее на вокзале и провожал в Москву. Они не только опубликовали несколько совместных статей, но и выпустили в свет книгу «Свадебный фольклор нижней Вычегды».

Долгие годы, уже работая в Петербурге, Андрей Николаевич поддерживал самые тесные контакты со своими коллегами и учениками в Сыктывкаре, постоянно публикуя свои статьи в сыктывкарских изданиях.

Было что-то в Андрее Николаевиче мальчишеское, гусарское. Никогда не забуду, как он радовался, что его пригласили на телевидение на передачу о Казанове. «Да, да — это я — Казанова!» — восклицал он.

Одна из любимых его учениц, Татьяна Степановна Канева, в некрологе о своем наставнике справедливо написала, что Андрей Николаевич был человеком увлеченным и увлекающимся, энергичным и азартным, веселым и жизнерадостным, практическим и романтическим.

Когда-то давно я, сегодня уже проработавший 50 лет в ИРЛИ, придумал словосочетание «истинный пушкинодомец». Для меня это человек, для которого Пушкинский Дом — это действительно любимый Дом; это человек открытый, общительный, окруженный друзьями — и трудоголик. Такими были и остаются Д. С. Лихачев, В. И. Малышев, Л. А. Дмитриев, С. А. Фомичев, В. П. Бударгин. Таким же «истинным пушкинодомцем» был и останется в памяти Андрей Николаевич Власов.

СТАТЪИ

Поморские помянники как источники по истории печорского старообрядчества

Аннотация. Статья нацелена на привлечение внимания специалистов по истории старообрядчества Русского Севера к такому письменному источнику, как помянники. Дается общая характеристика двух помянников XVIII в. из частного собрания (с. Усть-Цильма), знакомство с которыми стало возможно в результате экспедиционных разысканий последних лет, предпринятых авторами статьи. В работе обозначаются наиболее важные наблюдения по датировке рукописей (помянников) и их содержанию, отмечаются вопросы дальнейшего изучения подобных памятников.

Ключевые слова: старообрядчество, помянники, поморская традиция, Усть-Цильма

Остались да одни имячка, имячка на поминочки.
(Из усть-цилемского причитания)

В одной из своих последних работ А. Н. Власов, возвращаясь к давно волновавшей его теме, заключил: «Образ Смерти занимает доминирующее положение в традиционном сознании устьцилема, волей-неволей архетипически в нем присутствует и манифестируется в разнообразных формах»¹. Одной из таких форм уверенно можно считать поминовение усопших по спискам-помянникам, создаваемым и/или сохраняемым той самой «волей» грамотных представителей общины, молитвенников за семью, род и единоверцев.

Помянники, бытующие у печорских старообрядцев, редко становились объектами специального изучения, но в последние годы они начали привлекать внимание сыктывкарских археографов². Эти рукописные памятники

¹ Власов А. Н. «Усть-цилемская горка» как жанровая разновидность архетипической модели «пляска смерти» в народном искусстве (опыт феноменологического анализа) // Народное культурное наследие: традиции и современность : сб. докл. междунар. науч.-практ. конф. Вып. 1 / ред.-сост. Е. Г. Боронина. М., 2022. С. 113. См. более ранние работы этой же проблематики: Власов А. Н.: 1) Игры со смертью в усть-цилемской культурной традиции // Человек и общество в информационном измерении : материалы регион. науч. конф., посвящ. 10-летию деятельности науч. отд. ЦНБ УрО РАН (28 февраля — 1 марта 2001 г.). Екатеринбург, 2001. С. 86–95; 2) «Пляска смерти» в усть-цилемской культурной традиции // Традиционные модели в фольклоре, литературе, искусстве: В честь Натальи Михайловны Герасимовой / под ред. И. Ф. Даниловой. СПб., 2002. С. 129–139.

² Помянник сгоревших на Пижме великопоженцев в 1960 г. опубликовал В. И. Малышев (Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX веков. Сыктывкар, 1960. С. 191–192); спустя полвека его прокомментировала Т. Д. Вокуева: ею уточнены имена, установлены места прежнего проживания, родственные отношения большинства пижемских самосожженных, см.: Вокуева Т. Д. Жители Великопоженского скита «огнем скончавшиеся» в 1743 году // Вторые Мяндинские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конференции (11–12 июля 2010 г., с. Усть-Цильма) : в 2-х т. Т. 1. Сыктывкар, 2011. С. 232–256. Т. Ф. Волковой предложен обзор помянников из собрания СГУ им. Питири-

представлены в различных архивных коллекциях¹, а современные полевые разыскания свидетельствуют о том, что едва ли не в каждой усть-цилемской семье хранятся тетради и отдельные листочки с именами упокоившихся одинокерцев как семейного, так и более общего содержания. В числе увиденного в последние годы участниками экспедиций Сыктывкарского университета и личных поездок авторов данной статьи на Печору есть весьма ценные помянники.

Так, в ходе декабрьской экспедиции 2018 г. жительница Усть-Цильмы показала нам и разрешила сфотографировать для «научных целей» хранящиеся в ее семье рукописные материалы². Здесь мы рассмотрим два помянника (синодика), оказавшиеся среди них.

Первый помянник (далее — П1) выделен нами из небольшого конволюта, размером в 8-ку. Конволютом этот корпус листов можно назвать довольно условно; скорее, перед нами случайный набор некоторых сохранившихся документов, произвольно сшитых суровой нитью, среди которых имеются и неподшитые листы. Это богослужебные тексты разного времени и почерка, в том числе два листа из печатной книги. Собственно П1 представлен на 26 листах³, некоторые из них перепутаны при сшивке. Второй помянник (далее — П2) того же размера представляет собой непоследовательную сшивку 44 листов одной рукописи⁴. Попытка реконструкции изначального порядка листов в обоих синодиках сделана нами на основе нумерации тетрадей (по 8 листов) и почерков⁵.

ма Сорокина: *Волкова Т. Ф.* Синодики и помянники в рукописных сборниках из Усть-Цилемского собрания научной библиотеки Сыктывкарского университета // Двадцать третья годинная сессия Ученого совета Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Февральские чтения) : сб. материалов / отв. ред. В. В. Мазур. Сыктывкар, 2016. С. 196–202. К некоторым новым источникам обратилась Е. В. Прокураторова: *Прокураторова Е. В.* Рукописные синодики и помянники в книжной культуре староверов Печоры XVIII–XX вв. // Визуальный текст в историко-культурном ландшафте : сб. ст. по итогам межрег. науч.-практич. конференции с международным участием (Сыктывкар, 23–25 сентября 2021 г.). Сыктывкар, 2021. С. 190–193.

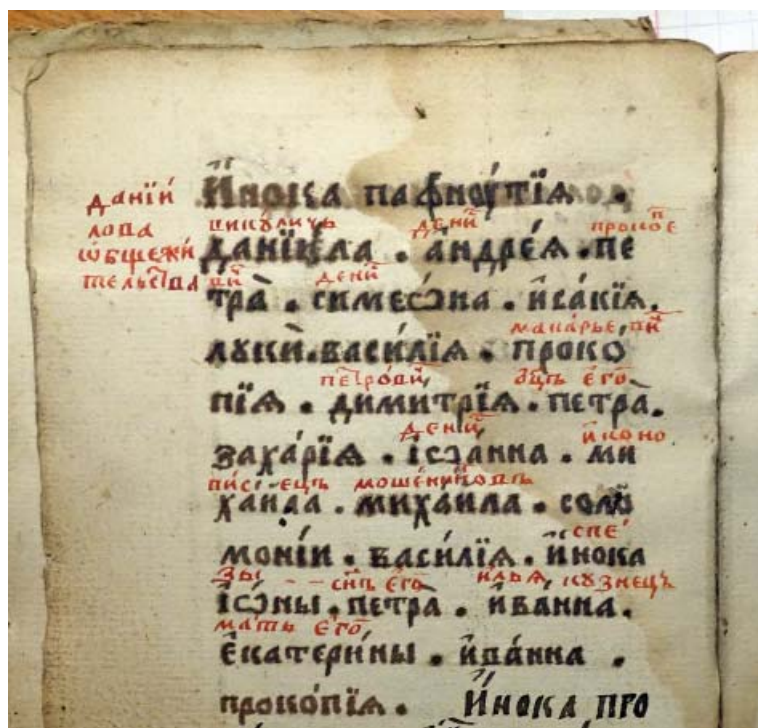
¹ Это, например, Древлехранилище ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 219, 221 и др.; сыктывкарские хранилища, см.: Памятники письменности в хранилищах Коми АССР. Каталог-путеводитель. Ч. 1. Рукописные книги. Вып. 1. Рукописные собрания Сыктывкарского государственного университета / отв. сост. Т. Ф. Волкова. Сыктывкар, 1989. № 53, 88, 99, 102, 106, 131, 138, 139, 143, 147, 152, 153, 192, 196, 202, 203, 205; Памятники письменности в хранилищах Республики Коми. Каталог-путеводитель. Ч. 1. Вып. 2. Рукописные книги XV–XX вв. в собрании Национального музея Республики Коми / отв. ред. Б. Н. Морозов. Сыктывкар, 2013. № 83.

² Их цифровые фотокопии переданы в фотофонд Усть-Цилемского собрания ФА СГУ: ФА СГУ, ФФ 03 2018, № DSC03219–DSC03360.

³ Фотокопии см.: ФА СГУ, ФФ 03 2018, № DSC03272–DSC03314. В 2025 г. авторы статьи произвели специальную фотосъемку листов с филигранями, см.: ФА СГУ, ФФ 03 2025, № 1P8A4570–1P8A4619.

⁴ Фотокопии см.: ФА СГУ, ФФ 03 2018, № DSC03315–DSC03360.

⁵ Далее ссылаемся на порядковые номера листов в помянниках по нашей реконструкции с указанием также номеров снимков, присвоенных фотокамерой; последние отра-

Илл. 1. Помянник (П1), частное собрание, с. Усть-Цильма, л. 21 об., фрагм.
(ФА СГУ, ФФ 03 2018 № DSC03301)

Бумага П1 имеет водяные знаки с гербом города Амстердама, период выпуска бумаги с такой разновидностью этой филиграни — 1714–1745 гг.¹ При этом в П1 перечислены выгорецкие киновиархи с пометой на поле: «Даниилова общежительства»: «Инока Пафнутия, Даниила Викулича, Андрея Денисовича, Петра Прокопьевича, Симеона Денисовича»² (Илл. 1). Обратим внимание на то, что среди них нет наставника Ивана Филиппова. Значит, во время составления этого синодика Иван Филиппов был жив (скончался 16 дека-

жают фактическую последовательность расположения листов, какой она предстала в процессе фотофиксации сразу по получении материалов от владельца.

¹ По оценке канд. ист. н., старшего научного сотрудника отдела археографии (Археографической комиссии) Института славяноведения РАН Б. Н. Морозова, данный знак имеет вид герба Амстердама на постаменте с короной без намета, который Т. В. Дианова относил к восьмой разновидности и отмечала, что данная разновидность с постаментом в русских рукописях встречается в 1714–1745 гг. (Дианова Т. В. Филигранные XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама». М., 1998. С. 8). В помяннике филигрань с гербом Амстердама имеет внизу латинские литеры IA, что сближает ее с филигранью № 351 в данном альбоме, взятой из рукописи 1735 г. Но точных совпадений с изображениями львов на гербе нет, и данный мастер с инициалами IA, мог производить эту бумагу и позднее, что коррелируется с датами в тексте помянника. Выражаем глубокую благодарность Борису Николаевичу Морозову за помощь в атрибуции помянников и за ценные соображения, высказанные им при обсуждении данных рукописей. Мы благодарим также сотрудника Древлехранилища ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН Максима Валентиновича Кужлева за помощь в ознакомлении с усть-цилемскими синодиками.

² П1, л. 21 об., № DSC03301. Ср. с соответствующим фрагментом старообрядческого синодика в публикации А. Н. Пыпина: Даниила (Викулич), Андрея (Дионисиевич), Петра (Прокопиевич), Симеона (Дионисиевич), Иоанна (Филипович) и т. д. (Пыпин А. Н. Сводный старообрядческий синодик. СПб., 1883. С. 30).

щенноепископа Павла. Поликарпа. Симеона...») перечислено более 180 имен. Далее, в «Статье третьей» («И сожженных благочестия ради инока Игнатия и иже с ним. Терентия и прочих...»), следуют пострадавшие за веру, подвижники, огнем скончавшиеся в массовых горях («с Мезени, с Азаполи», «с Дорогоры» — пометы красными чернилами над строками и на полях); потом идут патриархи, митрополиты, княжеские и царские особы.

Следующий раздел — «преставльшихся от братства нашего»: инок Варлаам, Феодот, Селивестр младенец утопший, Мелания утопшая¹. Список «братских» покойных продолжается поздним неискусным почерком, причем в нескольких случаях указаны годы их смертей: 1752, 1775, 1784, 1792.

«Гарь» Великопоженского скита отражена списком «огнем скончавшихся благочестия ради» с пометой на полях «В лето 7252 дек 7 день» (Илл. 2). Известные перечни пижемских самосожженцев несколько отличаются один от другого². Данный список имен интересен тем, что составлен буквально по следам гари. Он начинается перечислением 33 мужских имен³. Девять из них заключены в квадратные скобки. Ранее в П1 встретилось имя «Благоверный князь Иванн Калита» — «Калита» в квадратных скобках. Может быть, и далее эти скобки означают не крестильное имя, а мирское прозвище, упомянутое за неизвестностью крестильного имени.

После мужских следуют женские имена, возглавляемые «инокой Александрой», сестрой наставника Ивана Анкидинова⁴. Сорок женских имен идут без разрыва на строки, затем с новой строки — еще три имени: Дарии (помета красным «Евсеовна»), Ирины (красным — «печерска»), Евдокии младенца («и ей дочь»). Отдельным абзацем (с переходом на оборот листа: л. 20–20 об.) выделены еще шесть женщин и двое мужчин, напротив их имен на полях красным вписано: «Род Андрея Чюркина»⁵; на нижнем поле л. 20 более позд-

¹ П1, л. 16, № DSC03284. Этих имен мы не увидели в синодике А. Н. Пыпина, при этом они имеются в начале соответствующего раздела (в составе гораздо более пространного перечня) в старообрядческом синодике нач. XIX в.: Древлехранилище ИРЛИ, УЦ 221, л. 33.

² См.: Вокуева Т. Д. Указ. соч.

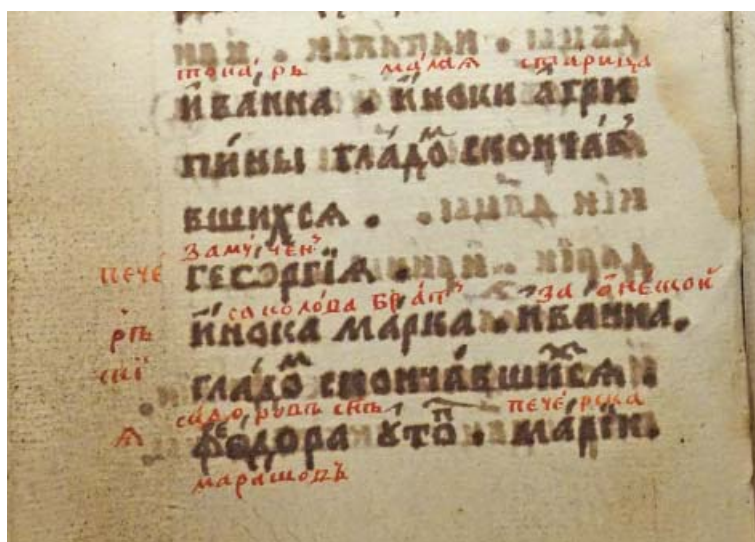
³ Как и в «Помяннике сгоревших в Великопоженском общежительстве в 1743 г.» (Малышев В. И. Указ. соч. С. 191–192).

⁴ Здесь видим имена, отсутствующие в помяннике, опубликованном В. И. Малышевым (Малышев В. И. Указ. соч. С. 192): это Анна — между Ксенией девицей (дважды) и Акилиной девицей (дважды) (П1, л. 19 об., № DSC03290), и Анна девица между девицами Татьяной и Елизаветой (П1, л. 20, № DSC03291). Эти Анны в таких же позициях наличествуют в двух других известных нам списках сожженных на Пижме: в старообрядческом синодике нач. XIX в. (Древлехранилище ИРЛИ, УЦ 221, л. 45 об.) и в одной из современных тетрадей, сфотографированных на Пижме участницей фольклорно-археографической экспедиции Сыктывкарского университета А. И. Васкул в 2005 г. (ФА СГУ, ФФ 03 2005, № P7260451). Данные и некоторые другие разночтения в именах великопоженского помянника представляют особый исследовательский интерес; начало таким разысканиям положено Т. Д. Вокуевой (Вокуева Т. Д. Указ. соч.).

⁵ «Иноки Феклы. Евфимии. Веры девицы. Любве девицы» (П1, л. 20, № DSC03294); по выявленным Т. Д. Вокуевой данным, Евфимия — жена Андрея Чуркина; Фекла, Вера, Любовь, а также Феодора и Софья (в П1 указаны с пометой «Чюркина» на л. 20 об.,

няя приписка черным: «Андрей» и день смерти — 16 ноября. В следующем абзаце приведено восемь имен из «Рода Козмы Чюркина»¹. Этим оканчивается перечень сгоревших на Великих Пожнях, их число составляет 92 человека (без приписанного Андрея Чюркина). Обратим внимание на то, что наличие родовых помет в П1 отличает перечень пижемских «огнем скончавшихся» от аналогичного в публикации В. И. Малышева².

Далее в П1 следуют Иван («токарь») и Агриппина («малая старица»), гладом скончавшиеся, отдельно Григорий («замучен»). Григорий и четверо в следующем абзаце («гладом скончавшихся», «утоп<ший>») объединены надписью на поле «печерския» (Илл. 3). Один среди этих печорских — Иван — помечен красной надписью «заонежской», что, вероятно, говорит о его происхождении. Довершают корпус имен, начатых самосожженцами, Доментиан («Пешехонов»), Анания («Удачин») и добавленные поздним почерком «Евфимий и Иван, убиенные на Печере, Улита».

Илл. 3. Помянник (П1), частное собрание, с. Усть-Цильма, л. 20 об., фрагм.
(ФА СГУ, ФФ 03 2018 № DSC03297)

Персоналии П1 с пометами красными чернилами на полях и над строками говорят о принадлежности синодика Великопоженскому скиту. Вероятно, они были сделаны составителем или переписчиком помянника, которому, скорее всего, были известны поминаемые. Эти и более поздние записи последующих владельцев, сделанные черными чернилами (некоторые из которых содержат даты и географические указания), наиболее информативны с

№ DSC03297) — дочери Андрея и Евфимии Чуркиных из Марьегорской вол. Кеврольско-го у. Архангелогородской губ. (Вокуева Т. Д. Указ. соч. С. 241–242).

¹ О принадлежности роду Захара Козмина сына Чюркина этих восьми сгоревших сообщает и Т. Д. Вокуева (Вокуева Т. Д. Указ. соч. С. 242–244).

² Пижемский помянник, принадлежавший С. Н. Антонову, также имеет подобные указания («Род Нила Семенова Кирилова», «Род Татияны печ[орский] Кононова» (Памятники письменности в хранилищах Республики Коми. С. 220–221).

точки зрения характеристики состава насельников Великопоженского скита и их контактов.

После корпуса имен, начатого самосожженцами, в П1 следует пропуск в 2/3 листа, а следующий лист начинается именами выгорецких киновиархов с пометкой на полях «Данилова общежителства». Надстрочные надписи к последующим именам позволяют предположить непосредственное знание писцом поминаемых лиц («Петрович», «отец его», «Денис», «иконописец», «Мошенинов», «с Пезы», «сын его», «Илья кузнец», «мать его») (Илл. 1).

Далее идут пять завершающих листов со множеством все тех же киноварных помет возле знакомых составителю (или владельцу) помянника имен и родов. По одному листу отведено поздним спискам имен «На Пезы» и «На Омы». Насколько мы можем судить, ничто не противоречит предположению, что поминаемые в подавляющем большинстве принадлежали к обозримому ареалу Великопоженского скита («род Ивана Анкидинова», «род Алексан<дры> стариц<ы>», «Еленины сродичи», «устелем», «Тегляевские с Пезы», «Степанов усцелем», «усцелем», «Конищ<елье?>», «белощельской», «от Кыс<сы?>»). Многие поминаемые лица были известны пишущему, который отметил их родственные связи и дни кончины. Очевидно, в Великопоженском ските в основном собирались люди с относительно близких северных территорий: Мезень, Пинега, Печора; эти же территории составляли основной оком общения и взаимодействия великопоженцев. О том же свидетельствуют установленные Т. Д. Вокуевой данные о происхождении великопоженских самосожженцев¹.

В П1 мы не видим имен жителей Омелинского скита на притоке Печоры Цильме, самого ближнего в соседстве с великопоженцами². В более поздних синодиках³ группа омелинцев в одном и том же перечне из 19 имен входит в состав первоначальной записи (в синодике С. Н. Антонова к ним прибавлено карандашом имя «Евтихий» с пометкой «Мезен.»). Омелино не упоминается в числе разоренных экспедицией майора П. Ильищева в 1743–1744 гг. скитов края, в ходе которой произошло самосожжение великопоженцев⁴. Эти факты свидетельствуют в пользу предположения, что Омелинский скит как поморское общежителство был, возможно, основан избегнувшими смерти велико-

¹ Вокуева Т. Д. Указ. соч.

² Об Омелинском ските см.: Новиков А. В. Цилемский скит. Исторический очерк. Архангельск, 2009; Афанасьев А. В., Канева Т. С. Старообрядческий Омелинский скит на реке Цильме. Историко-архитектурные материалы [Рисунки А. Б. Бодэ] // Деревянное зодчество: Новые материалы и открытия : сб. науч. ст. / отв. ред. А. Б. Бодэ. СПб., 2024. С. 182–191.

³ См., например, синодик из д. Скитской, принадлежавший С. Н. Антонову (Памятники письменности в хранилищах Республики Коми. С. 221), и из собрания Пушкинского Дома (Древлехранилище ИРЛИ, УЦ 221, л. 57).

⁴ См.: Хрушкая Л. Н. Допросы обитателей старообрядческих скитов на Великих Лугах и на реке Колве в домовое консистории. 1744 г. // Книжные центры Республики Коми: Великопоженский скит / отв. ред. и сост. Т. Ф. Волкова. Сыктывкар, 2021. С. 291.

поженцами и насельниками других скитов уже после карательной экспедиции.

П2 написан на русской бумаге с филигранями, среди которых узнается фрагмент герба Ярославля — знака Ярославской мануфактуры внуков Саввы Яковлева с датой 1797¹.

Текст представляет собой не разделенный на статьи фрагмент большой рукописи двух почерков (не исключено, что одного писца в разном возрасте и состоянии), в основном это каллиграфически исполненный прямоугольный поморский полуустав последней четверти XVIII в.²

Если П1, вероятно, представляет собой основную часть синодика сравнительно небольшого объема, то П2 — фрагмент большой рукописи. Сохранившаяся нумерация шести тетрадей с № 23 по № 28 позволяет предполагать, что начальный фрагмент рукописи — 22 тетради — утрачен. Вероятно, они содержали традиционные для поморских синодиков статьи.

В П2 на каждой странице в зависимости от почерка располагается от 30 до 55 имен, что в приблизительном исчислении дает порядка 2000 имен. Они идут без выраженных разбивок, практически сплошным списком. На л. 5 в одном имени («Артемия») инициал выделен красным, на поле напротив него имеется буквенное обозначение числа 100³. Через 102 имени (учитывая помету «дважды» — 103) на л. 6 об. снова встречается имя с киноварным инициалом и соответствующей ему маргиналией — буквенным обозначением числа 200. Если это приблизительный счет именам, то не отмечено его начало и нет продолжения.

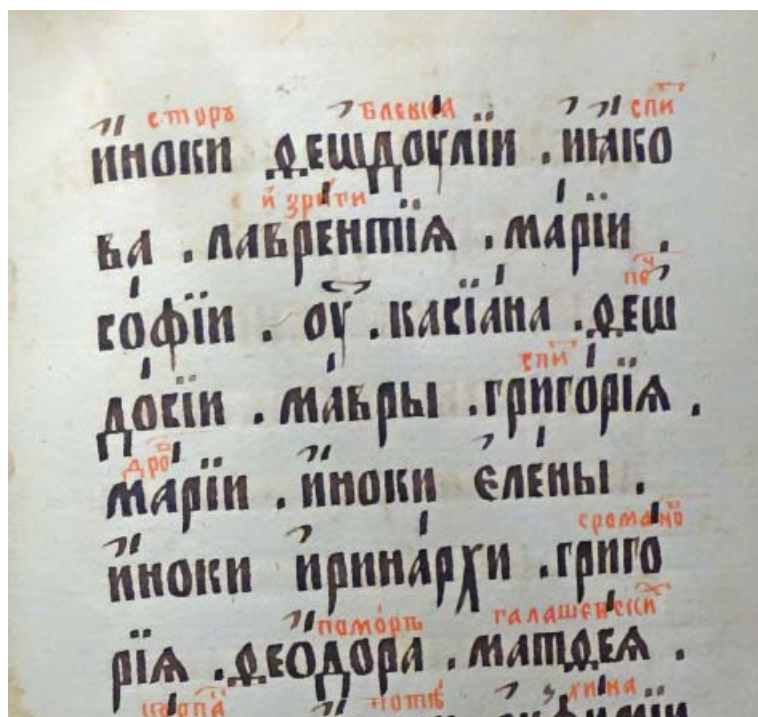
С середины л. 16 по середину л. 26 многие имена сопровождаются надстрочными подписями красным, которые как бы одушевляют П2 и составляют его главный исследовательский интерес. Это пометы разного рода, сделанные, очевидно, одним из составителей или владельцев, которому поминаемые были известны: фамилии, мирские имена и прозвища («поповна»), родственные связи («племянница Родиона», «род Лошкиных», «Федора Петрова сродники»), профессии («Тимофей кузнец», «казначей», «иконн(ик)», «переплетчица»), географические названия, даты смерти («преставился генваря 24», «мая 2го»). Надпись над именем иноки Феодулии «сторублевка» (Илл. 4), возможно, выдает особенность П2 как перечня жертвователей, торговых товарищей, клиентов поморского общежития и их близких⁴.

¹ Клепиков С. А. Филигрani на бумаге русского производства XVIII — начала XX века. М., 1978. С. 236, 237. Филигрань 12.

² Ср.: Маркелов Г. В., Панченко Ф. В., Семячко С. А. Книжное письмо поморских рукописей XVIII–XIX вв. По материалам Древлехранилища Пушкинского Дома. СПб., 2023. С. 201–203. Здесь такой тип почерка представлен в большинстве своем рукописями, происходящими из Усть-Цилемского региона.

³ П2, л. 5, № DSC03321.

⁴ Ценность такой информации была обозначена еще В. И. Малышевым: «Местные синодики <...> интересны прежде всего для истории заселения нижней Печоры. В них, наряду с перечислением имен, фамилий и родов, очень часто указывается профессия лица («книжник», «кузнец», «золотарь» и т. д.) и его место рождения («мезенец», «пинежа»

Илл. 4. Помянник (П2), частное собрание, с. Усть-Цильма, л. 20 об., фрагм. (ФА СГУ, ФФ 03 2018 № DSC03297)

Особо отметим, что в П1 и П2 встречается по одному имени иконописцев. Данные об этом широко развитом у староверов, но нелегальном ремесле почти не находят отражения в источниках за пределами старообрядческих общин. Т. М. Кольцова в своем фундаментальном труде, где собраны сведения о сотнях иконописцев синодальной церкви, рассказывает всего лишь о трех старообрядческих¹. В рассматриваемых синодиках «иконописец Михаил» (П1) и «иконник Артемий» (П2) также высвечены, можно сказать, случайно; из не менее тайных для внешнего мира писцов и мастеров книги идентифицирована только «переплетчица Евдокия» (П2).

Ниже покажем локусы в порядке их первого появления на страницах П2, которые удалось расшифровать, и количество их упоминаний. Некоторые надписи прочитаны и/или истолкованы предположительно, что отмечено в каждом случае в скобках. Заметим, что не все названия можно однозначно соотнести с современными топонимами.

1) Масел<га?> 1	6) Шелтопорог 1	11) Каргополь 1
2) Кажем 1	7) Москва 18	12) Тихвин 4
3) Вытегра 5	8) Зарайск 6	13) Петрозаводск 1
4) Питер 17	9) Новоселово 1	14) Кущерека 2
5) Олонец 9	10) Рига 3	15) Дмит<ров?> 3

нин», «москвич» и т. д.). Последнее особенно важно для ответа на вопрос, какими путями продолжало пополняться в XVIII–XIX вв. население Усть-Цилемского края» (Малышев В. И. Указ. соч. С. 33).

¹ Кольцова Т. М. Церковная живопись Архангельской губернии второй половины XVIII — начала XX века: История, памятники, мастера. СПб., 2020. С. 110–111.

16) Сибирь 4	34) Шунга 5	50) Челозеро 1
17) Вязники 4	35) Рябиха 1	51) Чаженга 2
18) Толвуй(?) 2	36) Березов 1	52) Помор, поморска 3
19) Шуя 2	37) Сумской <Посад?> 3	53) Польша 1
20) Ладога 1	38) Воймогуба 1	54) Из больниц<ы?> 1
21) Хишезеро 1	39) Кострома 3	55) Калгачиха 1
22) Печ<ора?> 1	40) Тивдия 1	56) Лысково 1
23) Романов 2	41) Тамбица 1	57) Пуксозеро 1
24) Село Авдотьино 1	42) Турмашка (?) 1	58) Дер. Дубрава 1
25) Сергие<во?> 1	43) Городец 1	59) Водлозеро 2
26) Кодозеро 2	44) Семенов (город	60) Шальский 1
27) Великая Губа 3	или фамилия?) 1	61) Вырозеро 1
28) Пергуба 1	45) Выг 2	62) Пустозерск 1
29) Клубовска<я> 4	46) Корела 5	63) Город Царицын 1
30) Пудож 2	47) Ревель 3	64) Выгозеро 2
31) Иваново 1	48) Деревня	65) Падмозеро 1
32) Погост 1	Пирог<ово? овская?> 1	66) Городня 1
33) Викшезеро 1	49) Повенец 4	
23) Романов 2	45) Выг 2	

География П2 впечатляет. Как видим, основная часть топонимов связана с территорией современной Карелии и Архангельской области. Вместе с тем очень весомо представлены Петербург, Москва, заметны Рига и Ревель, а также города Центральной России — Городец, Романов, Шуя, Вязники, Кострома, Лысково и даже далекий Царицын. Совсем не представлены Мезень и Пинега. Из восточных территорий названы тогдашний заводской поселок Кажем (Кажим, ныне — в Койгородском районе Республики Коми) или одноименная река, Печора, Пустозерск, Сибирь, Березов. Возможно, эта география обусловлена особенностями П2 как всего лишь фрагмента большого манускрипта, а также тем, что в этом фрагменте пометы есть только на части листов. На основании только имеющихся географических данных нам сложно с полной уверенностью решить, создан ли П2 в месте его бытования (ареале Великопожненского монастыря) или был привнесен извне. Вместе с тем столь же сложно однозначно привязать П2 к какому-либо иному сообществу. Выгорецкий суземок представлен, но дважды упомянутый Выг выглядит здесь сторонним локусом. В то же время среди книг, бытовавших в регионе Усть-Цильмы, встречаются те, которые были получены их хозяевами от жителей, например, Кольского полуострова, Кеми, Шелтопоорога¹. Это свиде-

¹ Волкова Т. Ф. Мяндины — переписчики, хранители и читатели старинной книги // Вторые Мяндинские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конференции (11–12 июля 2010 г., с. Усть-Цильма) : в 2 т. Т. 1. Сыктывкар, 2011. С. 91, 93, 95.

тельство контактов устьцилёмов с самыми дальними одноверцами, которые естественным образом попадали и в печорские синодики.

В основе взаимодействия поморских общин и киновий лежали хозяйственные, жизненные интересы. При этом экономическое сотрудничество строилось по принципу принадлежности к одной вере. Впервые прибывающих в поморское общежитие перекрещивали, их занятия определялись наставником¹. Скитники меняли места жительства, переходили из одной общины в другую. Представляется, что эти миграции были вызваны необходимостью перемещаться в поисках рыбных мест и зверя. Можно предположить, что в основе переходов части скитских жителей с места на место лежала изменчивость ресурсной базы. Это позволяло избежать формирования относительной избыточности населения, занимавшегося промыслом в определенной округе. При этом другая часть поморцев должна была постоянно оставаться на месте, занимаясь хозяйством, книжно-иконным делом и обеспечивая логистическую и духовную связь огромных северных территорий. Наставническая дисциплина одноверцев могла обеспечить разумное регулирование антропогенной нагрузки на природные ресурсы, коллективно соблюдать интересы братских общин.

Очевидно, что за несколько десятилетий, прошедших со времени создания П1, в северном поморском старообрядчестве произошли колоссальные перемены, связанные с формированием параллельной государству и почти не зависящей от него структуры, единого взаимосвязанного в своих частях организма без жестко формализованной вертикали управления. В рамках этой народовластной структуры и аналогичных организаций других старообрядческих согласий, по-видимому, состоялось формирование крупного старообрядческого капитала, повлиявшего на облик России XIX — начала XX в.

Вводя в научный оборот полученные нами в экспедиции помянники, мы надеемся, что публикация сведений о них послужит задачам более глубокого и всестороннего исследования этого рода рукописей — сложных и ценных памятников старообрядческой истории и культуры. Синодикам принадлежала роль духовной связи между эпохами и территориями, между Святой Русью и Новым Временем. Они обеспечивали пространственно-временное единство северного старообрядчества и приоткрывают секрет его продолжительного существования. Мы и сейчас наблюдаем продолжение этой поминальной традиции — на страницах школьных тетрадей советского и постсоветского времени. Суждение А. Н. Власова о том, что «всестороннее и комплексное исследование сохранившихся письменных и устных источников по истории культуры, наконец, поможет подойти вплотную к разгадке феномена Усть-Цильмы»², высказанное им более четверти века назад, остается актуальным.

¹ См.: Хрушкая Л. Н. Указ. соч. С. 294–295.

² Власов А. Н. Сказители печорских старин // Рябининские чтения — 99. Мастер и народная художественная традиция Русского Севера: докл. III Междунар. науч. конф. Петрозаводск, 2000. С. 49.

Список источников

Афанасьев А. В., Канева Т. С. Старообрядческий Омелинский скит на реке Цильме. Историко-архитектурные материалы // Деревянное зодчество: Новые материалы и открытия : сб. науч. ст. / отв. ред. А. Б. Бодэ; рис. А. Б. Бодэ. СПб.: Коло, 2024. С. 182–191.

Власов А. Н. Игры со смертью в усть-цилемской культурной традиции // Человек и общество в информационном измерении: материалы регион. науч. конф., посвящ. 10-летию деятельности науч. отд. ЦНБ УрО РАН (28 февраля — 1 марта 2001 г.). Екатеринбург: ЦНБ УрО РАН, 2001. С. 86–95.

Власов А. Н. «Пляска смерти» в усть-цилемской культурной традиции // Традиционные модели в фольклоре, литературе, искусстве: В честь Натальи Михайловны Герасимовой / под ред. И. Ф. Даниловой. СПб.: Европейский Дом, 2002. С. 129–139.

Власов А. Н. Сказители печорских старин // Рябининские чтения — 99. Мастер и народная художественная традиция Русского Севера : докл. III Междунар. науч. конф. Петрозаводск: Гос. истор.-архитектур. и этнограф. музей-заповедник «Кижи», 2000. С. 42–49.

Власов А. Н. «Усть-цилемская горка» как жанровая разновидность архетипической модели «пляска смерти» в народном искусстве (опыт феноменологического анализа) // Народное культурное наследие: традиции и современность : сб. докл. междунар. науч.-практ. конф. Вып. 1 / ред.-сост. Е. Г. Боронина. М.: МГИК, 2022. С. 97–125.

Вокуева Т. Д. Жители Великопоженского скита, «огнем скончавшиеся» в 1743 году // Вторые Мяндинские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конференции (11–12 июля 2010 г., с. Усть-Цильма) : в 2 т. Т. 1. Сыктывкар: Кола, 2011. С. 232–256.

Волкова Т. Ф. Мяндины — переписчики, хранители и читатели старинной книги // Вторые Мяндинские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конференции (11–12 июля 2010 г., с. Усть-Цильма) : в 2 т. Т. 1. Сыктывкар: Кола, 2011. С. 86–98.

Волкова Т. Ф. Синодики и помянники в рукописных сборниках из Усть-Цилемского собрания научной библиотеки Сыктывкарского университета // Двадцать третья годичная сессия Ученого совета Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Февральские чтения) : сб. материалов / отв. ред. В. В. Мазур. Сыктывкар: СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. С. 196–202.

Дианова Т. В. Филигрانی XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама». М.: Гос. ист. музей, 1998. 168 с.

Клепиков С. А. Филигрانی на бумаге русского производства XVIII — начала XX века. М.: Наука, 1978. 240 с.

Кольцова Т. М. Церковная живопись Архангельской губернии второй половины XVIII — начала XX: История, памятники, мастера. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 432 с.

Новиков А. В. Цилемский скит. Исторический очерк. Архангельск: Поморский университет, 2009. 218 с.

Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX веков. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1960. 214 с.

Маркелов Г. В., Панченко Ф. В., Семячко С. А. Книжное письмо поморских рукописей XVIII–XIX вв. По материалам Древлехранилища Пушкинского Дома. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2023. 496 с., илл.

Памятники письменности в хранилищах Коми АССР. Каталог-путеводитель. Ч. 1. Рукописные книги. Вып. 1. Рукописные собрания Сыктывкарского государственного университета / отв. сост. Т. Ф. Волкова. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. 288 с.

Памятники письменности в хранилищах Республики Коми. Каталог-путеводитель. Ч. 1. Вып. 2. Рукописные книги XV–XX вв. в собрании Национального музея Республики Коми / отв. ред. Б. Н. Морозов. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2013. 489 с., 12 илл.

Прокуратова Е. В. Рукописные синодики и помянники в книжной культуре староверов Печоры XVIII–XX вв. // Визуальный текст в историко-культурном ландшафте : сб. ст. по итогам межрег. науч.-практич. конф. с междунар. участием (Сыктывкар, 23–25 сентября 2021 г.). Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2021. С. 190–193.

Пыпин А. Н. Сводный старообрядческий синодик. 2-е изд. СПб.: Тип. Добродеева, 1883. (Памятники древней письменности. Т. 44.) V, 60 с.

Хрушкая Л. Н. Допросы обитателей старообрядческих скитов на Великих Лугах и на реке Колве в домово́й консистории. 1744 г. // Книжные центры Республики Коми: Великопоженский скит / отв. ред. и сост. Т. Ф. Волкова. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2021. С. 291–313.

Т. Н. Бунчук (Сыктывкар)

(С)тырей: к вопросу о коми-русских этнолингвистических и этнокультурных связях

Аннотация. В статье рассматривается термин коми народного календаря «тырей» (вар.: «стырей») как пример взаимодействия русского и коми языков в условиях тесного этнокультурного общения. Для определения генетической природы обряда и этимологии слова «(с)тырей» автор поместил и обряд, и слово в культурный и лингвистический контекст и рассмотрел связи с культурой ближайших языковых и историко-культурных соседей коми — удмуртов и русских. Выдвигается гипотеза, что коми термин «(с)тырей» представляет собой осколок обрядового термина-компози́та, включавшего в себя славянский корень -тыр- с общей семантикой 'бить, толкать, бранить'. Реконструируемый обрядовый термин-компози́т «верба(с)тыр(ей)», вероятно, обозначал обрядовое магическое действие изгнания нечистой силы (болезней). Вследствие этого коми слово может быть соотнесено с русским словом «верба-хлёст».

Ключевые слова: традиционная культура, обрядовый термин, коми и русский языки, межкультурные контакты, лексические заимствования

Известно, что сегодня язык является, пожалуй, едва ли не самым надежным хранителем и транслятором архаической народной культуры. Сло-

ва, даже будучи «темными» (с непроявленной внутренней формой), вместе с так называемыми суевериями, которые носителями народной культуры принимаются «на веру» и почти автоматически воспроизводятся, потому что так делали их родители и предки, способны «развернуть» хранящиеся в них символические смыслы в процессе этнолингвистического и этимологического анализа.

Особенно «культурно нагруженными» оказываются словесные комплексы, имеющие признак устойчивости, или традиционной формульности. В широком понимании «традиционная формула» представляет собой не собственно речевую единицу, а определенный квант культуры, который актуализируется и, условно говоря, «материализуется» в необходимый момент средствами разных семиотических кодов. Традиционная формула хранится в народной памяти как стереотип, который имеет относительно устойчивые формы выражения даже при отсутствии рациональной осознанности носителями культуры и прямо выраженной мотивации использования в культурной практике.

Средствами выражения традиционной формулы могут быть обрядовое действие, его наименование (обрядовый термин¹) и/или словесный комплекс (песня, заговор, загадка или другой фольклорный текст), который сопровождает это действие. Со временем в условиях разрушения обрядовой культуры традиционные формулы могут разворачиваться в самостоятельное событие, а их вербальные экспликации в этом случае выполняют мнемоническую функцию: слово или словесный комплекс, которые не имеют внутренней формы либо имеют переосмысленную внутреннюю форму, не привязаны либо слабо привязаны к обряду, оказываются необходимыми для актуализации в определенный момент события для запуска механизмов обрядового комплекса (напр. *Покров* и ритуальные приговоры типа *Батюшко Покров, покрой землю снежком, а невесту женишком*, или *Верба-хлёст* и приговоры *Не я секу — верба сечёт*²).

Такие обрядовые термины содержат в себе важные культурные смыслы, т. к. когда-то их семиотическая природа требовала «вербальной проявленности»: термин должен был выполнять функцию кодировки действительности, а значит, содержать в себе «сценарий» события. Сложность обнаружения и описания этой «вербальной проявленности» заключается не только во мно-

¹ Толстая С. М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М., 2013. С. 166–181.

² Сходные явления подмечены Н. И. Толстым и С. М. Толстой и охарактеризованы как этимологическая магия (Толстой Н. И., Толстая С. М. Народная этимология и этимологическая магия // Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М., 2013. С. 182–196); замечу, однако, что механизмы народной культуры могут «преодолевать» привязанность к внутренней форме слова-термина: обрядовое действие запускается и при утраченной внутренней форме (без этимологической прозрачности, истинной или ложной). Традиция и память способны на какое-то время инерционно удерживать знание об обряде и включать эти знания в определенный момент, реагируя на слово-стимул.

жественности гипотетических версий при анализе единиц устной речи, звучащей в историческом прошлом, но и в неоднозначности культурного контекста употребления лексемы (этот контекст зависит от характера сложения и бытования культурной традиции). Слово или словесный комплекс могли появиться в условиях тесного взаимодействия разных культур, таких как, например, славянская, тюркская и финно-угорская. Следует учитывать и диахронические изменения в культуре контактирующих народов.

Одним из таких слов, выступающих в коми народной культуре как обрядовый термин, является слово *тырей* (вар.: *стырей*) — наименование дня заговенья перед Петровским постом, обрядового предмета и обрядового действия в вишерской традиции.

По замечанию фольклористов, вишерская локальная традиция («Висервож») охватывает территорию трех кустов сел и деревень верхней Вычегды (Большелуг, Богородск и Нившера и прилегающие к ним деревни; сейчас это Корткеросский район Республики Коми)¹. Территория бассейна р. Вишеры, правого притока р. Вычегды, заселялась коми начиная с XVI в.² Верхневычегодский диалект относится к числу новых. Он сформировался в XVII–XVIII вв. на основе различных диалектов, представители которых заселяли верхнюю Вычегду. Среди них были выходцы из Сысолы, нижней Вычегды, Выми, Удоры и Лузы³. Поздний характер диалекта позволяет предположить возможность языкового взаимодействия при его сложении не только разных диалектов коми языка, но и русских диалектов, носители которых уже освоили территории Европейского Севера и имели тесные контакты с финно-угорским населением.

На коми вишерский хроним «(с)тырей» и обрядовое действие, связанное с ним, обратила внимание Г. С. Савельева⁴. Сведения об этом обрядовом действии довольно скудны: в день заговенья перед Петровским постом ломали ветки рябины, иногда счищали с них листья, иногда примешивали к ним ветки черемухи, березы и крапивы, связывали в пучок и таким веником (*голиком*) хлестали всех попадавшихся навстречу с криком «*тырей* (вариант: *стырей*)!» Молодые люди и дети могли так бегать целый день и вязать рябиновые веники не один раз за день. Сам день петровского заговенья назывался в вишерской традиции *Тырей/Стырей* или *День тырея/стырея* (*Тыре-ясян/Стыре-ясян лун*); действие же, которое совершалось в этот день, называлось *тыреясны/стыреясны*, то есть 'хлестать веником в день тырея/стырея

¹ См.: Панюков А. В. Висервож да сэтчӧс олысьяс йылысь пасйӧдъяс. [Заметки о Вишерском крае и его жителях]. Корткерос, 1999. (на коми яз.); Рассыхаев А. Н. Коми предания об освоении вишерского края // Ежегодник финно-угорских исследований. 2023. Т. 17. № 4. С. 507–519 и др.

² Жеребцов Л. Н., Лащук Л. П. Старая Вишера // Историко-филологический сборник. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 85.

³ Сорвачева В. А., Сахарова М. А., Гуляев Е. С. Верхневычегодский диалект коми языка. Сыктывкар, 1966. С. 47.

⁴ Савельева Г. С. Хронимы в тексте культуры (традиция вишерских коми) // Семиозис и культура: человек в современном коммуникативном пространстве / под ред. проф. Л. В. Гурленовой, проф. Н. Ф. Зюзева. Сыктывкар, 2019. С. 89–97.

и кричать «тырей/стырей»¹. Исследователь отметила, что «тыреем (стыреем)» обозначаются и весь обрядовый комплекс, совершаемый на заговенье Петровского поста, и ритуальное действие (хлестанье), и главный атрибут обряда (ветки)². Считаю необходимым привести более обширную цитату из работы Г. С. Савельевой с описанием обрядового действия: *Стыресям вѳлі. Ётилы вачкам: «Тырей!», мѳдлы шков-вачкам. (А мый сія стырейис?) — Кор корйис, гѳлик вѳчам да сіен и «стырей», «стырей». Видзе пыран луннас, сія Стыресян лун и ем. (Сія вот гѳлиkyс «стырей» шусе?) — Да, да, гѳлиkyс сія «тырей». Та кузя кымин гѳлик вѳчан да. Сэки дзолься на вѳлім. Стыреим было. Одному ударишь: «Тырей!», другому хлестнем [Хлестаться стыреем приходили. Одного хлестнешь: «Тырей!», другого хлестнешь. (А что такое «стырей»?) — Когда листься появляются, голик сделаем и им: «стырей», «стырей». В заговенье, это и есть Стыресян день. (Это вот голик «стыреем» называется?) — Да, да, голик — это и есть «тырей». Небольшой голик сделаешь. Мы тогда еще маленькими были]³. И еще: *Тыресям пельсь коръен. Пельсь коркэ нетшкан, коресь моз кѳрталан. И сіен сэся, горзан: «Тырей! Тырей!». Ворслім, ёна ворслім. Чукертчан, вѳлѳстад и чукертчан да горзан. А детинаясід топыда вачкыласні да ставис, еджыд ке чышъянід, нюдз видз ловэ. Лунтыр «тырей» ворсам. Кисься да выльла бара ветлам. Вѳрыд матын. Челядь чукер чукертчан и сіе коресьнад вот вачкисян: ѳтилі вачка — «тырей», мѳдлы — «Стырей». Ставнім вачкисям. Ёта-мѳдѳс варталам и сѳ. Детинъяс петшерен на петшераласні, петшер пуктасні да сэки — «О!» — горзам. (Ар даскык-даскуимаясь?) — Да. Сідзи, сідзи. <...> Видзе пыран лун и эм, Стырей лун. [Рябиновыми листьсями хлещемся — тыресям. Нарвешь рябиновых листьев (веток), как веник завяжешь. И вот этим потом кричишь: «Тырей! Тырей!» Играли, много играли. Соберешься, в деревне и соберешься и кричишь. А мальчики крепко бьют, и все платки, если они белые, ярко-зелеными станут. Целый день в «тырей» играем. Рассыплются, за новыми ветками сходим, лес близко. Дети кучей соберемся и этим веником и хлещемся: одного хлестнешь — «тырей», другого — «стырей». Все друг друга бьем. Мальчишки еще крапивой хлещут, крапиву к веткам положат, вот тогда «о!» кричим. (Лет 12–13?) — Да, так. <....> Заговенье и есть, Стырея день]⁴.**

Очевидно, что перед нами «осколок» в виде воспоминания о каком-то более обширном обрядовом комплексе, совершавшемся в древности. Хрононим «(с)тырей» носителями верхневычегодского диалекта никак не этимологизируется, а слово воспринимается как лексическая единица с нулевой внутренней формой: «А что такое «стырей»? — А не знаю что, хлестались. Была такая мода. Вот изначально это было, с тех пор это соблюдали, мы еще много соблюдали «стырей». (Тырей или стырей?) — Я не знаю, у меня зубов нет, да не могу сказать, я говорю тырей. Не знаю, почему так называли — тыреем»⁵.

¹ Савельева Г. С. Указ. соч. С. 91.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Для определения генетической природы обряда и этимологии слова (с)тырей необходимо поместить и обряд, и слово в более широкий лингвокультурный контекст и прежде всего рассмотреть связи с ближайшими языковыми и историко-культурными «соседями» коми — удмуртами и северными русскими.

По наблюдениям исследователей, похожее обрядовое действие с использованием в качестве обрядового термина слова, близкого по звучанию коми вишерскому слову (с)тырей, обнаруживается в локальных традициях закамских¹ и красноуфимских удмуртов, испытавших весьма заметное «влияние христианства и ислама и, соответственно, русской и татарской народных религий на их народную религию»². В вербное воскресенье, во вторник или четверг страстной недели перед Пасхой (Великим днем) удмурты изгоняли нечистую силу, бесов (шайтана): несколько мужчин привозили из лесу на лошадях ветки вербы, делали из них небольшие веники и совершали обход деревни, заходя в каждый дом, где довольно сильно били вениками хозяев дома, крича при этом *verma! verma!*³. Этот день у удмуртов известен как *вербакысь-тыр*, *бермакысьтыр*⁴, *верва-кысьтыр*⁵ или *verva kištȳr* (татыш.), *berma kištȳr* (б.-тан.), *berba kyštȳr* (шагир.), *kištȳrbərba*, *štȳrbermäk*⁶. Интересно, что это слово, как и (с)стырей, не этимологизируется ни в одном из удмуртских диалектов. В. В. Напольских отмечает, что слово «ничего ни по-удмуртски, ни по-марийски не значит. Оно, безусловно, связано с восклицанием, сопровождающим у других групп закамских удмуртов аналогичный обряд изгнания нечистой силы на неделе, предшествующей Великому Дню, который назывался у этих групп <...> 'ветка вербы' или <...> 'шумное моление' <...> (у других удмуртов он известен как <...> 'изгнание чертей' и др.)»⁷.

Как можно заметить, у коми вишерского, удмуртского красноуфимского и закамского обрядовых действий обнаруживаются типологически сходные черты: канун знаково отмеченного дня, ветки, связанные в пучок (веник), битье и выкрики. Названия данного обрядового действия — «ветка вербы» или «громкая мольба» — также акцентируют внимание на концептуальных точках — пучок веток и выкрики (словесные восклицания).

Что касается первого компонента *verma/verva/berma/berba*, то он, по утверждению В. В. Напольских, явно восходит к русскому слову «верба»⁸. Дей-

¹ Миннихметова Т. Г. Календарные обряды закамских удмуртов. Ижевск, 2000. С. 22; Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Ар-год-берган: Обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск, 2011. С. 32.

² Напольских В. В. Календарные обряды и обрядовая терминология красноуфимских удмуртов // *Linguistica Uralica*. 2019. Vol. 55. Issue 2. P. 139–140.

³ Там же. С. 144.

⁴ Миннихметова Т. Г. Указ соч. С. 22.

⁵ Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Указ соч. С. 32. В работе указывается, что термином *верва-кысьтыр* называется «заклинание с пожеланием здоровья детям, которых похлопывают веточками вербы <...> в ночь на Вербное воскресенье».

⁶ Напольских В. В. Указ. соч. С. 144.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

ствительно, значимость вербы в русской пасхальной культуре не вызывает сомнения, и потому появление этого слова в составе обрядового термина, связанного с Пасхой, вполне объяснимо. Второй компонент — *stȳr* и его вариант *kištȳr*, как можно заметить, находит созвучие с вишерским словом *(с)тырей*. Этот компонент **stȳr/kištȳr*, как замечает В. В. Напольских, «очевидного объяснения не имеет»¹. Ученый, размышляя об этимологии корнеслова, возводит его к тюркской основе, сопоставляя эту форму с чувашским словом *xister* в значении 'стараться', и замечает: «Рассматриваемый термин может восходить к единому, изначально оформленному на болгарском (старочувашском) языке комплексу народно-христианских обрядов, который сложился, вероятно, уже в эпоху российского господства в регионе у немусульманского и формально не христианизированного населения Среднего Поволжья и Предуралья, объединявшего предков чувашей, марийцев, удмуртов»². Однако такое утверждение заставляет задуматься: почему одна часть культурно значимого слова в одном из финно-угорских языков имеет русскую основу *berba* (*verma/verva/berma*) 'верба', а другая часть — *stȳr* (*kistȳr*) — тюркскую (болгарскую)? Представляется, что это излишне сложный механизм образования термина для обрядового действия, имеющего христианскую привязку. Можно предположить, что и *stȳr* (*kistȳr*³) также имеет славянскую основу.

Прежде чем предложить свою этимологию, остановимся на пересечениях и символической близости вишерского обряда «(с)тырея», удмуртского и некоторых русских обрядов. Коми и удмуртские обрядовые действия сближает отнесенность к пасхально-троицкому циклу. У красноуфимских и закамских удмуртов это неделя перед Пасхой (начало весеннего цикла, или, условно, цикла празднования начала земледельческого года), у вишерских коми — это неделя после Троицы (Петровское заговенье — первое воскресенье после Троицы, т. е. это завершение весеннего цикла, периода начала земледельческого года и переход его в стадию лета и зрелости). Можно сказать, что данные точки начала и конца календарного периода семиотически однородны. Скорее всего, у вишерских коми произошел календарный сдвиг с начала на конец периода с сохранением концептуального содержания обряда и его символов — пучка древесных ветвей, хлестания ими и ритуальных выкриков. Символическую функцию вербы, которая осталась знаковым деревом праздника Входа Господня в Иерусалим (*Верба лун*), перенимает рябина, известная своими сходными с вербой магическими смыслами в коми культуре (способность исцелять, изгонять нечистую силу и проч.)⁴. О символической близости вербы и рябины могут свидетельствовать, например, и марийские обрядовые действия: накануне Вербного воскресенья парни, взяв ветки рябины *или* вербы,

¹ Напольских В. В. Указ. соч. С. 145.

² Там же. С. 146.

³ Предполагаем, что вариант *кистыр* можно гипотетически объяснить сложением финно-угорского корнеслова «*ki*» 'рука' и корня «*stȳr*».

⁴ См.: Конаков Н. Д. Пелысь // Мифология коми. Энциклопедия уральских мифологий. М.; Сыктывкар, 1999. С. 296.

ходили по деревне и били по хозяйственным постройкам¹. Как можно заметить, верба и рябина в таком контексте обнаруживают знаковое тождество.

Семиотический перенос с начала весеннего цикла (Пасхи) на его конец известно и русским: Петровское заговенье в ряде традиций называется *Яичным заговеньем*², когда в обрядовых действиях актуализируется символ жизни — яйцо: в этот день яйца красят, катают, дарят так же, как и в пасхальную неделю. Вполне можно предположить, что вишерские коми календарно «перенесли» не яйцо, а древесные ветки и связанное с ними обрядовое действие хлестания с пожеланиями.

В свою очередь, пасхально-троицкий (весенний) цикл на семиотическом уровне коррелирует со святочным циклом. Если учесть, что сдвиг начала календарного года был связан с переносом на 1 января, а исторические корни народной культуры сформировались гораздо раньше, когда год начинался 1 марта, то эта связь вполне объяснима. Святочный цикл, включающий в себя и гадания, и общение с духами предков (в христианстве — нечистой силой), и последующее очищение и изгнание бесов в конце святочного цикла, перетянул к себе некоторые символические смыслы «мартовского начала года» — умирание, стирание границы между мирами, борьба смерти и жизни с последующим рождением мира и его символом — яйцом, изгнание представителей или проявлений иного мира (бесов и болезней) как завершающее действие формирования границ обновленного мира и времени.

Севернорусские традиции и традиции, испытавшие влияние русской культуры, как кажется, прочнее сохранили народную дохристианскую основу обряда: в них ритуалы Великого четверга и Семика очевидно «рифмуются» со святочным циклом³. В день *верба-кисьтыр* закамские удмурты стегали вербовыми прутьями дом, скотину и людей, чтобы от них отошла нечистая сила; после обряда *верба-кисьтыр* на следующий день мыли стены, потолки, стирали одежду и пр.⁴ У красноуфимских удмуртов в день *стырбермака* мужчины устраивали состязания в борьбе и скачки до ближайшего леса, там рвали ветки, приходили в деревню, заходили в каждый дом, били хозяев ветками с восклицаниями и принимали в дар яйца. Потом собирались вместе, варили и ели эти яйца⁵. Обход домов, скачки и состязания, последующие омо-

¹ Напольских В. В. Указ. соч. С. 146.

² См.: Агапкина Т. А. Заговенье // Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5 т. Т. 2. М., 1999. С. 237–238.

³ См., например: Михейченко Н. А. Опыт систематизации материалов по Великому четвергу (вятские собрания фольклорного архива Сыктывкарского государственного университета) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003»). Петрозаводск, 2003. С. 204–205.

⁴ Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Указ соч. С. 177.

⁵ Напольских В. В. Указ. соч. С. 146. «В Верхнем Бугалыше сообщили, что вербу собирали на горе за деревней, и мужчины устраивали состязания в борьбе и скачки: на гору поднимаются удмурты, борются (соревнуются) там и спускаются на лошадях. Там ветки берут. Потом уходят, в каждом доме яйца собирают. «Болезнь-хворь выгнать надо уже —

вения и очищения очевидно соотносятся с обрядовыми действиями святочных хождений по домам и крещенским омовением/очищением и изгнанием бесов (достаточно вспомнить общерусское крещенское омовение в иордани и севернорусское обрядовое действие *топтать шуликунов*, представляющее собой скачки на конях по деревне¹). Надо отметить, что в вишерской традиции канун и сам Великий четверг знаково воспринимались как опасные дни, т. е. как время активной деятельности нечистой силы: «В большинстве случаев первой реакцией исполнителя на вопрос о Великом четверге (они могли быть самые разные: Слышали ли вы что-то про Великий четверг? Что раньше делали на Великий четверг? и т. п.) следовала характеристика Четверга или кануна как опасного периода, что обосновывалось поверьями об активизации нечистых сил, их вредоносности, описанием способов защиты от них»². Как можно заметить, оба календарных периода имели тождественную семиотическую модальность.

Полагаю, что в таком культурном контексте, который характеризуется хронологическими перемещениями обрядовых элементов, обусловленными социальной сменой семиотического рубежа года с присущей ему семантикой обновления, рождения (яйцо) и очерчивания границы между мирами (изгнание чужих из мира своих), появляется возможность этимологизировать коми обрядовый термин «(с)тырей» (и корень *-(s)tyr-*) как славянизм.

Думается, есть основания считать, что корень *-(с)тыр-* может быть возведен к славянскому корню, который выступал в древности в виде регулярных чередований **ter/*tyr/*tir/*tor/*tyr/*tyr*. В русском языке (особенно в севернорусских говорах) слова с этим корнем употребляются в значениях 'ударять, толкать; двигать в сторону от себя, стучать, производя шум; заталкивать, прятать; понукать, упрекать, бранить'. Данная этимологическая корневая группа весьма обширно представлена в русских говорах. В связи с обсуждаемым словом *(с)тырей* приведу лишь некоторые примеры: *тереть* 'онежск. Толкать друг друга в спину' [СРНГ, 44: 73], *тёркать* 'ср. Прииртыш. Сильно ударять, бить при полоскании' [СРНГ, 44: 76], *тирить* 'костр. Валять валенки' (т. е. бить, сбивать шерсть) [СРНГ, 44: 133], *торить* 'псков. Торопить, подгонять (иногда ударяя); перм. Ругать, бранить; сведл. Бить кого-л.' [СРНГ, 44: 270-271], *торкать* 'повсем. Производить удар, удары по чему-л.; ударять, колотить' [СРНГ, 44: 271-272] и мн. др. В группе слов с корнем *тыр-*, наиболее созвучном с коми словом *(с)тырей*, приведу такие, как кажется, показательные примеры: *тыркать* 'перм. Ударять, стучать; онеж. Толкать; карел. Уби-

не болей!» (говоря), в основание (дома) три раза ударяют, людей — чтоб не болели, три раза ударяют. Потом с удмуртскими песнями яйца собирают (в) каждом (доме), потом уходят (на) конный двор, а там большой пригон раньше был, там борются (соревнуются), потом друг с другом собираются вместе и варят, потом едят яйца» (Там же).

¹ Толстой Н. И. Шуликуны // Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 270–279.

² Лобанова Л. С. Некоторые мотивы Великого четверга в Прилузской и Верхневычегодской традициях коми // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 11. С. 193.

рать, засовывать; арх. Понукать, заставлять что-либо делать' [СРНГ, 45: 333], *тырнуть* 'арх. Ударить; толкнуть, двинуть что-л.' [СРНГ, 45: 337], *тырыкать* 'твер. Будить, тормошить спящего; волог. Ругаться' [СРНГ, 45: 339], *тыря* 'казан. Слово, которым отгоняют овец' [СРНГ, 45: 340], *тырятъ* 'Коми АССР. Бодать (о животных)' [СРНГ, 45: 340] и мн. др.

Вариант корнеслова *стырей*, как кажется, также можно объяснить посредством связи с русским словом. Корень **ter/*tър/*tir/*tor/*tър/*tyr* в русских говорах активно образует производные с префиксом *су-/с*: *сутереть* 'яросл. Удалить с поверхности, вытолкнуть' [СРНГ, 42: 315], *суторить* 'ладож. Толкаться' [СРНГ, 42: 319], *суторочный* 'твер. Вздорный, сварливый' [СРНГ, 42: 319], *сутыриться* 'волог., перм. Ссориться, браниться' [СРНГ, 42: 323], *сутырь* 'перм. Вздорный, придирчивый человек; нижегор. Бестолковый спор' [СРНГ, 42: 324], *стыр* 'повсем. Ссора, раздор, ругань' [СРНГ, 42: 115], *стыркать* 'перм. Сбросить что-л. толчком, спихнуть' [СРНГ, 42: 118] и т. д. Одним из значений семантически сложного префикса *су-/с* является значение совместности, взаимности, которое отражает ситуацию, где как минимум два или более значимых участника. Можно предположить, что префикс был средством выражения идеи совместности, коллективности совершаемого действия, т. к. обряд подразумевает совместное участие (со-участие) членов коллектива в нем. Формальное совпадение с префиксом, имеющим пространственное значение *с-*, лишь усилило концептуальную семантику корня — сбросить, столкнуть, переместить с поверхности.

Таким образом, все производные с историческим корнем **ter/*tър/*tir/*tor/*tър/*tyr*, в т. ч. и префиксальные, «семантически собираются» для экспликации концептуального смысла 'интенсивно, с произнесением некоторых слов (ругаясь), отталкивать, изгонять, засовывать, прятать (убирать с поля зрения), сбрасывать'. Можно предположить, что древняя корневая синкрета **te(o)r/*tъ(tъ)r* ближе всего была связана с представлением об обрядовом действии установления границ своего мира и изгнании (перемещения) чужих (нечистой силы, болезни и пр.) за пределы своего.

Похожие смыслы выражаются в русском языке посредством слов *хлестать* 'бить, стегать, зло, резко отчитывать', *сечь* 'с силой бить, хлестать; наносить удары, наказывать'. В связи с обсуждаемой темой здесь возникают параллели с известным русским обрядовым действием в Вербное воскресенье — символически ударять пучком веток вербы с приговорами, например, *Верба-хлёст, бей до слёз!* [СРНГ, 2: 120]; *Не я секу, Верба́ секёт. Как верба́ растёт, Так и ты расти, В толщину толсти, Ума-разума копи!*¹ и др. Такие приговоры отмечены и в коми традициях: *Верба лачкӧ, ме ог лачкы, Уулань вужйоо, Выылань карйоо* [Верба ударяет, не я ударяю, Книзу корни пустите, Кверху крону растите]² и др. Логично предположить, что этот обряд мог

¹ Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы: Исследования и материалы / сост. Т. И. Дронова, Т. С. Канева. Сыктывкар, 2008. № 142.

² Микушев А. К., Чисталев П. И. Коми народные песни. Т. 3. Вымь и Удора. Сыктывкар, 1995. С. 237.

иметь и свое именование в виде отглагольного существительного, символически выражающего сценарий обрядового действия — условно *вербохлѣст* (в СРНГ это производное слово дано как результат сложения слов *верба* и *хлѣст* — *верба-хлѣст* [СРНГ, 2: 120], но вполне можно предположить и слово с соединительной гласной — *вербохлѣст*).

Опираясь на высказанные положения, можно предложить версию происхождения коми обрядового термина *(с)тырей*. Слово является осколком утраченного сложного наименования, образованного на основе корней *верба-* и *тыр-* (предположим *верботырь* или *вербостырь*). Возможно, он выступал как диалектный вариант слова *вербохлѣст*. Однако не исключим вероятность того, что перед нами раннее оригинальное пермское (коми и удмуртское) слово, образованное из заимствованных морфем по модели славянского композита (но, кажется, это менее вероятно). Слово было призвано обозначать обрядовое действие — битье пучком из веток вербы, или шире, из веток дерева, символически связанного с магической силой (у коми и удмуртов — рябины). Это символическое битье пучками древесных ветвей должно было отгонять, выметать, как веником¹, чужие злые силы и тем самым восстанавливать миропорядок, даровать здоровье и силы в канун нового жизненного периода человека и природы.

Со временем сложный термин сократился до одной корневой морфемы. В некоторых финно-угорских традициях остался только элемент *верба-*: так, например, у кукуморских удмуртов во время обряда изгнания нечистой силы вечером накануне Великого четверга кричали только *verma! verma!*² Вишерские коми «оставили» второй элемент — *(с)тыр-*, актуализируя тем самым внимание не на магической силе вербы, а на самом действии *бить*, *хлестать*, *сечь*. Вследствие этого стала возможной мена породы дерева для ритуальных веток — верба или рябина. В *(с)тырей*, кроме того, могли приплетаться ветки других знаковых деревьев — осины, черемухи и березы³ — и крапива, известная своими «отгонными» свойствами. Необычная для коми языка форма слова с финалью *-ей*, как представляется, сближает его с русскими глагольными междометиями, типа *давай*, *пускай* и проч. Употребление слова *(с)тырей* отмечено не только в ситуации именовании веток (субстантивная номинативная единица), но и как выкрик: «кричишь: «Тырей! Тырей!» Не исключено, что *(с)тырей* — это часть слова *верба(с)тыр(ей)*, общего с удмуртами обрядового термина, который, в свою очередь, коррелирует с русским термином *вербохлѣст*.

Вполне объясним в этом случае и удмуртский элемент *ki-* со значением 'рука; толкать, бить рукой' в форме *vervakištȳr* и т. п.: возможно, он как поздняя вставка призван был конкретизировать для носителей удмуртского язы-

¹ Не случайно, как кажется, при описании обрядового действия «(с)тырей» пучок веток называется веником или *голиком*.

² Напольских В. В. Указ. соч. С. 144.

³ Береза метонимически появляется в обряде в связи с ее значимостью в близком по времени к Петровскому заговенью празднике — Троице.

ка «сценарий», заложенный в обрядовом термине с заимствованными и, возможно, уже «темными» корнями *верба* и *тырить/тыркать/сутырить/стырить*. *Vervakištyr* — пучком вербы в руках бить, хлестать, отталкивать злые силы, тем самым желая здоровья.

Таким образом, можно предположить, что коми слово *(с)тырей* и удмуртские слова *верва-кисьтыр*, *стырбермак* и др. являются генетически близкими русскому *вербохлёсту* (*верба-хлёсту*), отражая ранние культурно-языковые связи разных народов, выразившиеся в арсенале их традиционных формул.

Список источников

Агапкина Т. А. Заговенье // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого : в 5 т. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 237–238.

Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Ар-год-берган: Обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск: Удмуртский университет, 2011. 320 с.

Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы : исследования и материалы / сост. Т. И. Дронова, Т. С. Канева; науч. ред. Т. Н. Бунчук. Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 2008. 200 с.

Жеребцов Л. Н., Лашук Л. П. Старая Вишера // Историко-филологический сборник. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 83–127.

Конаков Н. Д. Пелысь // Мифология коми. Энциклопедия уральских мифологий / науч. ред. В. В. Напольских. М.; Сыктывкар: ДиК, 1999. С. 296–297.

Лобанова Л. С. Некоторые мотивы Великого четверга в Прилузской и Верхневыхегодской традициях коми // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 11. С. 190–197.

Микушев А. К., Чисталев П. И. Коми народные песни. Т. 3. Вымь и Удора. Сыктывкар: Моск. писатель, 1995. 254 с.

Миннихметова Т. Г. Календарные обряды закамских удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. 168 с.

Михейченко Н. А. Опыт систематизации материалов по Великому четвергу (вятские собрания фольклорного архива Сыктывкарского государственного университета) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения — 2003»). Петрозаводск: Музей-заповедник «Кижи», 2003. С. 204–205.

Напольских В. В. Календарные обряды и обрядовая терминология красноуфимских удмуртов // *Linguistica Uralica*. — 2019. Vol. 55. Issue 2. P. 139–151.

Панюков А. В. Висервож да сэтчӧс олысьяс йылысь пасйӧдъяс. [Заметки о Вишерском крае и его жителях]. Корткерос: [б. и.], 1999. 107 с. (на коми яз.).

Рассыхаев А. Н. Коми предания об освоении Вишерского края // Ежегодник финно-угорских исследований. 2023. Т. 17. № 4. С. 507–519.

Савельева Г. С. Хрононимы в тексте культуры (традиция вишерских коми) // Семиозис и культура: человек в современном коммуникативном пространстве : коллективная монография (по материалам международной конференции «Семиозис и культура: человек в современном коммуникативном пространстве»,

г. Сыктывкар, 14–15 декабря 2018 г.) / под ред. проф. Л. В. Гурленовой, проф. Н. Ф. Зюзева. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. С. 89–97.

Сорвачева В. А., Сахарова М. А., Гуляев Е. С. Верхневычегодский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1966. 252 с.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965–1989. Вып. 1–23; СПб.: Наука, 1990–2023. Вып. 24–52 (издание продолжается).

Толстая С. М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 166–181.

Толстой Н. И., Толстая С. М. Народная этимология и этимологическая магия // Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 182–196.

Толстой Н. И. Шуликуны // Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 270–279.

Традиционный народный календарь коми / сост. В. В. Филиппова, Т. С. Канева; под ред. А. Н. Власова. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 2002. 123 с.

С. Е. Волоскова (Санкт-Петербург)

Собрание народных сказок в личной библиотеке О. И. Капицы (из фонда фундаментальной библиотеки РГПУ им. А. И. Герцена)

Аннотация. В статье освещается собрание народных сказок в библиотеке О. И. Капицы, педагога, собирателя фольклора, специалиста по истории детской литературы. Для О. И. Капицы были важны не только тексты, но и сами издания, т. к. на детское восприятие сильное влияние имеет оформление книги. Эта коллекция была отмечена как перспективная для изучения А. Н. Власовым, руководившим отделом редкой книги фундаментальной библиотеки РГПУ им. А. И. Герцена.

Ключевые слова: А. Н. Власов, О. И. Капица, книжное собрание, личная библиотека, РГПУ им. А. И. Герцена, сказка, детская литература

Профессиональная деятельность Андрея Николаевича Власова в РГПУ им. А. И. Герцена была насыщенной и плодотворной. Преподавательскую деятельность на филологическом факультете с 2003 г. он совмещал с заведованием отделом редкой книги фундаментальной библиотеки, который был вновь открыт после длительной консервации в связи с ремонтом и переустройством библиотеки. Возглавив отдел, А. Н. Власов привлек к работе в нем своих бывших коллег и учеников, многих из которых он знал еще по Сыктывкарскому университету, т. к. видел задачу сотрудников не только в сохранении и библиографическом описании фонда, обслуживании читателей, но и в научно-исследовательской деятельности, публикации научных работ¹.

¹ См. статью О. В. Селивановой в настоящем сборнике.

Уже в 2007 г. был издан путеводитель по фондам отдела, описывающий владельческие коллекции по предложенной А. Н. Власовым схеме: «Каждый раздел содержит историко-биографические сведения о бывшем владельце коллекции, приводятся описания отдельных редких и примечательных изданий, представлены дарственные надписи и автографы дарителей книг, а также экслибрисы и штампы»¹. О высоком научном уровне монографии говорит признание коллег: коллектив авторов был награжден дипломом Всероссийского конкурса научных работ по библиотековедению, библиографии и книговедению за 2006–2007 гг.

Вступительная глава «От составителей», написанная А. Н. Власовым в соавторстве с Г. В. Галасьевой, намечает пути дальнейших научных исследований. Предполагалось, что издание путеводителей по фонду отдела продолжится описанием небольших владельческих коллекций и библиотек учреждений, в разное время влившихся в фонд библиотеки РГПУ им. А. И. Герцена (далее — библиотека РГПУ). К сожалению, эти планы не были осуществлены.

Однако научно-исследовательская деятельность сотрудников отдела, начатая под руководством А. Н. Власова, продолжилась. Сотрудники отдела регулярно выступали на профессиональных конференциях с докладами о частных и учрежденческих коллекциях, публиковали статьи в сборниках конференций и научных журналах.

Многие из них посвящены Ольге Иеронимовне Капице (1866–1937), т. к. с ее деятельностью связана одна из ярких страниц в истории Герценовского университета. Будучи преподавателем курса по детской литературе в Педагогическом институте дошкольного образования (в 1925 г. этот институт присоединен к ЛГПИ им. А. И. Герцена), О. И. Капица выступила с инициативой создания показательной библиотеки по детскому чтению. При этой библиотеке в 1922 г. сложилась студия детских писателей, впоследствии составивших цвет новой детской литературы. На заседаниях под председательством С. Я. Маршака и О. И. Капицы здесь обсуждали новые произведения К. И. Чуковский, В. В. Бианки, Б. С. Житков, Е. Л. Шварц и многие другие.

В последние годы жизни О. И. Капица сосредоточилась на научной работе — собирании и изучении детского фольклора, в первую очередь сказки. Осознавая ценность сказки для детей, особенно дошкольников, О. И. Капица отстаивала ее место в детской литературе, хотя это шло вразрез с мнением многих педагогов: «Именно в 1920-е гг., когда шел решающий спор о сказке в детском чтении, практическая и теоретическая деятельность О. И. Капицы в этой области особенно активизировалась»².

О. И. Капица также участвовала в работе Сказочной комиссии Русского географического общества³, вместе с этнографом и фольклористом Г. С. Ви-

¹ Частные коллекции в фонде редкой книги фундаментальной библиотеки им. императрицы Марии Федоровны РГПУ им. А. И. Герцена / сост. А. Н. Власов, С. Е. Волоскова, Г. В. Галасьева, О. В. Селиванова. СПб., 2007. С. 4–5.

² Путилова Е. О. Очерки по истории критики советской детской литературы, 1917–1941. М., 1982. С. 20.

³ Шаповалова Г. Г. Изучение детского фольклора Ольгой Иеронимовной Капицей //

ноградовым (1887–1945) стала инициатором создания Комиссии по изучению детского быта, языка и фольклора. О. И. Капица была уверена, что «хорошо собранный и разработанный материал по детскому фольклору необходим и социологу, и этнографу, и лингвисту, и исследователю словесности, но собирание и исследование этого материала — дело очень трудное и сложное, т. к. требует совершенно иных методов, чем изучение фольклора взрослых»¹. В докладе 1926 г. в Отделении этнографии РГО О. И. Капица дала определение, классификацию детского фольклора, осветила историю собирательской и исследовательской работы. Позже этот доклад был опубликован в виде статьи² и в переработанном и дополненном виде составил первые главы книги О. И. Капицы «Детский фольклор»³.

Когда в 1934 г. сын Ольги Иеронимовны, физик Петр Леонидович Капица, не смог продолжить работу за границей и был вынужден на первое время поселиться у матери в коммунальной квартире, часть книжного собрания О. И. Капицы оказалась в фундаментальной библиотеке⁴.

А. Н. Власов заинтересовался этой коллекцией и наметил ее дальнейшее изучение: «Ценнейшей частью книжного собрания Института дошкольного образования по праву считается “библиотека детской литературы”. <...> Личные книги О. И. Капицы (они имеют владельческую подпись) также входят в это собрание. Полного описания книг этой ценной коллекции до настоящего времени не существует»⁵.

С подачи А. Н. Власова описанием коллекции и архивом О. И. Капицы, хранящимся в библиотеке, успешно занималась О. В. Селиванова⁶. Работа над архивом О. И. Капицы продолжается, он готовится к публикации. Продолжается и выявление книг из книжного собрания О. И. Капицы: с момента публикации о нем О. В. Селивановой обнаружено еще более 30 книг, в настоящий момент оно насчитывает 125 экземпляров. Особенно важными представля-

Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии : сб. ст. Вып. IV. Т. 94 / отв. ред. В. К. Соколова. М., 1968. С. 153.

¹ Цит. по: Капица Ф. С., Колядич Т. М. Русский детский фольклор. М., 2002. С. 29.

² Капица О. И. К вопросу об изучении детского фольклора (Собирание, исследование и терминология) // Известия Государственного русского географического общества / отв. ред. В. Л. Комаров. Том LX. М.; Л., 1928. Вып. 1. С. 59–78.

³ Виноградов Г. С. О. И. Капица (Некролог) // Советский фольклор : статьи и материалы. Вып. 7 / отв. ред. М. Азадовский. М.; Л., 1941. С. 237.

⁴ Комарова Т. С. Письма Ольги Капицы на имя Марии Красноженовой // Красноярский краевой краеведческий музей. URL: <https://www.kkkm.ru/o-muzee/stati-i-publikacii/rubrika-byloe/pisma-olgi-kapicy-na-imya-marii-krasnozhеновой> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵ Частные коллекции в фонде редкой книги. С. 12.

⁶ См., например: Селиванова О. В.: 1) Личное собрание Ольги Иеронимовны Капицы в фундаментальной библиотеке РГПУ им. А. И. Герцена // Личные библиотеки в составе фондов российских книгохранилищ: проблемы изучения: материалы науч.-методич. семинара / сост. и науч. ред. О. Н. Ильина; ред. Г. А. Мамонтова. Вып. 2. СПб., 2019. С. 181–188; 2) Ольга Иеронимовна Капица — библиограф, исследователь, собиратель и издатель детского фольклора // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб., 2021. Т. 38. Памяти Виктора Евгеньевича Гусева. С. 233–252 и др.

ются издания народных сказок для детей, т. к. это один из главных научных интересов О. И. Капицы.

О. И. Капица была уверена, что для изучения истории детской литературы важна вся печатная продукция для детей, о чем она впервые писала в статье 1913 г.: «Отбора книг не должно быть, главной задачей должна быть полнота и широкое оборудование. Кроме книг детских, в такой библиотеке должны быть собраны библиографические указатели детских книг, статьи и книги по вопросам детского чтения, детских библиотек и вообще всему, что имеет отношение к детской литературе. Такое книгохранилище могло бы обслуживать всех изучающих детские книги с разных точек зрения. Мы убеждены, что хорошо оборудованная библиотека такого типа значительно подвинет дело изучения детской литературы»¹.

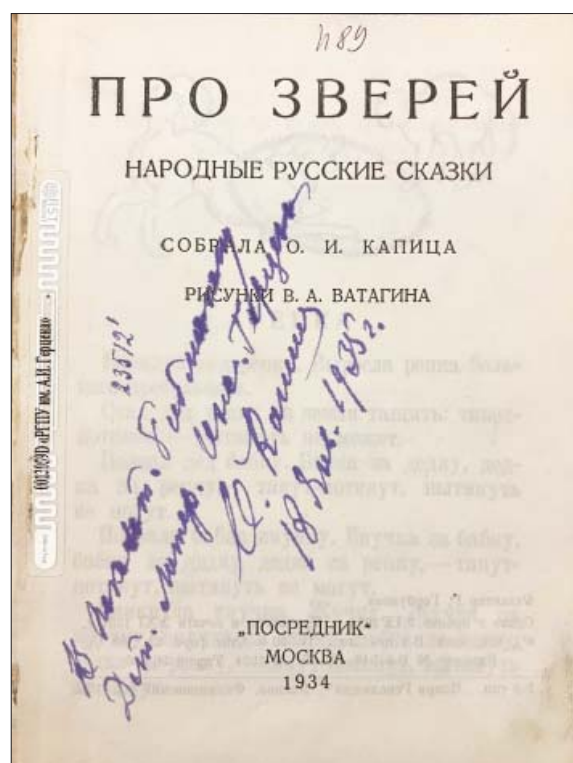
Этих же принципов, по-видимому, она придерживалась и при составлении личной коллекции, которая была ее «подсобным фондом» при подготовке лекций и публикаций. Например, в библиотеке О. И. Капицы собраны разные издания сказки «Репка»: два экземпляра книжки Бессарабского книгоиздательства (Одесса, 1920), книга из серии «Дешевая библиотека для детей рабочих» — издание Культотдела Ленинградского совета профсоюзов (1924), книжки 1925 и 1926 гг., вышедшие в издании Г. Ф. Мириманова. Кроме того, текст «Репки» есть в сборниках: «Русские народные сказки для маленьких детей», составлен М. Свентицкой (М., 1922; серия «Мир сказок», второе издание) и «Русские сказки: Сборничек сказок и рассказов для маленьких детей» (Книгоиздательство «Одесполиграф», 1926).

Интересно, что именно сказка «Репка» открывает сборник «Про зверей. Народные русские сказки. Собрала О. И. Капица», вышедший в московском издательстве «Посредник» в 1934 г. В библиотеке РГПУ хранится экземпляр с автографом собирательницы на титульном листе: «В Показат[ельную] Библиотеку Дет[ской] Литер[атуры] Инс[титута] Герцена О. Капица 18 янв. 1935 г.» (Илл. 1).

Сравнение текстов сказки «Репка» показывает, что несмотря на их предельную близость, полного совпадения нет. Наиболее близки между собой тексты из сборников 1922 и 1926 гг., а также бессарабского издания 1920 г. Принципиально отличается сказка в издании Мириманова 1926 г., где героями оказываются звери (сажает репку мишка, а тянут — волк, лиска, зайка, белка и мышка), к тому же завершается сказка стихотворным выводом и лозунгом: «Дружка за дружку держались мы крепко и победили упрямую репку. Да здравствует коллектив».

Оригинальное завершение и у сказки «Репка» в издании 1924 г. (орфография и пунктуация сохранены): «1. Так запомните-ж, милые детишки. / И от самой крохотной мышки / Польза большая сбудется — / 2. Если только она с детства / трудится. / Если-ж она капризна и ле-/нива, / Своенравна, непослушна и / строптива — / 3. Для такой мышки — и маленькая репка / В зем-

¹ Капица О. И. Показательная библиотека детских книг // Новости детской литературы. 1913. № 1 (сентябрь). С. 7.

Илл. 1. Автограф О. И. Капицы на титульном листе сборника «Про зверей. Народные русские сказки. Собрала О. И. Капица» (М.: Посредник, 1934)

ле роста останется крепко, / 4. Хоть три года эту репку дерите... / А про большую не говорите». На последней странице обложки указано: «“Репка” народная сказка. Заключительные стихи Б. Филиппова». К сожалению, однозначно идентифицировать автора стихов на данный момент не удалось.

Переосмысление народной сказки в духе коллективизма и стремления к общественно полезному труду — яркое веяние времени. Отследить такое влияние на фольклорный текст — это одна из важнейших задач исследователя, считала О. И. Капица¹. В ее коллекции есть отдельный оттиск этой статьи с автографом на первой странице: «В Показательную библиотеку Дет[ской] Литерат[уры] Дошкол[ьного] Отдел[ения] Пед[агогического] Инст[итута] им. Герцена О. Капица 5 июня 1928 г.». Таким образом, можно утверждать, что разные варианты одной и той же сказки были ценным и значимым материалом для О. И. Капицы.

О. И. Капицу как исследователя детской литературы и преподавателя одноименного курса в различных институтах интересовали сами книги, особенно периферийных изданий (бессарабского, одесского) — не столь доступные студентам и ученым, как книги, изданные в Москве и Ленинграде. Так в библиотеке РГПУ оказались книги, сохранившиеся в небольшом количестве экземпляров. Например, «Репка» бессарабского издания 1920 г. имеется в фонде только в двух экземплярах, оба — из собрания О. И. Капицы; на данный момент эту книгу не удалось обнаружить в электронных каталогах РНБ, РГБ, РГДБ.

¹ Капица О. И. К вопросу об изучении детского фольклора. С. 76.

О. И. Капицу интересовало и художественное оформление книги (иллюстрации, обложка, шрифт и т. д.), т. к. это имело значение для восприятия маленького читателя. В курсе детской литературы, разработанном О. И. Капицей, много говорится об иллюстрации. Так, конспект лекции для отделения детских садов и классов Педагогического института дошкольного образования (1919 г.) включает материал об оформлении книг и иллюстраторах: «Типы иллюстрированных книг, соответствие текста и рисунка. Характер рисунков. Каким требованиям должны удовлетворять рисунки для маленьких детей. Обычный тип рисунков. Художники-иллюстраторы детских книг. Пределы художественного примитива»¹. В ее курсе для сотрудников детских библиотек при Институте внешкольного образования (1921 г.) сказка и иллюстрация рассматриваются в одной лекции: «Книги для детей дошкольного и младшего возраста. Картинки и иллюстрации детских книг. Сказки. Народные русские и иностранные сказки. Сказки индивидуального творчества»².

В курсе «Практические занятия по детской литературе. Дошкольный институт III курс» (1923/24 г.) рассматривалось и оформление «Репки»: «“Сказка Репка” в иллюстрациях Каррика, Бем, Неручева и других. Гуревич и Петрушанская»³. Указанные ранее издания «Репки» из собрания О. И. Капицы были оформлены художниками А. Н. Комаровым, Д. А. Булановым, Б. В. Смирновым, С. Г. Гольдманом, известными своими работами в книжной графике. Возможно, некоторые из этих книг, если они на тот момент имелись в собрании О. И. Капицы, также были упомянуты ею на практических занятиях.

Кроме «Репки» в собрании О. И. Капицы представлены издания народных сказок «Морозко» (М., 1922; рисунки М. Н. Яковлева), «Лиса, кот да петух» и «Лисица и журавль», вышедшие в серии «Детская библиотека» (обе: Одесса, 1922, под редакцией Р. Волкова) (Илл. 2), «Царевна Крупеничка», народная сказка в изложении Н. Ашукина (М., [1915]; рисунки А. И. Малыгина). В собрании также есть и сборники сказок, как правило, включающие небольшое количество сказок, т. е. предназначенные для читателей младшего возраста. Помимо упомянутых ранее сборников, это две довольно редкие книги Бессарабского книгоиздательства, которые также не удалось обнаружить в электронных каталогах крупнейших библиотек страны: «Русские сказки. Гуси. Мена» и «Русские сказки маленьким детям» (обе: Кишинев, 1918), «Новые русские сказки», вышедшие в Государственном издательстве в серии «Народная библиотека» с предисловием собирателя А. М. Смирнова и оформлением известных художников: «Обложка худ. Митрохин, иллюстрации худ. Замирайло, Чернышева и Лебедева» (Пб., 1919), «Сказки» издательства Наркомзема «Новая деревня» (М., 1923, иллюстрации Н. А. Лемана) и «Русские народные

¹ Фундаментальная библиотека РГПУ им. А. И. Герцена. Архив О. И. Капицы. Тетрадь «Лекции по детской литературе. Педагогический институт дошкольного воспитания». Л. 6 об.-7.

² Там же. Тетрадь «Программа лекций на курсах для библиотекарей детских библиотек при Институте внешкольного образования». Л. 2-2 об.

³ Там же. Тетрадь «Дошкольный институт». Л. 4 об.

сказки» под редакцией А. А. Зефиновой, издание Алтайского отделения Сибгосиздата (Барнаул, 1923, рисунки А. О. Никулина).

Илл. 2. Обложка книги «Лисица и журавль»
(Одесса: Государственное издательство, 1922)

Многие из представленных в этих книгах сказок вошли в сборник О. И. Капицы «Русские сказки про зверей» (М., 1934). Это сказки: «Колобок», «Козлята и волк», «Журавль и цапля», «Кот, козел да баран», «Лиса и журавль», «Лиса и кувшин», «Лиса и рак», «Ворона и рак», «Теремок» (у О. И. Капицы — вариант сказки с лошадиной головой в качестве теремка). Несомненно, О. И. Капице были интересны публикации вариантов этих сказок.

В рассматриваемом собрании есть и вышедшая в издательстве И. Н. Кнебеля сказка «Аладин и волшебная лампа» (М., 1914). Книга привлекает внимание в первую очередь ярким оформлением Н. П. Ульянова (Илл. 3). О восточных сказках О. И. Капица упоминает в 12-й лекции курса по детской литературе, прочитанного в Педагогическом институте дошкольного образования в 1919/20 г.: «Сказки разных народов. Сказки народов некультурных, у которых сказки продолжают жить. Сказки народов культурных. Сказки диких народов. Сказки русских инородцев. Сказки кавказских народов. Восточных народов. Японские. Сказки Индии. Арабские сказки “Тысяча и одна ночь”»¹.

Примыкают к собранию сказок еще несколько изданий. Это книга В. Трофимовой «Сборник художественных материалов для рассказывания в школе 1 ст., расположенных по возрастным группам (I, II, III, IV и V) в четырех выпусках. Выпуск второй» (М., 1922), включающая волшебные сказки, как народные («Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке», «Морской царь и Василиса Премудрая», «Емеля-Дурак» и др.), так и авторские («Гадкий утенок», «Дикие лебеди», «Сказка о рыбаке и рыбке» и др.).

¹ Фундаментальная библиотека РГПУ им. А. И. Герцена. Архив О. И. Капицы. Тетрадь «Лекции по детской литературе. Педагогический институт дошкольного воспитания». Л. 12 об.

Илл. 3. Обложка книги «Аладин и волшебная лампа»
(М.: Издательство И. Кнебеля, 1914)

Это также сказки в авторской обработке. Например, сказка «Бычок — соломенный бочок, смоляная шкурка» вышла под авторством Марии Михеевны Серовой — педагога, фольклориста, детской писательницы¹. Книга с рисунками В. В. Гельмерсена была издана за счет автора в Ленинграде в 1927 г. и тогда же была подарена О. И. Капице, о чем свидетельствует дарственная надпись: «Дорогой и глубокоуважаемой Ольге Иеронимовне Капице первый румяный блинок от Составительницы 2 ноября 1927 г.». М. М. Серову и О. И. Капицу объединял интерес к детскому и сказочному фольклору, работа в Сказочной комиссии при Географическом обществе и в студии детских писателей. Так книги из собрания О. И. Капицы помогают установить круг ее профессионального общения.

Обработкой народной сказки является и книга «Колобок: пьеса в 2-х актах для кукольного театра Е. Дмитриевой и В. Цветкова» (издание Г. Ф. Мириманова, М., 1925). Это издание интересно тем, что фигура одного из авторов пьесы — Е. Дмитриевой не вполне определена. Возможно, это Елизавета Ивановна Дмитриева, которая стала знаменитой под псевдонимом Черубины де Габриак, а позже печаталась под фамилией мужа — Васильева. Она вместе с С. Я. Маршаком еще в Екатеринодаре сочиняла пьесы для детских театров, в том числе знаменитый «Кошкин дом». Об этом упоминает и сам С. Я. Маршак: «Пьесы для театра писали по преимуществу двое — я и поэте-

¹ Литераторы Санкт-Петербурга. XX век: энциклопедический словарь / ред.-сост.: О. В. Богданова (гл.), А. М. Любомудров, Б. В. Останин // Книжная лавка писателей, 2019–2021. URL: <https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/s/serova--899> (дата обращения: 10.01.2025).

са Е. И. Васильева-Дмитриева. Это и было началом моей поэзии для детей»¹. На обложке первой публикации их пьес в сборнике «Театр для детей» (Краснодар (Екатеринодар), 1922) указаны авторы: С. Маршак, Е. Васильева. Позже Е. И. Васильева-Дмитриева вместе с С. Я. Маршаком работала в Петроградском ТЮЗе. Именно в это время, в 1922 г., С. Я. Маршак пришел в Педагогический институт дошкольного образования и познакомился с О. И. Капицей, что привело к созданию студии детских писателей. Ученица и коллега О. И. Капицы Е. П. Привалова оставила воспоминания об этой судьбоносной встрече: «С. Я. Маршак, сотрудник петроградского ТЮЗа, пришел за советом, какие пьесы и повести могут быть использованы в детском театре. ТЮЗ в эти годы переживал большой репертуарный голод. Я не знаю, какие советы получил наш новый знакомый. Знаю одно — беседа продолжалась долго и положила начало большому делу»². Сомнения в авторстве Е. И. Дмитриевой вызывает тот факт, что в более ранней публикации пьес она выступала под фамилией Васильева.

Вместе с тем специалисты Бахрушинского музея называют автором пьесы «Колобок» Валентину Иововну Дмитриеву³, писательницу, автора известного рассказа «Малыш и Жучка», созданного для конкурса на премию Фребелевского общества и выдержавшего более двадцати изданий. «Малыш и Жучка» в издании Г. Ф. Мириманова (М., 1924) есть и в собрании О. И. Капицы. В этом случае сомнения вызывает ошибка в инициале автора: на обложке и титульном листе пьесы «Колобок» указано «Е. Дмитриева».

Как бы то ни было, пьеса «Колобок» была популярна, о чем свидетельствует тот факт, что ее, пусть и в переделке Л. М. Даценко, ставили как минимум до 1947 г., в том числе и во время Великой Отечественной войны — в 1942 и 1944 гг.⁴

Таким образом, изучение книжного собрания О. И. Капицы выявляет круг профессионального общения ученого, иллюстрирует научные интересы фольклориста, а также показывает представление педагога о месте сказки в круге детского чтения.

Продолжается также изучение других «малых коллекций», намеченное А. Н. Власовым в качестве перспективного направления работы отдела редкой книги. С его точки зрения, книжные собрания известных деятелей науки и культуры «дают возможность более точно определить умонастроения и интересы просвещенной читательской публики, позволяют понять, как формировались в течение двухсот лет основы мировоззрения многих поколений

¹ Маршак С. Я. О себе // Маршак С. Я. Собрание сочинений : в 8 т. / под ред. В. М. Жирмунского. М., 1968. Т. 1. С. 12.

² Привалова Е. П. У истоков // Я думал, чувствовал, я жил: Воспоминания о Маршаке / сост. Б. Е. Галанов и др. М., 1988. С. 207.

³ Даценко Л. М. Колобок: Пьеса в 2-х действиях для кукольного театра, переделанная и дополненная Л. М. Доценко // Бахрушинский музей. URL: <https://collectiononline.gctm.ru/entity/OBJECT/1634789> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴ Там же.

русского общества»¹. Умение видеть за фрагментом целую картину, за книжным собранием мировоззрение ученого — вот подход А. Н. Власова, которому он учил коллег. Продолжение этих плодотворных исследований, как нам кажется, будет лучшей данью его памяти.

Список источников

Виноградов Г. С. О. И. Капица (Некролог) // Советский фольклор : статьи и материалы. Вып. 7 / отв. ред. М. Азадовский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 235–239.

Даценко Л. М. Колобок: Пьеса в 2-х действиях для кукольного театра, переделанная и дополненная Л. М. Доценко // Бахрушинский музей. URL: <https://collectiononline.gctm.ru/entity/OBJECT/1634789> (дата обращения: 10.01.2025).

Капица О. И. К вопросу об изучении детского фольклора (Собирание, исследование и терминология) // Известия Государственного русского географического общества / отв. ред. В. Л. Комаров. Том LX. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. Вып. 1. С. 59–78.

Капица О. И. Показательная библиотека детских книг // Новости детской литературы. 1913. № 1 (сентябрь). С. 6–7.

Капица Ф. С., Колядич Т. М. Русский детский фольклор. М.: Флинта; Наука, 2002. 317 с.

Комарова Т. С. Письма Ольги Капицы на имя Марии Красноженовой // Красноярский краевой краеведческий музей. URL: <https://www.kkkm.ru/o-muzee/stati-i-publikacii/rubrika-byloe/pisma-olgi-kapicy-na-imya-marii-krasnozhenovoj> (дата обращения: 10.01.2025).

Литераторы Санкт-Петербурга. XX век: энциклопедический словарь / ред.-сост. О. В. Богданова (гл.), А. М. Любомудров, Б. В. Останин // Книжная лавка писателей, 2019–2021. URL: <https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/s/serova--899> (дата обращения: 10.01.2025).

Маршак С. Я. О себе // Маршак С. Я. Собрание сочинений : в 8 т. / под ред. В. М. Жирмунского. М.: Худ. лит., 1968. Т. 1. С. 5–15.

Привалова Е. П. У истоков // Я думал, чувствовал, я жил: Воспоминания о Маршаке / сост. Б. Е. Галанов и др. М.: Сов. писатель, 1988. С. 207–209.

Путилова Е. О. Очерки по истории критики советской детской литературы, 1917–1941. М.: Дет. лит., 1982. 175 с.

Селиванова О. В. Личное собрание Ольги Иеронимовны Капицы в фундаментальной библиотеке РГПУ им. А. И. Герцена // Личные библиотеки в составе фондов российских книгохранилищ: проблемы изучения : материалы науч.-методич. семинара / сост. и науч. ред. О. Н. Ильина; ред. Г. А. Мамонтова. Вып. 2. СПб.: РНБ, 2019. С. 181–188.

Селиванова О. В. Ольга Иеронимовна Капица — библиограф, исследователь, собиратель и издатель детского фольклора // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2021. Т. 38. Памяти Виктора Евгеньевича Гусева. С. 233–252.

Частные коллекции в фонде редкой книги фундаментальной библиотеки им. императрицы Марии Федоровны РГПУ им. А. И. Герцена / сост. А. Н. Власов,

¹ Частные коллекции в фонде редкой книги. С. 3.

С. Е. Волоскова, Г. В. Галасьева, О. В. Селиванова. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. 195 с.

Шаповалова Г. Г. Изучение детского фольклора Ольгой Иеронимовной Капичей // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии : сб. ст. Вып. IV. Т. 94 / отв. ред. В. К. Соколова. М.: Изд-во АН СССР, 1968. С. 149–163.

В. А. Дементьева (Сыктывкар)

Особенности воплощения темы страха в похоронно-поминальных причитаниях И. А. Федосовой

Аннотация. Поэтика изображения эмоций является актуальной проблемой фольклористики, но анализ особенностей воплощения темы страха в похоронно-поминальных причитаниях предпринимается впервые. Цель работы — выявить специфику воплощения темы страха в плачах, записанных от знаменитой олонечкой плакальщицы И. А. Федосовой. Автор приходит к заключению, что страх воплощается в устойчивых формулах, выразительных метафорах, пластических, телесных образах. Масштабные картины охваченного ужасом мира появляются в наиболее выразительных похоронных причитаниях И. А. Федосовой, которая выстраивает сюжеты, нагнетающие страх. В ее изображении страх как часть традиционной картины мира находит выражение в форме этнопоэтических констант.

Ключевые слова: И. А. Федосова, фольклор, поэтика, страх, эмоции, психофольклористика

Страх как одна из базовых человеческих эмоций и одновременно категория культуры, которая определяет практические аспекты поведения отдельного человека и целых сообществ, привлекает внимание исследователей разных гуманитарных дисциплин. Среди отечественных фольклористов первый подход к теме страшного осуществили О. Н. Гречина и М. В. Осорина, поднявшие вопрос о жанрах детского «страшного» фольклора в 1981 г. В последующие десятилетия тему страха в фольклоре развивали такие ученые, как С. М. Лойтер, М. П. Чередникова, М. Н. Мельников, Э. В. Померанцева, Е. С. Ефимова, Т. А. Мирвода, А. Н. Власов, А. С. Архипова и А. А. Кирзюк и др.¹ Вопрос

¹ Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975; Осорина М. В. «Черная простыня летит по городу», или Зачем дети рассказывают страшные истории // Знание — сила. 1986. № 10. С. 43–45; Мельников М. Н. Русский детский фольклор. М., 1987; Чередникова М. П. Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1996; Ефимова Е. С. Поэтика страшного: мифологические истоки. М., 1997; Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология: исследование и тексты. Петрозаводск, 2001; Архипова А. С., Кирзюк А. А. Опасные советские вещи: Городские легенды и страхи в СССР. М., 2020; Власов А. Н. Чин венчания в системе севернорусской свадьбы (принципы гештальтпсихологии традиционной памяти) // Словесность и история. 2020. № 2. С. 48–63; Мирвода Т. А. Поэтика современного детского «страшного» рассказа в устной традиции и сети интернет : дис. ... канд. филол. наук. М., 2020.

сы поэтики «страшного» фольклора разработаны достаточно подробно для жанров с ярко выраженной функцией устрашения — страшилок и сетевых страшных нарративов. Страшные образы находят в формулах запугивания, колыбельных песнях, сказках, балладах и городских романсах, но классические жанры фольклора, отражающие страхи взрослых, изучены в меньшей степени.

В последнее время исследования страха в фольклоре получают теоретическое обоснование, и специалисты обращаются к проблеме страшного в традиционных жанрах все чаще. Так, проблема вербализации эмоции «страх» в традиционной культуре стала предметом интереса психофольклористики, в частности, в работах В. А. Поздеева. Они посвящены как вопросам значимости темы страха для изучения народной культуры, его этноспецифичности¹, так и анализу выражения этого чувства в отдельных жанрах фольклора — балладе и жестоком романсе². В 2019 г. в Москве прошла международная междисциплинарная конференция «Фобии и фольклор: когнитивные и социальные механизмы страха», где Е. Ф. Югай представила доклад о преодолении страха с помощью причитаний³. Среди новейших работ можно также отметить статью А. М. Петрова и М. В. Пулькина, в которой авторы наметили методологические походы к изучению страшного фольклора и применили их к былинам, духовным стихам и мифологической прозе⁴. Исследование образов страха в причитаниях — актуальная проблема фольклористики, но на данный момент их поэтика не стала предметом специального изучения.

В качестве материала исследования нами были выбраны тексты олонецкой вопленицы, «народной поэтессы», Ирины Андреевны Федосовой (1827–1899), записанные Е. В. Барсовым. Выбор продиктован особенностями текстов: плачи И. А. Федосовой выделяются на фоне других не только по своей выразительности, но и по «масштабу». Е. В. Барсов противопоставлял эти «поэмы» «заплачкам» других причитальщиц, т. к. они доходили до 3000 строк. В таких объемных текстах нашлось место и для развернутого изображения чувств.

О высокой степени эмоциональности текстов И. А. Федосовой свидетельствует и характеристика, данная ей Е. В. Барсовым, — «выразительни-

¹ Поздеев В. А. Отражение этнокультурных стереотипов страха // Традиционная культура. 2015. № 4 (60). С. 25–31.

² Поздеев В. А. Психические состояния и эмоции, выраженные в фольклорных текстах, как проблема психофольклористики // III Всероссийский конгресс фольклористов (3–7 февраля 2014 г., г. Москва) : сб. науч. ст. : в 5 т. М., 2019. Т. 4. Российская фольклористика в XXI веке. Перспективы развития. С. 234–242.

³ Фобии и фольклор: когнитивные и социальные механизмы конструирования страха: междисциплинарная конференция (Москва, РАНХИГС, 12–14 сентября, 2019 г.): Программа конференции. URL: <https://fobii-i-folklor.timepad.ru/event/1041846/> (дата обращения: 19.03.2025).

⁴ Петров А. М., Пулькин М. В. Страх в фольклоре: источники, общественная роль, способы преодоления // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 3. С. 77–89.

ца народного горя»¹. Главный исследователь ее творчества, К. В. Чистов, отмечал исключительную силу «личного начала» в причитаниях «народной поэтессы», которое тем не менее позволяет ей передать чувства всего народа: «Говоря от лица каждого причастного к драме, она проявляет умение понять его душевное состояние, психологически передать его боль, его страдание, его тревоги»². Пронзительно лиричные и отчаянно горестные плачи И. А. Федосовой с той же точностью и экспрессивностью передают страх там, где он уместен.

Несмотря на то, что тексты олонечкой вопленицы стоят особняком среди всех записей северных причитаний, они не могут быть названы авторскими. Напротив, в ее причетах получила высшее свое развитие народная поэтическая традиция. «Федосова была замечательным новатором, однако новаторство ее заключалось вовсе не в отказе от традиции, а в ее развитии и продолжении»³, — писал К. В. Чистов. Следовательно, формулы и другие формы воплощения страшного в ее текстах можно отнести к устно-поэтическому канону, даже если мы не встречаем их в других текстах.

Тема страха раскрывается во многих текстах И. А. Федосовой и развита великолепно. Особенно интересны в этом отношении плачи *о потопших*, *об убитом громом-молнией* и *об упьянсливой головушке*. Как уже было отмечено, в текстах заонежской причитальщицы сильно личное начало, она умела сделать чужое горе своим отчасти и потому, что сама пережила тяжелые времена. С. Б. Адоньева приводит убедительные доказательства тому, что с точки зрения самих причетниц способность к плачу связана с познанием горя: только женщина с трудной судьбой сможет по-настоящему оплакать чужую беду⁴. Поэтому для уяснения поэтических особенностей причитаний И. А. Федосовой следует обратиться к некоторым фактам ее биографии. Не останавливаясь подробно на описании жизни народной поэтессы, все известные факты которой отмечены в монографиях К. В. Чистова, остановимся лишь на нескольких эпизодах, важных для нашей темы.

Причитать на свадьбах и похоронах И. А. Федосова начала с 12 лет и к 1867 г., когда ее встретил Е. В. Барсов, была уже уважаемой и известной в губернии вопленицей. К этому моменту Ирина Андреевна была второй раз замужем: первый муж был много старше ее, но их брак был счастливым; выйдя замуж повторно, за человека моложе нее, Федосова столкнулась с насмешками и жестокостью со стороны его семьи. Может быть, это сказалось на тематике плачей: многие фрагменты похоронно-поминальных причитаний посвящены объяснению семье и соседям *спорядовым* тяжелой судьбы овдовев-

¹ Чистов К. В. Ирина Андреевна Федосова: Историко-культурный очерк. Петрозаводск, 1988. С. 61.

² Лойтер С. М. Ирина Федосова в исследованиях К. В. Чистова (к 190-летию со дня рождения И. А. Федосовой) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 1 (162). С. 62.

³ Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. Очерк жизни и творчества. Петрозаводск, 1955. С. 258.

⁴ Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. СПб., 2004. С. 228.

шей женщины и просьбам не быть жестокими к ней. Исторический фон жизни И. А. Федосовой также оказал влияние на ее плачи: пореформенная эпоха породила новые социальные условия, новые взаимоотношения внутри села и внутри семьи, которые нашли отражение в плачах Федосовой. Так, она часто обращается к теме разрушения «большой семьи», разобщенности людей перед лицом трагедии¹.

Кроме того, пореформенная эпоха была временем перемен и неопределенности, которые всегда вызывают страх. «Страшным» годом, по словам К. В. Чистова, был 1867 г. — время записи текстов для будущего сборника «Причитания Северного края»: в Олонецкой губернии распространились эпидемия тифа и эпизоотия сибирской язвы, а также последовавший за этим голод, характерный, впрочем, для многих российских губерний во второй половине XIX в². И. А. Федосова в «Плаче о писаре» так выражает дух времени:

Как по нынешним годам да по бедовым
Лучше на свет человеку не родиться;
Много страсти-то теперь да много ужаста,
Как больша того великих пригрозушек³.

Как видим, в причитании возникает тема страха, выраженная формульным сочетанием *страсти-ужаста*. И. А. Федосова часто обращается к устойчивым выражениям страха; можно сказать, что она прибегает к формулам, состоящим из одного слова. Одна из самых распространенных — *не убойся*: «Не убойтесь-ко, родители, / Не убойтесь-ко, сердечные» (1, 60); «Не убойся ты, надежная головушка» (1, 149); «Не убойся-тко печальной головушки!» (1, 155); «Не убойтесь-ко, народ, не устрашиться-ко» (1, 212). Некоторая вариативность этой формулы создается за счет изменения числа глагола при сохранении места ударения и количества слогов и использования усилительных частиц *-ко*, *-тко*. Также можно заметить, что эта формула чаще всего соединяется с обращениями (*родители, надежная головушка* и т. п.).

Кроме того, в текстах И. А. Федосовой встречаются образные описания проявлений страха, например: «С этой страсти у меня да с переполоху, / Буйна голова у беднушки не гладится, / Прядка с прядкой в русой косы не сплетается / Побусили жемчуги да перебраныи, / Изоржавели колечка золоченыи!» (1, 217). Похожим образом вопленица описывает горе невесты в свадебном причитании: «И у меня да нонь у белой, у лебёдушки / И со неволи буйна го́лова не гладится, / И волос к волосу теперь да не слипается, / И прятка к пряточке русой косы не ладится <...> И все страшит меня невольну красну девушку, / И все остудушка страшит, да чужа сторона» (2, 297). Иными словами, И. А. Федосова в разных обрядовых ситуациях передает чувство страха

¹ Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. Очерк жизни и творчества. С. 230.

² Чистов К. В. Ирина Андреевна Федосова: Историко-культурный очерк. С. 140–142.

³ Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым / изд. подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов : в 2 т. СПб., 1997. Т. 1. Похоронные причитанья. С. 228. Далее при цитировании текстов из этого издания ссылки даются в круглых скобках в основном тексте (номер тома и страницы через запятую).

похожими конструкциями, что позволяет нам предположить наличие устойчивого образа страха — константы, которая может быть вербализована сходными выражениями. Эта константа поэтически изображает сильное чувство, которое затрагивает не только девушку, переживающую горе, но и мир вокруг нее: от страха героиня не может заплести косу — это нарушение нормального порядка вещей, один из первых признаков перехода к состоянию не-человека (вспомним расплетание косы невесте). Вслед за этим «побусили жемчуги» и «изоржавели колечка золоченыи», что, с одной стороны, может быть гиперболой, отражающей пошатнувшийся миропорядок, а с другой стороны — предвестием несчастья¹.

Как человек, тонко чувствующий состояние других людей, И. А. Федосова включает в свои плачи психологически точные описания страха: «С этой страсти у меня с переполоху, / Обмирае моя зяблая утробушка, / Изменилось у победной бело личушко, / Красота с лица девóчья потерялася» (1, 209). В других текстах нам не встретились столь же подробные описания телесных проявлений страха. К этому можно добавить также короткую формулу *ужахнулось ретливое сердечушко*, неоднократно повторяемую И. А. Федосовой и в похоронно-поминальных, и в свадебных причитаниях. В выразительных формулах этой плакальщицы можно найти подтверждение словам И. И. Земцовского: «формульность, бесспорно, относится к ярчайшим проявлениям типологической природы фольклора, и это нисколько не отрицает того, что конкретные проявления ее могут носить (и носят) индивидуально-вероятностный характер»².

К. В. Чистов выделял «углубленный показ психологии основных героев»³ как одну из ярких отличительных черт поэтической системы заонежской плачей. При этом объем ее текстов позволяет показать «развернутые и сложные психологические коллизии, борьбу чувств и душевных движений»⁴ как, например, в «Плаче о потопших».

В причитании описывается, как девушка потеряла семью во время бури на Онеге. Основанием для создания этого плача стала заметка в газете с сообщением о гибели целой семьи на Тимбас-губе и чудом спасенной девушке⁵. Тема страха возникает несколько раз в различных поэтических вариациях и сюжетных позициях. Выжившая испытывает страх во время бури; на острове, куда ее закинула буря; при воспоминании об этом происшествии; перед предвестием несчастья; перед встречей со следователем, присланным в деревню из города, чтобы выяснить обстоятельства смерти семьи. Ее ужас входит в сложную систему сменяющих друг друга эмоций: горе от потери род-

¹ Кучко В. С. Жемчуг в русском фольклоре // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: гуманитарные науки. Т. 24. 2022. № 3. С. 127.

² Земцовский И. И. О мелодической «формульности» в русском фольклоре // Русский фольклор. Материалы и исследования. Л., 1987. Т. 24. С. 126.

³ Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. Очерк жизни и творчества. С. 295.

⁴ Там же. С. 296.

⁵ Там же. С. 281.

ных сплетается со страхом смерти от голода на далеком острове, радость спасения — с ужасом перед допросом станового.

В этом причитании мы можем видеть разнообразные способы описания страха: формулы («Обмирае моя зяблая утробушка!» (1, 209)), восклицательные конструкции («Не дай Господи того да на белом свете, / Уже быть да ведь на страсти такой ужаси!» (1, 217); «Кабы знали про то светушки бы ведали, / Сколько страсти приняла я сколько ужаси!» (1, 213)), удвоения (боялася-полохалась (1, 214), *стращат-полохает* (1, 216), *страсти-ужаси* (1, 217), *страсти-переполоху* (1, 217)), развернутые метафоры («С этой страсти у меня да с переполоху, / Буйна голова у беднушки не гладится, / Прядка с прядкой в русой косы не сплетается / Побусили жемчуги да перебраныи, / Изоржавели колечка золоченыи!» (1, 217)). Интересно и то, что в этом тексте, единственном из всех проанализированных нами, страх описан и в поведении людей: «Добры людюшки во лоточке спугались, / Дубовый веселки с рук повыпали; / С этой страсти великой с переполоху» (1, 209); «Уж мы тут, бедны горюши, уstraшилися, / Темной ночью от крепка сна прохватилися» (1, 216).

Важную роль в изображении страха играет такая черта плачей олонецкой во пленицы, как сюжетность. Лучшие ее тексты, по мнению К. В. Чистова, — это одновременно и наиболее сюжетные¹. Основу «Плача о потопших» составляют жизненные перипетии единственной выжившей после бури девушки, а утонувшим посвящено лишь несколько строк: «внимание Федосовой значительно больше занимает жизнь близких покойного до его смерти и ожидающая их судьба»². Причиной столь детального изображения страха может быть то, что ситуация смерти на воде была знакома И. А. Федосовой. К. В. Чистов, также обративший внимание на этот текст, замечает, что «гибель в озере была делом довольно обычным, хотя, разумеется, всегда трагическим»³, и приводит данные о том, что каждый год в озерах Олонецкой губернии тонуло более полусотни человек⁴. В памяти Федосовой была и трагическая гибель на Онеге ее родных за три года до записи «Плача о потопших».

Описания страха в плачах И. А. Федосовой подчиняются общей тенденции исполнительницы к космическому масштабу чувства⁵. Например, в причитании по убитом молнией встречаем ряд конструкций, построенных по принципу параллелизма:

На горы шла туча на высокия,
Горы с этой тучи порастрескались,
Мелки камышки со страсти покатились;
Уже так да шла грозна эта тученька,

**В темном лесе дики звери убоялися,
По своим местам звери убиралися;
Становилась туча темна на сине море,
Сине море со дна все расходилося,**

¹ Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. Очерк жизни и творчества. С. 266.

² Там же. С. 268.

³ Чистов К. В. Ирина Андреевна Федосова: Историко-культурный очерк. С. 167.

⁴ Там же.

⁵ Герасимова Н. М. Поэтика плача в севернорусских причитаниях // Обрядовая поэзия Русского Севера: Плачи: Приложение № 7 к Бюллетеню Фонетического фонда русского языка. СПб., 1998. С. 31.

Страшно-ужасно тут море разшумелось;	Знать, деревнями то туча разгремелась,
С луды камни оно тут вырывало,	Мать сыра земля со грома надрожалась;
Волной на берег оно да их бросало;	С тучи добрыи дома да пошатились;
В синем море белы рыбы убоились	Со чиста поля крестьяна убирались,
По своим станам рыбы разметались;	Во своих домах оны да сохранялись
По селам пошла туча деревенским,	(1, 246–247).

Здесь поведение зверей и рыб указывает на нормальный порядок вещей — они боятся молнии и прячутся от нее, так же поступают и разумные крестьяне, которые противопоставлены убитому, из-за жадности не пожелавшему прекратить работу в грозу. Страх, вызванный громом с небес, в этом тексте охватывает весь мир: камни на горе, зверей в «темном лесе», рыб в «синем море» и крестьян на «матери сырой земле». Всеобъемлющий характер переживания подчеркивает неправомомерность действий крестьянина, который решил работать в грозу: он оказывается не просто жадным человеком, но нарушителем законов мироздания. Это подтверждает и сама причитальщица: «Твоя милая надежная головушка / Супротивник знать Бладыке многомилосливу» (1, 248).

Это причитание — прекрасный пример мастерства И. А. Федосовой в изображении чувств: внезапно налетевшая гроза пугает всех крестьян, они расходятся по домам и в ужасе молятся. Только один не испытывает страха, выходит в поле — и тут его настигает смерть. Жена, не дождавшись мужа, идет искать его, но находит сначала лишь одиноко стоящую лошадь убитого, затем видит расколотое молнией дерево, бросается к нему и находит мертвого. И. А. Федосова использует прием расщепления действия на три этапа, объединяя их единой эмоциональной доминантой — разрастающимся ужасом героини¹.

Итак, мы видим, что в плачах народной поэтессы И. А. Федосовой тема страха находит свое яркое воплощение. Сочетание глубокого понимания традиции и индивидуальный талант позволили ей вывести изображение внутреннего мира осиротевших на высокий уровень. Страх, неотъемлемая часть опыта переживания смерти, не просто упоминается в текстах олонечкой во пленицы: он воплощается в формулах, метафорах, пластических, телесных образах и даже в действиях героев. Масштабные картины охваченного ужасом мира появляются в наиболее выразительных похоронных причитаниях И. А. Федосовой. Она не только использует такие приемы, как удвоение и параллелизм для усиления выразительности, но и выстраивает сюжеты, нагнетающие страх. Традиционные поэтические приемы (например, повторы, восклицательные и вопросительные конструкции, параллелизм) «выразительница народного горя» мастерски применяет в том числе и для воплощения темы страха. Сопоставление похоронных причитаний со свадебными позволяет предположить, что исполнительница описывает в своих текстах некоторое общее представление о страхе, которое может быть частью традици-

¹ Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. Очерк жизни и творчества. С. 298.

онной картины мира и находить выражение в форме этнопоэтических констант. Причинами столь пристального внимания к теме страшного можно назвать личный опыт И. А. Федосовой и исторический фон ее жизни — тяжелые и голодные годы пореформенного периода.

Список источников

- Адоньева С. Б.* Прагматика фольклора. СПб.: Амфора, 2004. 312 с.
- Архипова А. С., Кирзюк А. А.* Опасные советские вещи: Городские легенды и страхи в СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 560 с.
- Власов А. Н.* Чин венчания в системе севернорусской свадьбы (принципы гештальтпсихологии традиционной памяти) // Словесность и история. 2020. № 2. С. 48–63.
- Герасимова Н. М.* Поэтика плача в севернорусских причитаниях // Обрядовая поэзия Русского Севера: Плачи: Приложение № 7 к Бюллетеню Фонетического фонда русского языка. СПб.; Бохум: [б. и.], 1998. С. 13–37.
- Ефимова Е. С.* Поэтика страшного: мифологические истоки. М.: Прометей, 1997. 182 с.
- Земцовский И. И.* О мелодической «формульности» в русском фольклоре // Русский фольклор. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1987. Т. 24. С. 117–128.
- Кучко В. С.* Жемчуг в русском фольклоре // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: гуманитарные науки. Т. 24. 2022. № 3. С. 118–138.
- Лойтер С. М.* Ирина Федосова в исследованиях К. В. Чистова (к 190-летию со дня рождения И. А. Федосовой) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 1 (162). С. 61–66.
- Лойтер С. М.* Русский детский фольклор и детская мифология : исследование и тексты. Петрозаводск: КГПУ, 2001. 296 с.
- Мельников М. Н.* Русский детский фольклор. М.: Просвещение, 1987. 239 с.
- Мирвода Т. А.* Поэтика современного детского «страшного» рассказа в устной традиции и сети интернет : дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 280 с.
- Осорица М. В.* «Черная простыня летит по городу», или Зачем дети рассказывают страшные истории // Знание — сила. 1986. № 10. С. 43–45.
- Петров А. М., Пулькин М. В.* Страх в фольклоре: источники, общественная роль, способы преодоления // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 3. С. 77–89.
- Поздеев В. А.* Отражение этнокультурных стереотипов страха // Традиционная культура. 2015. № 4 (60). С. 25–31.
- Поздеев В. А.* Психические состояния и эмоции, выраженные в фольклорных текстах, как проблема психофольклористики // III Всероссийский конгресс фольклористов (3–7 февраля 2014 г., г. Москва) : сб. науч. ст. : в 5 т. / сост. В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова; ред. А. В. Лобанова. М.: РОСКУЛЬТПРОЕКТ, 2019. Т. 4. Российская фольклористика в XXI веке. Перспективы развития. С. 234–242.
- Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 192 с.
- Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым : в 2-х т. / изд. подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов; отв. ред. А. М. Астахова. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. Похоронные причитанья. 666 с.

Чередникова М. П. Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1996. 43 с.

Чистов К. В. Ирина Андреевна Федосова: Историко-культурный очерк. Петрозаводск: Карелия, 1988. 336 с.

Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. Очерк жизни и творчества. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1955. 376 с.

А. А. Иванова (Москва)

Этнолингвистический словарь как форма репрезентации культурного ландшафта Кенозерья¹

Аннотация. В статье рассматриваются концептуальные основания «Этнолингвистического словаря Кенозерья», определившие состав словника, структуру словарных статей, форму подачи этнокультурной информации, сопутствующий комментарий; характеризуются некоторые особенности культурного ландшафта кенозерских деревень. «Этнолингвистический словарь Кенозерья» создается в рамках совместного проекта Национального парка «Кенозерский» и Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Ключевые слова: Кенозерье², культурный ландшафт, репрезентация, этнолингвистический словарь

В условиях глобализации катастрофически быстро утрачиваются многие сегменты традиционной культуры, языка и лежащего в их основе мировидения, поэтому проблема сохранения культурного наследия и исторической памяти, напрямую влияющих на поддержание этнической самоидентичности, в наши дни стоит особенно остро. Отчасти процесс неизбежных утрат позволяют сдерживать издательские проекты культурологов, этнографов, фольклористов, этнолингвистов и диалектологов, адресованные не только специалистам в означенных областях гуманитарного знания, но и широкому кругу читателей, работающих в разных общественных сферах (образовании, культуре, туризме) или просто интересующихся историческим прошлым народа. К эдиционным форматам, способным выполнять указанную функцию, вне сомнения, можно отнести словарную.

Комплексные словари, содержащие лингвистическую, этнографическую, фольклорную и историческую информацию, появились и хорошо заре-

¹ Статья подготовлена в рамках договора с ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”» на исследование по теме «Концептуальное основание и структура этнолингвистического словаря Кенозерья (продолжение исследования)».

² Под Кенозерьем понимается территория Кенозерского национального парка, включающая помимо крупных озер (Кенозеро, Долгое, Свиное, Лёкшмозеро) ряд мелких озерных систем — Масельгскую, Долгозерскую, Хергозерскую, Наглимозерскую, Порженскую, Почозерскую (в соответствии с нынешним административным делением — Плесецкий и Каргопольский р-ны Архангельской обл.).

комендовали себя еще на рубеже XIX–XX вв.¹ По сравнению с другими формами эдиции словарная имеет ряд неоспоримых преимуществ: компактность подачи материала (в словарную статью собирается самая важная, многократно выверенная информация); быстрота доступа к нему (словарь строится по принципу алфавитного каталога); возможность знакомиться со статьями выборочно, в удобной последовательности, формируя по гипертекстовому принципу собственные исследовательские кластеры, поскольку каждая статья содержит множество отсылок к другим. Например, статья, посвященная корове, в «Этнолингвистическом словаре Кенозерья», над которым в настоящее время совместно работают сотрудники Кенозерского национального парка и МГУ им. М. В. Ломоносова, может одновременно войти в состав нескольких словарных свертхтекстов², относящихся к хозяйственной деятельности местных жителей (*выгон скота, Егорьев день, корова, пастух, отпуск, скотоводство*³), их верованиям и ритуальным практикам (*ворожец, завет, заговор, корова, леший, отвораживать*). К несомненным достоинствам словарной эдиции можно также отнести возможность создания разномасштабных словарей как по охвату территории (общеславянский, общерусский, региональный, субрегиональный, локальный, идиолектный)⁴, так и по объекту представления⁵.

При подготовке этнолингвистического словаря уже на начальном этапе работы приходится решать ряд принципиальных вопросов: какими должны

¹ Куликовский Г. И. Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898; Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885; Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

² «...свертхтекст представляет собой сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» (Меднис Н. Е. Свертхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003. С. 13).

³ Здесь и далее словарные статьи перечисляются в алфавитном порядке.

⁴ Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. М., 1995–2012; Морозов И. А., Слепцова И. С., Гилярова Н. Н., Чижикова Л. Н. Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь. Рязань, 2001; Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь : в 2 т. / сост. И. С. Кызласова (Слепцова), А. П. Липатова, М. Г. Матлин и др.; отв. ред. И. А. Морозов, М. П. Чередникова. М., 2012; Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск, 2011; Власкина Т. Ю., Архипенко Н. А., Власкина Н. А. Этнолингвистический словарь Дона: разработка концепции и создание базы данных // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2 (24). С. 467–471.

⁵ Бунчук Т. Н. Усть-Цилемский этнодиалектный словарь «Детство» // Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы: исследования и материалы / сост. Т. И. Дронова, Т. С. Канева. Сыктывкар, 2008. С. 166–198; Банкова Т. Б. Словарь сибирского свадебного обряда. Томск, 2018. Т. 1; Подюков И. А. Словарь похоронно-поминальной обрядности русских Прикамья как источник сведений о региональных особенностях традиции // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы VI межд. науч. конф. (Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г.). Екатеринбург, 2019. С. 266–268; Разина А. С. Проект этнолингвистического словаря «Мир, отраженный в народных названиях растений» // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 34–45.

быть лексемный состав словника, структура словарной статьи, информация, представляемая в ней, типы сопровождающих ее комментариев. При этом составителям важно принимать в расчет тот факт, что в целевом отношении этнолингвистический словарь существенно отличается от диалектного: перед последним стоит задача очертить *весь* корпус слов, задействованных в речевых практиках диалектоносителей, перед первым — представить *слова-концепты* или *ключевые слова*, «особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры»¹ (соответственно состав словника этнолингвистического словаря в количественном отношении существенно уступает словнику словаря диалектного). Указанная особенность обеспечивает ключевым словам высокую степень частотности воспроизведения в самых разнообразных вербальных и паравербальных культурных «текстах»: согласно теории жанровых дублей А. Кунанбаевой и И. И. Земцовского, таким образом «традиция дублирует себя, чтобы самоутвердиться и выживать. <...> (Поэтому так трудно уничтожить устную традицию “без остатка”). Представители разных классов общества, культивирующие творчество в разных жанрах, действовали в рамках культуры наподобие сообщающихся сосудов»². К примеру, обустройство жизненной ойкумены кенозерских деревень вокруг больших и малых озер³ (см. илл. 1⁴) определило большое число словарных статей, прямо и косвенно связанных с концептом «озеро» (*вода, водяной, лодка, озеро, русалка, рыба, рыболовство*, др.⁵) и представленность перечисленных лексем в разнообразных фольклорных жанрах (приметах, присловьях, поверьях, заговорах, быличках, преданиях, песнях, частушках)⁶.

¹ Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А. Д. Шмелева. М., 2001. С. 35.

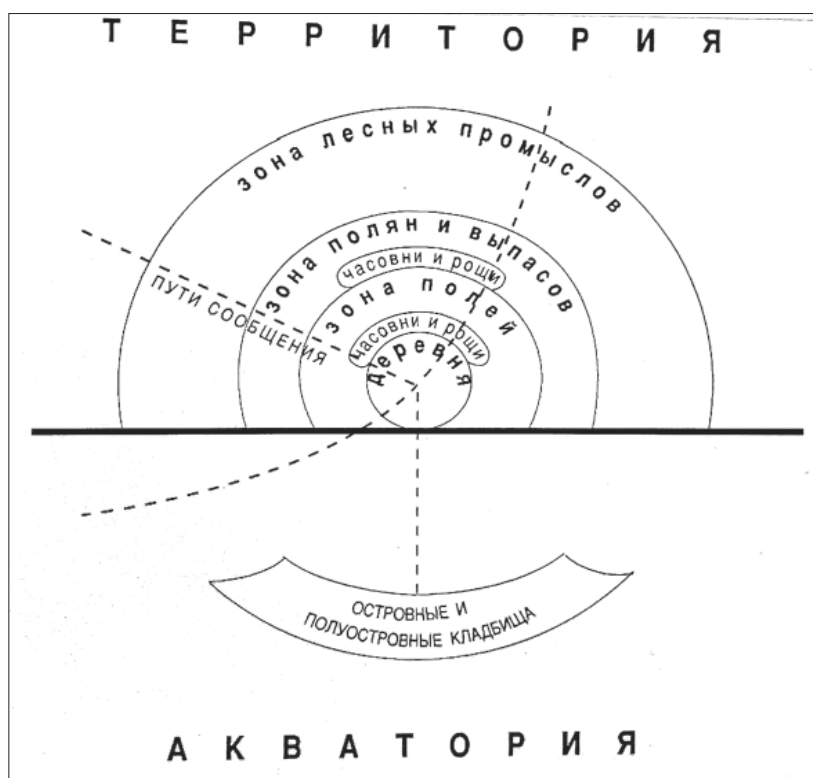
² Земцовский И. И. Жанрово-исполнительские «дубли» русского эпоса // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 331.

³ Кулешова М. Е. Функционально-планировочная организация крестьянских культурных ландшафтов Кенозерья // Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. М.; СПб., 2004. С. 247–285.

⁴ Кулешова М. Е. Феномен культурного ландшафта Кенозерья // Наследие и современность. 2019. № 2(2). С. 37.

⁵ Иванова А. А. Озеро в мифопоэтической картине мира жителей кенозерских деревень (из опыта работы над «Этнолингвистическим словарем Кенозерья») // Актуальные проблемы сохранения и популяризации культурного наследия и исторической памяти как стратегического ресурса национальной безопасности России : материалы XVII Всерос. науч.-практич. конф. 20–23 августа 2024 г. / отв. ред. О. Б. Пригодина. Каргополь, 2024. С. 181–190.

⁶ «На озере, например, на рыбалку едем тоже: “Хозяин да хозяйюшка, пошлите нам рыбки”. Вот так всегда приговариваем» [АКФ 2013, т. 2, № 359] (здесь и далее: АКФ — архив кафедры русского устного народного творчества МГУ им. М. В. Ломоносова, т. — номер тетради); «В Кенозере в невод заловили водяника. Он взмолился, чтобы выпустили; обещал: “Я рыбы вам много дам”. Его упустили в озеро. Потом первую тоню вытянули — полон конского навоза, а вторую тоню — полную рыбы» [АКФ 1959, т. 8, № 76]; «Наше озеро глубоко / Тины много и широко / Нету мелкого песку, / А брошу в озеро тоску» [АКФ 1959, т. 24, № 22]; «На озёрышке без солнышка / Не весело ловить. / На вечерочке без милого / Не весело сидеть» [АКФ 1959, т. 24, № 23].

Илл. 1. Пространственная организация культурного ландшафта кенозерских деревень

Ключевые слова, выполняющие в локальной культурной традиции этноинтегрирующую и этнодифференцирующую функции, не только сохраняются в ней в течение длительного времени (в том числе и в период ее руинированного состояния¹), но и при продуманной культурной политике могут способствовать ее возрождению. Известный культуролог Э. С. Маркарян полагал, что культура а priori наделена адаптивной способностью «приводить себя в порядок», которая основана «на научении»². Как показал опыт последних десятилетий, этнолингвистические словари весьма успешно справляются с задачей «научения» и потому так востребованы не только в научном дискурсе, но и у широкого круга заинтересованных читателей.

При составлении базового словника «Этнолингвистического словаря Кенозерья» мы опирались на концепцию культурного ландшафта (КЛ)³, разработанную сотрудниками НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева под руководством Ю. М. Веденина, которая при создании ФГБУ «Национальный Кенозерский парк» была положена в основу програм-

¹ В этом мы смогли убедиться в ходе работы над словарем, ограничившись полевыми материалами, собранными с конца 1950-х гг. по настоящее время, хранящимися в архивах кафедры русского устного народного творчества и диалектологического кабинета филологического факультета МГУ.

² Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 81.

³ Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. М.; СПб., 2004.

мы разворачивания деятельности последнего¹. Согласно ей, под КЛ разумеется «природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности и состоящий из характерных сочетаний природных и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности»². Преимущество данного определения КЛ в сравнении с другими состоит в том, что отношения в триаде «природа ↔ человек ↔ культура» рассматриваются как взаимообразные, системные: «...взгляд на ландшафт одновременно и как на результат материальных практик, т. е. объект освоения посредством ремесел, промыслов, хозяйственных и обрядовых практик и символической интерпретации, и как на субъект, непосредственно участвующий в процессе формирования социальных взаимоотношений и преобразования социальных явлений. В такой перспективе не только человек создает культурный ландшафт, но и ландшафт конструирует самого человека»³. Подобный антропологический подход к анализу КЛ опирается на идею известного философа и культуролога Г. Д. Гачева о том, что «пространство не просто дано нам извне, но произведено нами изнутри нашего “я”, каким оно сформировано, образовано в той или иной Культуре. Образ Природы — продукт Социума»⁴.

С учетом сказанного из всех существующих исследовательских моделей КЛ⁵ мы отдали предпочтение той, в которой местное сообщество людей выступает в роли системообразующего звена, что позволяет описывать и изучать разнообразные типы культурных ландшафтов одновременно с двух позиций их восприятия и интерпретации – внешней и внутренней. На эту особенность этнолингвистических словарей неоднократно обращал внимание И. А. Морозов: «...ключевым моментом для словаря данного типа является наличие развернутой интерпретации рассматриваемых фактов традиционной культуры самими ее носителями. <...> [Наличие] свидетельств непосредственных участников традиционных праздников и обрядов дает возможность выявить многие неочевидные для внешнего наблюдателя мотивировки, без которых зачастую невозможна правильная интерпретация сущно-

¹ Шатковская Е. Ф., Мелютина М. Н. Исторические факторы формирования культурного ландшафта Кенозерья // Наследие и современность. 2019. № 2 (2). С. 9–19.

² Веденин Ю. А., Кулешова М. Е. Культурные ландшафты как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия. СПб., 2004. С. 16.

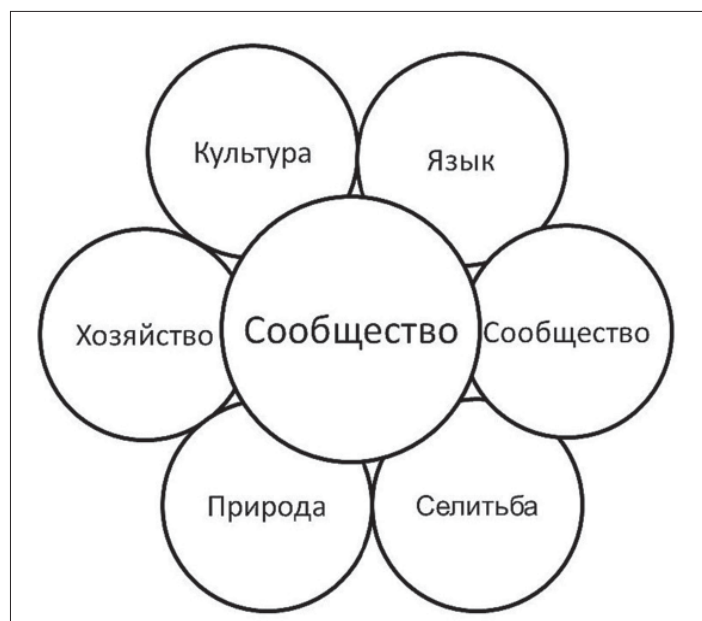
³ Баранов Д. А. Ландшафт как событие // Кенозерские чтения — 2023. Ландшафт человека: исследования Русского Севера на перекрестке наук : сб. материалов XI Всерос. науч.-практич. конф. / сост. М. Н. Мелютина, А. А. Быльченко; отв. ред. А. В. Яковлева. Архангельск, 2024. С. 5.

⁴ Гачев Г. Д. Национальный априоризм в представлениях путешественника о чужеземье: француз де Кюстин и болгарин Радичков едут в Россию // Категории и концепты славянский культуры. Труды Отдела истории и культуры. М., 2008. С. 274.

⁵ Калуцков В. Н. Ландшафт в культурной географии. М., 2008.

сти происходящего»¹. В итоге в каждой словарной статье представлены два равноправных типа «высказывания», дополняющие и корректирующие друг друга.

Состав словника в конечном счете определился основными компонентами исследовательской модели КЛ (Илл. 2), среди них:

Илл. 2. Исследовательская модель культурного ландшафта

- природная среда обитания,
- сообщество людей, проживающих в ней,
- их хозяйственная деятельность,
- способ селенческого обустройства жизненной ойкумены — селитьба (жилые, хозяйственные, культовые постройки, их экстерьеры, интерьеры, способ пространственной организации на местности),
- язык,
- духовная и материальная культура.

К примеру, природная среда обитания будет представлена в словаре статьями *ветер, вода, камень, лес, озеро, птица, роща, рыба*, хозяйственная деятельность — статьями *выгон скота, жатва, корова, лодка, пастух, охота, пожинаха, прядение, рыболовство, сенокос, скотоводство, сплав леса, ткачество*.

Два компонента КЛ — язык и культура, будучи его составными элементами, одновременно являются вербальными и паравербальными способами его описания². Именно этим продиктовано включение в словарные статьи

¹ Морозов И. А. Пути и способы изучения локальных традиций: региональный этнодиалектный словарь // Морозов И. А., Слепцова И. С., Островский Е. Б., Смольников С. Н., Минюхина Е. А. Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь. М., 1997. С. 6, 8.

² Иванова А. А. Фольклор как форма репрезентации и интерпретации культурного ландшафта // Культурные ландшафты России и устойчивое развитие. Четвертый выпуск трудов семинара «Культурный ландшафт» / под ред. Т. М. Красовской. М., 2009. С. 39–45.

разнообразных фольклорных текстов и диалектизмов, позволяющих выявлять вариативность локального КЛ¹.

Словник будет представлять собой иерархическую структуру, в которой, во-первых, помимо базовых будут представлены отсылочные статьи и, во-вторых, в содержательном плане основные статьи будут соотноситься как общее/частное, целое/часть (*дом / красный угол, окно, порог, печь, стол*).

Словарный «инвентарь» кенозерского КЛ будет предваряться аналитическими статьями по словарной архивации и репрезентации полевых материалов, истории заселения Кенозерья, особенностям его культурного ландшафта, а завершаться географическим указателем, списками информантов и использованной литературы, словарем диалектизмов и малопонятных слов.

Список источников

Банкова Т. Б. Словарь сибирского свадебного обряда. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2018. Т. 1. 198 с.

Баранов Д. А. Ландшафт как событие // Кенозерские чтения — 2023. Ландшафт человека: исследования Русского Севера на перекрестке наук : сб. материалов XI Всерос. науч.-практич. конф. / сост. М. Н. Мелютина, А. А. Быльченко; отв. ред. А. В. Яковлева. Архангельск: ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский», 2024. С. 4–12.

Бунчук Т. Н. Усть-Цилемский этнодиалектный словарь «Детство» // Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы: исследования и материалы / сост. Т. И. Дронова, Т. С. Канева. Сыктывкар: Изд-во ГОУ ВПО «Сыктывкарский госуниверситет», 2008. С. 166–198.

Веденин Ю. А., Кулешова М. Е. Культурные ландшафты как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 13–36.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

Власкина Т. Ю., Архипенко Н. А., Власкина Н. А. Этнолингвистический словарь Дона: разработка концепции и создание базы данных // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2 (24). С. 467–471.

Гачев Г. Д. Национальный априоризм в представлениях путешественника о чужеземье: француз де Кюстин и болгарин Радичков едут в Россию // Категории и концепты славянской культуры. Труды Отдела истории и культуры. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 274–290.

¹ «Наличие нескольких комментариев и иллюстраций к одному и тому же факту объясняется как стремлением авторов словаря выявить все доступные нюансы и различия в трактовках того или иного явления носителями традиции, так и необходимостью отразить локальные разновидности описываемых явлений, что является одной из важных целей данного исследования. Тяжеловесность и неудобочитаемость текста, вызываемая подобным изобилием диалектных цитат, является, с нашей точки зрения, необходимой платой за бóльшую полновесность и объективированность описания» (Морозов И. А. Пути и способы изучения локальных традиций: региональный этнодиалектный словарь // Морозов И. А., Слепцова И. С., Островский Е. Б., Смольников С. Н., Минюхина Е. А. Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь. М., 1997. С. 8).

Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск: Тип. П. А. Си-лина, 1914. 1022 с.

Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 455 с.

Земцовский И. И. Жанрово-исполнительские «дубли» русского эпоса // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 327–334.

Иванова А. А. Озеро в мифопоэтической картине мира жителей кенозерских деревень (из опыта работы над «Этнолингвистическим словарем Кенозерья») // Актуальные проблемы сохранения и популяризации культурного наследия и исторической памяти как стратегического ресурса национальной безопасности России : материалы XVII Всерос. науч.-практич. конф. 20–23 августа 2024 г. / отв. ред. О. Б. Пригодина. Каргополь, 2024. С. 181–190.

Иванова А. А. Фольклор как форма репрезентации и интерпретации культурного ландшафта // Культурные ландшафты России и устойчивое развитие. Четвертый выпуск трудов семинара «Культурный ландшафт» / под ред. Т. М. Красовской. М.: Геофак МГУ, 2009. С. 39–45.

Калуцков В. Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.

Кулешова М. Е. Феномен культурного ландшафта Кенозерья // Наследие и современность. 2019. № 2(2). С. 35–48.

Кулешова М. Е. Функционально-планировочная организация крестьянских культурных ландшафтов Кенозерья // Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 247–285.

Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Изд-во ОРЯС АН, 1898. 151 с.

Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.

Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 78–96.

Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: НГПУ, 2003. 170 с.

Морозов И. А., Слепцова И. С., Островский Е. Б., Смольников С. Н., Минюхина Е. А. Духовная культура Северного Белозерья: этнодиалектный словарь. М.: ИЭА РАН, 1997. 432 с.

Морозов И. А., Слепцова И. С., Гилярова Н. Н., Чижикова Л. Н. Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь. Рязань: РОНМЦНТ, 2001. 487 с.

Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Тип. АН, 1885. 198 с.

Подюков И. А. Словарь похоронно-поминальной обрядности русских Прикамья как источник сведений о региональных особенностях традиции // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы VI межд. науч. конф. Екатеринбург (9–13 сентября 2019 г.). Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2019. С. 266–268.

Разина А. С. Проект этнолингвистического словаря «Мир, отраженный в народных названиях растений» // Вестник Томского гос. ун-та. 2020. № 457. С. 34–45.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2012.

Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь : в 2 т. / сост. И. С. Кызласова (Слепцова), А. П. Липатова, М. Г. Матлин, И. А. Морозов, Е. В. Софронов, М. П. Чередникова и др.; отв. ред. И. А. Морозов, М. П. Чередникова. М.: Индрик, 2012. Т. 1. А–Л; Т. 2. М–Я. 656 с.

Шатковская Е. Ф., Мелютина М. Н. Исторические факторы формирования культурного ландшафта Кенозерья // Наследие и современность. 2019. № 2 (2). С. 9–19.

Т. Г. Иванова (Санкт-Петербург)

Маркеры посадско-слободской культуры провинциального города Лальска (по записям И. С. и В. И. Пономаревых)

Аннотация. Целью статьи является описание фольклорной культуры Лальска — одного из провинциальных городов бывшей Вологодской губернии. Материалом послужили записи местных краеведов, отца и сына И. С. и В. И. Пономаревых, хранящиеся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Фольклорная традиция города рассматривается как пример посадско-слободской культуры, теоретические обоснования которой даны в работах В. А. Лапина. Маркерами посадско-слободской культуры Лальска определяются песня «Прощай, Лальский наш посад», лальский вертеп, популярный среди молодежи «язык цветов» и пр.

Ключевые слова: Лальск, посадско-слободская культура, И. С. и В. И. Пономаревы

Фольклористика уже давно определила для себя, что устно-поэтическая традиция — это достояние не только крестьянства, но и городского населения. Традиционная культура провинциального города и посада на теоретическом уровне глубоко осмыслена В. А. Лапиным¹, указавшим, что посадско-слободская субкультура активно формируется в XVII–XVIII вв. Уличные гуляния, шествия, комплекс хороводного действия становятся знаками небольших городов и больших торговых сел.

Вероятно, многое из того, что описал для посадско-слободской субкультуры В. А. Лапин, можно было найти когда-то в быту вологодского города Лальска. Однако материалы И. С. и В. И. Пономаревых, которыми мы располагаем, не освещают данные стороны жизни города. Тем не менее запечатленные собирателями формы традиционной культуры Лальска позво-

¹ Лапин В. А. Историческая проблематика русского музыкального фольклора // Лапин В. А. Очерки исторической проблематики русского музыкального фольклора. СПб., 2017. С. 8–94.

ляют их рассматривать именно как маркеры посадско-слободской субкультуры.

Согласно летописи, Лальск был основан в 1570 г. новгородцами, бежавшими от гнева Ивана Грозного, устроившего в 1569–1570 гг. погром Новгорода¹. Документы по истории Лальска в 1897 г. были опубликованы И. С. Пономаревым в его книге «Сборник материалов для истории города Лальска Вологодской губернии»².

Удачное расположение Лальского посада — на запад вел тракт в Великий Устюг, на восток шла дорога в Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар) и в Сибирь — позволило ему со временем превратиться в заметный торговый город. В 1779 г. Лальский посад был преобразован в город; в 1780 г. стал центром Лальского уезда Устюжской провинции Вологодского наместничества. С 1796 г. город в качестве заштатного входит в Устюжский уезд Вологодской губернии. В конце XIX в., а именно в 1873 г., в Лальске проживало 582 человека (269 мужчин, 313 женщин). По социальному составу это были мещане, купцы, духовенство, крестьяне и половники. В советское время, в 1941 г., Лальск и Лальский район были переданы Кировской области; с 1963 г. это город в Лузском районе Кировской области³, с 2006 г. — поселок городского типа.

Лальская фольклорная традиция была зафиксирована **Иваном Степановичем Пономаревым** (1849–1916) и его сыном **Валерианом Ивановичем Пономаревым** (1889–1980). В настоящее время материалы лальских краеведов находятся в домашнем архиве Пономаревых — Теушей⁴. Часть материалов В. И. Пономарева (в машинописных копиях) хранится в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 202. П. 1). Оба лальских краеведа уже привлекали внимание современных ученых; биографии их в общих чертах известны.

И. С. Пономарев родился 13(25) июня 1849 г. в семье лальского купца второй гильдии. Он получил образование в Устюжском уездном училище (5 классов; в Лальске на тот период не было соответствующего учебного заведения) и стал помогать отцу в его торговых делах. В 1874 г. И. С. Пономарев был назначен секретарем городской управы, вскоре он был избран в городскую думу (1878). Активная общественная позиция вывела его на уездный уровень. С 1879 по 1894 г. он являлся гласным Устюжского уездного земства; в 1882–1884 гг. — членом Устюжской уездной управы. В 1888 г. И. С. Пономарев избирался на трехлетие гласным Вологодского губернского земства. В 1890 г.

¹ Полное собрание русских летописей. Л., 1982. Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. С. 137 (Летописец Льва Вологодина).

² Пономарев И. С. Сборник материалов для истории города Лальска Вологодской губернии. Т. 1: С 1570 по 1800 год. Великий Устюг, 1897.

³ Степановский И. К. Вологодская старина: Историко-археологический сборник. Вологда, 1890. С. 47–48; Любимов В. А. Лальск // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1994. Т. 1. С. 186–200.

⁴ Теуш О. А. Архив В. И. Пономарева: этнографические и социально-антропологические материалы по истории г. Лальска // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Пермь, 2018. № 8. С. 64–67.

он был выбран лальским городским головой, а с изменением административного законодательства с 1894 г. вплоть до кончины 27 апреля (10 мая) 1916 г. занимал должность городского старосты. И. С. Пономарев открыл в городе женское начальное училище, мужское шестиклассное училище (1894), четырехклассную женскую прогимназию (1908), библиотеку при управе (с 1905 г. носит его имя), привел в порядок лесную дачу за рекой Лузой, способствовал развитию льноводства в крае, улучшению поголовья крупного рогатого скота, устроил керосиновое освещение в городе и т. д.¹

Биография его сына изложена в статьях К. О. Понурко и О. А. Теуш². Валериан Иванович Пономарев родился 12(24) ноября 1889 г. в Лальске; он был вторым сыном И. С. Пономарева от второго брака. Учился в Вологодском и Великоустюжском училищах, но в 1907 г. был исключен за участие в революционных ученических кружках. Сдав экзамен на звание народного учителя, он некоторое время преподавал в земской школе. В 1910 г. В. И. Пономарев экстерном сдал экзамены за курс среднего образования и поступил на историко-филологический факультет Варшавского университета. По окончании университета (1914 г.) он начал службу учителем русского языка и истории в реальном училище г. Тотьмы Вологодской губернии. Впоследствии В. И. Пономарев стал директором этого учебного заведения, которое вынужден был покинуть в 1919 г., что было вызвано его «сомнительным» с точки зрения большевистских властей социальным происхождением. В дальнейшем он долгое время работал в Лальске, а затем в Вятке в различных учреждениях в качестве экономиста. В 1928–1929 гг. В. И. Пономареву удалось вернуться к любимой им преподавательской работе — в Великоустюжской средней школе. Однако в 1930 г. он опять вынужденно переехал в Свердловск, где продолжил службу экономистом в различных учреждениях. С 1936 г. он вернулся к педагогической деятельности в одной из школ города. С 1945 г. В. И. Пономарев — преподаватель Свердловского городского института усовершенствования учителей.

В статье К. О. Понурко и О. А. Теуш «В. И. Пономарев — филолог, краевед и знаток культуры Лальска» приводится список фольклорных рукописей В. И. Пономарева из семейного архива Пономаревых — Теушей, относящихся к Лальску: народная драма «Царь Максимилиан»; «Лодка»; описание хождения с вертепом; «Язык любви»; былина-коляда «Сокол-корабль»; сказки «Глиндышек» и «Машка-светлоглазка», записанные по памяти; песня «Ска-

¹ См. о И. С. Пономареве очерк его сына, В. И. Пономарева, опубликованный Л. Ю. Горячевской: *Горячевская Л. Ю. Лальский городской голова И. С. Пономарев (1849–1916) // Сохранение исторических объектов и памятных мест Лузского района Кировской области : сб. материалов третьей областной науч.-практ. конф., посвященной Междунар. дню памятников и исторических мест. Лальск; Киров, 2011. С. 203–233.*

² Понурко К. О., Теуш О. А. 1) В. И. Пономарев — филолог, краевед и знаток культуры Лальска // Герценка: Вятские записки. Киров, 2011. Вып.19. С. 112–119; 2) Архив В. И. Пономарева как источник для изучения великоустюжской историко-культурной зоны // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве : материалы XXIII Междунар. науч. конф. (Москва, 27–29 января 2011 г.). М., 2011. С. 365–367.

зять ли вам, братцы»; стихотворения и песни, распевавшиеся лальской молодежью в 1900–1910-е гг.; частушки в записях 1909–1915 гг.; материалы малых форм (куплеты, прибаутки). Занимаясь изучением истории родного города, В. И. Пономарев подготовил две рукописи: «История Лальска в конце XIX — начале XX в.» и «Дореволюционное устное народное творчество на Севере России»¹. В настоящее время опубликованы две главы — «Театр в Лальске в конце XIX и начале XX в.» (с материалом о народных драмах) и «Клубы в Лальске в конце XIX и начале XX в.»².

Во второй половине 1950-х гг. В. И. Пономарев установил контакты с Институтом русской литературы (Пушкинский Дом). В письме к В. Е. Гусеву, который в то время был старшим научным сотрудником Сектора устного народного творчества, 15 декабря 1957 г. В. И. Пономарев раскрыл некоторые обстоятельства своего увлечения русским фольклором: «В 1914 году, по окончании университета, я был назначен преподавателем русского языка и литературы в реальном училище в г. Тотьма Вологодской губернии. В ноябре 1915 года я организовал в училище ученический краеведческий кружок универсального типа. Однако на практике он вылился в форму кружка юных фольклористов, если не исключительно, то главным образом. Это соответствовало моим личным интересам и устремлениям. К тому же руководить одному универсальным краеведческим кружком было, конечно, невозможно. Через год движение юных фольклористов перекинулось в женскую гимназию, и в наш кружок стали поступать материалы и от гимназисток. К марту 1917 года было собрано материалов по фольклору такое количество, что педагогический совет реального училища решил издать сборник страниц в 400–500. Но этого не случилось: великие события 1917 года и последующих лет поставили перед нами другие задачи. Правда, работа кружка продолжалась еще до весны 1919 года, но на значительно более низком уровне, чем раньше» (РО ИРЛИ РАН. Р. V. Кол. 202. П. 1. № 1. Л. 3 об.).

Фольклорная коллекция И. С. Пономарева состоит из тотемского и лальского материалов. В письме к В. Е. Гусеву говорится: «Лальский фольклор записан в 1909–1917 годах главным образом в Лальске и частично в Велико-Устюжском и Никольском уездах быв<шей> Вологодской губернии».

Какой же предстает фольклорная традиция провинциального Лальска по материалам Пономаревых? Что является стержнем этой традиции? Каковы признаки (маркеры) именно посадско-слободской субкультуры?

И. С. Пономарев в своем «Сборнике материалов для истории города Лальска Вологодской губернии» свидетельствует о рукописном сборнике «разных забавных псалмов», писанном в 1790-е гг. Краевед публикует песню про Лальск из этой рукописи:

¹ Понурко К. О., Теуш О. А. В. И. Пономарев — филолог, краевед и знаток культуры Лальска. С. 118.

² Пономарев В. И. Театр в Лальске в конце XIX и начале XX в.; Клубы в Лальске в конце XIX и начале XX в. // Герценка: Вятские записки. Киров, 2011. Вып. 19. С. 120–125.

Прощай, Лальский наш посад, в тебе век нам не бывать,
В тебе век нам не бывать, хлеба-соли не есть,
Хлеба-соли не есть, разлапушек не видеть!
Прости, рынок и базар и со белым кабаком,
И со белым кабаком и с Петрухой горбуном.
Прощай, улица Больша, мостовая хороша...¹

И далее в песне перечисляются лальские улицы: Никольска, Забучишна, Гулыня, Бугорска, Пещанка, Заполя, Рождественна, Спасский конец, Архангельска, монастырские дворцы, Надозерска с Низовским концом. Можно предположить, что песня была сложена кем-то из рекрутов, прощающихся со своим городом: «Оставайтесь вы спокойны, а мы, бедны, пойдем строем».

Песня «Прощай, Лальский наш посад» как один из образцов городской географической песни проанализирована В. Н. Калущковым². Представив картосхему, исследователь показал, как в песне пространство разворачивается от центра к окраинам. Произведение стало предметом внимания и в статьях С. А. Жадовской³.

Песня «Прощай, Лальский наш посад», по нашему мнению, является перепевом канта XVIII в. «Прощай, славный Петербурх», сочиненного петербургскими кадетами, отправляемыми в Москву. Канты, напомним, — это жанр профессиональной музыкальной культуры, рожденный Петровской эпохой и пришедший в Россию из Польши и Украины. Анонимные и авторские канты исследователями определяются как форма устно-письменной музыкальной традиции.

Кант «Прощай, славный Петербурх» построен на перечислении петербургских локусов:

Прощай, славный Петербурх, стеснен стал в тебе наш дух.
Оставляем мы тоску, отъезжаем мы в Москву.
Прости, славна Миллионна, нам ходить в тебя уж полно.
Прости, желтый дом кадецкий, весь прибор наш молодецкий.
Прости, Ржевское кружало, ты нас много попужало.
Прости, мать Нева-река, широка и глубока. <...>
Ты, Калинкина деревня, [...] (так в тексте. — Т. И.)
Девкам всем была докука, молотцам же всем прилука.

¹ Пономарев И. С. Сборник материалов для истории города Лальска Вологодской губернии. С. 257–258.

² Калущков В. Н. Географические городские песни России // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 397–400.

³ Жадовская С. А. 1) Авторские «песни о городе» и их прототипы в фольклоре (по севернорусским материалам) // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб., 2022. Т. 39. С. 196–197; 2) Из наблюдений над структурой историко-графического сочинения (о книге И. С. Пономарева «Сборник материалов для истории города Лальска», 1897) // Памятники сольвычегодской старины в истории российской культуры: К 100-летию Сольвычегодского историко-художественного музея : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 13–15 мая 2019 года. Сыктывкар, 2021. С. 178–194. Текст песни опубликован во второй статье (с. 192–193).

Во несчастной нашей доле мы сидели тут в неволе.

Ты, Матисова с Коломной, где приезд наш был с повольной...¹

Лальская песня сконструирована по тому же принципу, что и петербургский кант, — нанизыванию имен местных городских локусов.

В. А. Лапин, характеризуя посадско-слободскую субкультуру, специально акцентирует внимание на соприкосновении «двух слоев русской музыкальной культуры — **кантовой** устно-письменной традиции и **слободской** песенности»². Лальская песня «Прощай, Лальский наш посад», таким образом, является отражением (порождением) песенной культуры столичного города и, подчеркнем, одним из маркеров посадской субкультуры конкретного провинциального города.

Старшему Пономареву, Ивану Степановичу, принадлежит также весьма любопытный очерк «Хождение с вертепом», опубликованный в «Вологодских епархиальных ведомостях» в 1909 г.³ Вертепом в местной традиции назывался фонарь больших размеров, с которым ходили певцы (колядовщики) в святочно-рождественский период. И. С. Пономарев дает следующее описание «вертепа»: «“Вертеп” — это больших размеров фонарь (иногда до 2½ аршина высоты и от 1 до 1½ аршин ширины), имеющий вид церкви, с куполообразной крышей; в середине крыши возвышается нечто вроде шпица, оканчивающегося звездой довольно больших размеров, около 1½ аршина в диаметре.

Весь вертеп оклеивается разноцветной бумагой, пропитанной для прозрачности маслом. Ребро вертепа и рога звезды (их бывает от 5 до 7) оклеиваются бахромой, тоже из цветной или белой бумаги, а к концам рогов звезды приделываются бумажные кисти. <...>. Главная и неременная принадлежность вертепа, кроме звезды — картина Рождества Христова, которая наклеивается вместо бумаги на лицевой (передней) стенке вертепа. На боковых стенках вертепа иногда наклеиваются изображения некоторых святых, напр., Николая чудотворца, Илии пророка и др.»⁴

В цитированном письме к В. Е. Гусеву, описывая святочные обычаи, В. И. Пономарев пояснял: «...в Лальске в святках до революции 1905 года существовал старинный обычай “хождения с вертепом”. Следует сказать, что лальский вертеп не имеет ничего общего с тем вертепом двухэтажным, каким в былое время пользовались для кукольного театра. Последний лальский вертеп стоял до 30-х годов в нашем доме в Лальске» (РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 202. П. 1. № 1. Л. 2).

Очевидно, что лальский «вертеп» — это одна из форм рождественской «звезды», хождение с которой известно во многих региональных традициях.

¹ От Петра Великого до Елизаветы Петровны: Виватные, панегирические, покаянные, навигацкие, застольные, пасторальные, любовные Русские канты / изд. подгот. Е. Е. Васильева, В. А. Лапин, А. В. Стрельников. СПб., 2002. С. 172. № 111.

² Лапин В. А. Историческая проблематика русского музыкального фольклора. С. 83.

³ И. П. Хождение с вертепом // Вологодские епарх. вед. 1909. 15 дек., № 23. С. 583–586. (Автор: И. С. Пономарев). Статья републикована: Лапин В. А. Очерки исторической проблематики русского музыкального фольклора. СПб., 2017. С. 383–386.

⁴ И. П. Хождение с вертепом. С. 384.

Из культурной точки восточной оконечности бывшей Вологодской губернии «хождение со звездой» было занесено в Сибирь. Очень близкое к лальскому «вертепу» описание святочно-рождественской звезды имеется по материалам г. Енисейска¹.

Лальский «вертеп» («звезда») — это, без сомнения, еще один маркер посадско-слободской субкультуры. Изготовление «вертепа» («звезды»), подчеркнем, дело трудоемкое и довольно затратное. Такая форма маркирования святочно-рождественского периода никак не могла сформироваться в крестьянской деревне.

В качестве третьего лальского маркера городской традиционной культуры мы бы вслед за В. А. Лапиным назвали специфический святочно-рождественский песенный репертуар, состоящий из вертепного цикла псалмов, канонических песнопений праздничного богослужения, традиционных виноградий, припевок детей-христославов и др.² В. И. Пономарев в письме к В. Е. Гусеву следующим образом описал этот репертуар: «При хождении с вертепом распевались духовные стихи, канты, стихотворения второй половины XVIII и первой XIX веков, песни “светские” и былина “Сокол-корабль”» (РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 202. П. 1. № 1. Л. 2).

Сосредоточимся на былине об Илье Муромце на Соколе-корабле, лальский вариант которой находится в Пушкинском Доме (РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 202. П. 1. № 3, машинопись); текст был опубликован нами в 2001 г.³ Лальский текст начинается стихами «Ах, по морю, морю синему, / По синему морю по Хвалынскому». После каждого стиха следовал рефрен «Виноградье красно, зеленое!» — рефрен колядных виноградий. Текст содержит объемное и очень выразительное описание Сокола-корабля (ст. 8–28). В лальском варианте хозяином корабля называется Илья Муромец сын Иванович, а товарищем у него является Добрынюшка Никитьев сын. Расправляется Илья Муромец с турками с помощью тугого лука и каленой стрелы (образ чудесных пуговиц на его кафтане, рёва которых испугались противники, здесь отсутствует). В былине содержатся слова испуганных «туречан», зарекающихся ходить по морю Хвалынскому.

В статье 2003 г.⁴ мы в противовес точке зрения Б. Н. Путилова, настаивавшего на южнорусском происхождении сюжета, выдвинули гипотезу о роли Великого Устюга в его создании. С этим же регионом мы связываем и обрядовую приуроченность былины к святочно-рождественскому циклу. Сейчас нам хотелось бы акцентировать внимание на том, что большинство запи-

¹ Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. М., 1865. Т. 1. С. 41–42.

² Лапин В. А. Песенный репертуар святочных обходов в городских традициях Русского Севера // Лапин В. А. Очерки исторической проблематики русского музыкального фольклора. СПб., 2017. С. 374–386.

³ Иванова Т. Г. «Малые» очаги севернорусской былинной традиции: Исследование и тексты. СПб., 2001. С. 334–336. № 39 (10).

⁴ См. подробнее: Иванова Т. Г. Былины в Великоустюжской регионе // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной науч. конф. «Рябининские чтения — 2003»). Петрозаводск, 2003. С. 28–30.

сей «Ильи Муромца на Соколе-корабле» был сделано не в деревнях, а в посадах и городах: Песковский завод Вятской губернии, Енисейск, Походск на Походской протоке Колымы, Иркутск¹. Таким образом, хотя былина записывалась и в деревнях, мы рискнем былину «Илья Муромец на Соколе-корабле» назвать еще одним из маркеров посадско-слободской субкультуры.

Следующий маркер посадско-слободской субкультуры г. Лальска связан с бытованием в городе народных драм. В. И. Пономарев указывает, что в Лальске в конце XIX — начале XX в. любимым развлечением на святках было разыгрывание народных драм «Царь Максимилиан» и «Лодка». В 1916–1917 гг. собиратель получил от рабочих Лальской писчебумажной фабрики две тетрадки с текстами драм. Тексты драм представлены в машинописи в РО ИРЛИ (Р. V. Кол. 202. П. 1. № 8, 9). Здесь же дана развернутая статья В. И. Пономарева «Народная драма в Лальске Кировской области» (№ 7; 24 л., машинопись). Фольклорист предполагает, что в Лальск драмы пришли через духовные училища: «Не вышли ли “Царь Максимилиан” и “Лодка” на лальскую народную сцену из стен лальского духовного училища, подобно обычаю хождения с вертепом?» (РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 202. П. 1. № 7. Л. 1).

В представлении «Царя Максимилиана» и «Лодки», которые В. И. Пономарев ребенком неоднократно видел в собственном доме в 1890-е гг., участвовала молодежь 16–18 лет и подростки 14–15 лет из мещанской и рабочей среды. Ранее, замечает собиратель, представление разыгрывалось взрослыми фабричными мужиками.

Наконец, укажем еще на один маркер посадско-слободской субкультуры в Лальске, зафиксированный В. И. Пономаревым. Лальскую фольклорную традицию отражает его статья «Язык любви» и материалы к ней (РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 202. П. 1. № 4; 17 л., машинопись), где описано значение цветов и жестов при общении молодежи на городских вечерах. «Языком любви» увлекалась лальская молодежь, и прежде всего учащиеся. В «язык любви» входили цветы, ленты, носовые платки, поцелуи, танцы².

В присланной в ИРЛИ рукописи в алфавите приводится список цветов (растений) и их значений (с. 7–14): березовая ветка — «поцелуйте меня»; ге-

¹ М. С. Коляда в Песковском заводе // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895 год. Вятка, 1894. С. 218–219. (Автор: М. К. Селивановский). См. варианты, записанные в Енисейске: *Кривошапкин М. Ф.* Енисейский округ и его жизнь. М., 1865. Т. 1. С. 42–43; *Песня* // Русская старина. 1874. Т. 11. С. 185–186; *Макаренко А. А.* Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь. Енисейская губерния. СПб., 1913. С. 131–132 (Зап. имп. Рус. геогр. о-ва по отд-нию этнографии; Т. 36). Переизд.: Новосибирск, 1993. Колымский материал: *Богораз В. Г.* Областной словарь колымского русского наречия. СПб., 1901. № 8 (Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности имп. АН; Т. 68, № 4). Материал републикован в издании: *Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока* / изд. подгот. Ю. И. Смирнов и Т. С. Шенталинская. Новосибирск, 1991. № 38, 39, 42 и 42а, 45. Иркутский текст: *Полевой Н. А.* Песня об Илье Муромце // Московский телеграф. 1827. Ч. 18, № 23. С. 108–109 (перепечатан в «Песнях, собранных П. В. Киреевским» (М., 1870. Вып. 8. С. 307–308).

² Подробнее см.: *Иванова Т. Г.* «Язык любви» как один из феноменов фольклорной культуры // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2025. Т. 47, № 3. С. 58–63.

рань — «желаю с вами гулять»; верба — «очарование»; горох — «от твоего счастья зависит мое»; гречиха — «не обманывайте»; ель — «я буду любить тебя до гроба»; заячья капуста — «зачем вы любите его?» и т. д.

Очевидно, что лальский «язык цветов» является отражением культуры, которая зародилась в салонах Петербурга. Не случайно в списке цветов мы находим растения, которые никак не могли быть знакомы лалетянам: абрикосовая ветка — «люблю тебя невыразимо»; виноградная лоза — «дайте вашу карточку»; каштан — «извините»; кипарис — «гордость»; мускат — «мой рай в твоих глазах»; нарцисс — «жестокая! Как ты меня терзаешь» и пр.

«Язык цветов» (флоропоэтика) в России вслед за Францией сложился в первой трети XIX в. и нашел отражение в дамских салонных альбомах, материал которых блестяще проанализирован в диссертации К. И. Шарафадиной ««Язык цветов» в русской поэзии и литературном обиходе первой половины XIX века (источники, семантика, формы)»¹. В 1830 г. Д. П. Ознобишин, опираясь на одно из немецких изданий, в книге «Селам, или Язык цветов» впервые опубликовал довольно большой список (более 300) цветов и их значений². Впоследствии подобного рода списки значений цветов публиковались неоднократно. Во второй половине XIX — начале XX в. салонная игра в «язык цветов» из аристократических слоев общества спустилась в среду мещанства.

Описанные нами по материалам Пономаревых отдельные сегменты фольклора города Лальска безусловно свидетельствуют, что посадско-слободская культура сложилась в XVIII–XIX вв., т. е. много позднее устной традиции деревни. Маркеры посадско-слободской культуры, особо подчеркнем, отражают ее прочные связи с городской культурой социальных верхов: песня «Прощай, Лальский наш посад» сложена по модели канта XVIII в.; «язык любви» — это фольклорный вариант салонной флоропоэтики. Для фольклористики, мы полагаем, было бы интересно поставить задачу сравнительного изучения фольклорной традиции разных провинциальных городов.

Список источников

Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия. СПб.: тип. АН, 1901. 346 с. (Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности имп. АН; Т. 68, № 4).

Горячевская Л. Ю. Лальский городской голова И. С. Пономарев (1849–1916) // Сохранение исторических объектов и памятных мест Лузского района Кировской области : сб. материалов третьей областной науч.-практ. конф., посвященной Междунар. дню памятников и исторических мест. Лальск; Киров: О-Краткое, 2011. С. 203–233.

Жадовская С. А. Из наблюдений над структурой историографического сочинения (о книге И. С. Пономарева «Сборник материалов для истории города Лальска», 1897) // Памятники сольвычегодской старины в истории российской куль-

¹ См. также книги К. И. Шарафадиной: 1) «Алфавит Флоры» в образном языке литературы пушкинской эпохи. Истоки, семантика, формы. СПб., 2003; 2) Селам, откройся! Флоропоэтика в образном языке русской и зарубежной литератур. СПб., 2018.

² Ознобишин Д. П. Селам, или Язык цветов. СПб., 1830.

туры: К 100-летию Сольвычегодского историко-художественного музея : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 13–15 мая 2019 года. Сыктывкар: Коми республ. тип., 2021. С. 178–194.

Жадовская С. А. Авторские «песни о городе» и их прототипы в фольклоре (по севернорусским материалам) // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб.: Нестор-история, 2022. Т. 39. Наследие Б. Н. Путилова и К. В. Чистова и современная фольклористика. С. 183–202.

Иванова Т. Г. Былины в Великоустюжском регионе // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной науч. конф. «Рябининские чтения — 2003»). Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2003. С. 28–30.

Иванова Т. Г. «Малые» очаги севернорусской былинной традиции: Исследование и тексты. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 455 с.

Иванова Т. Г. «Язык любви» как один из феноменов фольклорной культуры // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2025. Т. 47, № 3. С. 58–63.

И. П. Хождение с вертепом // Вологодские епарх. вед. 1909. 15 дек. № 23. С. 583–586. (Автор: И. С. Пономарев).

Калуцков В. Н. Географические городские песни России // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 397–400.

Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. М.: имп. Рус. геогр. о-во, 1865. Т. 1–2. 650 с.

Лапин В. А. Очерки исторической проблематики русского музыкального фольклора. СПб.: Рос. ин-т истории искусств, 2017. 439 с.

Любимов В. А. Лальск // Энциклопедия земли Вятской. Киров: Обл. писат. орг-я, 1994. Т. 1. С. 186–200.

М. С. Коляда в Песковском заводе // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895 год. Вятка, 1894. С. 218–219. (Автор: М. К. Селивановский).

Макаренко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь. Енисейская губерния. СПб.: Гос. тип., 1913. 293 с. (Зап. имп. Рус. геогр. о-ва по отд-нию этнографии; Т. 36).

Ознобишин Д. П. Селам, или Язык цветов. СПб.: тип. Департамента нар. просв., 1830. 132 с.

От Петра Великого до Елизаветы Петровны: Виватные, панегирические, покаянные, навигацкие, застольные, пасторальные, любовные Русские канты / изд. подгот. Е. Е. Васильева, В. А. Лапин, А. В. Стрельников. СПб.: Композитор, 2002. 232 с.

Песни, собранные П. В. Киреевским. М.: О-во любителей рос. словесности, 1870. Вып. 8. 344 с., СХХII с.

Песня // Русская старина. 1874. Т. 11. С. 185–186.

Полевой Н. А. Песня об Илье Муромце // Московский телеграф. 1827. Ч. 18, № 23. С. 108–109.

Полное собрание русских летописей. Л.: Наука, 1982. Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. 228 с.

Пономарев В. И. Театр в Лальске в конце XIX и начале XX в.; Клубы в Лальске в конце XIX и начале XX в. // Герценка: Вятские записки. Киров: Б. и., 2011. Вып. 19. С. 120–125.

Пономарев И. С. Сборник материалов для истории города Лальска Вологодской губернии. Великий Устюг, 1897. Т. 1: С 1570 по 1800 год. 260 с.

Понурко К. О., Теуш О. А. В. И. Пономарев — филолог, краевед и знаток культуры Лальска // Герценка: Вятские записки. Киров: Б.и., 2011. Вып. 19. С. 112–119.

Понурко К. О., Теуш О. А. Архив В. И. Пономарева как источник для изучения великоустюжской историко-культурной зоны // Историческая география: пространство человека vs. человек в пространстве : материалы XXIII Междунар. науч. конф. (Москва, 27–29 января 2011 г.). М.: Изд. центр Рос. гос. гуманит. ун-та, 2011. С. 365–367.

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / изд. подгот. Ю. И. Смирнов и Т. С. Шенталинская. Новосибирск: Наука, 1991. 498 с.

Степановский И. К. Вологодская старина: Историко-археологический сборник. Вологда: тип. Вологод. губ. правления, 1890. 592 с.

Теуш О. А. Архив В. И. Пономарева: этнографические и социально-антропологические материалы по истории г. Лальска // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Пермь, 2018. № 8. С. 64–67.

Шарафадина К. И. «Алфавит Флоры» в образном языке литературы пушкинской эпохи. Истоки, семантика, формы. СПб.: Петербург. ин-т печати, 2003. 309 с.

Шарафадина К. И. Селам, откройся! Флоропоэтика в образном языке русской и зарубежной литературы. СПб.: Нестор-история, 2018. 543 с.

И. В. Козлова (Москва)

Новая жизнь советского человека в творчестве сказителей

Аннотация. Статья посвящена одной из значимых тем творчества советских сказителей — прославлению новой жизни трудящегося советского человека. В статье рассматриваются произведения русскоязычных советских сказителей 1930–1950-х гг., посвященные созданию колхозов, труду в тылу во время Великой Отечественной войны и послевоенному восстановлению СССР. Автор отмечает особенности текстов, посвященных описанию преобразований жизни в сравнении с произведениями тех же сказителей на другие темы.

Ключевые слова: советские сказители, коллективизация, Герои Труда, счастливая жизнь

Творчество советских сказителей было своеобразным явлением культуры своего времени, имевшим свое начало и конец. Оно зародилось в середине 1930-х гг., когда у ряда собирателей сначала появился интерес к отражению современности в фольклоре, а затем установка на легитимность «творческой помощи» носителям традиции, т. е. стало считаться допустимым подсказывать исполнителям темы для создания новых произведений и давать советы как «улучшить» эти произведения после записи. На рубеже 1940–1950-х гг. в фольклористике началась большая дискуссия, в результате которой советским былинам, плачам и сказкам было отказано в признании их

фольклором и эти произведения перестали издаваться. Нами был собран корпус из 449 оригинальных поэтических тестов о советской современности, ориентированных по форме на традиционные былины, плачи и песни; они были сложены и записаны в те 20 лет, когда были востребованы. На некоторое время эти произведения были совсем забыты, но после распада СССР к ним снова возник интерес, и сегодня о творчестве советских сказителей написано уже довольно много¹. Однако чаще всего современные исследователи обращаются к произведениям, ориентированным в первую очередь на былины или плачи, в то время как небольшие по объему описательные произведения остаются скорее незамеченными.

Отметим, что в жанровом отношении тексты, сложенные советскими сказителями, довольно разнообразны, в советской и в постсоветской фольклористике были попытки их жанровой классификации², однако мы в процессе работы с корпусом этих произведений решили использовать собирательный термин лиро-эпические новообразования (ЛЭН)³.

В целом корпус произведений советских сказителей, на наш взгляд, можно разделить на две основные группы: 1) тексты, посвященные определенным героям, и 2) тексты, не имеющие явных главных героев, среди которых есть как посвященные конкретным событиям (например, выборам в Верховный Совет), так и тексты описательного характера, перечисляющие блага жизни в СССР. Первая группа в большей степени использует поэтику былин или причитаний, во второй гораздо сильнее проявляется лирическое начало и собственное «я» исполнителя, хотя поэтические приемы заимствуются в первую очередь из традиционного фольклора. В этой статье мы обратим свое внимание на вторую группу, т. е. на ЛЭН, посвященные новой жизни советских людей, а не биографиям или подвигам отдельных героев; мы сосредоточимся на ЛЭН, связанных с темой труда и колхозной жизни, поскольку именно она лучше всего отражает новую советскую действительность в ее повседневности.

Тема нового устройства жизни, хоть на первый взгляд и менее заметна, чем плачи о Ленине или новости о Чапаеве, для сказителей, безусловно, была одной из центральных. Главной она оказалась в 76 известных нам произведениях, что составляет 17 % от всего корпуса ЛЭН. Кроме того, упоминания о преобразовании жизни встречаются во множестве текстов, посвященных отдельным героям или событиям.

¹ См., например: *Миллер Ф.* Сталинский фольклор. СПб., 2006; *Богданов К. А.* Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. М., 2009; *Иванова Т. Г.* О фольклорной и псевдофольклорной природе советского эпоса // *Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора.* М., 2002. С. 403–431 и др.

² Доклад фольклориста А. М. Астаховой «Пути развития русского советского эпоса» на совещании, посвященном советской былине, во Всесоюзном доме народного творчества 26 апреля 1941 г. // *Фольклор России в документах советского периода 1933–1941 гг.* М., 1994. С. 202–222; *Иванова Т. Г.* Указ. соч. С. 413–428.

³ О выборе термина см.: *Козлова И. В.* Лиро-эпические новообразования в творчестве северно-русских сказителей 1930–1950-х годов : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012.

К ЛЭН о преобразовании жизни можно отнести множество описательных произведений о разных явлениях: Сталинской конституции (Конституции СССР 1936 г.), съездах партии, выборах в Верховный Совет, Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, советских праздниках, коллективизации, обретении женщинами равных прав с мужчинами. Сюда же можно отнести благодарственные речи сказителей по случаю получения наград и ЛЭН о послевоенном восстановлении СССР. В качестве одной из характерных черт ЛЭН о новой жизни отметим то, что в них повествование ведется обычно от первого лица и либо строится на передаче собственных впечатлений от событий (участие в выборах, посещение выставки и т. п.), либо представляет собой рассказ о жизни коллектива, к которому принадлежит сказитель, — это может быть рассказ как о жизни своего колхоза, так и о жизни всех советских людей.

Магистральной темой в этой группе ЛЭН оказалось прославление колхозной жизни и труда колхозников. В 1930-е гг. коллективизация стала центральной темой девяти ЛЭН, чаще всего в них рассказывалось о создании колхозов или давались сравнительные картины дореволюционной тяжелой жизни деревни и счастливой, зажиточной жизни колхозников. Во время Великой Отечественной войны работа в колхозах стала составной частью ЛЭН о труде в тылу, помогающем фронту. В послевоенное время прославление самоотверженного труда на колхозных полях не потеряло актуальности, что отразилось в тринадцати ЛЭН. Вторым по популярности явлением оказались советские выборы, которым посвящено восемь ЛЭН. Другим явлениям новой жизни: конституции, съездам партии, строительству городов — посвящено от одного до пяти произведений. Кроме того, есть тексты, не сосредоточенные на одном явлении, а построенные целиком на противопоставлении старой и новой жизни или состоящие только из перечисления благ новой жизни.

В ЛЭН о войне в центре повествования обычно оказываются герои сражений, например Василий Чапаев, Клим Ворошилов, Зоя Космодемьянская, в ЛЭН об освоении Арктики и развитии авиации в центре чаще всего тоже конкретные герои — О. Ю. Шмидт, И. Д. Папанин, В. П. Чкалов. Главными героями ЛЭН о новой жизни советских колхозников предположительно должны были бы оказаться Герои Труда. Однако, несмотря на то что ЛЭН о счастливой жизни советских колхозников и рабочих значительно больше, чем о завоевании Северного полюса и воздушных пространств, а также на то, что звание «Герой Труда» было учреждено на 7 лет раньше, чем «Герой Советского Союза»¹, Героев Труда в творчестве советских сказителей почти не встречается. Произ-

¹ Звание «Герой Труда» было утверждено постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1927 г. Оно присваивалось лицам, имеющим особые заслуги в области производства, научной деятельности, государственной или общественной службы, проработавшим в качестве рабочих или служащих не менее 35 лет (в исключительных случаях и с меньшим трудовым стажем). Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1938 г. было учреждено звание Героя Социалистического Труда, заменившее звание Героя Труда.

ведения о колхозной жизни 1930-х гг. чаще всего повествуют о собственных впечатлениях от вступления в колхоз или описывают жизнь своего колхоза, реже рисуют обобщенные картины жизни всех советских колхозников.

О вступлении в колхоз через призму личных переживаний рассказывается в первом произведении о новой жизни Маремьяны Романовны Голубковой, положившем начало ее творческому пути:

На призыв родной нашей партии
Я откликнулась всеми думами. <...>
Вместе с ближними да соседями
С бедняками я да деревенскими,
Я со всей семьей да я немалою
Я пошла-пошла в семью колхозную¹.

Анна Михайловна Пашкова рассказывает о счастливой жизни СССР на примере своей малой родины — Пудожского края, который прежде считался дальним и всеми забытым:

А теперь живем с людьми наравне. <...>
На полях у нас на колхозных
А растет-цветет любо-дорого.
В сенокос косим косилками,
Убираем хлебушко жнилками².

В ЛЭН Ангелины Евдокимовны Суховерховой «Колхозное счастье» рассказ ведется от первого лица, но описание своего колхоза сменяется рассказом о всех колхозах СССР:

Посмотрю, пойду, полюбуюся
Все на полосы на широкие,
Да на нивушки на великие,
На колхозы-то на могучие,
На могучие, многолюдные³.

Прославление колхозной жизни является центральным в двух довоенных ЛЭН Марфы Семеновны Крюковой. В одном из них она рисует жизнь своей деревни, рассказывая о рыболовецком колхозе, в котором ее земляки работают дружно и весело и где их теперь, в отличие от дореволюционного времени, никто не обманывает:

Их труд высоко ценится —
Уважается, премируется.
Жизнь колхозная золотицкая
Как река течет между бережков⁴.

¹ Голубкова М. Р. Мы пошли в поход на кулацкий род // Народное творчество. 1938. № 3. С. 32.

² Пашкова А. М. В Стране советов // Карелия. Альманах. Фольклор Карелии. 1938. С. 24.

³ Суховерхова А. Е. Колхозное счастье // Советский Север. 1938. № 2. С. 98.

⁴ Крюкова М. С. Про море Белое и золотую жизнь колхозную // Северный комсомолец. 1938. 18 марта. № 37. С. 3.

В другом ЛЭН, сложенном после путешествия по СССР, сказительница сравнивает свой колхоз с другими, увиденными ею. Подробно описываются колхозные поля, засеянные зерном, пахущие машины, колхозные сады с фруктами и пасущиеся колхозные стада. Крюкова размышляет о величине СССР и о том, что богатство стране приносят не только хорошо известная ей рыбная ловля, но и многие совершенно другие виды деятельности:

Имеют колхозы богатство и от пашней плодородных,
И от садов прекрасных со фруктами,
И от скота от разного доходного¹.

В этом ЛЭН Крюковой создается картина идеального пространства, в котором царит изобилие и счастливы все люди. Такие сельскохозяйственные идиллии были показательны и для массового искусства 1930-х гг. Мы можем встретить их в фильмах того времени — таких, как «Богатая невеста» (1938), «Свинарка и пастух» (1941), в живописи — картины А. А. Пластова «Колхозный праздник» (1938) и «Колхозное стадо» (1938), И. И. Машкова «Советские хлебы» (1936), С. В. Герасимова «Колхозный праздник» (1937). Из девяти довоенных ЛЭН, посвященных коллективизации, только одно написано от третьего лица, но и в нем часть текста дается в прямой речи от лица мужиков-бедняков, к которым, по всей вероятности, и причисляет себя создатель ЛЭН:

Собрались мужики,
Мужики-бедняки,
Собрались они,
Поговаривают:
«Без колхоза жить —
За беду платить...» <...>
Собрались в колхоз,
На веселый воз².

Персонафицированных героев-колхозников в ЛЭН 1930-х гг. не встречается. Имена Героев Труда (Стаханова, Ангелиной, Демченко) фигурируют в ЛЭН Анисьи Васильевны Морозовой о Всесоюзной сельскохозяйственной выставке «Земной рай», однако там упоминаются лишь их скульптуры в качестве экспонатов выставки. Морозова уделяет им не больше внимания, чем другим увиденным ею героям, среди которых исследователь Арктики Папанин, летчик Громов, герой сражения у Хасана Мошляк и др.³, так что собственно героями ЛЭН их в данном случае считать неправомерно.

В ЛЭН Маремьяны Голубковой «Чудо-выставка» при изображении изобилия, представленного тружениками молодой советской страны, самым главным богатством государства называются советские люди:

¹ Крюкова М. С. Широка, велика страна наша колхозная // Колхозник. 1938. № 7. С. 41.

² Сироткин А. П. Наказ Ленина. Творчество народов СССР. М., 1937. С. 349–350.

³ Морозова А. В. Земной рай // Сказы ткачихи Морозовой. Калинин, 1939. С. 55–67.

Агрономы да садоводы,
Люди новой породы —
Ударники да стахановцы¹.

Кроме этого, в коллективном письме карельских сказителей товарищу Сталину также есть строки, характеризующие новую жизнь: «По-стахановски народ наш соревнуется, / А стахановцам машины повинуются»². Как видим, само понятие стахановского труда употребляется сказителями, однако нам не известно ни одного ЛЭН ни о Стаханове, ни еще о ком-либо из героев-стахановцев персонально.

Х. Гюнтер объяснял низкую популярность Героев Труда в советском искусстве тем, что они не были для советского человека 1930-х гг. столь привлекательны, как летчики и полярники, потому что не шли «путем героев, полным приключений» и, следовательно, в их подвигах не было той романтической притягательности, которая была в подвигах представителей героических профессий. «По сути дела, герой труда — это мученик, изнуряющий себя в стремлении произвести больше, его деяния не так легко поэтизировать и романтизировать <...>. Для основной массы населения описание героев труда отражает их собственное жалкое, однообразное существование»³, — писал он. Вероятно, и для сказителей 1930-х гг. намного интереснее было следить за невероятными приключениями челюскинцев и папанинцев. Описание счастливой жизни обычных советских людей тяготеет не к героическому эпосу, а к идиллии, а идиллия не предполагает отдельных героев.

Герои Труда появляются в творчестве советских сказителей в годы войны. С одной стороны, тема труда в тылу оказывается очень важной в призывах исполнителей, где одним из главных мотивов является призыв к женщинам и пожилым людям заменить ушедших на фронт мужей и сыновей на полях и заводах, чтобы обеспечить Красную Армию хлебом и оружием. С другой стороны, именно в годы войны складывается первое ЛЭН о Герое Труда — фрезеровщике Дмитрии Босом⁴. Тема заводского труда, совершенно чуждая довоенному творчеству сказителей, в военное время занимает в нем определенное место. Например, Анна Ивановна Гладкобородова от лица советских женщин рассказывает об освоении ими труда рабочих-оружейников:

Заменяли в труде мы мужей, отцов,
Не покладая рук каждый день и час
Куем стрелы да каленые,
Штыки острые да железные⁵.

¹ Голубкова М. Р. Чудо-выставка // Октябрь. 1939. № 8–9. С. 203.

² Конашков Ф. А., Быкова Ф. И., Горшков П. Г., Журавлева Е. С., Кигаев И. В., Ларионов Н. Т., Пашкова А. М., Ремизов Н. А., Самылин М. Е. и Фофанов И. Т. Письмо карельских сказителей товарищу Сталину // Карелия. Альманах. 1939. Кн. 2. С. 9.

³ Гюнтер Х. Сталинские соколы // Вопросы литературы. 1991. № 11–12. С. 134.

⁴ Суховерхова А. Е. Богатырь Дмитрий (о Д. Босом) // Стихи и рассказы. (Реперт. библ. для худож. самодеятельности. Вып. 3). М.; Л., 1943. С. 61–64.

⁵ Гладкобородова А. И. Слово Сталина нерушимое // Гладкобородова А. И. Сказы и пес-

В это же время появляется и собирательный образ героини, работающей у станка оборонного завода¹. Александра Ефимовна Рогожникова складывает ЛЭН «Всесоюзный Кузбасс», в котором прославляет труд шахтеров, необходимый для победы Красной армии и нормальной жизни советских людей в тылу. В ЛЭН Анны Гладкобородовой 1942 г. от лица колхозников говорится:

Мы накормим героев-ударников,
Наших славных рабочих-стахановцев, <...>
Мы пошлем сладкий хлеб Красной армии².

Таким образом, Герои Социалистического Труда, бывшие на периферии сказительского творчества в 1930-е гг., в начале 1940-х становятся его полноправными персонажами и могут перечисляться в одном ряду с красноармейцами.

В послевоенное время, когда ЛЭН о политических деятелях и представителях героических профессий складываться почти перестали, тема труда на колхозных полях и фабриках не только не утратила популярности, но и получила новое развитие. В 1948 г. был опубликован «Сказ о героях Винокуровых» Екатерины Ионовны Чичаевой. Это было первое ЛЭН, посвященное Героям Социалистического Труда в мирное время, и одновременно первое ЛЭН о персонифицированных героях-колхозниках — Ксении Васильевне и Степане Марковиче Винокуровых. Для создания этого сказа Чичаева специально ездила в колхоз «Путь Ильича» с. Бражное Канского района Красноярского края для встречи со знаменитыми земляками. Сказительница описывает свою дорогу в колхоз, встречу с Винокуровыми, беседу с ними, вставляет в нее биографию Ксении Васильевны, переданную от лица самой героини в разговоре с исполнительницей. На протяжении большей части ЛЭН чередуются ее диалоги с Винокуровыми, которые подробно рассказывают ей о своей работе, и впечатления сказительницы от увиденного и услышанного. В ЛЭН подчеркивается большая любовь супругов Винокуровых к своей деятельности, простота и открытость их в общении, постоянные мысли об урожае. Чичаева приводит в тексте старую притчу о завещании отца сыну, как надо работать, чтобы хорошо жить, и сопоставляет ее с современностью:

Вот герои Винокуровы
Так же трудятся и стараются.
Раньше солнышка они на работушке,
До рассвета уже натрудятся.
Только разница-то со старым
В применении новых способов!³

ни / запись А. Я. Колотиловой; под. ред. С. А. Богуславского и А. Я. Колотиловой. Архангельск, 1947. С. 62.

¹ Губина П. С. На заводе я первым мастером // Сталинский путь. 1944. 23 ноября. № 44 (448). С. 2.

² Гладкобородова А. И. Письмо в северные колхозы // Крестьянка. 1943. № 3–4. С. 6.

³ Чичаева Е. И. Сказ о героях Винокуровых. Красноярск, 1948. С. 41.

Также в ЛЭН подчеркивается, что Винокуровы — сибиряки, колхозники Красноярского края, сказительница гордится тем, что ее родной край оказался рекордсменом по сбору зерна (32 центнера пшеницы с одного гектара). Заканчивается сказ призывом Чичаевой ко всем колхозникам следовать примеру Винокуровых и выражением уверенности сказительницы в том, что сибирские колхозники не отстанут от других в производстве хлеба для Родины.

Супруги Винокуровы оказались первыми и последними героями ЛЭН мирного времени, прославившимися трудом на колхозном поле. Но прославление тружеников без обращения к конкретным персоналиям представлено в ЛЭН второй половины 1940-х гг. довольно широко. Тему высокого урожая зерновых в Сибири, поднятую в «Сказе о героях Винокуровых» Чичаевой, развивает и сибирская сказительница Рогожникова. В одном из ЛЭН, опубликованном в 1949 г., она прославляет великий урожай в Сибири и собравших его колхозников:

Спасибо сибирским богатырям
Колхозникам и колхозницам —
За великий урожай в Сибири!¹

В другом ЛЭН она описывает весеннюю посевную, где выражает уверенность в том, что добросовестная и дружная работа весной непременно даст хороший урожай осенью:

Снабдим хлебом всю страну советскую,
Пятилетку в четыре года выполним <...>
Да слава колхозникам и совхозникам,
Героям Социалистического Труда слава!²

Рогожникова, говоря о послевоенном восстановлении Родины, прославляет не только колхозников, но и трудящихся сибирских и уральских заводов:

Греми, славушка народная,
Про великий труд и про колхозников,
Про шахтеров горных и про всех советских работников³.

Сибирь послевоенного времени оказывается важна как место, не тронутое войной и потому играющее важную роль для снабжения восстанавливающейся страны и углем, и хлебом. Сибирь во второй половине 1940-х гг. прославляют не только сибирские сказительницы. Например, в ЛЭН пинежанки Суховерховой «Заветный цвет» (1947) Урал и Сибирь обещают дать стране много золота и бриллиантов. В целом этот текст посвящен трудящимся всей страны, благодаря работе которых СССР быстро заживает послевоенные раны и цветет еще краше и богаче, чем в довоенные годы. В финале ска-

¹ Рогожникова А. Е. Великий урожай // Рогожникова А. Е. Сказы и песни. Новосибирск, 1949. С. 33.

² Рогожникова А. Е. Весенняя посевная // Рогожникова А. Е. Сказы и песни. Новосибирск, 1949. С. 32.

³ Рогожникова А. Е. Урал и Сибирь // Рогожникова А. Е. Русь советская, непобедимая. Челябинск, 1948. С. 18.

зительница провозглашает: «Слава сыну земли — / Честну труженику!»¹. Для второй половины 1940-х гг. характерно прославление самого разного труда. Колхозный, земледельческий труд прославляется в ЛЭН Олимпиады Васильевны Антроповой и Елены Васильевны Волковой². Маремьяна Голубкова в одном из послевоенных ЛЭН прославляет труд колхозниц-доярок³, в другом перечисляет самые разные трудовые достижения советских людей:

Города певучие
В тундрах поднимаются, <...>
Шумят тучным колосом
Земли плодородные,
Клады подземельные
Людям открываются⁴.

Михаил Кирикович Рябинин также сложил ЛЭН, в котором пытается рассказать о трудовых подвигах представителей разных профессий:

Все колхозники торопятся к работушке,
А шахтеры в свои шахты опускаются,
Чтобы уголь отбивать да по-стахановски.
У рабочего в заводе дело ладится⁵.

Кроме прославления работы на полях и фабриках, берущего начало с довоенного и военного времени, в конце 1940-х — в 1950-е гг. появляются ЛЭН о новшествах сельского хозяйства, неизвестных ранее: о насаждении защитных лесополос и освоении целины.

Точная дата сложения Лидией Ивановной Васильевой неопубликованного ЛЭН о насаждении лесозащитных полос неизвестна, но полагаем, что время его создания ограничивается рамками конца 1948 — начала 1953 гг.⁶ В ЛЭН прославляется идея насаждения лесополос, которые спасают урожай СССР:

Не стена стоит зеленая в степи,
Это лес густой посаженный шумит, <...>
Чтоб степи не сжигал суховей,

¹ Суховерхова А. Е. Заветный цвет // Правда Севера. 1946. 30 ноября. (№ 240). С. 3.

² См.: Антропова О. В. Во саду калина // Песни Северян. Архангельск, 1956. С. 8; Волкова Е. В. Пришла весна // Волкова Е. Славься, Родина! Песни, стихи, сказы, частушки. Владимир, 1947. С. 21.

³ Голубкова М. Р. Доярки // Правда Севера. 1949. 27 июля. (№ 146). С. 3.

⁴ Голубкова М. Р. Молодость // Комсомольская правда. 1949. 17 декабря. (№ 297). С. 3.

⁵ Рябинин М. К. Былина о новой пятилетке // На рубеже. 1947. № 12. С. 54.

⁶ Проект «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах Европейской части СССР» («Сталинский план преобразования природы») был принят постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) от 20 октября 1948 г. Следовательно ЛЭН не могло быть сложено раньше принятия проекта, верхней же датой мы считаем смерть Сталина, так как в ЛЭН ему выражается благодарность и говорится о нем как о живом.

Чтобы травушке-муравушке расти,
Чтобы цветикам лазоревым цвести¹.

Последнее известное нам ЛЭН, воспевающее труд, было опубликовано в 1955 г. и посвящено явлению уже хрущевской эпохи — освоению целины². Екатерина Чичаева описывает выполнение советскими людьми нового задания партии. В тексте, как во многих послевоенных произведениях сказителей, подчеркивается значение мирного труда как дела, способного противостоять войне и мировой агрессии. О снаряжении комсомольцев говорится:

Не берут они с собою оружия, <...>
Они берут с собою
Другое оружие, трудовое:
Машины наши могучие³.

Главные герои Чичаевой — комсомольцы, осваивающие целинные земли. Сказительница описывает преобразование Сибири, происходящее в результате новой программы: в первую очередь говорится о том, что распаханы и засеяны земли, которым не знакомы ни соха, ни борона; но отмечаются и другие новшества: появление пруда, в котором разводят карпов, птичник, посадка садовых деревьев. В финальной части сказа Чичаева так же, как и авторы рассмотренных ЛЭН конца 1940-х гг., воздает хвалу героям труда разных профессий:

Есть герои труда на целинных землях,
И в колхозных полях,
И в лесах дремучих, в тайгах,
На реках и морях глубоких,
На железных дорогах,
Заводах и фабриках⁴.

Отметим, что ЛЭН Чичаевой «Идут они на великий труд — целинную землю пахать» оказалось последним сказительским произведением, опубликованным в периодической печати в 1950-е гг., после было опубликовано только два ЛЭН с восьмилетним перерывом.

Таким образом, мы видим, что произведения, прославляющие труд и преобразования повседневной жизни советского человека, являются значимой частью творчества сказителей. Кроме рассмотренных в статье ЛЭН, где эта тема была в центре повествования, она появляется в составе самых разных ЛЭН, даже о войне — в эпилоге либо в прологе. Часто встречается прославление мирного труда в ЛЭН о холодной войне как атрибут борьбы за мир в противовес самой идее войны, еще чаще прославление новшеств советской жизни включается в ЛЭН о политических деятелях при выражении им благодарности. Среди ЛЭН о новой жизни советских тружеников полей и заво-

¹ Васильева Л. И. «Не стена стоит зеленая в степи...» // РО ИРЛИ. Кол. 149. П. 1. № 6.

² В 1954 г. пленум ЦК КПСС принял постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель».

³ Чичаева Е. И. Они идут на великий труд — целинную землю пахать // Енисей. Альманах. 1955. Кн. 15. С. 123.

⁴ Там же. С. 127.

дов только два текста посвящены определенным героям, что объясняется тем, что если о полярниках или героях войны сказители знали из газет, то в работу на полях и заводах они были вовлечены сами в качестве участников. Соответственно и рассказывать о колхозной жизни сказителям было удобнее через передачу собственных впечатлений. Отметим также, что ЛЭН о труде советских людей были буквально последними ЛЭН, выходящими в печати в 1950-е гг., уже в разгар дискуссии о творчестве сказителей. Вероятно, это связано, с одной стороны, с тем, что восстанавливающаяся страна остро нуждалась в труде колхозников и рабочих, благодаря чему преодолевался голод и другие военные последствия, а с другой, — с тем, что прославление труда было одной из составляющих кампании послевоенной борьбы за мир.

Список источников

Антропова О. В. Во саду калина // Песни Северян : сб. песен самодеятельных композиторов и участников художественной самодеятельности Архангельской области / сост. А. П. Белозерова. Архангельск: Архангельское книжное издательство, 1956. 64 с.

Богданов К. А. Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 368 с.

Васильева Л. И. «Не стена стоит зеленая в степи...» // РО ИРЛИ. Кол. 149. П. 1. № 6.

Волкова Е. В. Пришла весна // Волкова Е. Славься, Родина! Песни, стихи, сказы, частушки. Владимир: Призыв, 1947. 24 с.

Гладкобородова А. И. Письмо в северные колхозы // Крестьянка. 1943. № 3–4. С. 6.

Гладкобородова А. И. Слово Сталина нерушимое // Гладкобородова А. И. Сказы и песни / запись А. Я. Колотиловой; под. ред. С. А. Богуславского и А. Я. Колотиловой. Архангельск, 1947. С. 61–64.

Голубкова М. Р. Доярки // Правда Севера. 1949. 27 июля. (№ 146). С. 3.

Голубкова М. Р. Молодость // Комсомольская правда. 1949. 17 декабря. (№ 297). С. 3.

Голубкова М. Р. Мы пошли в поход на кулацкий род // Народное творчество. 1938. № 3. С. 31–32.

Голубкова М. Р. Чудо-выставка // Октябрь. 1939. № 8–9. С. 199–204.

Губина П. С. На заводе я первым мастером // Сталинский путь. 1944. 23 ноября. № 44 (448). С. 2.

Гюнтер Х. Сталинские соколы // Вопросы литературы. 1991. № 11–12. С. 122–141.

Доклад фольклориста А. М. Астаховой «Пути развития русского советского эпоса» на совещании, посвященном советской былине, во Всесоюзном доме народного творчества 26 апреля 1941 г. // Фольклор России в документах советского периода 1933–1941 гг. : сб. документов. М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 1994. С. 202–222.

Иванова Т. Г. О фольклорной и псевдофольклорной природе советского эпоса // Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора / подгот. А. Л. Топорков и др. М.: Ладомир, 2002. С. 403–431.

Козлова И. В. Лиро-эпические новообразования в творчестве севернорусских сказителей 1930–1950-х годов : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012.

Конашков Ф. А., Быкова Ф. И., Горшков П. Г., Журавлева Е. С., Кизгачев И. В., Ларионов Н. Т., Пашкова А. М., Ремизов Н. А., Самылин М. Е. и Фофанов И. Т. Письмо карельских сказителей товарищу Сталину // Карелия. Альманах. 1939. Кн. 2. С. 6–10.

Крюкова М. С. Про море Белое и золотую жизнь колхозную // Северный комсомолец. 1938. 18 марта. (№ 37). С. 3.

Крюкова М. С. Широка, велика страна наша колхозная // Колхозник. 1938. № 7. С. 40–42.

Миллер Ф. Сталинский фольклор / пер. с англ. Л. Н. Высоцкого. СПб.: Академический проект, ДНК, 2006. 190 с.

Морозова А. В. Земной рай // Сказы ткачихи Морозовой. Калинин: Обл. лит. изд-во, 1939. С. 55–67.

Пашкова А. М. В Стране советов // Карелия. Альманах. Фольклор Карелии. 1938. С. 23–26.

Рогожникова А. Е. Великий урожай // Рогожникова А. Е. Сказы и песни. Новосибирск: Новосибгиз, 1949. С. 32–33.

Рогожникова А. Е. Весенняя посевная // Рогожникова А. Е. Сказы и песни. Новосибирск: Новосибгиз, 1949. С. 31–32.

Рогожникова А. Е. Урал и Сибирь // Рогожникова А. Е. Русь советская, непобедимая. Челябинск: Челябингиз, 1948. С. 17–18.

Рябинин М. К. Былина о новой пятилетке // На рубеже. 1947. № 12. С. 54–55.

Сироткин А. П. Наказ Ленина // Творчество народов СССР: Сборник / под ред. А. М. Горького, Л. З. Мехлиса, А. И. Стецкого. М.: Правда, 1937. С. 349–350.

Суховерхова А. Е. Богатырь Дмитрий (о Д. Босом) // Стихи и рассказы. (Реперт. библиография для худож. самодеятельности. Вып. 3). М.; Л.: Искусство, 1943. С. 61–64.

Суховерхова А. Е. Заветный цвет // Правда Севера. 1946. 30 ноября. (№ 240). С. 3.

Суховерхова А. Е. Колхозное счастье // Советский Север. 1938. № 2. С. 98–100.

Чичаева Е. И. Они идут на великий труд — целинную землю пахать // Енисей: Альманах. 1955. Кн. 15. С. 123–128.

Чичаева Е. И. Сказ о героях Винокуровых. Красноярск: Красноярское краевое изд-во, 1948. 52 с.

Н. Г. Комелина (Санкт-Петербург)

Штрихи к портрету сказительницы Аграфены Матвеевны Крюковой

Аннотация. В статье даются неизвестные архивные сведения о сказительнице Зимнего берега Белого моря Аграфене Матвеевне Крюковой (1855–1921). Эта информация дополняет образ сказительницы, нарисованный А. В. Марковым в биографической справке в сборнике «Беломорские былины» (1901), и Э. Г. Бородиной-Морозовой в статье «Беломорская сказительница Аграфена Крюкова» (1946). Новые сведения были почерпнуты из архивных источников — поле-

вых записей А. В. Маркова (ОР РГБ), переписки и заметок Э. Г. Бородиной-Морозовой (РО ИРЛИ), а также из книжного собрания семейства Крюковых (РО ИРЛИ).

Ключевые слова: Поморье, сказительница А. М. Крюкова, биография, поминальные записи, полевой дневник

На стене рабочего кабинета Андрея Николаевича Власова в Пушкинском Доме висят портреты ушедших от нас фольклористов и замечательных сказителей. Среди них и известная фотография Аграфены Крюковой, опубликованная в собрании А. В. Маркова.

Андрей Николаевич занимался подготовкой к печати и был редактором восьмого тома Свода русского фольклора «Былины Зимнего берега». Им была написана вступительная статья об эпической традиции региона и ряд работ о некоторых отдельных ее аспектах¹. Он считал, что «общность ее сюжетного репертуара <...> с мезенской и терской (а также кулойской) указывает на эклектичность» и «заставляет признать ее как достаточно поздний вариант более ранней и общей для этих районов традиции»². В статье, посвященной сказительской семье Крюковых, А. Н. Власов писал, что «каждое поколение этой известной династии обладало своим репертуаром, складывавшимся под влиянием самых разных источников, а потому говорить о единой исполнительской школе <...> нельзя»³.

Позже Андрей Николаевич несколько раз обращался к творчеству Аграфены Матвеевны Крюковой⁴. Напомним, что записи от нее были сделаны московским студентом и учеником В. Ф. Миллера Алексеем Владимировичем Марковым в 1898–1901 гг. и вошли в классическое фольклорное собрание «Беломорские былины»⁵.

В фольклористике рубежа XIX–XX вв. было распространено мнение, что женское исполнение былин свидетельствует о порче и угасании традиции, при этом среди женщин становятся популярными не героические, а любовные сюжеты. А. Н. Власов также придерживался этой точки зрения: «Аграфена Матвеевна Крюкова — яркое и самобытное явление в фольклорной тради-

¹ Власов А. Н.: 1) Эпическая традиция Зимнего берега Белого моря // Былины Зимнего берега. СПб.; М., 2018. С. 9–38. (Свод русского фольклора: Былины в 25 т. Т. 18); 2) Ранние источники в изучении эпической традиции Зимнего берега Белого моря // Классический фольклор сегодня : материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Бориса Николаевича Путилова (Санкт-Петербург, 14–17 сентября 2009 г.) / отв. ред. Т. Г. Иванова. СПб., 2011. С. 125–142.

² Власов А. Н. Эпическая традиция Зимнего берега Белого моря. С. 14.

³ Власов А. Н. Семейные школы эпических сказителей: династия Крюковых // Русская литература. 2020. № 2. С. 104.

⁴ Власов А. Н.: 1) Сказительница Аграфена Крюкова (1855–1921): антропологический взгляд на эпическую традицию Русского Севера // IV Всероссийский конгресс фольклористов : сб. науч. ст. : в 3 т. Т. 1: Народная музыкальная культура: история изучения, современные исследования, проблемы, актуализации / ред.-сост. Е. А. Дорохова, Д. В. Морозов. М., 2019. С. 207–221; 2) Сказительница Аграфена Крюкова (От Кириши Данилова к модернизму в русской культуре) // Русская словесность. 2020. № 4. С. 47–53.

⁵ Беломорские былины, записанные А. В. Марковым. М., 1901.

ции Русского Севера, вместе с тем явление, которое знаменует состояние традиции, находящейся в процессе глубокой внутренней деформации»¹.

В настоящей статье мы не будем касаться эпического творчества Аграфены Матвеевны, а укажем на ряд обнаруженных нами документов, дополняющих биографию и образ известной поморской сказительницы (1855–1921).

А. В. Марков составил биографическую справку, в которой довольно подробно описал жизнь А. М. Крюковой. В девичестве Кожина, она была родом с Терского берега Белого моря, жила в д. Чаваньга. Однажды корабль с Зимнего берега с промысловиками-поморами прибило к Терскому берегу. «Один из них, Семен Васильевич Крюков, посватался за Аграфену Матвеевну, которая в то время, как говорят, была очень красива. Ей не хотелось идти за него замуж, и она попросила родителей не выдавать ее на чужую сторону, со слезами валяясь у них в ногах. Но они выдали ее насильно, так как слышали о жеманности похвальные отзывы. <...> Тяжело было молодой женщине в большой семье ее свекра Василия Леонтьевича, который тогда жил в одном доме со своим братом Гаврилой²; особенно много она терпела от двух своих золовок, старых девиц, и не раз со слезами она мне жаловалась, что от них ей приходилось даже получать побои»³. А. В. Марков отмечает ее особую религиозность, связывая это с тяжелой жизнью в семье мужа. Аграфена Матвеевна была неграмотна, что, по мнению собирателя, являлось условием сохранения и запоминания эпоса.

В полевом дневнике А. В. Маркова эта информация подана немного по-другому: в нем говорится о репертуаре сказительницы, затем дается характеристика говора и интересующие нас в первую очередь биографические сведения: «У нея везде г = h, как вообще в Золотицах.

17 или 18-ти лет была взята замуж за Крюкова, племянника Гаврилы, и увезена в Золотицу; с той поры она только раз была на родине; родители ее померли. В то время она жила в очень большой семье, потому что Василий, также большой знаток старин, жил в одном доме с братом Гаврилою, и она много терпела от двух старых девиц, ее золовок, будучи нрава очень кроткого. Более 12 лет тому назад братья разделились, и Василий выстроил себе новый дом, но года 4 тому назад умер. Старины у нея переняли ее две дочери-девушки. Она знает также много стихов и песен (например, про Захара Григорьевича Чернышева), но последних теперь не поет; старины больше поет в Филипповский пост. Она отличается особенною религиозностью, развившеюся под влиянием ее тяжелой жизни, что отражается отчасти и в ее

¹ Власов А. Н. Сказительница Аграфена Крюкова (От Кирши Данилова к модернизму в русской культуре). С. 48.

² Гаврила Леонтьевич Крюков — дядя мужа Аграфены Матвеевны, Семена Васильевича Крюкова. А. В. Марков записал от него былины (см. биографическую справку о нем: Беломорские былины. С. 342–343). Василий Леонтьевич Крюков — отец мужа Аграфены Матвеевны, к моменту приезда Маркова его уже не было в живых. По рассказам родных и односельчан, он был замечательным исполнителем. Именно ему принадлежит книжное собрание семейства Крюковых.

³ Беломорские былины. С. 28.

старинах, действующие в которых лица очень благочестивы: часто молятся, служат молебны и панихиды.

Феноменальная ее память обнаруживалась, между прочим, в том, что она поправляла мелкие ошибки в своих старинах, спетых за день раньше: она помнила, как она спела название какого-нибудь города или реки»¹. Любопытно, что отмеченная в дневнике особенность говора Крюковой, общая для обеих Золотиц, в биографической справке отсутствует: в ней дана характеристика речи, черты которой отличают ее от односельчан и показывают в ней пришлого человека: «...она не так ясно выговаривает безударное о, как золотицкие уроженцы; в некоторых случаях не заменяет я после е»² и пр. Также в рукописи упомянут Филипповский пост, в опубликованной справке — Рождественский: «... пение старин (как и стихов) она считает весьма похвальным делом, и чаще всего поет их в Рождественский пост»³. Видимо, в рукописи пост назван со слов местного жителя, а в публикации дано более официальное название.

Другим важным источником сведений об Аграфене Матвеевне Крюковой послужили полевые материалы и переписка фольклористки Эрны Георгиевны Бородиной-Морозовой с родственниками сказительницы. Она продолжительное время (с 1937 до конца 1940-х гг.) работала с дочерью Аграфены Матвеевны — советской сказительницей Марфой Семеновной Крюковой⁴.

О семейной жизни Крюковых Э. Г. Бородин-Морозова писала в полевом дневнике 20 июля 1939 г.: «Рассказывает Татьяна Васильевна Крюкова, жена Ивана Семеновича Крюкова⁵ про Аграфену Матвеевну Крюкову. Жизнь свекрови ее, Аграфены Матвеевны, была очень тяжелой, она работала на всех, с утра молола по пуду жита и пекла шаньги и другое печенье на всю семью: две золовки, три дочери, не любившие и не уважавшие мать, были под влиянием старых дев-теток⁶, муж, смолodu нередко бывший свою жену после оговора теток, три сына и сноха. Всякий в доме, кроме сыновей, помыкал Аграфеной Матвеевной и заставлял ее работать. Она безропотно гнула спину. Тетки сердились на нее и покрикивали: “Куда ты такая песельница выдалась? Нам не петь твоих песен”, да Аграфена Матвеевна не слушала их и у себя (не в комнатах теток) всегда пропевала за работою старины. Была она характерная: Как чего задумает, так и добьется своего, никогда не уступит. Любила покоен-на кур и держала в той комнате, где работал (сапожничал) Семен Васильевич Крюков. А тятенька петухов не любил, не любил, когда они поют, крику ихнего. А она все петухов держала в его комнате»⁷.

¹ ОР РГБ. Ф. 160. П. 9. № 2. Л. 1 об.

² Беломорские былины. С. 30.

³ Там же. С. 28.

⁴ РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 146.

⁵ Сын Аграфены Матвеевны.

⁶ Ирина Васильевна Крюкова (1844–1923) и Дарья Васильевна Крюкова (1857–1921).

⁷ РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 146. П. 13. Л. 204–204 об.

В первой части описание Э. Г. Бородиной-Морозовой очень похоже на характеристику А. В. Маркова: тяжелая жизнь, побои мужа, нелюбовь и унижение от близких и безропотное принятие всех тягот. В конце же говорится, что Аграфена Матвеевна была «характерная», могла настоять на своем и держала в комнатах петухов, пение которых любила. Э. Г. Бородиной-Морозовой принадлежит статья «Беломорская сказительница Аграфена Крюкова (1855–1921)»¹, в которой она, используя свои полевые дневники, дополняет биографию Аграфены Матвеевны: дает подробности сватовства и 20-кратного отказа невесты идти замуж, картину прибытия молодых из-за моря на корабле, когда их встречала вся деревня, но никто из семьи Крюковых не вышел за порог. Отмечает она и как обращались к заговору, чтобы молодая жена не грустила по родному дому. По воспоминаниям дочери сказительницы, Марфы Семеновны, Аграфена Матвеевна была выдана замуж в 16, на 17-м году, в полевом дневнике А. В. Маркова указан возраст 17–18 лет, а в опубликованной в «Беломорских былинах» биографии указано, что сказительнице было 18 лет.

В упомянутой статье Э. Г. Бородина-Морозова приводит слова бабушки Илеихи (Авдотьи Васильевны Плакуевой²): «Ей жись худа была. Не дай бог! Жили хошь будто прожитосьне, а ей за охвостанный веник не почитали. Ругали ее золовки, только и званья было “Терско чудо”. За большу хозяйку не жила. Вышла не к пустому дому, а ничего она не пекла, не варила, все рукода-но ела. Ничим не властвовала, а только в хлеви одном обродит; доить и то не доила, назём один выметывала. Век у них прожила за подтирку. Из избы вон никуда не ходила. Только ей и работы было под старость, что шерсть да коноплём преств да вымыть все в избенке. А она все умела: и сети вязать, и преств, и шить. А смолоду ткала кросна. Пестрядь хошь каку оснуёт. А как она пела — не знай, я от ей не слыхала»³. Этот фрагмент снова касается жизни Аграфены в семье. По сравнению с высказыванием золовки, которая утверждала, что Аграфена Матвеевна «с утра молола по пуду жита и пекла шаньги и другое печенье на всю семью», слова Илеихи звучат более убедительно, так как приготовление хлеба дозволено только хозяйке, «большухе». По-видимому, статус чужой не позволял Аграфене браться за «чистую» работу. В экспедициях 2010-х гг. в Поморье многие из женщин говорили собирателям, что привезенные жены испытывают сложности в социальной адаптации, и даже прожив в деревне по 20–30 лет, не становятся своими.

В полевом дневнике Э. Г. Бородиной-Морозовой 1939 г. есть еще несколько заметок, записанных со слов дочерей Аграфены Матвеевны — Марфы Семеновны и Серафимы Семеновны Крюковых: «Аграфена Матвеевна Крюкова умела глядеть на звезды и все задолго предсказывала по звездам,

¹ Морозова (Бородина) Э. Г. Беломорская сказительница Аграфена Крюкова (1855–1921) // Север. Альманах Архангельского отделения союза советских писателей. Архангельск, 1946. С. 178–192.

² Авдотья Васильевна Плакуева — жительница Нижней Зимней Золотицы. Бабушка Илеиха — ее уличное прозвище.

³ Морозова (Бородина) Э. Г. Беломорская сказительница Аграфена Крюкова. С. 183.

говорила, что скоро будет свергнут царь знаменитой земли, что подойдет война с неверных земель»¹. Дар пророчества и тайное «знание» как будто должны были повысить статус их матери. Зачастую «знающий» в традиции Поморья связан с умением читать «по-славянски» и владением старинными книгами. Однако, как утверждал А. В. Марков, Аграфена Матвеевна была неграмотна, она усваивала книжные сюжеты от других, в устной передаче, — т. е. по формальным характеристикам на роль «знающей» не подходила. Что касается собственно реализации пророчества — вероятно, дочери имели в виду сбывшиеся к моменту записи (1939 г.) события: свержение Николая II и Первая мировая война.

По заметке собирателя А. В. Маркова мы можем судить об отношении Аграфены Матвеевны к исполнению старин и в целом о ее работе с собирателем фольклора: «Павла Семеновна и Марфа Семеновна рассказывали, что Марков А. В. говорил Аграфене Матвеевне, что выхлопочет ей пенсию. А она заревела: “Не нать мне, не нать, мне примать грешно от бога”»². Во вступительной статье к «Беломорским былинам» собиратель писал: «А. М. Крюкова прямо говорила, что проклят будет тот, кто позволит себе прибавить или убавить что-нибудь в содержании старин»³, — и отказывалась брать деньги за «пропевание», что также показывает благоговейное отношение к былинам.

Материалы А. В. Маркова и Э. Г. Бородиной-Морозовой дополняют информацию о детях Аграфены Матвеевны, память о которых хранилась в семье. А. В. Марков писал: «Большую часть она поет старины своим детям, которых у нее было 9 человек; но четверо умерло, и теперь осталось две девушки, девочка 9-ти лет и 2 мальчика; обе взрослые дочери переняли у нее некоторые старины»⁴. В полевом дневнике Э. Г. Бородиной-Морозовой есть список детей Аграфены Матвеевны:

«У Аграфены Матвеевны были дети:

1. *Иван — умер в малолетстве жил три дня*
2. *Марфа*
3. *Настасья — умерла в полгода*
4. *Павла*
5. *Алексей умер трех недель*
6. *Иван 58 лет живет в Мурманске*
7. *Андрей — помер четырех годов*
8. *Артемиий — помер 42-го году*
9. *Зосим 57 год*
10. *Серафима 48–50 ?»*⁵.

¹ РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 146. П. 13. Л. 204 об.

² Там же. Л. 213.

³ Беломорские былины. С. 13.

⁴ Там же. С. 29.

⁵ РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 146. П. 13. Л. 352. Серафиме Семеновне на момент записи было 48–50 лет.

А. В. Марков указывал, что мальчиков у сказительницы было двое, хотя, как видно из списка, их было трое: Зосим, Иван и Артемий. Согласно генеалогическим разысканиям золотицкого краеведа В. А. Точилова, годы рождения детей Аграфены Матвеевны и Семена Васильевича следующие: Марфа Семеновна (1876–1954), Павла Семеновна (1879 г.р.), Иван Семенович (1882 г.р.), Артемий (1885–1932), Зосим Семенович (1888 г.р.), Серафима Семеновна (1890 г.р.)¹.

Наконец, дополним сведения о смерти и похоронах Аграфены Матвеевны, опираясь на поминальные записи на листах рукописей, принадлежащих семейству Крюковых. Книжно-рукописное собрание Крюковых было выявлено благодаря сохранившемуся письму А. А. Морозова к В. И. Малышеву, в котором он сообщал, что его супруга Э. Г. Бородина-Морозова собрала на Зимнем берегу Белого моря около 20 рукописных книг в 1930–1940-е гг. Книжно-рукописное собрание Зимнего берега хранится в ОР БАН и в Древлехранилище ИРЛИ². Принадлежность книг Крюковым определена по владельческим записям³. Начало практики записей на книгах относится к поколению Василия Леонтьевича Крюкова (1850–1890-е гг.), продолжается в поколении детей Семена Васильевича и Аграфены Матвеевны: сыновей Ивана Семеновича и Зосимы Семеновича (1920-е гг.) — и завершается записями внука Аграфены Матвеевны — Петра Ивановича Крюкова (Пономарева). Отметим, что форзацные и чистые листы книг зачастую служили своеобразной летописью поморских семей: здесь фиксировались сведения о браках, покупке судна, строительстве дома, смерти старших членов семьи и рождении детей и пр.

Приведем записи об Аграфене Матвеевне, сделанные в книгах из семейного собрания Крюковых: «Представилась раба Божия Аграфена Матвеевна Крюкова 1921-мъ году 14-го июня подписалъ сынъ ихъ»; «Погребено тело рабы Божией Аграфены Матвеевны Крюковой въ Верхнем зимнезолотицкомъ кладбище за рекою. Кто будетъ читать, того прошу помянуть рабу Божию. Пометилъ сынъ ея И<ван> Крюковъ»; «преставилась раба Божия Аграпина Матвеевна Крюкова 14 апреля», подпись «Иван»⁴; «Баба Груня умерла

¹ В полевом дневнике Э. Г. Бородиной-Морозовой есть подобный список детей Павлы Семеновны, многие из которых умерли во младенчестве. На листах поморских рукописей сохранялись в том числе списки умерших детей, так, например, их делала жительница Верхней Зимней Золотицы Анисья Ивановна Субботина (1825 г.р., в девичестве Широких). Такие младенческие помянники, зафиксированные на форзацных листах рукописей жителей Зимнего берега, по-видимому, являются источником сведений для дочерей Аграфены Матвеевны Крюковой, перечисливших собирательнице Э. Г. Морозовой всех своих братьев и сестер, в том числе рано умерших.

² См. подробно: Бильдюг А. Б., Комелина Н. Г. Поморские сказители и книги: об археографических находках на Зимнем берегу Белого моря // Русская литература. 2019. № 4. С. 52–63.

³ Бильдюг А. Б., Комелина Н. Г. «Для незабвенной памяти»: записи на рукописных книгах Зимнего берега Белого моря // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2025. В печати.

⁴ Древлехранилище ИРЛИ. Мезенское собр. № 154. Л. 1.

14 апреля»¹. Можно отметить вариативность написания имени: Аграфена / Аграпина / баба Груня. Расхождения отмечаются и в дате смерти: 14 июня / 14 апреля. Записи о смерти и похоронах сделаны сыном Иваном Семеновичем и внуком Петром Ивановичем. Цель отмечена в самой записи: «Кто будет читать, того прошу помянуть рабу Божию», — это записи для памяти и религиозного поминовения.

Интерес Э. Г. Бородиной-Морозовой к истории семьи Крюковых связан с рядом тем: в 1940-е гг. она записывает у Марфы Семеновны Крюковой автобиографические «сказания»², кроме того, в альманахе «Север» выходит статья о сказительнице Аграфене Матвеевне Крюковой, и наконец, значительно позднее, в 1960-е гг., — сборник «Былины Печоры и Зимнего берега», в который вошли записи Э. Г. Бородиной-Морозовой 1930-х гг. от сказителей Зимнего берега; ею подготовлены биографические справки об исполнителях³. С этим связан интерес исследовательницы.

Обстоятельства смерти Аграфены Матвеевны Крюковой изложены в письме ее сына Зосимы Семеновича к Э. Г. Бородиной-Морозовой:

«Уважаемая Морозова Э. Г.

Я получил от Вас письмо от 4/III 1945. Вы спрашиваете про мою мать Крюкову А. М., когда скончалась. Она в 1920 году в декабре месяце уехала из Нижней Золотицы в Верхнюю Золотицу после нашего раздела между братьями. А она скончалась 14 ст<арого> ст<иля> / 27 н<ового> с<тиля> апреля 1921 года. Эта дата точная.

С искренним приветом к Вам Крюков З. С.»⁴.

Племянник А. М. Крюковой также ответил на письмо Э. Г. Бородиной-Морозовой, при этом отметил другой год смерти — 1920, вероятно ошибочный, и указал подробности похорон: «Она умерла в 1920 году 14 апреля по старому стилю, т<о> е<сть> 27 апреля. Хоронили, уже была вскрылась река — на кладбище ездили в карбасе, на похороны из Нижней деревни (с. Устья) приходили пешком. 22/I 45 С приветом Г. Крюков»⁵.

Эти крупницы сведений об Аграфене Матвеевне Крюковой позволяют более полно представить ее образ и биографию, ее жизнь в семье на чужой стороне. Отмеченные разночтения в полевых записях А. В. Маркова и в его статье в «Беломорских былинах», а также дополнения о семейной жизни ска-

¹ Древлехранилище ИРЛИ. Мезенское собр. № 154. Л. 3 об.

² Крюкова М. С. На Зимнем берегу у моря Белого. Записала летом 1939 года Э. Бородина-Морозова. Архангельск, 1940.

³ Былины Печоры и Зимнего берега. Новые записи / изд. подгот. А. М. Астахова и др. М.; Л., 1961.

⁴ РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 146. П. 14. Л. 23 (Письмо от Крюкова Зосима Семеновича из Архангельска Э. Г. Бородиной-Морозовой от 22/III, 1945 г.).

⁵ РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 146. П. 14. Л. 25.

⁶ Исключением можно считать статью: Горелов А. А. Русская частушка в записях советского времени // Частушка в записях советского времени / изд. подгот. З. И. Власова и А. А. Горелов. М.; Л., 1965. С. 5–27.

зительницы по поздним источникам рисуют более трагичную, чем в публикации, картину: унижения и бесправность молодой женщины в семье мужа.

Подчеркнем, что память об Аграфене Крюковой продолжала жить и в 1930-е гг. С одной стороны, это связано с ответами односельчан и родственников на вопросы собирателей-фольклористов, с другой стороны — с собственно крестьянскими практиками поминовения: поминальные записи рода Крюковых на старинных книгах хранили дату ее смерти и подробности похорон.

Список источников

Беломорские былины, записанные А. В. Марковым / с предисл. проф. В. Ф. Миллера. М.: Типография Левенсона, 1901. 619 с.

Бильдюг А. Б., Комелина Н. Г. «Для незабвенной памяти»: записи на рукописных книгах Зимнего берега Белого моря // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2025. В печати.

Бильдюг А. Б., Комелина Н. Г. Поморские сказители и книги: об археографических находках на Зимнем берегу Белого моря // *Русская литература*. 2019. № 4. С. 52–63.

Былины Печоры и Зимнего берега. Новые записи / изд. подгот. А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР Ленинградское отделение, 1961. 600 с.

Власов А. Н. Ранние источники в изучении эпической традиции Зимнего берега Белого моря // *Классический фольклор сегодня : материалы конф., посвященной 90-летию со дня рождения Бориса Николаевича Путилова (14–17 сентября 2009 г.)* / отв. ред. Т. Г. Иванова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 125–142.

Власов А. Н. Семейные школы эпических сказителей: династия Крюковых // *Русская литература*. 2020. № 2. С. 102–105.

Власов А. Н. Сказительница Аграфена Крюкова (1855–1921): антропологический взгляд на эпическую традицию Русского Севера // *IV Всероссийский конгресс фольклористов : сб. науч. ст. : в 3 т. / ред.-сост. Е. А. Дорохова, Д. В. Морозов*. М.: ГРДНТ имени В. Д. Поленова, 2019. Т. 1. Народная музыкальная культура: история изучения, современные исследования, проблемы, актуализации. С. 207–221.

Власов А. Н. Сказительница Аграфена Крюкова (От Кирши Данилова к модернизму в русской культуре) // *Русская словесность*. 2020. № 4. С. 47–53.

Власов А. Н. Эпическая традиция Зимнего берега Белого моря // *Былины Зимнего берега*. СПб.: Наука; М.: Классика, 2018. С. 9–38. (Свод русского фольклора: Былины в 25 т.; Т. 18).

Крюкова М. С. На Зимнем берегу у моря Белого. Записала летом 1939 года Э. Бородина-Морозова. Архангельск: Архангельское областное издательство, 1940. 140 с.

Морозова (Бородина) Э. Г. Беломорская сказительница Аграфена Крюкова (1855–1921) // *Север: Альманах Архангельского отделения союза советских писателей*. Архангельск: Архангельское издательство, 1946. С. 178–192.

Словотворчество в частушке. Игра словом

Аннотация. Частушка — миниатюра. Отсюда внимание к каждому слову и работа с ним: желание каждое «поддержать в памяти», поиграть им, высвечивая разные его стороны. Экспериментирование вызвано и практической необходимостью: малым количеством слов сказать о многом. Словесное мастерство в жанре обычно отмечалось лишь на уровне отдельных примеров. Но только систематизация, анализ и целостное рассмотрение углубляют понимание художественной природы жанра. В статье на материале пяти крупных собраний частушки (около 15000 текстов) выявлены и рассмотрены следующие аспекты частушечного словотворчества: 1) игра звуковой стороной слов; 2) игра многозначностью; 3) игра сочетаемостью слов во фразе; 4) придумывание новых слов.

Ключевые слова: частушка, миниатюра, словесное мастерство, словотворчество

Частушка — миниатюра, она немногословна. В четырехстрочной основной жанровой форме всего чуть больше десятка значимых слов и несколько служебных. В такой ситуации ни одно не ускользнет из речи, каждое весомо. Возможно, отсюда у талантливых создателей частушек желание каждое «поддержать в памяти», понаслаждаться, поиграть им, высвечивая разные его стороны, ставя его в ряд с похожими, сталкивая их, помещая слово «не в его строку», не в его стилистический ряд. Сходно желание придумать новое слово: из существующих в языке морфем составить что-то необычное.

Экспериментирование словом при создании частушек бывает вызвано не только поэтической забавой и не сводится к каламбурам, оно продиктовано практической необходимостью и имеет серьезные цели: автор частушки должен на малой поэтической площади малым количеством слов сказать о многом, дать законченную историю.

Все, кто писал о поэтике частушки, отмечали словесное мастерство в жанре и игру словом в ней, но обычно лишь на уровне отдельных примеров¹, без их систематизации и анализа. Между тем целостное рассмотрение вопроса углубляет понимание художественной природы частушки как жанра-миниатюры и выявляет способы концентрации поэтического содержания в миниатюре.

Игра словом, так любимая частушкой, по нашим наблюдениям², сводится к нескольким видам: 1) игра звуковой стороной слов; 2) игра значением

¹ Исключением можно считать статью: Горелов А. А. Русская частушка в записях советского времени // Частушка в записях советского времени / изд. подгот З. И. Власова и А. А. Горелов. М.; Л., 1965. С. 5–27.

² Наблюдения делались на материале пяти крупных собраний частушек, содержащих в общей сложности свыше 15000 текстов: 1) Симаков В. И. Сборник деревенских частушек Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Псковской, Новгородской, Петербургской губерний. С приложением

слова; 3) игра сочетаемостью слов во фразе, местом слова в контексте; 4) придумывание нового слова.

1. Игра звуковой стороной слова. Частушка любит сталкивать слова, похожие по звучанию, но разные по значению. Обыгрываются чаще не полные омонимы — одинаково звучащие, а лишь похожие в звучании — **паронимы**. Это могут быть слова, отличающиеся в звучании одним элементом, например: *Боронила на горы, / Сломала зуб у **бороны**. / Стойте, кони **воронь**!*, / *Поправлю зуб у **бороны*** [Елеонская, № 10911]¹; *По дорожке **узенькой** / Шла я с парнем **Кузенькой**, / Ничего, что **узенька**, / Хороший парень **Кузенька*** [БРФ, № 2708]; *Милая **заветная**, / По косе **заметная**...* [БРФ, № 2758]. Различие может сводиться к твердости и мягкости согласного: *Я отдам платочек **Мише**, / Скажу маме: съели **мыши*** [БРФ, № 2022]; *Моя **мила** белье **мыла**...* [Елеонская, № 1347]; *Обойду я вокруг **саду**, / Нет милого — с другим **сяду*** [Елеонская, № 3942]; *Я платочек **вышью**, / Повешу на **вишню**...* [БРФ, № 2589]; *Не стой, милый у забора, / Не **наваливайся**, / Я давно тебе сказала: / Не **навяливайся*** [Елеонская, № 2808]. Или в одном случае согласный, различающий слова, может быть звонким, в другом — глухим: *Ой, милашечка, **тоска!** / Иссохло сердце как **доска**...* [Симаков, № 760].

Звуки, различающие слова, могут быть не парными, но близкими по звучанию, например оба сонорными: *Сеня, Сеня, **Сенечка**, / Насыпь в платочек **семечка**...* [БРФ, № 1506]; *Сеня, Сеня, **Сенечка**, / Купи полфунта **семечка**...* [Елеонская, № 1658]; *Миленький **мой-ёт**, / Мое сердце **ноёт**, / Потому и **ноёт**, / Что не будет **мой-ёт**!*² / Близость придает стиху особую звучность, но в данном примере повтор сопоставляемых слов в двусишиях, притом с перемешанной местами (*мой-от* — *ноет*; *ноет* — *мой-от*), акцентирует их и высвечивает семантически. Выделению способствует и сходная позиция сопоставляемых слов в предложении. Заметим, что пример отражает типичную ситуацию, как правило, обыгрываемые слова выделяются синтаксически: ставятся в препозицию в строке или в постпозицию, тогда они рифмуются. Та же модель обыгрывания паронимов в частушках: *Ох, **стар**, ты мой **стар**, / Ты по пояс в воду **стал**...* [БРФ, № 4726]; *В поле лен, в поле лен. / Кто его **засеивал**? / Распроклятая любовь — / Кто ее **затеивал**?* [Тимин, № 42]; *Моя белая **ко-***

ем нот и подробного библиографического указателя литературы. Ярославль, 1913. (Далее — Симаков); 2) Сборник великорусских частушек / под ред. Е. Н. Елеонской. М., 1914. (Далее — Елеонская); 3), Частушки 1920–1930-х годов. Собрание И. И. Тимина : в 2 т. / сост., вступ. ст., коммент. и указатели К. Е. Кореповой. Н. Новгород, 2025. (Далее — Тимин); 4) Вологодские частушки, пословицы, поговорки / сост.-ред. С. В. Викулов. Вологда, 1957. (Далее — Викулов); 5) Частушки / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. М., 1990. (Библиотека русского фольклора. Т. 9). (Далее — БРФ).

¹ См. также: Елеонская, № 3121 (на **меху** — для **смеху**), № 1529 (*Две гармошки, один **бубен**, / Пришел праздник хуже **буден***), № 3124 (*годы **бедные** — огороды **медные***), № 3134 (***милку** — **вилку***), № 2328 (***круты горы** — **плуты-воры***) и др.; Викулов, № 582 (***сита** — **сыта***), № 710 (кокарду **медную** — головку **бедную**), № 719 (*не дом — **шалаш** — закалялся: **шабаш***).

² Зеленин Д. К. Сборник частушек Новгородской области (По материалам из бумаг В. А. Воскресенского) // Этнографическое обозрение. 1905. № 2–3. С. 197. № 252.

сынка / На головку дуется, / Моя русая **косёнка** / В девушках красуется [Тимин, № 2837]; *Тише, тише, тишина*, / Я сегодня **Мишина** [Симаков, № 68]; *Вы товарищи-друзья, / Убейте милку из ружья, / Из ружья **казенного**: / Не люби **каженного*** [Елеонская, № 2890]. В последнем примере есть еще в меньшей мере сходные по звучанию *друзья — ружья*.

Иногда слова, находящиеся в звуковом параллелизме, различаются по двум параметрам, например: *Я косила **осенью**, / Любовалась **озимью**...* [Елеонская, № 206]); *Стояла я на **озими**, прощалась до **осени*** [Елеонская, № 1840]; в стихах соотносятся звонкий и глухой (с — з) и сонорные (н — м). Еще пример сопоставления слов по двум позициям (к — м, р — л), но без последовательного сонорного сходства: *Полюбила **кучера**, / Сама себя **мучила**...* [Елеонская, № 3851].

Могут сближаться два слова, звуковое различие которых заключается в том, что у одного есть в начале дополнительно еще один звук или слог, т. е. совпадает с другой частью его: *Погляжу я в тот конец — / Гонит **Яшенька** овец. / «Яша, Яша, **Яшенька**, / Котора твоя **бяшенька**?»* [БРФ, № 2786] и *Вьется **сокол** над **осокой*** [Елеонская, № 5520], где в созвучных словах добавляется еще различие в конечных звуках (л — j= й).

Для звукового эффекта в частушках кроме конечной рифмы часто используются повторы созвучий внутри строки (внутренние рифмы), например: *Прощай, **ледок**, на весь **годов** — / По реченьке похоже: / Через **ледок** разков **пят**ок / Уягодки провожено* [БРФ, № 411]. Созвучные слова, паронимы, иногда выделяются в структуре текста в виде рефрена-выкрика, и таким образом они акцентируются. Таковы вологодские частушки, опубликованные поэтом Викуловым:

На осиновой вершине
Соловей гнезда не вей —
В холод.
Меня милка променяла
На двенадцать кренделей —
В голод [Викулов 1957, № 569];

Я у батьки не работал,
Сенокосу не косил —
Жарко.
Попросил на сороковку, —
Батька губы искосил —
Жалко [Там же, № 571]¹.

Игра звуковой стороной слова в частушке имеет разные цели и приводит к разным результатам. Она может придавать звучность стиху, усиливать его выразительность и тем доставлять эстетическое удовольствие. Например, как в частушках: *Девки, пойте-ко тѐ, / Припевайте-ко тѐ, / На чугунке мы уедем, / Забывайте-ко тѐ* [Елеонская, № 3128]. Но звуковая сторона стиха теснейшим образом связана с семантикой текста и может высвечивать какую-либо сторону содержания или вносить в него нечто новое. Например, в приведенном выше примере четырежды повторенные близкие звуковые *мой-от, ноёт* становятся отчасти похожи на нытье — издание тягучих жалобных звуков, т. е. создается еще и звукопись. Сходный эффект дают повторы *Яшенька, Яша, Яша*, с завершающим *бяшенька*, они отчасти напомина-

¹ Еще в одном тексте: *С дымом — С дрыном!* [Викулов, № 570].

ют побудительное междометие — призывную кличку овец. *Не наваливайся*, созвучное с ключевым *не навяливайся*, усиливает его, делает повелительную интонацию более значимой. Созвучие *Сенечка* — *семечка* придает фразе шутливый оттенок (ср.: *Сенечка, купи полфунта хлеба, пряников* — эффект шутки исчезает). К звуковому обыгрыванию имен частушка прибегает часто, и этот материал заслуживает особого рассмотрения. Иногда имя рифмуется с лексемой, позволяющей придать фразе шутливый характер: *Яшу опояшу* [Тимин, № 523]; с *Шурочкой* — *дурочкой* [Там же, № 371]; *Лиза* — *каприза* [Там же, № 3306] и т. д.

2. Игра многозначностью слова. В семантической игре в частушках используется многозначность слова, и в первую очередь его прямое и переносное значения. Создатели частушек употребляют их рядом в одном тексте, высечивая и обыгрывая каждое, создавая этим художественный эффект.

Такова игра словом в частушке: *Ух, тюх, тюх, тюх! / Раскалился мой утюг! / Я его — утюгом, / Он меня — матюгом* [Тимин, № 1433]. Ничто не мешает принять события, изложенные в первом двусишии, в прямом значении, более того, едва ли как-то иначе они могут быть поняты. Даже междометие *Ух, тюх, тюх!* в контексте воспринимается как имитация звуков, издаваемых раскаленным утюгом, когда на него, чтобы несколько остудить, брызгают холодной водой (имеется в виду, конечно, судя по времени записи, утюг с углями). И только первая строка второго двусишия настораживает (*я его* — т. е. утюг — *утюгом?*), а разъясняет все, переводя слова в переносное значение, последняя строка (*он* — утюг? — *меня матюгом*). Тогда становится понятно, что в первом двусишии раскалившийся утюг — это рассердившийся возлюбленный, и многозначный глагол *раскалиться*, обозначающий действия «утюга», тоже употреблен в переносном значении: «приходить в состояние сильного возбуждения»¹. А междометие по природе своей является многозначным и может называть эмоции рассерженного человека.

Создатель данной частушки мастерски использовал прием «обманутого ожидания» в игре значениями, но, хотя разгадывание значений в ней усложнено, композиция самой игры проста: в первом двусишии — все слова в переносном, во втором — в прямом значении².

Такова же композиция игры в следующей частушке: *В нашем лесу пенья нету: / Нечем **высушить** оvin. / Семерым меня не **высушить**, / как **высушил** один* [Тимин, № 1942]. В первом двусишии, являющемся здесь частью логического параллелизма, в отличие от предыдущей частушки, дается реальная картина и все слова в прямом значении (*высушить* — совершенный вид от *сушить*: «делать сухим, удаляя воду, влагу»), а во втором разговорная форма того же глагола в значении переносном: «разг. подрывать здоровье, доводя

¹ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. (Далее — Ефремова.) URL: <https://www.efremova.info/word/raskaljatsja.html> (дата обращения: 19.01.2025).

² Частушка плясовая, при живом исполнении к словесному воплощению содержания, вероятно, добавляются интонация и жест.

до истощения, *перен.* мучить, терзать»¹. Одно значение вдруг, незаметно «переливается» в другое.

Концепт «любовные муки» в частушках, поэзии молодежи, популярный, лексема *сохнуть* частотна, и значения ее — прямое и переносное — обыгрываются по-разному. В частушке-пожелании, или даже заклинании — *Милый, сохни, Милый, сохни / Милый, сохни, как и я, / Милый **высохни в соломину**, / Вспоманешь и меня* [Елеонская, № 3272] — в отличие от предыдущей, глагол *сохнуть*, ключевой в высказывании, употреблен сначала в переносном значении, а во втором вдруг всплывает в прямом, причем с дополнением (*высохни в соломину*), что создает яркий зрительный образ. Иногда при сопоставлении значений одно из них может реализоваться в соответствующих ему действиях и не быть названным, а лишь подразумеваться: *Все я горы прокопаю, / Всю я воду выпущу. / Все равно того добьюся: / Тебя, милый, высушу* [БРФ, № 254]. Первое двустигийное здесь подразумевает как итог опущенный глагол *высушу*, данное действие в прямом и переносном значении лежит в основе параллелизма. Пропуск (эллипс) сокращает словесную площадь, что важно для жанра миниатюры.

Словесная игра значениями может быть осложнена тем, что одинаковые предметы или подобные лица характеризуются одновременно качеством в разных его значениях, например: *Все цветочки расцвели, / Алые по лету; / Все дешёвые пришли, / Дорогого нету* [Елеонская, № 1142]. *Дорогой* — распространенный в бытовой речи субстантиват, в частушке являющийся наименованием возлюбленного. В тексте *дорогой* в значении *возлюбленный* противопоставлен ухажерам, не являющимися таковыми, но в качестве антонима выбрана лексема из другого семантического ряда: *дешевые*, т. е. малостоящие, и таким образом у лексемы *дорогой* всплывает еще значение — «стоящий больших денег»². Сознательный логический сбой в противопоставлении придает тексту частушки шутливый оттенок, игра словом помогает его создать.

При игре многозначностью в слове стирается грань между его значениями, они «переливаются» из одного в другое, слово как бы «мерцает», предстает то в одном, то в другом значении, иногда опускается, и только контекст подсказывает его, но и в этом может быть игра: контекст в ряде случаев сознательно «обманывает», как было в рассмотренной частушке с образом утюга (*раскипелся утюг* — о человеке). В частушке, восхитившей поэта С. Г. Викулова, глаголы употреблены только в переносном значении: *Я не знаю, как сказать, / Чтоб судьбу с твоей **связать**: / Чтобы **путать** — не распутать, / Чтобы **рвать** — не разорвать* [Викулов, с. 16]. В то же время невольно по ассоциации возникает слово *нить*, с ними связанное, а в результате — и реальная картина, усиливающая переносное выражение. Еще один пример игры: *Ходи, изба, / Ходи, сени! / Мой-то миленький со всеми. / Что ты треплешься, лоскут?! / Ай не видишь, что я тут?* [Тимин, № 1035]. Во второй строке

¹ Ефремова. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/сушить>. (дата обращения: 19.01.2025).

² Вариант: *Все дешёвые собравши, / Дорогого мово нет. / Его нет, и не виню: / Дорожка дальняя ему* [Елеонская, № 1868].

плясовой припевки глагол не назван, использован прием эллипса, но интонация и контекст (...со всеми) подсказывают его человеку, владеющему русским языком. Глагол появляется в следующей строке — *треплешься*. Просторечное вульгарное значение его ‘быть в <...> интимных отношениях’¹, здесь в ослабленной форме ‘флиртовать’. Но сразу появляется и прямое его значение, которое прочитывается благодаря лексеме *лоскут* — наименованию, данному героиней своему возлюбленному. Лексема *лоскут* сочетается с глаголом в его прямом значении «разг. *трепаться* — быть в движении, колыхаться, трепыхаться»². Так могут сказать о лоскуте ткани, например, прикрепленном на улице (при ветре) к веревке.

Выразительна игра словом, когда оно несколько раз предстает в одном тексте как часть речи в разных ее функциях, например в частушке³: Ах, **что, что, что?** / *Говорят про что?* / *Будто ты меня не любишь* / *И гуляшь ни за что?* [Тимин, № 2011]. Частушка передает интонацию эмоциональной речи в живом разговоре и звучит как язвительная издевка. В ней *что* сначала местоимение вопросительное, трижды повторенное, затем оно — местоимение относительное, в речи акцентированное, употребленное и в вопросе, но заменяющее предмет разговора (говорят про *что*), и наконец, когда предмет разговора называется, лексема *что* включается в наречное образование со значением ‘совершенно напрасно, зря’⁴. Игра словом вместе с начинающим фразу местоимением и повторами усиливает эмоцию издевки. Похожая модель наблюдается в частушке, где обыгрывается формант *та*, выступающий и как указательное местоимение, и как слог в указательном местоимении *эта*, и как так же звучащая в безударном положении частица *то*: Хороша милашка **та**, / Хороша и *эта*, / **Эта-та**, вот **эта-та**, / Не хуже **этой** и **та** [БРФ, № 1528]. В частушке **Надо**, берег не подмыло, / **Надо** в речку не упасть... / На меня милой сердитый, / **Надо** встречу не попасть [БРФ, № 2996] слово *надо* является сначала разговорным междометием, передающим возглас удивления, изумления⁵, затем категорией состояния с модальным значением.

Создатели частушек — мастера слова, умеющие использовать широкие возможности родного языка.

3. Игра местом слова в контексте. В частушке преобладает стиль бытовой разговорной речи, характерный для деревенской молодежи времени записи текстов. Основной фонд существующих текстов — это частушки, возникшие в конце XIX — первой трети XX в., в переходную эпоху, когда в силу бурных общественных событий и технического развития страны активно появлялась и становилась широко употребляемой новая лексика. Частушка как жанр, развивающийся в это время, отразила данное явление в языке. Новые

¹ Толковый словарь русского языка : в 4 т. М., 1940. Т. 4. Стб. 787. (знач. 5 перен.)

² Там же. (знач. 1).

³ См., например: [Елеонская, № 3122].

⁴ Ефремова. URL: https://gufo.me/dict/efremova/ни_за_что. (дата обращения: 19.01.2025).

⁵ Ефремова. URL: https://www.efremova.info/word/nado_zhe.html. (дата обращения: 19.01.2025).

слова в деревню проникали позднее, чем в городскую среду, и дольше там осознавались как новые. Создатели частушек охотно включают их в традиционные тексты, но не смешивая, а обыгрывая в художественных целях, особенно активно — для создания комического эффекта.

Фольклористы, исследующие поэтику частушки, обращали на это внимание. Так, Н. П. Колпакова писала о «перенесении слова из другого семантического ряда с целью подчеркнуть нелепость создаваемого образа (*девчонка-невеличка **штукатурила** свое личко*)¹. Выразительные примеры включения в частушечную речь «газетно-канцелярской и общественно-политической» лексики привел А. А. Горелов: *в плане не наметила, голосу лишается, выберет комиссия, я не агитирую, по-стахановски гулять, борьба за качество и др.*² того же рода: *Ты товарищ, ты товарищ, <...> Про тебя и про меня читали публикацию* [Елеонская, № 1551]. Добавим еще несколько примеров. В начале XX в. в частушках замелькало слово *забастовка* в составе устойчивого выражения *делать забастовку*, так стали называть — чтобы придать шутливый характер — любой протест, в т. ч. выражаемый милому, сопернице, родителям: *На гулянье милки нет, / **Забастовку сделаю**...* [Тимин, № 2134]; *Кто с миленьком рядом сядет — / **Забастовку сделаю*** [Там же, № 2133]; *Делай, Ванька, **забастовку**, / Бей у матери горшки: / Не варила бы картошку, / А пекла бы пирожки* [Там же, № 4932]. С развитием колхозного движения и обучения кадров в частушках стали обыгрываться слова *бригада* и *бригадир*, *председатель*, *трудодень*, *курсы* и т. п.: *Перебеечек четыре, / Пятая является. / У него у трепача / **Бригада** собирается* [Викулов, № 452]; *Песни петь не научилась: / На **курсах** не была...* [Там же, № 268] и т. п. Еще из канцелярского стиля: *Я на папеньку, на маменьку / **Составлю протокол**: / Придешь рано, придешь поздно: / Все ложись на голый пол* [Тимин, № 923]; *Давай, милый, рассчитаемся, / **Расчетный лист** возьмем...* [Симаков, № 927]. Того же порядка применение к любовной игре выражения из криминальной сферы: *Милый мой — **карманный вор**: / Девушку обидел: / Кольцо снял, платочек взял, / Весь народец видел* [Тимин, № 679]. Реже встречается использование разностилевых синонимов — *глазки* — *очи*, *завлекли* — *заразили*: *Завлекательные **глазки** / Завлекли до самой Пасхи, / Заразительные **очи** / Заразили с темной ночи!* [Тимин, № 427]. В последнем примере обыгрывается еще и образование однокоренных пар прилагательное — глагол (*заразительные заразили, завлекательные завлекли*). Еще один пример использования лексики, для речи крестьянской молодежи не характерной: *Миленький, прости, прости / Мои неаккуратности, — / На моем сердечке есть / Большие неприятности* [БРФ, № 3010]. Использование необычных для стиля слов придает фразе шутливость. *Кабы знала совершенно, / Что Вы любите меня, / Я сказала б откровенно: / Дорогой, люблю тебя* [БРФ, № 3111] — в данном примере к выбивающимся из стиля словам *совершенно, откровенно* добавляется обращение на *Вы*.

¹ Колпакова Н. П. Типы народных частушек // Русский фольклор. Материалы и исследования. М.; Л., 1966. Т. 10. Специфика фольклорных жанров. С. 269.

² Горелов А. А. Указ. соч. С. 149.

4. Словотворчество. Словотворчество — раздел в области частушечной речи, привлекавший наибольшее внимание поэтов¹, фольклористов, лингвистов. Обычно авторы ограничивались лишь приведением образцов творчества и их высокой оценкой. Впервые Н. П. Колпакова в общем потоке словотворчества увидела два типа образований — преобразование существующих форм и новотворчество. Она писала: «В частушке можно встретить много слов, не существующих в словарях и в обычной разговорной речи, созданных иногда в параллель к имеющимся грамматическим формам, а иногда являющихся совершенно вольной лексической импровизацией». И, давая оценку, отметила: «они обладают несомненной объемностью и силой воздействия»². Положение она не раскрыла, но, как можно судить по примерам, вероятно, под «вольной лексической импровизацией» понимала «словесную звукопись» плясовых частушек в зачинах, созданную междометными образованиями, типа: *Их-их-их-их, ко мне сватался жених..., Ай чук-чук-чук, наловил дед щук...* и т. п.³

В последние годы отдельные виды новообразований исследовались в работах лингвистов: И. А. Подюковым на материале прикамской частушечной традиции рассмотрены основные способы образования «частушечных окказионализмов» и выделены лексико-семантические группы их в жанре⁴. Мы добавим только примеров и укажем на семантические принципы, лежащие в основе новообразований.

Уже отмечалось, что в частушках распространено наименование персонажа по глаголу, отражающему его действия и, наоборот, обозначение действия персонажа по его наименованию, при этом иногда затруднительно определить, что из них первично⁵: *Ах, засуха, ты засуха, / Засушила ты меня* [Елеонская, № 4523]; *Ты, забава, ты, забава, / Ты зачем забавила?* [БРФ, № 3236]; *Довольно поматанилась / Я с тобой, матанечка* [Тимин, № 2506]; *Сербиянка, сербиянка, / Все бы сербиянила...*⁶. Глагол подчеркивает признак, по которому давалось наименование персонажу (*засноба заснобила, засуха засушила*). В том же случае, когда наименование выражено метафорой или внутреним формой его не прочитывается (*дроля, матаня*), глагол предполагает действия лица, характерные для него по его статусу в частушке. Добавим ко всему, уже сказанному исследователями, что персонаж наделяется в частушке действиями, характеризующими его функцию в сюжете. При всей индивидуализации, свойственной частушке, она остается фольклором, и персонаж

¹ См., например: [Викулов, с. 19].

² Колпакова Н. П. Указ соч. С. 269. См. также: Горелов А. А. Указ соч. С. 14–15.

³ Колпакова Н. П. Указ соч. С. 276.

⁴ Подюков И. А. Словотворчество в прикамском частушечном фольклоре: механизмы и функции // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15. Вып. 1. С. 37–45.

⁵ См. об этом: Климкова Л. А. Нижегородские частушки: сильные текстовые позиции // Приволжский научный вестник. 2013. № 8 (24). Т. 2. С. 32.

⁶ Там же.

ее прежде всего тип, а потом уже личность. Так, в частушке молодой мужчина — это возлюбленный и потенциальный жених, девушка — возможная невеста, которую надо завлечь, свои родители показываются как обеспечивающие или препятствующие гульбе-«жениханью»: *поители, кормители, но и сушиатели, губители, зарезники: Вы родители-губители, / Зарезники мои: / Меня без ножика зарезали, / С любым поразвели* [Симаков, № 1380]); взрослые (*бабы, тетки*) — социально-возрастная группа, противостоящая молодежи, и они *суды, пересудушки, сплѣхи* (сплетницы). Отметим еще, что однокоренные синонимические образования в частушке продолжают традицию устной поэзии, идущую еще от былины (ср. *пированье почесный пир, стон стонется, вой воется, молодым я молодешенька*¹).

Итак, мы рассмотрели лишь некоторые аспекты частушечного словотворчества, словесного мастерства в жанре. Тема заслуживает дальнейшей разработки, особенно вопросы следования традициям и новаторства, диктуемые спецификой частушки как жанра лирической миниатюры.

Список источников

Вологодские частушки, пословицы, поговорки / сост.-ред. С. В. Викулов. Вологда: Обл. книжная ред., 1957. 206 с.

Горелов А. А. Русская частушка в записях советского времени // Частушка в записях советского времени / подгот З. И. Власова и А. А. Горелов. М.; Л.: Наука, 1965. С. 5–27.

Евгеньева А. П. Язык русской устной поэзии (синонимия) // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. VII. С. 168–212.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. язык, 2000. 1210 с. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 19.01.2025).

Зеленин Д. К. Сборник частушек Новгородской области (По материалам из бумаг В. А. Воскресенского) // Этнографическое обозрение. 1905. № 2–3. С. 164–320.

Климкова Л. А. Нижегородские частушки: сильные текстовые позиции // Приволжский научный вестник. 2013. № 8 (24). Т. 2. С. 28–36.

Колпакова Н. П. Типы народных частушек // Русский фольклор. Материалы и исследования. М.; Л.: Наука, 1966. Т. 10. Специфика фольклорных жанров. С. 266–288.

Подюков И. А. Словотворчество в прикамском частушечном фольклоре: механизмы и функции // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15. Вып. 1. С. 37–45.

Сборник великорусских частушек / под ред. Е. Н. Елеонской. М.: Изд-е Комиссии по народной словесности при Этнографическом отд. ИОЛЕАиЭ, 1914. 539 с.

Симаков В. И. Сборник деревенских частушек Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Псковской,

¹ Евгеньева А. П. Язык русской устной поэзии (синонимия) // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. VII. С. 193–194.

Новгородской, Петербургской губерний. С приложением нот и подробного библиографического указателя литературы. Ярославль: Тип. К. Ф. Некрасова, 1913. XIV, [4] с., 656 стб., 657–670, [1] с., 1 л. нот.; 22.

Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. Т. 4. 1502 стб.

Частушки / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. М.: Советская Россия, 1990. 655 с. (Библиотека русского фольклора. Т. 9).

Частушки 1920–1930-х годов. Собрание И. И. Тимина : в 2 т. Т. 1: Девичьи частушки / сост., вступ. ст., коммент. и указатели К. Е. Кореповой. Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2025. 605 с.; Т. 2: Мужские и прочие частушки. Другие материалы / сост., вступ. ст., коммент. и указатели К. Е. Кореповой. Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2025. 447 с.

Н. С. Коровина (Сыктывкар)

Саморефлексия в творчестве коми сказочников¹

Аннотация. В статье рассматривается роль рефлексии в коми сказочной традиции. На примере нескольких исполнителей продемонстрировано, как на владение сказочными текстами и их сохранность влияют эмоциональное состояние, воспоминания о близких людях, о прошлом семьи, а также осознанное стремление сказочников сконструировать «нормативную» историю места или «память места», используя в качестве источников исторические факты, известные предания, приметы, детали биографии. Их включение в структуру сказки следует рассматривать как приемы механизма саморефлексии традиции, в основе которых лежит осознанный интерес сказочников к историческим корням своего села, рода, или процессу самоидентификации.

Ключевые слова: репертуар, сказочники, коми сказочная традиция, саморефлексия, индивидуальное мастерство

Эта статья написана специально для сборника, посвященного памяти Андрея Николаевича Власова, известного археографа и фольклориста. Ученый сыграл важную роль в научной деятельности автора статьи, согласившись в 2004 г. стать научным руководителем его диссертационной работы, а в 2013 г. — ответственным редактором монографии. Проблема, рассмотренная в данной статье, связана с саморефлексией в народной культуре, которой А. Н. Власов в последние годы посвятил ряд своих научных исследований².

¹ Работа выполнена в рамках плановой темы НИР «Поэтика фольклора народов Европейского Севера России в синхронии и диахронии» (рег. № 12105140044-2).

² Власов А. Н.: 1) Саморефлексия в традиционной культуре как объект комплексного исследования // От конгресса к конгрессу : материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов : сб. докл. М., 2011. Т. 3. С. 8–26; 2) Сочинения краеведов в процессе «саморефлексии» традиции (на материале Малой Пинежки и Выи) // Человек в среде обитания: пространство природы, пространство социума : сб. тр. к 90-летию

Саморефлексия как феномен человеческого сознания давно привлекает внимание ученых различных областей знания, включая философию, психологию, культурологию и филологию. Наблюдаются попытки применять общепсихологические подходы к комплексному изучению народной культуры. В этом контексте системообразующим понятием становится саморефлексия носителей традиционной народной культуры. В современной научной литературе оно сопрягается с такими понятиями, как «этническая самоидентификация», «национальное самосознание», «национальная память», «национальная традиция», «историческая память», «личность и национальная культура» и т. п.

Цель данной статьи — представить результаты анализа саморефлексии в коми народных сказках, поскольку именно этот жанр благодаря своей универсальности и многогранности приобретает в настоящее время новые формы и функции, предоставляя богатый материал для изучения рефлексивных механизмов. Так, исследования последних лет свидетельствуют о том, что появились исполнители, для которых сказочный текст стал средством поддержания памяти о прошлом семьи, о роли традиции в жизни человека и общества, а в некоторых случаях и своеобразной связи с родиной¹.

Большой интерес в связи с поставленной проблемой представляет творческое наследие известной коми сказительницы Анастасии Арсентьевны Шуктомовой (1891–1975) из д. Ипатово Сыктывдинского р-на Республики Коми, рукописные записи от которой хранятся в Музее истории просвещения Коми края Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина в личном фонде профессора А. К. Микушева². Анализ произведений талантливой сказочницы показывает, что у нее обширный, представленный различными жанрами сказочный репертуар. В ходе работы выявлены тексты 41 сказки, из них 15 волшебных, 10 бытовых, 16 сказок о животных.

Своими первыми знаниями сказок известная коми сказительница была обязана дедушке по отцу Ивану Тимофеевичу (по прозвищу Тима Вань). А. А. Шуктомова вспоминала, что в далеком детстве она вместе со своими братьями и сестрами длинными осенними и зимними вечерами слушала сказки 90-летнего дедушки: *Менам вöлі Тима Вань дед, батьлөн батьыс. И сія вöлі миянös пидзös вылас пуксьöдас, тош улас ми ныртö сюям, и сія мойдö вöлі. А ми сэсся унмовсям. Сія миян зэв бур окотник вöвлöма, 47 ош вилöма. Мукöд дядьöыс нэмнас сы мында ыжсö оз начкыв³* (У меня был дед Иван Тимофеевич, отец моего отца. И на колени он нас посадит, мы уткнемся носами в его бороду, и он сказки рассказывает было. А мы потом засыпаем. Он у нас хорошим

Таисии Яковлевны Гринфельд-Зингурс. Сыктывкар, 2017. Т. 3. (Серия «Слово и текст в контексте культуры». Вып. 1). С. 17–29.

¹ См.: Добровольская В. Е.: 1) «Случайные сказочники»: роль рефлексии в сохранении сказочной традиции // Человек и событие в исторической памяти : сб. статей. Сыктывкар, 2017. С. 232–245; 2) Мужская сказочная традиция в России: сказочный канон и индивидуальное начало (XIX–XXI вв.) // Традиционная культура. 2018. № 5. С. 175–187.

² Далее — МИПКК (ЛФМ). Том (далее Т.) 1–8.

³ МИПКК (ЛФМ). Т. 1. Л. 84.

охотником был, 47 медведей убил. Некоторые мужики за всю жизнь столько овец не резали)¹.

Некое семейное единение, возникавшее во время вечерних рассказов, мастерство сказочника, присущее ее деду, и, конечно, любовь к нему — все это способствовало тому, что Анастасия Арсентьевна сохранила в памяти его сказки.

Ее воспоминания о том, кто и какие сказки рассказывал, позволяют выявить не только репертуар сказочников, популярные сюжеты, но и контекст их бытования. Так, по воспоминаниям А. А. Шуктомовой, знатоком сказки была и ее родная тетя: *Мамӧлӧн чой, ыджыджык мамӧысь, Елизавета нима, мойдысь жӧ, мойдысь. Сылӧн челядьыс уна вӧлі, ӧтилаын пыр накӧд бергӧдчам, ворсам да. Мужикъясыд вӧрынӧсь. Сэсся пуксяс да миянлы мойдны заводитас, печкӧ сэсся. Куим сартас соччиг кості унмовсьыштлас, сэсся обязательнӧ чуксалас, ся мойдас, кытчӧдз ми ог дӧзмӧй*² (Мамина сестра, старше моей матери, Елизаветой звали, сказки рассказывала тоже. У нее детей много было, мы все время у них обитали, играли там. Мужчины в лесу охотились. Она садится и начнет нам сказки рассказывать, сама прядет. Затем засыпает и спит до тех пор, пока три лучины не сгорят, потом обязательно проснется, разбудит нас, начнет снова рассказывать сказки, и до тех пор рассказывает, пока нам не надоест ее слушать).

Как видно из примеров, воспоминания А. А. Шуктомовой являются репрезентативным материалом для изучения саморефлексии. Однако вплоть до настоящего времени они практически не становились объектом в фольклористических исследованиях.

В сказках отражаются и некоторые детали биографии самой коми сказочницы. Ей, родившейся в деревне и прожившей практически всю свою жизнь в сельской местности, были хорошо известны различные стороны крестьянского уклада, поэтому вполне естественно, что в своих произведениях она подробно останавливается на изображении деревенского быта. Это может быть совсем не сказочное описание беспросветной бедности крестьянской семьи: *Старик гозъялӧн вӧлі кык пон да курӧгъяс. Гӧльӧсь вӧліны. Пывсян вевтсӧ нин ломтӧмаӧсь, тӧӧссӧ. Толькӧ нин йиркыс муа на*³ (У стариков были две собаки и курицы. Бедные были. Крышу бани уже стопили, весь тӑс, тесину. Только потолок и земля на ней остались). Сказочница насыщает традиционные сюжеты волшебной сказки чрезвычайно актуальными для начала XX в. картинами бедственного положения деревни: *Керкаыс зэв лӧк. А мамыслӧн тӧжӧ ни вежантор, ни паськӧмтор — нинӧм из вӧв. Ӑтик гӧрд сарапан вӧлі новлантор: вӧччан и, рабочӧй и. Иванӧс сыдзжӧ лӧкиника, омӧлика пасьтӧдыштліс. Кӧм ни паськӧм, лӧкиник кутшӧмкӧ дӧра дӧрӧмтор вӧлі, гашкӧ, кулӧмалысь кодкӧ сетісны*⁴ (Дом совсем негодный. А у матери ни смен-

¹ Здесь и далее, если не указано иное, перевод с коми языка сделан автором статьи.

² МИПКК (ЛФМ). Т. 2. Л. 277.

³ Там же. Т. 3. Л. 457.

⁴ Там же. Л. 288.

ной одежды, ни нарядов — ничего не было. Один красный сарафан был из носильных вещей: и на выход, и на работу. Ивана также плохо, неважно одевала. Ни обуви, ни одежды, плохонькая какая-то холщовая рубашка была, по всей видимости, кто-то у умерших отдал).

Возможно, здесь можно видеть отражение личных переживаний исполнительницы. По рассказам, жизнь ее была не из легких: росла в большой семье, была десятым ребенком. Вспоминая о своей молодости в причитаниях, она дает ряд ярких картин, которые раскрывают перед слушателями весь трагизм положения героини в бедной многодетной семье:

*И голь крестьянинлөн ми, коньорьясёй,
Уна чоя-вока вёлім.
Ме, коньорильёй, дасод лов выло чужси.
Лун шондйёйлы матушкайлы и
кормилечёй батюшкойлы
Ме эг нин зэв коланатор вёв.
Эз менё радпырысь примитны.
Көнкё, найё шулісны:
«Тэныд вёд эськё кувны жё колі,
Бара на лоас быдтыны,
кёмодны-пасьтёдны.
И, дерт, эськё мидй, коньорьясылёй,
Уджтёгыд эг овлйёй.
Сизим арсянь меным зыр сетісны,
Му вылын, видз вылын пыр уджодісны»³.*

И у бедного крестьянина нас, бедняг,
Братьев-сестер много было.
Я, бедняжечка, десятой родилась.
Солнцеликой моей матушке и
кормильцу моему батюшке
Я не очень и нужна была.
Не очень радостно приняли меня.
Наверное, они говорили:
«Тебе ведь нужно было бы умереть,
Снова ведь придется растить тебя,
обувать-одевать.
И, конечно, мы, бедняжечки,
Без работы не оставались.
С семи лет мне лопату дали,
На полях, лугах постоянно пришлось
работать.

Для придания своему рассказу большей убедительности А. А. Шуктомова старалась вставить в сказки какие-нибудь «правдоподобные» детали, поэтому в ее текстах нечасто, но встречаются ссылки на исторические факты. Вот какими словами, например, начинает она свою сказку «Старик гозъя» (Чета стариков): *Старик гозъя коркё вёлі олёны важён. А душа земляыд зэв этша вёлі сетсьё, а налөн весиг челядь из вёв*² (Чета стариков когда-то давно жила. А душевого надела³ им очень мало полагалось, а у них даже детей не было).

Ссылки на исторические факты встречаются и у других коми исполнителей. Удорский сказочник И. И. Игушев (1921–1994) заканчивает свою сказку о Федоте-стрелке такими словами: *Крестянаёс <Педот-стрелок> из обидит, сетіс му и видз. А сія <царыд> мутё этша сетёма. Душён вёйтти сетёмаэсь, душ шуёмаэсь. Бабскейлы душ абу, тёлкё мужскей кё выйым <семьяад>. Пи кё выйым — душ пöлучитан, а пи кё абу — душ он пöлучит, душтөг олан. Му кöдзны неkyсь. Бöкысь эжа код да муй да, тёлкё сійён рöбитöмаэсь.*

¹ МИПКК (ЛФМ). Т. 4. Л. 559.

² Там же. Т. 7. Л. 993.

³ Душевой надел в России до 1917 г. — количество земли в условиях наделного землевладения, приходившееся на одну ревизскую душу; после 1861 г. — на одну наличную душу крестьян-мужчин, независимо от возраста (См.: Большая советская энциклопедия. URL: <https://bse.slovaronline.com> (дата обращения: 25.01.2025)).

А тая пондіс нывѣслы, и кӧньлы сетны душ, му, му и видз сетіс. Кутшӧ выйым женской <семьяд>, ставлы сетіс. А сія женскойлы из сет, царыд. Вӧт и Федот-стрелокыд царад и бур лои, став ошкӧны (Крестьян он <Федот-стрелок> не обижал, дал им пашни и луга. А тот <царь> земли мало давал. Душевые раньше давали, душевые назывались. Женскому полу душевые не выделяли, только если мужчина есть <в семье>. Если сын есть — душевые получишь, если сына нет — душевые не получишь, без душевых проживешь. Негде было поле засеять. В сторонке целину да что-то там разделявали, только так работали. А этот стал и дочерям, и всем давать душевые, земли, пашни и луга выделил. Кто есть <в семье> женского пола, всем дал. А тот женщинам не давал ничего, тот царь. Вот и Федот-стрелок хорошим царем стал, все его хвалят)¹.

В конце XIX — начале XX в. в Коми крае получил широкое распространение отхожий промысел. Немало жителей уходило в поисках заработка на заводы Урала, в Пермскую и Вятскую губернии. С характерным для Коми края явлением массового отходничества, особенно в XIX в., тесным образом были связаны и судьбы коми фольклора. Отхожие промыслы стали одним из путей обогащения коми сказочного и песенного репертуара. Русские сказки и песни заняли прочное место в коми фольклоре не без участия отходников. Судя по воспоминаниям А. А. Шуктовой, она и сама вместе со своим мужем ездила за Урал *заводской пес вӧчны* (заготавливать заводские дрова)². В одной из коми песен «Коньӧрӧй да Ванькаӧй» (Горемыка Ванька), записанной А. К. Микушевым в 1959 г. от Анастасии Арсентьевны, есть такие слова: *Конерӧй да Наталей, кытче мунан Ванькакӧд? — Богослов туй талявны да, заводской пес пилитны* (Горемычная Наталья, куда ты с Ванькою идешь? — Протоптать путь к Богослову, на завод дрова пилить)³. И логически оправдано поэтому появление в сказке А. А. Шуктовой эпизода о поездке героя на отхожие промыслы на Богословский завод⁴: *Олісны-вылісны коркӧ гозъя. Богословской заводӧ тӧвнад быдӧн мунӧны, ёна мужикъясыд нажӧвиччины. Но а тӧвнад нинӧм вӧчныд, дай мужикыд шуӧ, кӧзяиныд, гӧтырыслы: “Тэ пӧ скӧттӧ верд, юктав гортын дась запаснас, а ме пӧ ветла Богослов заводӧ пес керавны. Оз пӧ ӧд мешайт нажӧткаыд миянлы”*⁵ (Жили-были когда-то муж с

¹ Сказки народа коми. Репертуар Ивана Ивановича Игушева / сост. Н. С. Коровина. Сыктывкар, 2023. С. 142.

² *Микушев А. К.* Анастасия Шуктова (1881–1975) да Ипатьдор йӧзкостса поэзия йылысь (Анастасия Шуктова (1881–1975) и народная поэзия села Ипатово) // Ипатьдорса фольклор (Фольклор села Ипатово) / сост. А. К. Микушев. Сыктывкар, 1980. С. 4.

³ *Микушев А. К., Чисталев П. И.* Коми народные песни. 2-е изд. Сыктывкар, 1993. Т. 1. Вычегда и Сысола. С. 107–108.

⁴ Богословский завод был построен в 1770 году. В рассматриваемый период времени он располагался в Верхотурском уезде Пермской губернии (теперь это территория городского округа Карпинск Свердловской области) и назывался вначале Турьинским, а затем, после возведения храма в честь Иоанна Богослова, его стали называть Богословским. Завод строился как железоделательный, затем стал крупнейшим медеплавильным заводом Урала (См.: Корнева О. Богословский завод. URL: <http://www.okorneva.ru> (дата обращения: 24. 03. 2025)).

⁵ МИПКК (ЛФМ). Т. 3. Л. 432.

женой. На Богословский завод зимой все ездили, мужики часто на заработки туда ездили. Ну а зимой нечего делать, и мужик говорит, хозяин, своей жене: «Ты скотину корми-пои дома из имеющегося у нас запаса, а я съезжу на Богословский завод на заготовку дров. Не помешает нам дополнительный заработок»).

В описаниях деталей быта, отражающих жизненный уклад коми крестьян, сказочница достигает наибольшей изобразительности и конкретности, включая подчас и в сказки о животных замечательные фрагменты, порожденные реальными жизненными обстоятельствами. Так, в сказке «Руч да мужик» (Лиса и мужик) на сюжет «Лиса крадет рыбу с воза (саней)» (СУС 1) описание подробностей рыбного промысла органично сочетается с приметами, связанными с обрядом водосвятия: *Старик гозъя вёлі олёны. Дерт, юыс эз вёв налён ылын, матын и вёлі, куръя ли мый ли, чериа зэв. Шуёны өд: ва вежөдөм дырйи пö чериыд вөрö. Чери кыйны тöлын колö Крещенньö дырйиджык. А сэтшöм веж мороз вёлі. Старукаыслы старикуыс и шуö:*

– *Старука, ме талун лэччыла ю вылö, чери кыйны ветла.*

– *Ветлы, öнi тай, шуёны, Крещенньö дырйиыд, чериыд самöй сюрö*¹ (Чета стариков было жила. Конечно же, река от них недалеко была, близко и была, очень рыбная речка. Говорят ведь: во время водосвятия рыба начинает шевелиться. Рыбу зимой надо ловить во время Крещенья. А такой трескучий мороз был. Старухе старик и говорит:

– *Старуха, я пойду схожу на речку, рыбу половлю.*

– *Сходи, в это время, говорят, во время Крещенья, как раз рыба и ловится).*

Можно привести и другие примеры, которые связаны с осознанным стремлением коми сказочников использовать в качестве источников известные фольклорные сюжеты, что следует признать проявлением осознанного интереса сказочников к историческим корням своего села. Так, отрывок из сказки «Турьяса солдат» (Солдат из Турьи), записанной Ю. Г. Рочевым в 1981 г. в с. Турья Княжпогостского р-на Республики Коми от коми сказочницы О. С. Шлоповой (1921–2016), представляет собой своеобразную миниатюру из быта и истории местного населения Выми. После длительного отсутствия главный герой сказки Иван возвращается в родные места: *Визад воис, пырис сэтчö Визад, сэнi сылы быдсяматорсö висьтавлісны. Турьяыд пö өд и ыдждыштöма тöкөтьö. Туръя мөдар берегад пö деревня артмöма, Жигановка. А князь Василийтö пö өд вилöмаöсь, ог пö төдö кодъяс, туръясаяс ли, конисаяс ли, ачыд пö Туръяас төдмалан. Онежьеö воис, татчö Ыбөдзыд воис, Ыб гөрасö лэччис, юсö, Емвасö, вуджөдісны. Юсö вуджис, и — рөднöй сторона*² (Дошел он до Княжпогоста, зашел туда, в Княжпогост, там ему много чего рассказали сельчане. Турья, говорят, ведь разрослась немного. На другом берегу Турьи деревня Жигановка появилась. А князя Василия ведь убили, говорят, не знаем кто, либо жители села Турья, либо села Кони, сам приедешь в Турью,

¹ МИПКК (ЛФМ). Т. 4. Л. 458.

² Коми мойдъяс (Коми сказки) / сост. Ю. Г. Рочев. Сыктывкар, 1991. С. 34.

узнаешь¹. Добрался он до Онежья, до Иба уже дошел, с Ибской горы спустился, через реку, через Емву, перевезли его. Через реку переехал, и вот уже — родная сторона).

Особенность еще одной коми сказки «Иван Сарафанов» (СУС 1640), записанной М. И. Ёлтышевой в 1994 г. в г. Нарьян-Маре Ненецкого автономного округа от коми сказочницы П. С. Артеевой (1936 г.р.), состоит в том, что в ней значительно усилен национальный колорит. Так, главный герой представлен в рассматриваемом варианте коми богатырем: *Ме, висьталэ, коми богатырь, коми богатырь, муна, ин видзöдэ, штö ме дзоля, ме öти взмахен, висьталэ, комын куим богатырес верма тотшкыны* (Я, говорит, коми богатырь, коми богатырь, еду, не смотрите, что я маленький, я одним взмахом, говорит, тридцать трех богатырей смогу убить)². Сражаться герою приходится с Гундыром³ — сказочным чудовищем в виде многоголового змея. Ностальгические чувства по малой родине (Ижме), которую сказочница давно покинула, стали в данном сюжете своеобразным показателем саморефлексии традиции.

Итак, на примере творчества нескольких коми исполнителей продемонстрировано, как на владение сказочными текстами и их сохранность влияют эмоциональное состояние, воспоминания о близких людях, о прошлом семьи, а также осознанное стремление сказочников сконструировать «нормативную» историю места или «память места», привлекая исторические факты, известные предания, приметы, детали биографии. Их включение в структуру сказки следует рассматривать как приемы механизма саморефлексии традиции, в основе которых лежит осознанный интерес сказочников к историческим корням своего села, рода, или процесса самоидентификации.

Список источников

Большая советская энциклопедия. URL: <https://bse.slovaronline.com> (дата обращения: 25.01.2025).

¹ В селениях Кони, Весляна и Турья бытовали предания о князе Василии. Историческим прототипом этого образа считается князь Василий Ермолаевич Вымский, который, согласно Вычегодско-Вымской летописи, решил построить на Выми возле Турьи новый укрепленный городок, но был убит взбунтовавшимися местными жителями. Согласно преданию, князь Василий хотел поставить город на Выми и выбрал для этого место Каръяг. Местным жителям (турьинским и конинским) это не понравилось, т. к. они боялись, что будет много людей, мало еды и рыбы. Четыре человека подкараулили князя, напали на него и убили копьями, а тело бросили в ручей. Ручей до сих пор называется «*Васьöс вийöм шор*» (ручей, где убили Василия). См. подробнее: Панюков А. В. Историзм фольклора vs фольклоризм истории: сюжет об убийстве князя Василия Вымского // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2013. Вып. 3 (15). С. 103–109.

² Изсайса комияслöн фольклор (Фольклор зауральских коми) / сост. М. И. Ёлтышева, Н. С. Коровина, А. В. Панюков. Сыктывкар; Салехард, 2017. С. 213.

³ Гундыр — традиционный образ сказочного чудовищного великана о трех, шести, девяти, двенадцати и т. д. головах. В фольклоре коми-зырян и коми-пермяков чаще всего имеет человеческий облик, ездит на коне, живет в доме, во дворце, выполняет хозяйственную работу и т. д. (См.: Уляшев О. И. Гундыр // Мифология коми. Энциклопедия уральских мифологий / науч. ред. В. В. Напольских. М.; Сыктывкар, 1999. С. 136).

Власов А. Н. Саморефлексия в традиционной культуре как объект комплексного исследования // От конгресса к конгрессу : материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов : сб. докл. / сост. В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова, А. С. Каргин. М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 2011. Т. 3. С. 8–26.

Власов А. Н. Сочинения краеведов в процессе «саморефлексии» традиции (на материале Малой Пинежки и Выи) // Человек в среде обитания: пространство природы, пространство социума : сб. тр. к 90-летию Таисии Яковлевны Гринфельд-Зингурс / отв. ред. Т. С. Канева. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. (Слово и текст в контексте культуры. Вып. 1). С. 17–29.

Добровольская В. Е. «Случайные сказочники»: роль рефлексии в сохранении сказочной традиции // Человек и событие в исторической памяти : сб. ст. Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2017. С. 232–245.

Добровольская В. Е. Мужская сказочная традиция в России: сказочный канон и индивидуальное начало (XIX–XXI вв.) // Традиционная культура. 2018. № 5. С. 175–187.

Изсайса комияслён фольклор (Фольклор зауральских коми) / сост. М. И. Ёлтышева, Н. С. Коровина, А. В. Панюков. Сыктывкар; Салехард: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2017. 290 с.

Коми мойдъяс (Коми сказки) / сост. Ю. Г. Рочев. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. 231 с.

Корнева О. Богословский завод. URL: <http://www.okorneva.ru> (дата обращения: 24.03.2025).

Микушев А. К. Анастасия Шуктомова (1881–1975) да Ипатьдор йозкостса поэзия йылысь [Анастасия Шуктомова (1881–1975) и народная поэзия села Ипатово] // Ипатьдорса фольклор [Фольклор села Ипатово] / сост. А. К. Микушев. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. С. 3–10.

Микушев А. К., Чисталев П. И. Коми народные песни. Сыктывкар: Шыпас, 1993. Т. 1: Вычегда и Сысола. 287 с.

Панюков А. В. Историзм фольклора vs фольклоризм истории: сюжет об убийстве князя Василия Вымского // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2013. Вып. 3 (15). С. 103–109.

Сказки народа коми. Репертуар Ивана Ивановича Игушева / сост. Н. С. Коровина. Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2023. 420 с.

Уляшев О. И. Гундыр // Мифология коми. Энциклопедия уральских мифологий / науч. ред. В. В. Напольских. М.; Сыктывкар: ДИК, 1999. С. 136.

М. В. Кужлев (Санкт-Петербург)

Следы северодвинского переписчика Е. И. Меньшикова на Печоре

Аннотация. В статье обобщены основные сведения о деятельности северодвинского переписчика Егора Игнатьевича Меньшикова (1870 — после 28 июля 1931) и анализируются сведения о бытовании рукописей мастера на Печоре. Также в статье обоснована атрибуция Е. И. Меньшикову настенного листа «Трапеза благочестивых и нечестивых» из коллекции А. П. Бахрушина (ГИМ, инв. № 42949,

шифр хранения 9211). Исследован вопрос о судьбе собрания усть-цилемского книжника Петра Григорьевича Чупрова (1860 или 1864/1865–1958), в котором некогда хранился лицевой Апокалипсис письма Е. И. Меньшикова.

Ключевые слова: Егор Игнатьевич Меньшиков, северодвинская рукописная традиция, Усть-Цильма, Древлехранилище Пушкинского Дома, «Трапеза благочестивых и нечестивых»

В Древлехранилище Пушкинского Дома хранятся разнообразные материалы, связанные с жизнью и творческой деятельностью выдающегося северодвинского книжника, иконописца и мастера-прялочника Егора Игнатьевича Меньшикова¹ (1870 — после 28 июля 1931)². Среди них: рукописи, переписка, фотография мастера, свидетельства о нем в письмах и записных книжках современников, собранные экспедициями Пушкинского Дома на Северной Двине, Печоре, Вятке. Этот относительно небольшой по объему корпус источников помогает воссоздать основные стороны деятельности Е. И. Меньшикова — искусного изографа и переписчика.

Как следует из материалов переписки, основным занятием, доставлявшим Е. И. Меньшикову средства к существованию, первоначально была иконопись. Вопросам реализации икон и получения причитавшейся за них платы посвящены дошедшие до нас письма мастера³. В частности, письма свидетельствуют о том, что многолетнее сотрудничество связывало Е. И. Меньшикова и наставника московской филипповской общины Проконпия Фомича Шестакова (во иночестве старца Варсонофия). В. П. Бударагин отмечает, что именно через П. Ф. Шестакова «осуществлялись связи большинства северодвинских мастеров с иногородними заказчиками»⁴.

¹ Мастер употреблял два варианта написания собственной фамилии — «Меньшиков» и «Меньшаков». В научной литературе закрепился вариант написания фамилии «Меньшиков», этого варианта мы и будем придерживаться. Предваряя изложение, автор считает своим долгом принести слова благодарности за неизменную поддержку и содействие в работе Владимиру Павловичу Бударагину и Елене Михайловне Юхименко.

² Сведения о книжнике впервые обобщены В. П. Бударагиным: Бударагин В. П. Северодвинская рукописная традиция и ее представители (По материалам Древлехранилища Пушкинского Дома) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 404. Важнейшим источником биографических сведений о переписчике является справка о реабилитации 1989 г.: «Меньшиков Егор Игнатьевич, 1870, уроженец и житель д. Аввакумовская Верхнетоемского района, крестьянин. Арестован 10.03.31. Тройкой ПП ОГПУ Северного края 28.07.31 за “контрреволюционную агитацию” незаконно выслан на 5 лет в Северный край. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Полностью реабилитирован 04.08.89» (См. электронный ресурс на основе справочника, подготовленного Прокуратурой Архангельской области: Поморский мемориал: Книга памяти жертв политических репрессий Архангельской области // Возвращенные имена. Книга памяти России. URL: <https://visz.nlr.ru/person/book/arch1/14/410> (дата обращения: 10.01.2025)).

³ См.: Древлехранилище ИРЛИ, Красноборское собр., оп. 9 (далее — Красн.), № 302. Л. 2–2 об. См. также: Красн., № 136/36, 282; Древлехранилище ИРЛИ, Северодвинское собр., оп. 31 (далее — СД), № 944.

⁴ Бударагин В. П. Указ. соч. С. 404.

Полууставный почерк Е. И. Меньшикова выявлен благодаря писцовой записи переписчика, читающейся в списке полемического послания Василия Михайловича Ильина к некоему Александру Ивановичу в защиту брака (Древлехранилище ИРЛИ, колл. В. М. Амосова — А. Ф. Богдановой, оп. 39, № 155)¹. Запись позволила В. П. Бударагину атрибутировать переписчику целый ряд рукописей, в разное время полученных в фонд Древлехранилища². В жанрово-тематическом отношении это рукописи богослужебные и полемические. Вершиной книгописного мастерства Е. И. Меньшикова являются переписанные и декорированные им части Трефолая (СД, № 682): 1) служба великомученику Георгию Победоносцу (л. 64–88); и 2) служба Рождеству Иоанна Предтечи (л. 89 об.–118 об.). Службы украшены заставками, которые соединяют в себе элементы орнамента поморской рукописной книги и народного декоративно-прикладного орнамента (Илл. 1, 2). Во время экспедиции в с. Борок на Северной Двине в 1966 г. Н. В. Тарановской был выявлен Ирмологий с подписным инициалом работы Е. И. Меньшикова³. Н. В. Тарановская так передает обстоятельства создания этого инициала: «Именно Егор Игнатьевич украсил первую страницу “Ирмосов” работы Пелагеи Матвеевны Амосовой в 1897 г. Она могла писать только полууставом, а иллюстрировать не умела. Егор Игнатьевич написал пером и кистью заглавную букву Т, изукрасив ее сложным растительным мотивом, и в завитке этого мотива поместил человеческую фигурку с лестовкой в руке и в древнерусском одеянии»⁴. Публикация Н. В. Тарановской, таким образом, содержит сведения о наиболее ранней датированной рукописи, в создании которой принимал участие Е. И. Меньшиков. Дальнейшая судьба рукописи неизвестна. Отметим, что почти все выявленные рукописи писца датируются по бумаге концом XIX — началом XX в.⁵

¹ Бударагин В. П. Указ. соч. С. 403.

² Список рукописей содержится в рабочей картотеке В. П. Бударагина (всего в списке значится семь рукописей). Неопубликованная рукописная картотека В. П. Бударагина включает ценнейшие сведения о представителях северодвинской рукописной традиции XVIII–XX вв. Материалы картотеки, собранные до 1974 г., легли в основу публикации: Бударагин В. П. Указ. соч. Картотека продолжала пополняться исследователем после выхода публикации и в настоящее время существенно дополнена. Автор приносит сердечную благодарность В. П. Бударагину за возможность работать с материалами картотеки.

³ Тарановская Н. В.: 1) Росписи по дереву Нижней Тоймы: Мастера // Народное искусство. Исследования и материалы : сб. ст. СПб., 1995. С. 10; 2) Об изобразительных мотивах в росписи северодвинских прялок // От Средневековья к Новому времени : сб. ст. в честь Ольги Андреевны Белобровой. М., 2006. С. 484. Инициал воспроизведен в изд.: Шелепеева О. Н., Аверина Г. С., Вахабов О. А. Борецкая роспись: Азбука. М., 2021. С. 283.

⁴ Тарановская Н. В. Об изобразительных мотивах в росписи северодвинских прялок. С. 484.

⁵ Основная часть рукописей писца переписана на бумаге с штампом «Фабрики наследников Сумкина № 6» одной разновидности. Штемпель этого типа отмечен в каталоге С. А. Клепикова под № 202, см.: Клепиков С. А. Филиграния и штампы на бумаге русского производства XVII–XX века. М., 1959. С. 109. С. А. Клепикову были известны документы с этим штампом, датированные 1869 и 1909 гг. В рукописном альбоме В. П. Бударагина

Илл. 1. Служба великомученику Георгию. Писец и художник — Е. И. Меньшиков.
XX в. (нач.). Древлехранилище ИРЛИ, Северодвинское собр., № 682. Л. 64.

Как художник Е. И. Меньшиков проявил себя не только в иконописи и украшении книг. В собрании Государственного исторического музея хранится настенный лист «Трапеза благочестивых и нечестивых» (ГИМ, инв. № 42949, шифр хранения 9211), при описании которого Е. И. Иткиной была отмечена запись: «Писал Егор Игнатьевич. Принадлежит Сорокину Ивану»¹. В Каталоге Е. И. Иткиной лист приблизительно датирован второй половиной XIX в. Принадлежал ли он руке северодвинского художника? Да. Текст заглавия писан искусным полууставом руки Е. И. Меньшикова. К настоящему моменту это единственный известный настенный лист мастера. Лист поступил в ГИМ в 1905 г. в составе коллекции крупнейшего московского собирателя А. П. Бахрушина (1853–1904). Нижняя хронологическая граница создания

«Датированные водяные знаки и штемпели Древлехранилища» имеются прориси нескольких вариантов этого штемпеля: № 83–86 — 1879–1898 гг. Автор приносит сердечную благодарность Владимиру Павловичу Бударагину за возможность работать с его рукописным альбомом. К указанным в альбоме В. П. Бударагина рукописям с этим штемпелем необходимо добавить еще одну — колл. В. М. Амосова — А. Ф. Богдановой, № 145 с писцовой записью 1902 г.

¹ В настоящее время в результате реставрационных работ запись на листе вуалирована и не читается. Описание листа и его черно-белая репродукция, сделанная до реставрации, опубликованы в каталоге 1992 г, см.: Иткина Е. И. Русский рисованный лубок конца XVIII — начала XX века: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 1992. С. 244–245. Описание листа с его цветным воспроизведением опубликованы в каталоге 2017 г, см.: Иткина Е. И. Рисованный лубок старообрядцев в собрании Исторического музея. М., 2017. С. 344–347. Автор приносит благодарность Арине Борисовне Бильдюг за указание на сведения о листе в Каталоге Е. И. Иткиной.

Илл. 2. Служба Рождеству Иоанна Предтечи. Писец и художник — Е. И. Меньшиков. XX в. (нач.). Древлехранилище ИРЛИ, Северодвинское собр., № 682. Л. 89 об.–90.

настенного листа определяется датировкой наиболее ранней известной работы мастера — 1897 г. (см. выше), верхняя — временем кончины А. П. Бахрушина (25 июня 1904 г.).

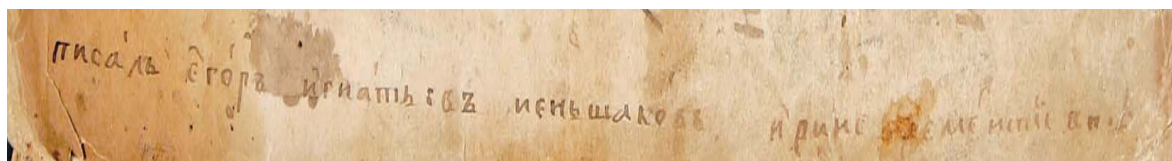
Две рукописи письма Е. И. Меньшикова были обнаружены также в разные годы на Печоре. В 1973 г. экспедицией ЛГУ, работавшей под руководством Н. С. Демковой по заданию Древлехранилища Пушкинского Дома, в с. Усть-Цильма был обнаружен сборник духовных стихов с писцовой записью: «Писал Егор Игнатьев Меньшаков Ирине Дементьевне» (Древлехранилище ИРЛИ, Усть-Цилемское новое собр.), № 359) (Илл. 3, 4)¹. В отчете Н. С. Демковой Е. И. Меньшиков указан как ранее неизвестный усть-цилемский переписчик². В обобщающих работах Т. Ф. Волковой по истории печорской книжно-рукописной традиции писцовая запись Е. И. Меньшикова рассмотрена в контексте корпуса записей на печорских рукописных и старопечатных книгах³. Как

¹ Сборник форматом «в осьмушку» на восьми листах, содержит три духовных стиха: «Горе мне, увы мне, во молодой юности! Сам тоя не знаю, как на свете житии...», «Ох, несчастна моя доля мне досталась страдать...» и «Умоляла мать родная свое милое дитя...».

² См.: Демкова Н. С. Отчет об археографической экспедиции на Печору // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 359.

³ См.: Волкова Т. Ф.: 1) Переписчики старинных рукописей на Нижней Печоре // Книга и литература в контексте культурного пространства эпох (XI–XX века). Новосибирск, 2011. С. 1033, 1045; 2) Записи печорских крестьян на рукописях и старопечатных книгах, найденных в Усть-Цилемском районе Республики Коми // Книжные центры Республики Коми: Усть-Цилемский район : сб. материалов и исследований / отв. ред. Т. Ф. Волкова, Т. С. Канева. Сыктывкар, 2017. С. 209; 3) Очерки истории книжной культуры Усть-Цилемского края : в 2 т. Т. 1. Создатели и хранители рукописно-книжной традиции на Печоре. Сыктывкар, 2022. С. 104.

автограф северодвинского книжника рукопись была атрибутирована В. П. Бударагиным¹.

Илл. 3. Писцовая запись Е. И. Меньшикова. XX в. (нач.).
Древлехранилище ИРЛИ, Усть-Цилемское новое собр., № 359. Л. 6 об.

Бытование наиболее ранней датированной рукописи северодвинского переписчика также было зафиксировано именно на Печоре. Сведения о ней содержатся в отчете экспедиции В. И. Малышева в с. Усть-Цильма Коми АССР 1949 г. В собрании местного крестьянина П. Г. Чупрова В. И. Малышевым был выявлен лицевой Апокалипсис 1894 г. с 72 миниатюрами «работы московского книгописца Е. И. Меньшикова»². Из этого краткого сообщения следует, что на книге, по-видимому, имелась точно датированная писцовая запись. Отметим, что датировка этого списка Апокалипсиса близка датировке упомянутого выше Ирмология с подписным инициалом работы Е. И. Меньшикова — 1897 г. Не вызывает сомнений, что упомянутый в отчете В. И. Малышева Апокалипсис также принадлежал руке северодвинского мастера. Вероятно, это первое упоминание имени Е. И. Меньшикова в литературе и появилось оно в тот период, когда о северодвинской рукописной традиции и ее представителях еще ничего не было известно³. В дальнейшем Апокалипсис письма Е. И. Меньшикова, равно как и все собрание П. Г. Чупрова, более не упоминаются в отчетах археографических экспедиций. Не обрывается рукопись и в архивохранилищах Республики Коми.

Как представляется, в отчете экспедиции 1949 г. речь идет о Петре Григорьевиче Чупрове, упомянутом В. И. Малышевым в монографии «Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв.» в числе владельцев наиболее заметных собраний рукописей в Усть-Цилемском районе Коми АССР периода конца XIX — первой трети XX в.⁴ По-видимому, тот же П. Г. Чупров из с. Усть-

¹ Атрибуция отражена в рукописной картотеке исследователя.

² Малышев В. И. Отчет о командировке в село Усть-Цильму Коми АССР // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 473.

³ Археографическое обследование Северной Двины было начато сотрудниками Пушкинского Дома в 1960 г.

⁴ Собрание П. Г. Чупрова отмечено В. И. Малышевым как крупное (т. е. насчитывающее несколько десятков рукописей): Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар, 1960. С. 24. Среди усть-цилемских крестьян Чупровых было немало хранителей старинной книжности и переписчиков. О книжниках Чупровых см. подробнее: Волкова Т. Ф. К вопросу о крестьянских старообрядческих книжных собраниях на Нижней Печоре: род Чупровых. (По материалам банка данных «Печорская книжность») // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 1 (7). 2014. С. 193–205. См. также упоминания Чупровых среди писцов и владельцев рукописей в

Цильма упоминается В. И. Малышевым как один из информантов, от которого в 1934 г. им было записано «пустозерское» предание об Аввакуме¹. В 2024 г. были получены ранее неизвестные биографические сведения о П. Г. Чупрове². Согласно записям семейного помянника, Петр Григорьевич был духовным отцом и скончался в 1958 г. в возрасте 93 или 98 лет³. По свидетельству внучки П. Г. Чупрова Анастасии Аввакумовны Шишеловой, книги после смерти деда были розданы его дочерью верующим. Следы Апокалипсиса Е. И. Меньшикова из собрания П. Г. Чупрова до времени потеряны.

Е. И. Меньшиков — единственный известный северодвинский книжник, рукописи которого бытовали на Печоре, что указывает, вероятно, на существование каких-то личных связей книжника с печорскими старообрядцами. Это находит подтверждение в полевых экспедиционных записях. Так, Н. В. Тарановской от Ивана Андреевича Третьякова были записаны сведения о том, что Е. И. Меньшиков бывал «в скитах на Печоре»⁴.

Таким образом, в исследовательской литературе прослеживается постепенное накопление сведений о Е. И. Меньшикове как переписчике, в процессе которого выявлялись связи книжника, места бытования его рукописей. Впервые его имя встретилось В. И. Малышеву на Печоре и было зафиксировано исследователем как имя «московского книгописца». Затем имя Е. И. Меньшикова стало известно Н. В. Тарановской как имя северодвинского мастера народной росписи и книжника. Вскоре начался процесс планомерного археографического обследования Северной Двины, в результате которого было собрано подавляющее большинство рукописей Е. И. Меньшикова и сведений о нем. Так постепенно был выявлен основной корпус рукописей писца, а также круг источников, связанных с его разносторонней деятельностью, прояснивших связи северодвинского книжника с московскими

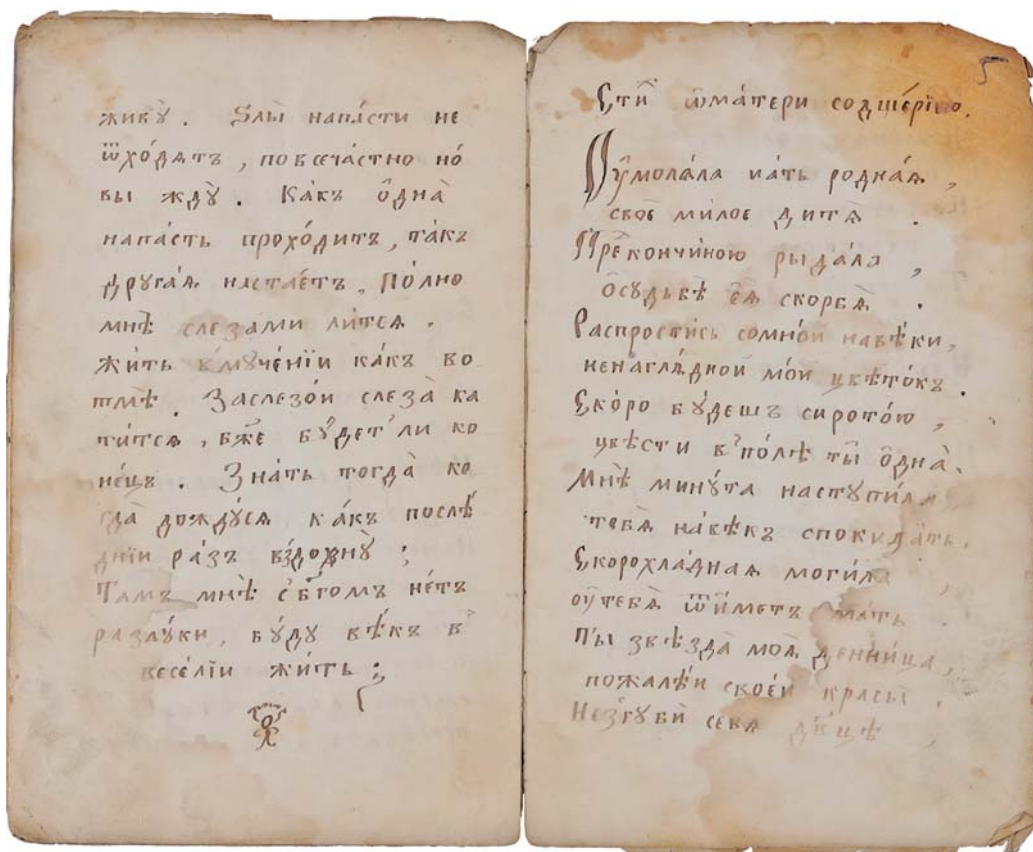
монографии В. И. Малышева: *Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв.* С. 18, 24–26. См. также: Волкова Т. Ф. Очерки истории книжной культуры Усть-Цилемского края : в 2 т. Т. 1. С. 60, 64–68, 84, 89, 90, 99, 110–112, 131–132, 155, 168–179, 182–186, 188, 189. Автор приносит сердечную благодарность за консультации в поиске сведений о П. Г. Чупрове Татьяне Федоровне Волковой.

¹ См.: *Малышев В. И. Пустозерские предания о протопопе Аввакуме (новые записи)* // Малышев В. И. Избранное: Статьи о протопопе Аввакуме / отв. ред. Г. В. Маркелов. СПб., 2010. С. 249, 250.

² Сведения зафиксированы доцентом кафедры русской филологии СГУ им. Питирима Сорокина Т. С. Каневой в ходе личной фольклорно-археографической экспедиционной поездки в Усть-Цильму в январе 2024 г. Экспедиционные аудиозаписи, содержащие сведения о П. Г. Чупрове, его семье и книжном собрании, поступили на хранение в ФА СГУ (Усть-Цилемское собрание, АФ 03465, 03466, 03470). Автор приносит сердечную благодарность Татьяне Степановне Каневой за неоценимую помощь в поиске сведений о П. Г. Чупрове и судьбе его собрания.

³ В одном из семейных помянников, выявленных Т. С. Каневой в 2024 г., отмечено: «Чупров Петр Григорьевич (духовной), у[мер] 1958 г. 16 ноября, ж[ил] 98 л.». Другой рукой дописано: «1860 г.» (рождения), «Феклыных» (род) (см. цифровой фотоснимок: ФА СГУ, ФФ 03 2024 № DSC05292).

⁴ *Тарановская Н. В. Росписи по дереву Нижней Тоймы.* С. 10.

Илл. 4. Сборник духовных стихов. Писец — Е. И. Меньшиков. XX в. (нач.).
Древлехранилище ИРЛИ, Усть-Цилемское новое собр., № 359. Л. 4 об.–5.

и печорскими старообрядцами. Это позволяет также высказать надежду на обнаружение ранее неизвестных рукописей Е. И. Меньшикова за пределами Северной Двины и фондов северодвинского происхождения, в частности печорского, и, возможно, в будущих экспедициях на Печору.

Список источников

Бударагин В. П. Северодвинская рукописная традиция и ее представители: (По материалам Древлехранилища Пушкинского Дома) // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1979. Т. 33. С. 401–405.

Волкова Т. Ф. Записи печорских крестьян на рукописях и старопечатных книгах, найденных в Усть-Цилемском районе Республики Коми // Книжные центры Республики Коми: Усть-Цилемский район : сб. материалов и исследований / отв. ред. Т. Ф. Волкова, Т. С. Канева. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 203–229.

Волкова Т. Ф. К вопросу о крестьянских старообрядческих книжных собраниях на нижней Печоре: род Чупровых. (По материалам банка данных «Печорская книжность») // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 1 (7). 2014. С. 193–205.

Волкова Т. Ф. Очерки истории книжной культуры Усть-Цилемского края : в 2 т. Т. 1. Создатели и хранители рукописно-книжной традиции на Печоре. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2022. 246 с.

Волкова Т. Ф. Переписчики старинных рукописей на нижней Печоре // Книга и литература в контексте культурного пространства эпох (XI–XX века) / сост. О. Н. Фокина, В. Н. Алексеев. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2011. С. 1029–1048.

Демкова Н. С. Отчет об археографической экспедиции на Печору // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1976. Т. 30. С. 357–360.

Иткина Е. И. Рисованный лубок старообрядцев в собрании Исторического музея. М.: ГИМ, 2017. 390 с.

Иткина Е. И. Русский рисованный лубок конца XVIII — начала XX века: Из собрания Гос. истор. музея. М.: Русская книга, 1992. 256 с.

Клепиков С. А. Филигрani и штемпели на бумаге русского производства XVII–XX века. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1959. 306 с.

Малышев В. И. Пустозерские предания о протопопе Аввакуме (новые записи) // Малышев В. И. Избранное: Статьи о протопопе Аввакуме / отв. ред. Г. В. Маркелов. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 247–253.

Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1960. 215 с.

Поморский мемориал: Книга памяти жертв политических репрессий Архангельской области // Возвращенные имена. Книга памяти России. URL: <https://vizz.nlr.ru/person/book/arch1/14/410> (дата обращения: 10.01.2025).

Тарановская Н. В. Об изобразительных мотивах в росписи северодвинских прялок // От Средневековья к Новому времени : сб. ст. в честь Ольги Андреевны Белобровой. М.: Индрик, 2006. С. 482–492.

Тарановская Н. В. Росписи по дереву Нижней Тоймы: Мастера // Народное искусство. Исследования и материалы : сб. ст. СПб.: Palace Edition, 1995. С. 7–24.

Шелепеева О. Н., Аверина Г. С., Вахабов О. А. Борецкая роспись: Азбука. М.: Луч, 2021. 328 с.

А. Ф. Некрылова (Санкт-Петербург)

Календарное прочтение имени святого. Конон Градарь

Аннотация. В заметке речь идет о святом Кононе — небесном покровителе определенных сельскохозяйственных работ, а также о народных интерпретациях имени святого. Рассматриваются причины, обусловившие наделение Конона функцией градаря, огородника, среди которых житие святого, время почитания его в церковном месяцеслове (март), осмысление имени по законам народной этимологии путем включения в ряд созвучных слов родного языка, традиционные представления об освоенном (огороженном и огражденном) пространстве.

Ключевые слова: народный календарь, святцы, имя собственное, святой Конон, народная этимология, погодные приметы, хозяйственная деятельность в марте

С принятием христианства на исконно земледельческий календарь накладывается система церковного времяисчисления, в русскую культуру входят святцы: отныне за каждым днем годового круга закреплялись опре-

деленные церковные праздники и даты чествования православных святых. Таким образом, календарь постепенно превращался в стройную и удобную систему времяисчисления, наполненную высокой духовностью. При этом сохранялось и сугубо прагматическое осмысление годовых периодов, опирающееся на реальные климатические условия, которые регулировали трудовую деятельность и хозяйственный быт земледельца, охотника, рыбака. Важно, что в результате слияния этих двух систем образовалось то специфическое явление, которое получило название *бытовых святцев*, где даты и имена церковной культуры представлены в «крестьянской редакции».

Напомним, что греческие, иудейские, латинские имена большинства христианских святых, с одной стороны, воспринимались проводниками и выразителями нового мировоззрения и все глубже проникали в жизнь русского народа, вытесняя прежние, языческие. С другой стороны, попав в иную языковую среду, в иное культурное пространство, они неизбежно видоизменялись, обретали русское звучание, соотносились с близкими, созвучными словами родного языка, что приводило к переосмыслению их в духе народной этимологии. Необходимо принимать во внимание, что принцип семантического притяжения созвучных слов для носителей традиционной культуры, как правило, не опирается на подлинное (научно обоснованное) этимологическое родство. Более того, важнейшей особенностью народной этимологии является ее экстралингвистическая, мифопоэтическая функция, что предполагает выход за пределы вербальных текстов в область мифологии и верований, ритуально-магических форм поведения, в область «этимологического сознания», включающего и «этимологическую магию»¹.

Наиболее ярко это выражено в области календарного ономастикона, где названия дней и праздников по именам святых и событий христианской истории и культуры получают особую интерпретацию, обычно далекую от канонической церковной, но непременно соотнесенную с традиционным крестьянским мировоззрением, трудовыми циклами, характеристикой погодных проявлений, где нередко имя святого в контексте традиционной сложившейся календарной культуры порождает целый ряд больших и малых текстов, выступает в роли генератора простых и сложных действий.

Своеобразное очеловечивание и обытовление церковных святцев (православных праздников и святых) способствовало и возникновению представления о том, что небесные покровители должны, подобно простому человеку, заниматься будничными, обыкновенными делами, помогать людям в их трудовой деятельности, наставлять и укреплять в истинной вере, сохранять традиционные ценности.

Имя святого могло ассоциироваться с разными словами родного языка, соответственно и приметы, наставления, советы, запреты, мотивированные

¹ Одну из сторон жизни слова (имени собственного) в традиционном календаре обозначил Н. И. Толстой, см.: *Толстой Н. И. Народная этимология и «этимологическая магия»* // Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 317–332.

тем или иным прочтением имени, касались разных сторон жизни крестьянина. В данной заметке остановлюсь на не слишком популярном имени — Кóнон, которым наделены четверо святых, внесших свою лепту в утверждение и распространение веры во Христа и пострадавших за это.

5(18) марта отмечается память Конона Исаврийского (I в.) и Конона Градаря (III в.), а на следующий день (6(19) марта) — память преподобномученика Конона и сына его, тоже Конона (III в.), принявших мученический венец. В народном сознании все одноименные святые слились практически в один образ.

Конон в переводе с греческого означает «трудящийся». Один из мучеников, носящих это имя, прозван Градарем не случайно: он жил в III в. в Назарете, был примерным христианином, простым и невзыскательным, занимался возделыванием огородов. Пострадал за веру Христову в период гонений, воздвигнутых императором Декием (Децием) Траяном (249–251 гг.). Русские переводчики или составители жития святого прямо называли Конона «оградителем», «огородником»: по тексту жития, он «оград себе добр устрои и сея зелия и пищу от того себе имяше»¹.

Отметим, что в русском языке в гнездо с корнем «город/град» входят слова вполне бытовые и слова из «высокого» лексикона: *огород* в значении 'огороженное место, обработанное под посев или посадку', и *ограда* — защита, охрана, оборона'; *огородить* — 'обнести забором, стеной' и *оградить* — 'защитить, обезопасить, заступиться, отстоять что-то'.

С огораживанием/ограждением связано архаическое восприятие пространства как места, осваиваемого человеком, превращаемого из чужого, нечистого, хаотичного в свое, чистое, культурное пространство. «К числу ритуальных и практических форм освоения пространства относится его огораживание, обозначение рубежей пограничными знаками, создание вокруг него магического круга, в том числе с помощью обходов территорий», освящения и обнесения загородкой; другими словами, изменение природного ландшафта за счет хозяйственной деятельности — создание пахотных полей, пастбищ, садов, огородов и пр.²

Немаловажную роль сыграло и то, что дни поминовения святых Кононов пришлось на начало марта, когда начинались подготовительные работы к новому сезону, и весенние молитвы Конону удачно вписывались в крестьянский календарь. Конона просили о хорошей погоде, урожае и благоприятствовании сельскохозяйственным работам. Уже в ранних церковных месяцесловах Конона Градаря совершенно по-русски именовали Оградником³, подразумевая и его занятие огородничеством, уход за садом, и его

¹ Калинин И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. СПб., 1877. С. 109.

² Левкиевская Е. Е. Пространство // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. М., 2009. Т. 4. С. 306.

³ Оград = сад, огород; оградник = садовник, сторож сада. См.: Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) / сост. свящ. Григорий Дьяченко. М., 2004. С. 375.

миссию проповедника и защитника христианства. Для крестьянина первое оказывалось более понятным, реально воплощаемым в жизнь. Так св. Конон стал на Руси покровителем огородничества. *Конон на огород позвал* — распространенное присловье двух мартовских дней. Традиционными были советы: «Хотя бы <...> была и зима, начинай пахать огород, и ты только почни в этот день, непременно огород будет добр, и овощу будет много»¹. Хозяйственно-трудовой распорядок крестьянина, опирающийся на народный календарь, возвел этот совет в правило, по которому в Кононов день непременно следовало начинать вскапывать гряды в огороде, во многих местах принято было замачивать семена капусты для получения рассады, производилась прививка плодовых деревьев. На Рязанщине обновляли и готовили парники². Этнографами зафиксирован новгородский обычай, известный еще в середине XIX в.: в день свмч. Конона «выкапывают в огородах три лунки с приговором: “Одна лунка для суши (засухи), другая для мошки, третья для червей”». Новгородцы уверяли, что этот «заговор оказывает благотворное действие на растительность — огородная зелень не страдает летом ни от засухи, ни от мошки, ни от червя»³.

Закономерно, что в иконописи отличительным признаком Конона Градаря служит растение, которое он держит в руке, иногда это целое деревце, иногда травинка-былинка. Другим атрибутом святого может являться лукошко, заполненное семенами или травой. В настенной росписи Троицкого собора Троице-Сыпанова Пахомиево-Нерехтского женского монастыря Костромской епархии (2004 г., худож. А. В. Алёшин) св. Конон изображен оплечно в медальоне, окруженном растительными побегами.

Что касается жития святого Конона Градаря, то здесь сад (огород) представал не только как место, где ежедневно трудился святой, но и как свидетельство силы его веры: Конон Огородник сумел победить и приручить бесов, которые «работали в его саду, охраняли сад»⁴.

Определение святого как защитника, оградителя закрепилось и в отношении других св. Кононов. К примеру, Конон Исаврийский, согласно народному верованию, «считается хранителем детей от оспы, потому в Сказании о том, каким святым в каких болезнях должно молиться, ему назначается особая молитва от этой болезни. Основанием такого верования, — пишет И. П. Калинин, — <...> послужило следующее обстоятельство, записанное в Четьях-Минях: в одной стране “беси начаша вредити человеки различными болезнями, а наипаче оспами, разумев же святой вражду тех, помолися Богу,

¹ Калинин И. П. Указ. соч. С. 109.

² Народный месяцеслов: Пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года и о погоде / сост. и авт. введ. текстов Г. Д. Рыженков; вступит. ст., слов. А. Н. Розова. М., 1991. С. 31.

³ Пардалоцкий Ф. Простонародный календарь, или Заметки старины о некоторых праздниках и днях святых, сохранившиеся между жителями Валдайского уезда и частью Боровичского // Новгородские губ. ведомости. Ч. неофиц. 1854. 13 февр. № 7. С. 36–39.

⁴ Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского : в 12 кн. Киев, 2004. Кн. 7. С. 215–217.

и абие дадесе ему власть на них»¹. Это же отметил и Б. Н. Путилов: «Святой Конон Исаврийский слал бесам строгие приказы, посылал на работы. Однажды бесы даже защитили его от нападения разбойников»².

В сознании крестьян Русского Севера, вероятно потому, что в марте здесь еще было холодно и вскапывать огород невозможно, Конон Градарь ассоциировался с другим понятием, созвучным наименованию святого, а именно с *градом*. По местным представлениям, в день Конона Градаря «не следует брать в руки ни вил, ни граблей, иначе летом хлеб будет побит градом» (вятск., пермск.)³. Подобное прочтение имени святого имело место и в других регионах, но реализовывалось оно не в руководстве к действию, а в примете: *Если на Конона ведро, то града летом не будет*.

На Левобережной Украине, по свидетельству О. Воропая, в имени святого слышалась связь с конями, отчего Конона воспринимали охранителем и защитником лошадей. Существовал такой обычай: те, кто любил коней, собирались и шли в шинок и там пили горилку за святого Конона, чтобы кони «брикали». Говорили, что святой Конон был «всем конюхам конюх: кони у него были такие, что самого святого Илью в огненной колеснице по небесному мосту возили». Когда гремел гром, говорили: «Чуешь, то святой Илья по небесному мосту калачи везет, а конями правит святой Конон». Напиваться сильно в этот день не разрешалось, т. к. считали: кто напьется пьяным, «того кони поносят». Некоторые крестьяне в день Конона в конюшне вешали застреленную ворону, чтобы домовый коней не мучил⁴.

Подытоживая, следует сказать, что дни памяти четырех святых Кононов прекрасно вписывались в народный земледельческий календарь, в частности в восприятие марта как начала весны, как периода подготовки к весенним работам и ожидания помощи от небесных покровителей, ориентированных, по народным представлениям, на тот или иной вид земледельческого труда. Одновременно подчеркивался и индивидуальный характер святого-патрона, в значительной степени определяемый его житием и народным осмыслением имени в рамках «этимологической магии».

Список источников

Воропай О. День святого Конона // Воропай О. Звичаї нашого народу. Етнографічний нарис : в 2 т. Мюнхен: Українське видавництво, 1966. Т. 1. С. 236–237.

Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского : в 12 кн. Киев: Свято-Успенская Киево-Печерская лавра, 2004. Кн. 7. 752 с.

Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. СПб.: Тип. В. Киршбаума (б. Майкова), 1877. 216 с.

¹ Калинский И. П. Указ. соч. С. 109.

² Путилов Б. Н. Древняя Русь в лицах. Боги, герои, люди. СПб., 1999. С. 83.

³ Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983. С. 40.

⁴ Воропай О. День святого Конона // Воропай О. Звичаї нашого народу. Етнографічний нарис : в 2 т. Мюнхен, 1966. Т. 1. С. 236.

Левкиевская Е. Е. Пространство // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 304–308.

Народный месяцеслов: Пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года и о погоде / сост. и авт. введ. текстов Г. Д. Рыженков; вступит. ст., слов. А. Н. Розова. М.: Современник, 1991. 126 с.

Пардалоцкий Ф. Простонародный календарь, или Заметки старины о некоторых праздниках и днях святых, сохранившиеся между жителями Валдайского уезда и частию Боровичского // Новгородские губ. ведомости. Ч. неофиц. 1854. 13 февр., № 7. С. 36–39.

Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) / сост. свящ. Григорий Дьяченко. М.: Отчий дом, 2004. 1120 с.

Путилов Б. Н. Древняя Русь в лицах. Боги, герои, люди. СПб.: Азбука, 1999. 367 с.

Толстой Н. И. Народная этимология и «этимологическая магия» // Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 317–332.

Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 169 с.

Л. А. Петрова (Санкт-Петербург)

Неизвестные источники старообрядческого издания духовных стихов

Аннотация. В статье рассматриваются источники старообрядческого издания «Книга глаголемая Сборник духовных стихов». Она была напечатана кириллическим шрифтом в 1913 и 1915 гг. в московской христианской типографии, принадлежавшей старообрядцу-федосеевцу Ивану Крупину. Как показало наше исследование, сборник включает обширную подборку памятников старообрядческой духовной поэзии, для значительной части которых источником стала публикация петербургского археографа В. И. Срезневского «Бегунские стихи» (1908). Отдельные тексты были заимствованы составителями «Сборника» из периодических старообрядческих изданий. Данный факт является одним из примеров значения академической науки, базирующейся на источниках, для старообрядческой просветительской и издательской деятельности.

Ключевые слова: старообрядчество, сборники духовных стихов, кириллический шрифт, старообрядческие издания, рукописи, археограф В. И. Срезневский

В связи с ослаблением цензуры после вступления в силу Временных правил о печати 1905 г. появился ряд старообрядческих изданий кириллического и гражданского шрифтов, в т. ч. издания духовных стихов. Так, в 1913 и 1915 гг. была подготовлена и опубликована «Книга глаголемая Сборник духовных стихов» в четырех частях (книгах), набранная кириллическим

шрифтом¹. Оба издания были напечатаны в московской христианской типографии, принадлежащей на тот момент сыну и наследнику старообрядца-федосеевца Д. Д. Крупина Ивану².

Необходимо подчеркнуть, что издания 1913 и 1915 гг. не являются идентичными, они различаются по составу, количеству текстов и орнаментике. В совокупности в них содержится 92 текста духовных стихов. Эти публикации явились самой репрезентативной подборкой образцов духовной поэзии, изданных старообрядцами, и несомненно повлияли на расширение круга памятников духовной поэзии и дальнейшую рукописную традицию духовных стихов в XX в.

В колофонах последних частей издания (Кн. 4, 1913 и 1915) указывается, что духовные стихи, напечатанные в Сборниках, извлечены из старообрядческих рукописей, хранящихся в Библиотеке академии наук³. Эти пояснения послужили для нас отправной точкой в поиске источников образцов духовной поэзии, опубликованных в Сборнике.

Попробуем определить, каким образом сформировался корпус духовных стихов, появившийся в старообрядческих изданиях, и по возможности выявить источники текстов. Для этого обратимся к публикации известного археографа, источниковеда и заведующего Отделом рукописей императорской Библиотеки АН В. И. Срезневского «Бегунские стихи»⁴. В своей работе автор на основе изучения сборников, хранящихся в Отделе рукописей академического книгохранилища, представляет репертуар духовных стихов, имевших хождение среди так называемых бегунов⁵.

За основу публикации В. И. Срезневским было взято содержание рукописного сборника конца XIX в., приобретенного им в Заонежском крае, который, по его мнению, в наибольшей степени раскрывает основную сущность вероучения бегунов⁶. Расположение материала в публикации осуществлялось

¹ Книга глаголемая Сборник духовных стихов. Кн. 1–4. М., 1913; Книга глаголемая Сборник духовных стихов. Кн. 1–4. М., 1915. Далее в тексте: Сборник / Сборники, при необходимости — с указанием года издания (Сборник 1913, Сборник 1915) и номера книги (Кн.).

² Подробнее об этих сборниках см.: *Петрова Л. А.* О старообрядческом издании «Книга глаголемая Сборник духовных стихов». Проблемы атрибуции // *Старообрядчество*. 2024. Т. 2. № 3. С. 40–61.

³ «Сии духовныи стихи 4 книги взятыя с разных старообрядческих рукописей. Составленные иноками и мирянами. Сборники стихов, переписанные полууставом, ценились очень дорого и передавались бережливо из рода в род, как святыня. Большая часть рукописей, хранящихся в Библиотеке академии наук в С-Петербурге. Напечатана, в христианской старообрядческой типографии в Москве. В лето 7421 (1913 г.)». Аналогичный текст размещен в другом издании, где название города изменено на Петроград, дата соответственно — «7424 (1915 г.)».

⁴ *Срезневский В. И.* Бегунские стихи // *Материалы к истории и изучению русского сектанства и раскола* / под ред. В. Бонч-Бруевича. СПб., 1908. Вып. 1. С. 228–274.

⁵ В современной исследовательской литературе этот термин менее употребителен и зачастую заменяется на «старообрядцев страннического толка» или «скрытников».

⁶ ОР БАН. 21.8.3. Сборник духовных стихов, XIX в. (кон.), 8^о, 167 л.

им по «основным мотивам» (как обозначил это сам публикатор), характерным для мировоззрения и идеалов старообрядцев этого толка: в первом разделе сосредоточены стихи с изложением учения бегунов (бегство от мира, скитание, удаление в пустыню, безбрачие и девство); ко второму разделу относятся тексты, связанные с воззрениями бегунов на церкви других вероучений, с темой страдания за веру, тюрьмы и ссылки; и, наконец, третий раздел составили стихи об ожидании смерти и Страшного суда. При этом в предисловии к публикации В. И. Срезневский оговорил, что тексты стихов, имеющих общехристианскую направленность, не включены в издание, т. о. за рамками его публикации остались стихи об Иосифе Прекрасном, Николае чудотворце, о Страстях Христовых, на Рождество Христово, на Крещение Господне, о потопе, об Адаме, Рифмы воспоминательны об Андрее Денисове.

Осмелюсь предположить, что самозаглавие рукописи 21.8.3 «Книга, глаголемая стихи» в какой-то мере было позаимствовано составителями печатного старообрядческого сборника либо непосредственно из этой рукописи, либо из предисловия к публикации «Бегунские стихи», и затем было трансформировано в заглавие «Книга глаголемая Сборник духовных стихов».

Соотнесем репертуар стихов из публикации В. И. Срезневского с текстами Сборника.

«Бегунские стихи» В. И. Срезневского ¹	Сборник ²
1. «Кто бы мне поставил прекрасную пустыню...».	«Кто бы мне поставил прекрасную пустыню...», Кн. 1 (1913). № 1; Кн. 1 (1915). № 1. «О пустыне».
2. «Ис пустыни старец в царский дом приходит...», «Стих Иосафа царевича».	«Ис пустыни старец в царский дом приходит...». Кн. 1. (1913). № 2; Кн. 1. (1915). № 2. То же.
3. «О прекрасная пустыня! Приими мя свою густыню...», «Стих Иосафа царевича».	«О прекрасная пустыня! Приими мя свою густыню...». Кн. 1. № 4 (1913). № 4; Кн. 1 (1915). № 4. То же.
4. «Приими мя пустыне, яко мати свое чадо...», «Стих Иосафа царевича Индийскаго».	«Прими мя пустыне, яко мати свое чадо...». Кн. 1. (1913). № 5; Кн. 1. (1915). № 5. То же.
5. «Боже отче всемогущий...», «Стих Иосафа царевича».	«Боже отче всемогущий...». Кн. 1. (1913). № 6; Кн. 1. (1915). № 6. То же.
6. *«Что за чудная превратность...», «Стих Иосафа царевича».	«Что за чудная превратность...». Кн. 1. (1913). № 7; Кн. 1. (1915). № 7. То же.

¹ Номера стихов даны В. И. Срезневским в скобках (кроме двух последних — они не пронумерованы), для удобства сравнения мы показываем их в начале строки. Астерисками отмечены стихи в публикации В. И. Срезневского, тексты которых в Сборнике были изменены (см. об этом далее в основном тексте).

² Жирным шрифтом выделены названия стихов, которые даны составителями Сборника.

7. «О коль чудно сие дивно...».	«О коль чудно сие дивно...». Кн. 1. (1913) № 9; Кн. 1. (1915). № 9. «О пути правом».
8. «Слава, слава, в вышних Богу!...». «Стих стремящейся души к Богу».	«Слава, слава, в вышних Богу!...». Кн. 1. № 23; Кн. 1. (1915). № 23. То же.
9. «Идет старец из пустыни...», «О некоем пустыннике».	«Идет старец из пустыни...». Кн. 1. (1913). № 24; Кн. 1. (1915). № 24. То же.
10. «Пойду страдать в страну далеку...».	В составе предыдущего текста (Кн. 1. № 24).
11. «Среди самых юных лет...».	«Среди самых юных лет...». Кн. 2. (1913). № 2; Кн. 2. (1915). № 2. «Моление к Богу отшельника в монастыре».
12. *«Время радости настало...».	«Время радости настало...». Кн. 1. (1913). № 16; Кн. 1. (1915). № 16. «О страннике».
13. «Горе, мне, увы мне во младой во юности...».	«Горе, мне, увы мне во младой во юности...». Кн. 4. (1913). № 1; Кн. 4. (1915). № 1. «О юности».
14. «Востани лениве...», «Воспоминание о ленивом».	«Востани лениве...». Кн. 2 (1915). № 4. То же.
15. «Невесты Христовы...».	«Невесты Христовы...». Кн. 2 (1915). № 5. «О девстве».
16. «Умоляла мать родная...», «Об умолении матери своего чада».	«Умоляла мать родная...». Кн. 2 (1913). № 4; Кн. 2 (1915). № 6. То же.
17. «Речь о девстве простираю...».	«Речь о девстве простираю...». Кн. 2 (1913). № 5; Кн. 2 (1915). № 7. «О девстве».
18. *«Прошу выслушать мой слог...».	«Прошу выслушать мой слог...». Кн. 2 (1913). № 6; Кн. 2 (1915). № 9. «Заключенного в темнице».
19. «Случай скорби принимайте...», «Поэма стихами во утешение скорбных постижений».	«Случай скорби принимайте...». Кн. 2 (1913). № 8; Кн. 2 (1915). № 11. «Во утешение скорбных постижений».
20. «Увеселение есть у юности премудрости».	«Увеселение есть у юности премудрости». Кн. 2 (1913). № 10; Кн. 2 (1915). № 13. «О юности».
21. «Пойдем ныне, сиротнии дети...».	«Пойдем ныне, сиротнии дети...». Кн. 2 (1915). № 14. «О матери церкви».
22. *«По грехам нашим на нашу страну...», «Стих преболезненного воспоминания о озлоблении кафоликов».	«По грехом нашим на нашу страну...». Кн. 2 (1913). № 11; Кн. 2 (1915). № 15. «Плач пустынных жителей, соловейских иноков».

23. «Боже зри мое смирение...».	«Боже зри мое смирение...». Кн. 2 (1913). № 12; Кн. 2 (1915). № 16. «Моление к Богу о спасении».
24. «Слезы ливши о Сионе...».	«Слезы ливши о Сионе...». Кн. 2 (1913). № 12; Кн. 3 (1915). № 1. «О последнем времени».
24 ¹ . «Поздно, поздно вечерами...», «Стих узника-невольника».	«Поздно, поздно вечерами...». Кн. 2 (1913). № 17; Кн. 3 (1915). № 5. То же.
25. *«Что за чудная перемена...».	«Что за чудная перемена...». Кн. 3 (1915). № 7. «О разделении церкви при Никоне патриархе».
26. «Кто бы дал мне, яко птице...».	«Кто бы дал мне, яко птице...». Кн. 4 (1913). № 7; Кн. 4 (1915). № 8. «Ожидание смерти».
27. «Дажь ми, Господи...».	«Дажь ми, Господи...». Кн. 4 (1913). № 8. «О покаянии».
28. *«Человек некто богатый...», «О блудном сыне».	«Человек бе некто богатый...». Кн. 4 (1913). № 2; Кн. 4 (1915). № 2. То же.
29. «Душе моя, помысли смертный час!..», «О памяти смертнаго часа».	«Душе моя, помысли смертный час!..». Кн. 4 (1913). № 9; Кн. 4 (1915). № 9. То же.
30. «Взирай с прилежанием, тленный челове...» ² , «О памяти смертнаго часа».	«Взирай с прилежанием, тленный челове...». Кн. 4 (1913). № 3; Кн. 4 (1915). № 3. То же.
31. «Человек живет на земли...», «О исходе души от тела».	«Человек живет на земли...». Кн. 4 (1913). № 5; Кн. 4 (1915). № 6. То же.
32. «С другом я вчера сидел...».	«С другом я вчера сидел...». ...». Кн. 4 (1913). № 4; Кн. 4 (1915). № 5. «О смерти».
33. «Господь грядет в полунощи...».	«Господь грядет в полунощи...». Кн. 4 (1913). № 17; Кн. 4 (1915). № 17. «О Страшном суде».
«Братие, вонмите...» «Приложение».	«Братие, вонмите...». Кн. 4 (1913). № 20. То же; Кн. 4 (1915). № 19. «О юном пустынноике».

¹ Ошибка издателя: этот и предыдущий стихи имеют один номер (24).

² В комментарии к тексту В. И. Срезневский отмечает, что этот стих с некоторыми изменениями встречается в «Животной книге» и входит в похоронный обряд духовборцев (Срезневский В. И. Бегунские стихи. С. 267). На самом деле это текст Эпитафии митрополиту Дмитрию Ростовскому Стефана Яворского.

«Европа, ты славнейшая...» ¹ .	«Европа, ты славнейшая...». Кн. 3 (1913). № 7; Кн. 3 (1915). № 16. «Воспоминание о кинowiарсе Выгорецкаго общежителства Андрее Денисиевиче».

При сравнении этих публикаций обращает на себя внимание прежде всего одинаковая последовательность первых семи стихов. Исключение составляют только два текста: стих 3 в Кн. 1 (1913 и 1915) — Иосафа царевича («Расплатится младый юноша преподобный Иоасаф...») и стих 8 в Кн. 1 (1915) «Плач пустынного, о обители, обращенную в единоверческую в Москве 1854 года» («В последнем времени жестоком...»). Данные стихи отсутствуют в рукописях, использованных В. И. Срезневским для публикации. В целом же мы видим, что все 36 стихов из публикации В. И. Срезневского включены в Сборники.

Текстологический анализ произведений в «Бегунских стихах» В. И. Срезневского и Сборнике показал полное совпадение текстов 29 духовных стихов, и еще шесть текстов, на наш взгляд, было использовано при подготовке Сборника с изменениями².

Нельзя сказать, что работа составителей Сборника с текстами стихов из публикации В. И. Срезневского была осуществлена чисто механическим способом и сводилась лишь к переносу текстов. Составителями Сборника в ряде случаев были внесены некоторые синтаксические изменения: так, вопросительные и восклицательные знаки заменены на точку³, исключен знак тире⁴, происходит замена вопросительного знака на восклицательный⁵, а также сделаны другие незначительные поправки.

Также внимательно составители отнеслись к установлению заглавий текстов духовных стихов в Сборнике. Здесь, в отличие от публикации В. И. Срезневского, в которой вместо заголовка зачастую указаны лишь листы рукописи, каждый стих озаглавлен. В частности, у В. И. Срезневского безымянный стих под № 1 получает в Сборнике название «О пустыне», № 7 — «О пути правом», № 12 — «О страннике» и т. д.

Заглавие стиха под № 19 у В. И. Срезневского «Стих во утешение скорбных постижений» использовано и в Сборнике, хотя в рукописи 21.8.3 он озаглавлен «Поэма стихам во утешение скорбных постижений». Это обстоятельство еще раз свидетельствует о том, что составители Сборника в основном

¹ Последний пронумерованный стих в публикации В. И. Срезневского — № 33, далее идет «Приложение», а стих «Европа ты славнейшая...» из другой его работы: *Срезневский В. И.* Рифмы воспоминательны, стихи и плач об Андрее Дионисиевиче, устроителе и предводителе Выговской монастырской общины // Материалы к истории и изучению русского сектанства и раскола / под ред. В. Бонч-Бруевича. СПб., 1908. Вып. 1. С. 291–294.

² В сравнительной таблице они отмечены нами астерисками.

³ В текстах стихов под номерами 1, 4, 5, 14, 19.

⁴ В текстах стихов под номерами 14, 16, 17, 24.

⁵ В текстах стихов под номерами 13, 21, 24, 30–32.

работали с подборкой текстов, содержащейся в публикации В. И. Срезневского, и в меньшей степени использовали рукописи.

В Сборнике содержится стих с инципитом «Восточная держава славного Киева града...», отсутствующий в публикации В. И. Срезневского; в Сборнике он называется «Стих о князе Владимире», хотя этот широко распространенный в рукописной и устной традициях текст имеет устоявшееся заглавие «Стих о Борисе и Глебе». К примеру, в описаниях поэтических произведений ОР БАН этот текст имеется в 28 рукописях, и в 19 списках он связан с именами Бориса и Глеба.

Еще одной особенностью, свидетельствующей о тесной связи публикации В. И. Срезневского и Сборника, является текст стиха «Идет старец из пустыни...», который размещен у В. И. Срезневского на с. 238 (№ 9). Далее на с. 239 идет следующий текст — № 10 («Пойду страдать в страну далеку...»)¹. Этот текст не был воспринят составителями Сборника в качестве самостоятельного, т. к. отделялся от предыдущего лишь указанием на листы рукописи и слитно вошел в текст стиха «Идет старец из пустыни...» (Кн. 1. № 24).

В конце своей статьи В. И. Срезневский разместил стих с инципитом «Братие вонмите все друзья мои...» в разделе «Приложение». В примечании он поясняет причину расположения там этого текста: «...стишок, носящий сатирический оттенок, мы помещаем в приложении, так как он не подходит к непосредственной теме нашего издания. Вместе с тем он интересен, как материал для быта бегунов»². Точно такой же раздел «Приложение» мы находим в Кн. 4 (1913), где текст стиха «Братия вонмите...» располагается под № 20 и полностью совпадает со стихом, опубликованным В. И. Срезневским, хотя составители Сборника явно не руководствовались задачей, которую ставил перед собой ученый.

Следы редакционной работы над текстами видны на примере стиха № 25 из публикации В. И. Срезневского («Что за чудная перемена...»), размещенного в Кн. 3 (1915) под № 7 и озаглавленного «Стих о разделении церкви при Никоне патриархе». При общем сохранении текстов составителями Сборника было сделано не менее девяти купюр в тексте стиха из публикации В. И. Срезневского. И здесь необходимо помнить, что его публикация касалась идеологии и мировоззрения старообрядцев — бегунов или странников, которым, без сомнения, были чужды идеи, помыслы и обрядность старообрядцев поморского толка. Работа по вымарыванию девяти эпизодов из текста «бегунского» сборника касаются обвинений поморцев в сектантстве, в забвении веры отцов и принятии учения антихриста. Приведем некоторые из них:

1-й эпизод:

«Нужно и поморцев прелесть
разсмотрети
И сладкими стихами воспети.

2-й эпизод:

«Вси поморцы один корень
похваляют,
А сами на разных сучках воспевают.

¹ Срезневский В. И. Бегунские стихи. С. 238–239.

² Там же. С. 272.

Есть посреди мира поморцы,
Кои крыющейся церкви явные
 злотворцы; Ей, поморцы с никониянами
 смесились

Они все единого корени были,
Тогда как в пустыне жили...»;

И на двадцать сектов разделились»;

3-й эпизод:

Автор стиха противопоставляет учение поморцев, по его мнению «мнимых христиан учинились горше бесов», учению бегунов, которые «едины спасаются, кои по темным местам скитаются». Составителей Зборника не смутила антипоморская риторика стиха, и после его «творческой» переработки текст в измененном виде нашел свое место на листах Зборника.

Еще одним свидетельством использования составителями Зборника материалов В. И. Срезневского является стих № 20, напечатанный в Зборнике под названием «О юности» (Кн. 2 (1913). № 10; Кн. 2 (1915). № 13). Этот текст приписывается Андрею Денисову и известен по многим спискам. Начальная строка этого стиха выглядит следующим образом: «Увеселение есть юноши премудрость...» (нам известны 14 списков по фондам ОР БАН), но в рукописи, по которой издавал текст В. И. Срезневский, и, соответственно, в его публикации читается другое написание: «Увеселие есть у юности премудрости...»². Такое написание этой строки мы находим только в двух списках из фондов ОР БАН: в рукописи 21.8.3, л. 97, послужившей основой для публикации

² Ср.: Дружинин В. Г. Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб., 1911. С. 12; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 102; Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв. / вступ. статья, подгот. текста и примеч. А. М. Панченко; общ. ред. В. П. Адриановой-Перетц. Л., 1970. С. 301 (Публикация текста стиха).

В. И. Срезневского, и в рукописи 21.8.1, л. 66, также привлеченной В. И. Срезневским для разночтений. Эти обстоятельства, вне всякого сомнения, еще раз подчеркивают, что составители Зборника пользовались текстами стихов, опубликованными В. И. Срезневским; также прослеживается тесная связь этих двух списков.

Но не только работа В. И. Срезневского послужила отправной точкой для формирования корпуса духовных стихов Зборника. Очень большая вероятность, что тексты стихов, посвященных историческим лицам — апологетам старообрядческого движения, таким как протопоп Аввакум, боярыня Морозова и др., были заимствованы редакторами Зборника из периодических старообрядческих изданий и научных публикаций. Приведу ряд примеров: так, стихи № 2 из Кн. 3 «Аввакум и семья в изгнании» («В Даурии дикой, пустынной...») и № 4 «Боярыня Морозова» («Снег белый украсил светлицы...») — авторские, они принадлежат перу малоизученного поэта Порфирия Николаевича Шмакова и были опубликованы в старообрядческом журнале «Церковь», издававшемся в Москве в 1908 г.¹ Это предположительно относится и к стиху № 8 из Кн. 1 (1915) «Плач пустытника о обители, обращенную в единоверческую в Москве 1854 года» («В последнее время жестоком...»), тоже принадлежащему П. Н. Шмакову. Данными публикациями, на наш взгляд, и воспользовались составители стихотворной антологии, тем более что именно в этом журнале И. Д. Крупин предоставил свою рекламу издания Зборника. Текстологический анализ стихов, опубликованных в Зборнике и журнале «Церковь», показал полное отсутствие разночтений как в текстах, так и в заглавиях.

Тот факт, что для формирования корпуса духовных стихов и их дальнейшей перепечатки в старообрядческом сборнике послужила публикация ученого-археографа и заведующего Рукописным отделением В. И. Срезневского «Бегунские стихи», является закономерным явлением. Уже во второй половине XIX в. в кругу научной общественности возникает потребность в изучении старообрядческого движения в качестве историко-культурного явления. В свою очередь, на рубеже XIX–XX вв. усиливается интерес со стороны просвещенных старообрядцев к трудам ученых, исследовавших историю староверия.

В настоящей статье предприняты первые шаги к установлению источников издания Зборника, дальнейшая их выявление позволит расширить наши представления о взаимодействии науки и старообрядческой культуры.

Список источников

Аввакум и семья в изгнании // Церковь. 1908. № 15 (13 апр.) С. 559.

Боярыня Морозова // Церковь. 1908. № 6 (10 февр.) С. 208–209.

Дружинин В. Г. Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1911. 32 с.

¹ См.: Аввакум и семья в изгнании // Церковь. 1908. № 15 (13 апр.) С. 559; Боярыня Морозова // Церковь. 1908. № 6 (10 февр.) С. 208–209.

Книга глаголемая Сборник духовных стихов. Кн. 1–4. М.: Христианская старообрядческая тип., 1913.

Книга глаголемая Сборник духовных стихов. Кн. 1–4. М.: Христианская старообрядческая тип., 1915.

Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л.: Наука, 1973. 280 с.

Петрова Л. А. О старообрядческом издании «Книга глаголемая Сборник духовных стихов». Проблемы атрибуции // Старообрядчество. 2024. Т. 2. № 3. С. 40–61.

Рукописи XVI–XX вв. и книги кириллической печати из собрания Института истории СО РАН. С. 270 (14/88, л. 57 об.). URL: [arran.ru>images/nd/mus/75/article2.pdf](http://arran.ru/images/nd/mus/75/article2.pdf). (дата обращения: 03.03.2025).

Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв. / вступ. статья, подгот. текста и примеч. А. М. Панченко; общ. ред. В. П. Адриановой-Перетц. Л.: Сов. писатель, 1970. 422 с.

Срезневский В. И. Бегунские стихи // Материалы к истории и изучению русского сектанства и раскола / под ред. В. Бонч-Бруевича. СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1908. Вып. 1. С. 228–274.

Срезневский В. И. Рифмы воспоминательны, стихи и плач об Андрее Дионисиевиче, устроителе и предводителе Выговской монастырской общины // Материалы к истории и изучению русского сектанства и раскола / под ред. В. Бонч-Бруевича. СПб., 1908. Вып. 1. С. 291–294.

В. А. Поздеев (Сыктывкар)

Рукописный альбом-песенник студентки предвоенных советских лет¹

Аннотация. В 2000 г. в пос. Лальск Кировской области от Веры Васильевны Чирковой был получен в подарок рукописный альбом ее сестры Нины Васильевны Корепиной. Альбом хранится личном архиве автора статьи — руководителя фольклорной практики студентов Вятского государственного университета (бывш. Вятского государственного гуманитарного университета). В статье рассматривается феномен девичьего альбома студентки медицинского училища Н. В. Корепиной, созданного с 1936 по 1938 г. в Великом Устюге. Показано разнообразие жанров отраженных в нем текстов: от жестокого романса до песен военных лет, а также песен, связанных со студенческой жизнью, с изучаемыми предметами (химия). В альбоме прослежена своеобразная коммуникация «владелица — сокурсницы». Рассмотрены различные типы оформления: рисунки, наклейки-вырезки.

Ключевые слова: девичий альбом-песенник, жанр, диалогичность, Великий Устюг

¹ Работа выполнена в рамках плановой научной темы НИР сектора фольклора ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН «Поэтика фольклора народов Европейского Севера России в синхронии и диахронии» (рег. № 121051400044-2).

В конце XX — начале XXI в. проблема взаимодействия устного народного творчества и письменной культуры в фольклористике стала одной из актуальных и рассматривалась на разных уровнях. Как отмечал А. Н. Власов, «сфера устной фольклорной культуры многослойна, разнообразна и комплексна: любая жанровая разновидность или отдельно взятый в комплексе его отношений с действительностью и другими явлениями духовной культуры жанр составляют целую область фольклорных явлений и требуют при изучении особых методологических подходов»¹. В рамках изучения взаимодействия фольклора и письменной культуры исследователи обратили внимание на традиционные и современные формы девичьей субкультуры, в частности на альбом-песенник. Анализ большого количества таких альбомов открыл своеобразие жанровых предпочтений, репертуар, структуру, оформление альбомов. Интерес вызывали не только наполнение альбомов, но и механизм гендерной социализации девочек, отраженный в альбомных текстах. Появился целый ряд изданий и статей, например, книги С. Б. Борисова², статьи В. В. Головина и В. Ф. Лурье³, М. В. Калашниковой⁴, С. Ю. Неклюдова⁵, которые разрабатывали подходы к изучению школьного девичьего фольклора.

В дореволюционной России «альбомная» традиция была довольно развита в среде учащейся молодежи. С. Б. Борисов отмечал, что «девичьи альбомы 1920–1940-х гг. — альбомы во многом “переходного” типа. В них доживают свой век песенные жанры ушедшей эпохи (дореволюционный “жесткий романс”, нэповская “блатная песня” — “Маруся отравилась”, “Мурка”, “Гоп со смыком”), присутствуют текущие официальные военные и политические шлягеры; с институтско-гимназических времен в них встречается жанр личных надписей хозяйке альбома с указанием даты»⁶.

В 2000 г. во время фольклорной практики студентов Вятского государственного университета (бывш. Вятский государственный гуманитарный университет) в пос. Лальск Кировской области от Веры Васильевны Чирковой был получен в подарок рукописный альбом ее сестры Нины Васильевны Корепиной. Альбом представляет собой переплетенную тетрадь, сшитую из

¹ Власов А. Н. Устная память традиции в контексте письменной культуры // Первый Всероссийский конгресс фольклористов : сб. докладов / отв. ред. А. С. Каргин. М., 2006. С. 228.

² Борисов С. Б. Мир русского девичества: 70–90 годы XX в. М., 2002; Рукописный девичий рассказ / сост. С. Б. Борисов. 2-е изд. М., 2004.

³ Головин В. В., Лурье В. Ф. Девичий альбом XX века // Русский школьный фольклор / сост. А. Ф. Белоусов. М., 1998. С. 269–363.

⁴ Калашникова М. В.: 1) Современная альбомная традиция // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 599–619; 2) Литературные произведения в альбоме // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/kalashnikova1.htm> (дата обращения: 14.03.2025).

⁵ Неклюдов С. Ю. Фольклор современного города // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 5–24.

⁶ Борисов С. Б. Любовный рассказ в ансамбле девичьего альбома // Рукописный девичий рассказ / сост. С. Б. Борисов. 2-е изд. М., 2004. С. 26.

различных тетрадей, в 139 листов, с картонными корочками, хранится в личном архиве В. А. Поздеева¹.

Как отмечено в дарственной надписи В. В. Чирковой, Нина Васильевна Корепина родилась в 1922 г., а умерла в 1942 г., сведений о месте рождения и смерти нет². Вероятно, Нина Васильевна в 14 лет поступила в училище, которое тогда называлось Великоустюгский медицинский техникум³. В альбоме есть датировки: на первом листе стоит дата 1936 г., а на последнем (л. 139) — 26 июля 1938 г.; эти даты, возможно, говорят о годе поступления и окончания училища.

Альбом Н. В. Корепиной, на наш взгляд, можно отнести к альбому «переходного» (термин С. Б. Борисова) типа, т. к. в них есть песенные жанры до-революционной России, эпохи НЭПа, предвоенных советских лет.

Нина Васильевна училась в студенческой группе, в которой были только девочки, поэтому на первой странице помещены стихи, которые приглашают подруг писать в альбоме, а также некоторые «правила»:

Пишите милые подруги,
Пишите милые друзья,
Пишите все, что вам угодно
Все будет мило для меня.

Прошу я вас альбом не пачкать,
Притом чернилами писать.
Одних и тех же песен
Прошу не повторять (Л. 1).

Это типичные стихи для начала альбома, владелица как бы задает «тон и правила» его ведения. В этом проявляется не только диалогичность с подругами, но и альтерадресатная диалогичность (Т. Г. Рабенко, Я. О. Гороховая). Конечно же, такие стихи не были оригинальны; вероятно, Нина переписала их у своих старших подруг. Дополняет эти стихи большая роза, вырезанная из какого-то издания, а внизу страницы указано: «Хозяйка альбома Корепина» (Л. 1). В альбоме достаточно много надписей хозяйке альбома с указанием даты, такой маркер является почти обязательным, т. к. указывает на временные рамки общения. Диалогичность проявляется в заглавиях, обращениях. Перед текстами очень много посвящений Нине: «Ниночке», «Нинусе!..», «Нине!!!», «На память Нине!!!», «На память Ниночке», «Нине! Для воспомина-

¹ Далее при цитировании в основном тексте в скобках указывается номер листа. При цитировании сохраняются знаки препинания оригинала, написания слов в большинстве также передаются по оригиналу.

² Дарственная надпись: «На память Вячеславу Алексеевичу от жительницы пос. Лальск Чирковой Веры Васильевны в память о сестре Корепиной Нине Васильевне 1922 умерла 1942 г. окончила медучилище В-Устюге 17/VII-2000 г.».

³ Медучилище создано на основании решения Северо-Двинского губисполкома от 04.04.1922 как акушерская школа г. Великий Устюг.

ний», «На добрую, вечную память Ниночке». Чаще всего эти пожелания писали сокурсницы Нины Васильевны.

Стишок

Что пожелать тебе на память,
Что пожелать в последний раз.
Живите весело, счастливо.
Любите тех, кто любит вас.

Писала студентка медицинского техникума Б. К. (Л. 25 об.).

Девичий альбом — это не только отражение содержательных предпочтений, но и особая форма коммуникации внутри гендерной группы. Есть тексты, которые, вероятно, написаны подругами — еще ученицами или бывшими одноклассницами. На л. 62 приведен известный жестокий романс «Маруся отравилась», а на обороте листа после окончания романса подруга-ученица пишет частушки:

В саду роза расцветала,
Обливалась росой.
Мне давно, давно хотелось
Познакомиться с тобой.

Вот секрет земного счастья —
Никогда не унывать
Что бы с вами ни случилось,
Говорите “Наплевать”.

Писала уч-ца 9 кл. “А” Вохомской средней школы

Петлина В.»¹ (Л. 62 об.).

Во второй частушке отразилась психологическая реакция на «трагическую» судьбу Маруси и на все жизненные несчастья, когда все надо игнорировать. Эти надписи иллюстрируются примитивным рисунком, имеющим форму ромба: в воде отражаются лес и солнце. «В условиях альбомной коммуникации читатель непосредственно включается в прагматическую ситуацию: от него требуется оценка коммуникативного смысла прочитанного и непосредственная реакция на речевой акт автора в виде ответного послания»². Данная цитата подтверждает, что текст романса и последующие частушки вступают в своеобразный диалог.

Часто вверху, на левом или правом краю страницы приклеены вырезки из различных изданий или цветными карандашами сделаны рисунки (Илл. 1), встречаются изображения цветов — от полевых до изысканных роз; есть пейзажи и даже портреты. Вклеены забавные вырезки зверей, птиц, бабочек, жанровых сценок (мальчик несет гуся, девочка с кувшином обнимает кошку, мальчик-барин в китайском костюме сидит верхом на мальчике-слуге,

¹ Мы не можем установить, по какой причине в альбоме текст подписан не сокурсницей, а ученицей В. Петлиной из школы, которая находится в п. Вохма Костромской области.

² Рабенко Т. Г., Гороховая Я. О. Типы диалогичности в жанровой структуре девичьего альбома // Культура и текст. 2021. № 1(44). С. 262–275.

Илл. 1. Альбом Н. В. Корепиной. Л. 28 об.

мальчик идет и дудит в трубу, мальчик сидит на большой ягоде и кусает клубнику, мальчик на коньках катит санки с девочкой и т. п.). Иногда соответственно содержанию текста (романы «Могилы», «Артистка», «Пряха», «Брат и сестра», «Маруся» и др.) приклеены вырезки изображения женских голов. Иногда «иллюстрации» входят в иронический диссонанс с текстом, который помещен на одной странице. Например, романс «Признание» («Я помню чудное мгновение...») «иллюстрирован» вырезкой с изображением рыбы; романс «Шансонетка» («В Ленинграде дом шикарный, есть там номера...») — птицей с длинным хвостом; известный романс «Маруся отравилась» («Вечер вечерится, стелется туман...») — вырезкой из коробки

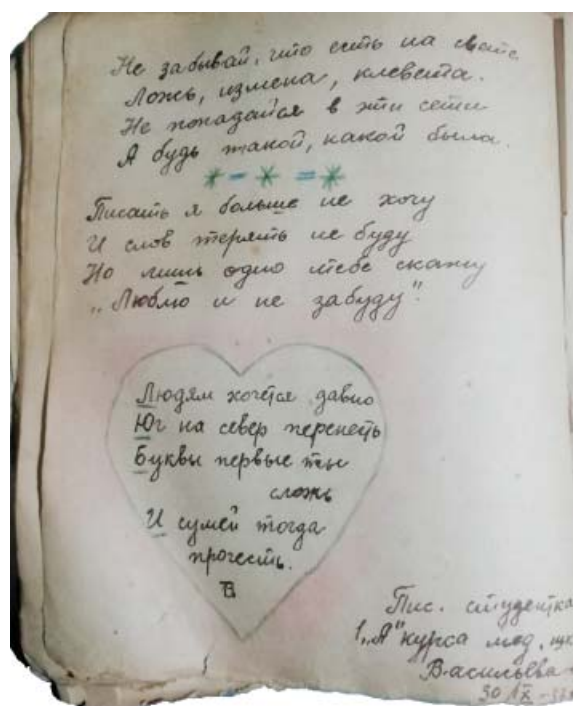
духов «Кармен»; романс «Мать-убийца» — вырезкой, на которой изображен мальчик в большой фуражке и больших сапогах с розой в руке; романс «Литейный мост» («Литейный мост большой чугунный, / А на мосту огонь горит...») — вырезкой с изображением ребенка, который сидит верхом на большой собаке; романс «Зверство матери» — рисунком, на котором две женщины, одна стоит, другая, опустив голову, закрытую распущенными волосами, сидит, в правом углу — вырезка ягоды вишни; романс «Морячка» иллюстрируется вырезкой: девочка сидит на катушке ниток и вяжет чулок.

В альбоме есть несколько анаграмм, например:

Людям хочется давно
Юг на север перенести
Буквы первые ты сложи
И сумей тогда прочесть.

Эта анаграмма вписана в изображение сердца, рядом надпись: «Пис[ала] студентка 1 «а» курса мед. шк. Васильева А. 30/IX-37 года» (Л. 20 об.) (Илл. 2).

Цепями я буду закован,
Ездит[ь] к вам ни могу.
Летать я кажис[ь] не способен,
Увидеть я вас ни могу.
Юности нашей не стоит
Время ученья любви.
А если хош[ь] узнат[ь], Маруся,
С боку заглавные буквы прочти (Л. 38).

Илл. 2. Альбом Н. В. Корепиной. Л. 20 об.

В стихах, которые как бы писались от имени подруг, тема любви, верности, измены — главная. В них предостерегают адресат от поспешной любви, от последствий любви, от близости с молодым человеком:

Погоди, не люби слишком рано.
 Счастье будет еще впереди,
 Ведь любовь принесет много горя
 Неболевшему сердцу в груди (Л. 13 об.);
 Не надо так сильно влюбляться,
 Не надо так сильно любить,
 Ведь будет трудней расставаться,
 Труднее любовь позабыть.
 Писала Рожина Л. С. 1 “а” курс (Л. 16 об.).

Возникает в альбоме и тема проводов парней в армию, такова песня «Прощальная» — о расставании с молодым человеком, призванным на флот:

Уходя, любимый обернется,
 Я тогда махну ему крылом.
 Почтальон с письмом от краснофлотца
 Скоро постучится под окном
 Милый мой напишет мне про море,
 Про его высокую волну
 Днем и ночью корабли в дозоре
 Берегут Советскую страну (Л. 35).

Содержание песен и романсов традиционно для девичьих альбомов сосредоточено на любовной тематике, в которой есть различные любовные си-

туации: счастливая / несчастная любовь, измена парня или девушки, инцест брата и сестры, отец убивает дочь, мать убивает сына.

Есть в альбоме юмористические стихи и песни-небылицы (Илл. 3).

Несколько песен так или иначе связаны с медицинской или учебной / студенческой тематикой¹, например:

Илл. 3. Альбом Н. В. Корепиной. Л. 32.

Всего пишу четыре слова,
А ты на это дай ответ,
Скажи всю правду ты сердечно,
Любить вас можно или нет. <...>
Вспомни, Нина, школу,
Вспомни наш веселый класс,
Вспомни все наши работы,
Вспомни всех подружек нас.
Писать я много не берусь, но на память распишусь.
Кедровская (Л. 3).

Так как Нина училась в медучилище, в альбоме есть несколько песен и стихов на медицинские или учебные темы, хотя они все так или иначе связаны с темой любви.

В медичку можно увлекаться (sic! — В. П.)
Медичку можно полюбить,
Но нельзя над ней смеяться,
Она может отравить (Л. 15 об.).

¹ См.: Миронов В. Студенческая добардовская песня // Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2010/06/23/1228> (дата обращения: 14.03.2025).

В альбоме приведен оригинальный вариант песни «Зубы», более известный как «Четыре зуба»¹, обычно начинающийся словами «Цилиндром на солнце сверкая...»; в альбомном варианте начало иное: «Алмазы на солнце блистали / Оделся я в синий сюртук...». В нем рассказывается история о том, как парень «завязал роман» с Ниной, но бросил ее, встретив «девицу дружую». В традиционном варианте он гулял с Ниной четыре года, в альбомном не указано, сколько длился роман с Ниной. После того, как он простудился и у него заболел зуб, он пошел к зубному врачу, это оказалась брошенная девушка Нина, она связала ему руки и...

Четыре здоровые зуба
Мне вырвала сразу подряд.
В тазу мои зубы лежали,
А я как дитя зарыдал.
А женщина врач хохотала,
Тут голос я Нины узнал.
Тебя я безумно любила,
А ты изменил, шарлатан,
Возьми же, возьми эти зубы
На память за Нинин обман (Л. 25–25 об.).

В альбоме есть известная студенческая песня «Письмо студента» («Кончив ВУЗ и по глухим селеньям...»), имеется много ее вариантов, различающихся началом и окончанием. Один из вариантов начала:

Окончим МГРИ — по городам, селеньям
Разлетимся в дальние края... <...>
Тяжело, любимая... И все же
Ты не хмурь свою густую бровь —
Наше дело общее дороже,
Чем любая частная любовь².

В рассматриваемом альбоме последнее четверостишие такое:

Тяжело, любимая, но что же
Сердцу больно, что же делать вновь.
Наше дело в сотню раз дороже,
Чем такая пылкая любовь.
Писала Н. К. (Л. 105–105 об.).

В медицинском училище изучали химию, поэтому, естественно, в альбоме есть песня «Любовь химика». В песню включаются химические формулы, и возникает любовная аналогия химии:

Мне нет покоя в этом мире,
Безумна воля как азот — N

¹ Достаточно популярная песня, которая исполнялась на мелодию песни Владимира Сабина «Гусары-усачи» («Оружьем на солнце сверкая...»), написанную в 1912–1913 г.

² И. Власов написал эту песню, когда учился в Московском геологоразведочном институте в 1938 г. URL: <https://m.ok.ru/group/54130241896512/topic/155700736566080> (дата обращения: 14.03. 2025).

И как H_2SO_4 любовь во мне
Все сердце жмет и жмет.
А помнишь, как мы плыли в лодке?
Здесь H_2O , а там небосклон,
И этот вечер, как в царской водке,
Я был тобою растворен.
Сливаясь сердцем я с тобою,
Того не выскажут слова,
Как окись кальция с водою,
Как едкий натр и CO_2 .
Клянясь я фосфором и хлором,
Что ты дороже мне всего,
Полна, полна любовь раствором
Пробирка сердца моего.
И на реакцию обмана,
Когда б надеяться я мог,
Тогда светлей ацетилена,
Я в сердце счастья газ зажег.

Писала уч-ца 1 “в” курса сестринского отделения Бобыкина Капа (Л. 117–117 об.).

Еще одна песня «Химия» — это скорее частушечный спев, который имеет хорошо известные варианты:

Чтобы химию учить,
Идиотом надо быть.
Химия, химия, суровая химия.
Припев:
Брюхо пучит, ноги гнет
Это химик наш идет.
Ангидрид да плюс вода,
Это будет кислота (Л. 135 об.).

В альбом включено 5 песен периода Великой Отечественной войны, они, вероятно, вписаны в пустые листы самой Ниной Васильевной, а может быть, и кем-то из родственников.

Только стихотворение «Письмо» атрибутировано, оно начинается на обороте «титального листа», есть еще стихотворение с таким же названием («Письмо»), оно написано на л. 3 об. и продолжается на л. 4 об., там же начинается песня «Белый домик». На этом листе есть приписки «в дни отеч. войны».

Над рекою в полдень жаркий парень домик защищал,
В три окошка домик белый крепче крепости стоял.
Немцы с яростью бросались, немцы лезли напролом.
То винтовкой, то гранатой огрызался белый дом... (Л. 4 об.).

Окончание песни на обороте, а также указано, что «пис[ал] гвардии красноармеец Алексей Егоров» (Л. 5 об.). Никаких сведений об этом красноармейце нет.

В альбом включена песня «Партизан», в начале листа есть надпись «В дни отечественной войны». Эта песня была достаточно популярна во время войны и особенно в послевоенное время в разных регионах СССР:

На опушке леса старый дуб стоит,
А под тем под дубом партизан лежит.
Он лежит не дышит, он как будто спит,
Золотые кудри ветер шевелит... (Л. 1 об.).

Еще одна песня с названием «Фронтная» является своеобразным вариантом известной песни¹:

Любила меня мать уважала,
Что я ненаглядный сынок.
В окопы меня провожала,
Давала с собой узелок,
Крестила дрожащей рукою,
А слезы текли как вода... <...>
Я долго там дрался с врагами
Героем я был на виду
И с орденом красной звездой
Веселый в деревню иду... <...>
Потом от меня отшатнулась,
В лице побледнела слегка,
И ласково, тихо спросила,
— А правая, где же рука?
— Что же ты плачешь, мамаша,
Сумел я народу служить,
Оставшийся с левой рукою
Сумею я мать прокормить (Л. 43 об. — 44 об.).

На л. 50 об. помещен вариант песни «Анюта» (фронтная «Дул холодный порывистый ветер...»), она была написана весной 1942 г., автор текста М. Французов. В альбомном варианте отсутствуют первые две строчки: «Нашу встречу и тот зимний вечер / Не забыть ни за что, никогда...». Еще одна песня военных лет — «Огонек» (л. 95 об.). Известно, что это стихотворение Михаила Исаковского было опубликовано 19 апреля 1943 г. в газете «Правда». Такое уточнение показывает, что тексты военных песен вписывались уже другим человеком, на это же указывает почерк. Внизу листа есть отрывок «Ответ на “Огонек”»:

Не успел за туманами прогореть огонек,
На пороге у девушки уж другой паренек
С золотыми погонами и вся грудь в орденах,
Со знакомой улыбкою с папиросой в зубах.
Не прошло и пол месяца парень шлет письмецо.

¹ Вариант песни см.: Городские песни, баллады, романсы / сост., подгот. текста и коммент. А. В. Кулагиной, Ф. М. Селиванова. М., 1999. С. 61–62.

Оторвало мне ноженьку и побило лицо,
Если любишь по-прежнему и горит огонек,
Приезжай, заberi меня, мой любимый дружок... (Л. 95 об.)¹.

Девичий альбом-песенник конца 1930-х гг. показывает культурно-ценностные, жанровые ориентации молодых людей того времени, в том числе культурные предпочтения студентов медицинского училища провинциального городка Великий Устюг на Русском Севере. Альбом выступает ценным культурно-историческим феноменом, в котором отразилась не только личная судьба владелицы, но и ее окружения, на долю которых выпала нелегкая судьба.

Список источников

Борисов С. Б. Мир русского девичества: 70–90 годы XX в. М.: Ладомир, 2002. 343 с.

Власов А. Н. Устная память традиции в контексте письменной культуры // Первый Всероссийский конгресс фольклористов : сб. докл. / отв. ред. А. С. Каргин. М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 2006. Т. 2. С. 228–243.

Головин В. В., Лурье В. Ф. Девичий альбом XX века // Русский школьный фольклор / сост. А. Ф. Белоусов. М.: Ладомир, АСТ-ЛТД, 1998. С. 269–363.

Городские песни, баллады, романсы / сост., подгот. текста и коммент. А. В. Кулагиной, Ф. М. Селиванова. М.: Филол. факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1999. 623 с.

Калашникова М. В. Литературные произведения в альбоме // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/kalashnikova1.htm> (дата обращения: 14.03.2025).

Калашникова М. В. Современная альбомная традиция // Современный городской фольклор / редкол.: А. Ф. Белоусов и др. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2003. С. 599–619.

Миронов В. Студенческая добардовская песня // Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2010/06/23/1228> (дата обращения: 14.03.2025).

Неклюдов С. Ю. Фольклор современного города // Современный городской фольклор / редкол.: А. Ф. Белоусов и др. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2003. С. 5–24.

Рабенко Т. Г., Гороховая Я. О. Типы диалогичности в жанровой структуре девичьего альбома // Культура и текст. 2021. № 1(44). С. 262–275.

Рукописный девичий рассказ / сост. С. Б. Борисов. 2-е изд. М.: ОГИ, 2004. 510 с.

¹ См.: «Огонек» (переделка). URL: <https://compling2.narod.ru/poems/song46/op25.html> (дата обращения: 14.03.2025).

**Повести «Великого зеркала» в рукописных цветниках
удорских староверов-странников: репертуар чтения
и редакторская работа переписчиков**

Аннотация. Статья посвящена изучению повестей переводного нравоучительного сборника «Великое зеркало», содержащихся в составе лицевых старообрядческих цветников. Авторы обращаются к исследованию трех четых рукописных сборников, созданных и бытовавших в среде удорских староверов-странников в конце XIX — начале XX в. Представленные в цветниках удорских староверов повести «Великого зеркала» по большей части восходят ко второму переводу этого памятника, главная тема повестей — человеческие добродетели и пороки.

Ключевые слова: коми (удорские) староверы-странники, круг чтения, переводной нравоучительный сборник «Великое зеркало», рукописные «цветники»

Старообрядческие четьи сборники, по большей части называемые «цветниками», стали своеобразной приметой и одновременно символом рукописной традиции. Данные книги, предназначенные для душеполезного чтения и направленные на формирование мировоззрения читателя, отражали литературные интересы последователей старой веры.

Исследователи не раз отмечали неопределенность в употреблении термина «цветник» как самими авторами, так и учеными-археографами. Появление данного типа рукописных сборников связано с древнерусской рукописно-книжной традицией. Известно, что все крупные монастыри Древней Руси хранили в своих архивах рукописные четьи сборники, в текстах которых преобладали «душеполезные словеса» религиозно-учительной направленности. Как отмечает И. М. Грицевская, термин «цветник» использовался в древнерусской книжности уже в конце XVI в. (употреблен в описи Соловецкой библиотеки в 1597 г.); в основном подобные сборники создавались не только для общинного, но и для келейного, индивидуального чтения монастырской братии¹. Подбирая сочинения христианских мыслителей, авторитетных нравоучительных сочинений византийских и древнерусских авторов, переписчик «составлял в виде сборника свою личную библиотеку наиболее важных текстов»². Основным принципом составления подобных рукописей древнерусских писателей являлись компиляция и редактирование имеющихся текстов под собственные нужды и запросы читателя.

Рукописные цветники широко представлены в поздней старообрядческой традиции, в частности в письменном наследии староверов-странников (самоназвание — «истинно православные христиане странствующие»), относящихся к наиболее радикальному старообрядческому согласию.

¹ Грицевская И. М. Чтение и четьи сборники в русских монастырях XV–XVII вв. СПб., 2012. С. 321.

² Там же. С. 153.

На территории Русского Севера (Архангельская, Вологодская, Олонецкая губернии) странничество получает активное распространение во второй половине XIX в. Наибольшее влияние на севернорусских староверов оказало течение странников-статейников, духовным руководителем которого являлся Никита Семенович (Киселев) (ок. 1800–1894). Старообрядческий наставник в 60-х гг. XIX столетия составил «страннический устав» («19 статей»), регламентирующий жизнь страннических общин и утверждающих их иерархическое управление¹.

Среди севернорусских странников-статейников сложилась высокая культура книгописания, опирающаяся на традиции древнерусской и ранней старообрядческой книжности. Последователи странничества постигали наследие христианской литературы, пополняя свои личные собрания и общинные библиотеки кириллическим изданиями XVI–XIX вв., рукописными сборниками, созданными авторитетными переписчиками, занимались тиражированием книг для потребностей общины и выполняли рукописи на заказ, получая за это милостыню от мирских староверов.

Встречаются рукописные цветники и в удорской традиции, сформировавшейся в конце XVIII в. на территории северо-западной части Республики Коми, среди последователей старой веры, принадлежащих к коми этнической группе². Начало археографического изучения рукописного наследия староверов Удорского края связано с планомерным обследованием данного региона, осуществленным А. Н. Власовым и его учениками и коллегами³. В ходе экспедиционных поездок было выявлено несколько четых сборников (цветников), хранящихся в Вашкинском рукописном собрании Научной библиотеки СГУ им. Питирима Сорокина: СГУ, Вашк.р.-3, Вашк.р.-23, Вашк.р.-21⁴. Данные книги в ряде случаев не только содержат тексты известных литературных памятников, отражающие круг чтения коми староверов, но и свидетельствуют о высоком мастерстве местных переписчиков. Рукописные цветники могли богато иллюминироваться, в них нередко представлены инициалы, заставки, концовки поморской стилистики, а также сюжетные миниатюры, сопровождающие представленные в рукописях тексты.

Особое место среди четых сборников удорских странников занимают лицевые цветники, выявленные в государственных и частных собраниях: рукописный сборник «Духовный цветник» из частного собрания П. Ф. Лимерова (далее — ДЦ)⁵, «цветник» из частного собрания, хранящийся в настоящее

¹ Мальцев А. И. Статьи Никита Семёнова (1860 г.) и раскол страннического согласия // История церкви: изучение и преподавание : материалы науч. конф., посвящ. 2000-летию христианства. Екатеринбург, 1999. С. 222–227.

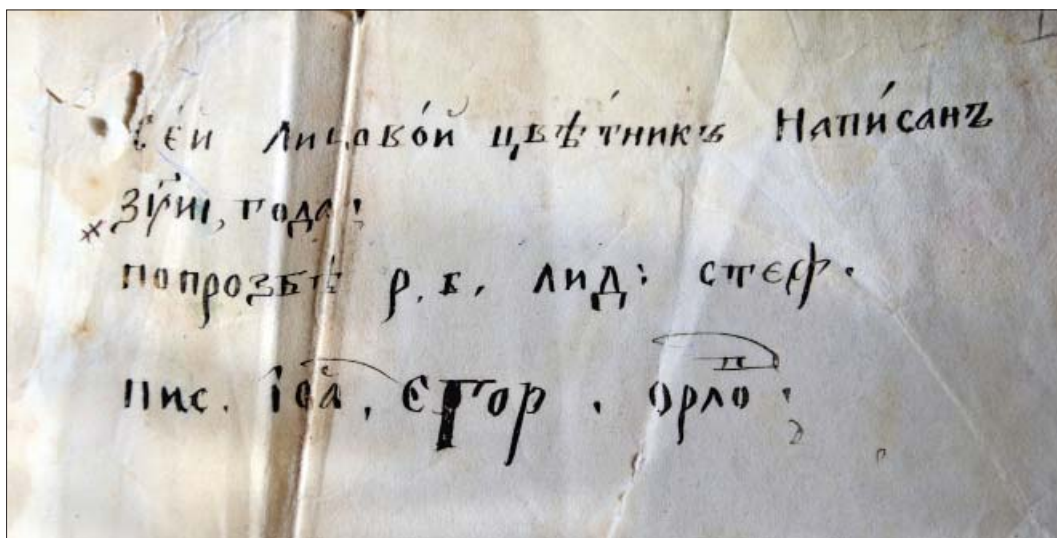
² Прокуратова Е. В. Старообрядческая культура Коми края XVIII–XX веков: книгописная деятельность и литературное творчество удорских староверов. СПб., 2010. С. 156–178.

³ См. статью Е. А. Рыжовой в настоящем издании.

⁴ СГУ. Вашк.р.-3. Сборник страннический. XIX в. (кон.) — XX в. (нач.). 4°. 97 л. Полуустав; Вашк. р. 21. Цветник страннический. XX в. (нач.). 4°. 148 л. Полуустав; Вашк. р. 23. XX в. (нач.). 4°. 384 с. Стеклограф.

⁵ Частное собрание П. Ф. Лимерова. Цветник духовный. XX в. (нач.). 4°. 264 л. Полуустав двух почерков. Киноварь в заголовках и инициалах. 116 миниатюр.

время в с. Межадор Сысольского района Республики Коми (далее — МЦ)¹, и рукопись из собрания Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера», г. Архангельск (далее — АЦ)². Все три удорские книги созданы в конце XIX — начале XX в. При этом точно установлено имя одного переписчика, составителя АЦ — Иосафа Егоровича Коровина (в миру — Платона Егоровича Коровина (1882–1938 (?))³. В АЦ имеется запись удорского книжника и иконописца: «Сей лицевой Цветник написанъ 7418 (1910) года по прозбе р.б. Лид[ии] Стеф[ановны]. Пис[ал] Иоас[аф] Егор[ович] Орлов»⁴ (Илл. 1).

Илл. 1. Цветник. 1910 г. Автограф И. Е. Коровина (Архангельский областной музей изобразительных искусств. КП 8219. Кн. 245).

В цветниках содержатся нравоучительные тексты, выписанные старообрядческими авторами-составителями из различных авторитетных книг — Евангелия, сочинений отцов и учителей церкви (Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина), переводных патериков, Пролога, Четий-Миней, дидактических сборников «Великое зеркало» и «Альфа и Омега».

Цель старообрядческих книжников — собрать под одним переплетом поучительные и занимательные рассказы о праведниках и грешниках, отступивших от истинного православного вероисповедания. Удорские книжники включали в четьи сборники нравоучительные тексты о греховном поведении человека, тем самым предостерегая своего читателя от пагубных пристрастий и необдуманных поступков, заботясь о спасении его души.

¹ Частное собрание (с. Межадор). Цветник лицевой. XIX (кон.) — XX в. (нач.). 4°. 250 л. Полуустав. Киноварь в заголовках и инициалах. Миниатюры.

² Архангельский областной музей изобразительных искусств. КП 8219 (Кн. 245). Цветник лицевой. 1910. 4°. 255 л. Полуустав. Киноварь в заголовках и инициалах. 113 миниатюр. Описание рукописного сборника АЦ см.: Ненашева Л. В. Рукописная книга Русского Севера XV–XX вв. в собрании Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера». М., 2019. С. 331–365.

³ Прокуратова Е. В. Указ. соч. С. 216–217.

⁴ Фамилию Орлов книжник Иосаф Егорович использовал как псевдоним.

Значительная часть текстов лицевых цветников переписана из переводного религиозно-нравоучительного сборника XVII в. «Великое зеркало» (далее — ВЗ), неоднократно переводившегося с польского на русский язык и пользовавшегося особой популярностью среди русских читателей¹. Наиболее известным стал перевод 1633 г., ставший третьим польским изданием ВЗ. О. А. Державина считает, что именно с этого издания и был осуществлен перевод на русский язык в период с 1675 по 1677 г. Второй русский перевод выполнен неизвестным переписчиком в конце XVII в. В этот вариант вошли не все тексты польского издания, а только избранные русским составителем. Неизвестный автор подходил к выбору и переводам текстов не только критически, но и творчески, что проявилось в редакторской работе над повестями².

Повести ВЗ получают широкое распространение в старообрядческой рукописной традиции Русского Севера³. Выявляя источники новелл из ВЗ, представленные в составе удорских рукописей, мы привлекли для изучения тексты, опубликованные О. А. Державиной в монографии «“Великое зеркало” и его судьба на русской почве»⁴ (всего в издании содержится 262 текста). Как показало текстологическое исследование, включенные в состав удорских рукописей тексты ВЗ принадлежат ко второй русской редакции и касаются самых разнообразных тем: семейных отношений (отцов и детей), болезней человека, недостойного исполнения обязанностей священнослужителями, жизни праведников и грешников, загробного мира (ад и рай). По большей части в переписанных удорскими староверами повестях рассказывается о грешниках — пьяницах, клеветниках, блудницах, не покаявшихся перед смертью и обрекших себя на вечные мучения. В то же время праведники — благочестивые мужчины и женщины, иночествующие, не только спасают свою душу, но помогают исцелить души своих падших родственников (матерей, отцов).

Изучение состава рукописных цветников позволило выявить в структуре сборников повести из ВЗ: 19 повестей содержатся в ДЦ, 14 текстов включены в МЦ, 18 повестей входят в АЦ. Отметим, что АЦ практически полностью повторяет содержание ДЦ, за исключением отсутствия в АЦ повести «О склонении ко грѣху непокаявшаяся инокиня вѣчно осуждена мучиться» (гл. 112).

Сравним состав трех удорских цветников и текста ВЗ, опубликованного Державиной (второй перевод).

¹ Владимиров П. В. «Великое Зерцало» (Из истории русской переводной литературы XVII в.). М., 1884. С. VIII–IX.

² Державина О. А. «Великое зеркало» и его судьба на русской почве. М., 1965. С. 17.

³ О бытовании повестей ВЗ в печорских рукописных сборниках см.: Карманова Н. А.: 1) Печорский крестьянин-старообрядец И. С. Мяндин — переписчик и редактор новелл Великого Зеркала // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2006. Вып. 11. С. 90–110; 2) Старообрядческий писатель С. А. Носов — переписчик и редактор новелл Великого Зеркала: (по материалам фонда ОРК НБ СыктГУ) // Староверие на Северо-Востоке европейской части России : сб. ст. Сыктывкар, 2006. С. 92–112.

⁴ Державина О. А. Указ. соч.

№	Название повести	Державина	ДЦ	МЦ	АЦ
1.	«Повесть о женѣ, потаившей грѣх стыда ради»	+	+	+	+
2.	«О склонении ко грѣху не покающаяся инокиня вѣчно осуждена мучиться»	+	+	+	—
3.	«Повѣсть о женѣ, не исповѣдавшей грѣха, и того ради казнима бѣ»	+	+	+	+
4.	«Яко о том пианица осужден по смерти пити огонь и смолу и сѣру»	+	+	+	+
5.	«О клеветникѣ иже посмерти осужденъ языкъ свой ясти»	+	+	+	+
6.	«Повѣсть отца сыном в муках взаимно себѣ проклинаятъ»	+	+	+	+
7.	«Повѣсть о некоѣм попѣ умѣршемъ, его же дѣти духовныя умѣршия в студенецъ адский изнаша»	+	+	+	+
8.	«Повѣсть о женѣ, утаившей грѣхъ»	—	+	+	+
9.	[О девице, неисповедавшей грѣхъ]	—	+	+	+
10.	«Нѣкто священно инок моляся о матери своей и отпущении грѣховъ ея»	+	+	+	+
11.	«Слово преподобного отца нашего Венедикта о ученицѣ его Иоаннѣ»	—	+	+	+
12.	«О еже како дѣтище взаемъ взятыхъ вещей забы возвратити и за сие велие мучение терпяше» ¹	+	+	—	+
13.	«Какъ страннопришельца брата ангелы утѣшаютъ»	—	+	—	+
14.	«Слово яко сребролюбцево сердце отдается в руце дьяволу»	+	+	—	+
15.	«Яко отроча в пяти лѣтѣхъ в недобрѣ воспитании родителей обыче злоречи, и за сие от дѣмоновъ во адъ очевидно восхищен бысть слово родителя»	—	+	—	+
16.	«О еже како видѣ нѣкий старецъ множество дѣмоновъ приишо сѣмъ жителствомъ во всецеломъ и великомъ градѣ, единого токмо бѣса видѣ»	+	+	—	+
17.	«О еже честь воздаяти родителемъ и не презирати ихъ зѣло ужасно и полезно»	+	+	+	+
18.	«Яко лучши зде скорби терпети и примати беды, нежели тамо»	+	+	+	+
19.	«О славе небесней и о радости праведныхъ вечней выписано изъ книги Пролога»	+	+	+	+

¹ В издании текста О. А. Державиной: «О некоемъ отрочати иже великия муки претерпе и отъ тѣхъ матерію свою избавися. Гл. 86».

Проведенное текстологическое исследование позволило выявить, что по большей части удорские списки повестей ВЗ восходят ко второму переводу, опубликованному О. А. Державиной. Однако между текстами повестей из издания Державиной и удорскими списками в ряде случаев имеются различия, в отдельных случаях существенные.

Первая группа разночтений касается ошибок переписчиков, и по всей видимости, по невнимательности: допущены неточности в написании слов, изменен порядок написания фраз, пропущены союзы. Приведем некоторые примеры: «сестра» — ДЦ / «сестринница» — МЦ; «нам» — ДЦ / «вам» — МЦ; «следы» — ДЦ / «слезы» — МЦ; «некий» — ДЦ / «некто» — МЦ; «иностранный» — ДЦ / «чужестранный» — МЦ; «муж» — ДЦ / «мук» — МЦ и т. п.

Вторая группа встречающихся разночтений связана с ошибочным отношением переписчиками новелл ВЗ к другим источникам. Так, повесть ВЗ «О славѣ небеснѣй и о радости праведныхъ вѣчнѣй» (гл. 35) отмечена в лицевых цветниках как текст из Пролога (встречается во всех трех удорских лицевых рукописях). Однако данный текст был ошибочно обозначен как проложный. Текст «О славе небесней...» входит в состав ВЗ второго перевода.

Третья группа разночтений связана с различиями удорских списков с текстами, опубликованными О. А. Державиной, которые влияют на раскрытие сюжета и идейное звучание текста. Примером может послужить повесть «О еже честь воздавати родителем и не презирати их — зело ужасно» (Державина, гл. 68). Данная повесть представлена во всех трех удорских сборниках (Илл. 2). Сравним два удорских списка повести — ДЦ и МЦ с текстом Державиной.

Илл. 2. Духовный цветник. XX в. (нач.). Миниатюра
(Частное собрание П. Ф. Лимерова)

Державина	ДЦ	МЦ
И тако многими леты злобу сына ко отцу казня Бог, никогда же та жаба на лица оного сына изменися, но всегда бе жива и такова, якова исперва бысть. Бе бо се от правосуднаго бога чюдо и казнъ в явление непокоривым. И тако человек той много лет терпя и мучением зело наказан направи ум к покаянию. И прииде ко епископу своему с великою жалостию и сокрушением сердца исповеда грех свой. Даде же ему епископ во исправление покаянию епитимию, еже повсюду ходити открытым лицом и всем грех свой и вину яве творити, чесо ради сие бысть ему. Да приемлют чело-вцы от страшнаго видения и повести приклад, да научатся чада родителей не презирати, и да познают, каково еже не воздавати за благодать родителем, и яко мучит бог согрешающих zde и тамо не кающихся. По долгом же покаянии человек той некий ради святых божиих здравие прия, скверное бо жабное прильпение отъяся от него.	И тако многими лѣты злобу сына ко отцу казня Богъ. И никогда же та жаба на лицѣ онаго измѣнися и всегда бѣ такова, яко и спѣрва бѣ. Бысть бо се от правосуднаго Бога чюдо и казнъ в явление непокоривым дѣтем. Иже кто гдѣ от кого повѣсти сей извѣстися и яко бы чим сердцем пронвесея. И тако человекъ той ображение сие много творя, сокрушенъ ж сый и ословленъ от жабы мучением. Зѣло направилъ умъ свой еже итти покаятися и покаяся, чисто жестоким покаянием. И потом жаба с лица отпала и бычи и проч. Тако ж и мы, братие, да убоимся мучения будущаго, и здѣ казнения, да почитаем и чести воздаем родителей. Послушаючи ихъ и староутѣшим. Богу нашему слава (л. 174 об.–175).	И тако многими лѣты злобу сына ко отцу казня Богъ. И никогда же жаба на лица онаго и како же измѣнися и всегда бѣ жаба такова, яко и сперва бѣ. Бысть бо се от правосуднаго Бога чюдо и казнъ в явление непокоривымъ дѣтем. Иже кто гдѣ от кого повести сей известися и яко бы чимъ сердцем пронзися. И тако человекъ той ображение сие много терпя, сокрушенъ же сый и озловленъ от жабы мучениемъ. Зѣло направилъ умъ свой еже ити покаятися и покаяся, чисто жестоким покаянием. И потом жаба с лица отпала и бысть чистъ и проч. Такожде и мы, братие, да убоимся мучения будущаго, и здѣ казнения, да почитаемъ и чести воздаемъ родителемъ. Послушающе ихъ и старость утѣшим. Богу нашему слава (л. 100 об.–101).

В удорских списках отсутствует целый фрагмент описания пути грешного сына к покаянию. В тексте О. А. Державиной после божественной кары (жабы, которую никакими силами нельзя было снять с его лица) герой отправляется за помощью к местному епископу, который, выслушав признание раскаявшегося грешника, назначил ему епитимию, после чего «проклятый» недуг отступил от небогопослушного сына.

В удорских списках эпизод, связанный с исповедью и покаянием грешника, сокращен: в текстах нет упоминания о епископе, грешник, претерпев-

ший мучения, сам раскаялся в грехах и тем самым избавил себя от страданий: «зѣло направилъ умъ свой еже итти покаяться и покаяся, чисто жестоким покаянием» (ДЦ, л. 352 об.). Редакторскую работу старообрядческого книжника, направленную на изменение текста, можно объяснить тем, что староверы-беспоповцы, к которым принадлежали удорские странники, отрицали официальное священство, не имели рукоположенных священников, не принимая церковных таинств, кроме крещения и покаяния¹. Таким образом, можно полагать, что религиозные убеждения подталкивали переписчиков к сюжетным доработкам текста.

Кроме того, в тексте Державиной традиционное нравоучение читателей расположено перед развязкой новеллы, после чего следует описание покаяния грешника, тогда как в удорских цветниках это нравоучение содержится в самом конце и завершается традиционной фразой «Богу нашему слава!» Наблюдается в рассматриваемых примерах и стремление удорских старообрядцев к сокращению текстов. Сами обращения к читателю также отличаются: в тексте Державиной это обращение носит пространный, обобщенный характер («Да приемлют человецы от страшнаго видения и повести приклад, да научатся чада родителей не презирати, и да познают...»); в удорских цветниках — нравоучение направлено непосредственно на читающего («такое же и мы, братие»), сокращая тем самым дистанцию между составителем и адресатом.

Еще одним примером разночтений может послужить повесть «Нѣкто священноинок моляся о матери своей о отпущении грѣховъ ея» (гл. 201), которая в публикации О. А. Державиной носит название «О некоем священноиноке иже о матери своей моляся, и какова ему показася за преизлишнее телесное украшение» (гл. 211). Различия между текстом Державиной и удорскими повестями присутствуют в названии и нумерации главы: у Державиной приведена «глава 211», в удорских цветниках — «глава 201». Кроме того, в названии повести в публикации Державиной указывается причина наказания блудницы — «преизлишнее телесное украшение», в то время как в названии текста удорских списков упомянуто только то, что инок молился о своей грешной матери.

Героями этой повести являются священноинок и его скончавшаяся «блудная» мать. Грешница появляется перед сыном в традиционном для описания загробных мук блудниц виде: абсолютно нагая, сидящая на лютном змее, окруженная демонами, извергающая из уст пламень и истерзаемая различными «адскими» животными: «Изо устъ ея исходитъ пламень огненный, по руку и по ногу связана желѣзными цѣпми огненными, спреди же ея и создади два дѣмона. Еже спреди ея той биаше камением по устом и по зубом, сокрушаючи ей челюсти. А иже создади ея дѣмонъ той трезубцами терзаши тѣло ея. На главѣ же ея сидитъ змия, скорпия лютая и сосет мозгъ ея. Во уше сѣхъ ея две мышцы. Во очесехъ же ея двѣ ящерицы, около вый ея обвился есть ужъ великий и сосетъ сосца ея. На рукахъ ея перстни огненны» (ДЦ, л. 207).

¹ Прокуратова Е. В. Указ. соч. С. 374.

Обращает на себя внимание и описание эмоционального состояния инока в момент видения: от страха он оторопел и не мог произнести ни слова («Яко от страха того отиде от него гласъ и не могии проглаголяти» ДЦ, л. 207). Примечательны диалоги матери и сына. При своем первом обращении грешница просит инока не бояться ее, т. к. она не способна ему навредить. На просьбу сына объяснить, какие муки в загробном мире претерпевает мать, блудница подробно описывает свои мучения и причины своего осуждения. Кроме того, во всех списках присутствует отказ блудницы от помощи и просьба не молиться за нее, ведь никакие силы не способны избавить грешницу от божественного наказания.

В лицевых цветниках по сравнению с публикацией Державиной можно наблюдать стремление переписчика к сокращению текста: опускаются обстоятельства, при которых посылается видение, повествование сразу начинается с явления блудницы. Приведем начало повести о матери-блуднице в списках ДЦ и МЦ и тексте Державиной, ср.:

Державина	ДЦ	МЦ
Бе некий священноинок, иже непрестанны слезныя молитвы и литургии за душу матери своея приношаше и великое покаяние за ню творю. И дня некоего с великими слезами молитву свою о матери Богови принося, узре пред собою мать свою, на вселютом и злобном змии сидящую и ездящую.	Исе внезапно видѣ мать свою сѣдѣшу на змии страшном (л. 207).	Исе внезапно видѣ мать свою сѣдѣшу на змии страшном (л. 87).

Кроме того, разночтения касаются и диалога блудницы с сыном. Монолог матери, рассказывающей о постигших ее муках, в тексте Державиной значительно объемнее, чем в удорских списках. Имеются различия также в порядке вопросов и обозначения причины происходящего. Если в лицевых цветниках вначале приводится вопрос сына о том, «что происходит», после чего обозначается причина происходящего («почему это происходит»), то в тексте Державиной мы видим обратный порядок смысловых единиц: вначале автор обозначает причины загробных мук матери-блудницы, а потом показывает саму ситуацию-видение.

Примечательно, что тема блуда — повествование о неверных женах, блудницах — присутствует в ряде повестей ВЗ, включенных в удорские лицевые цветники: «Повесть о женѣ, потаившей грѣх стыда ради», «О склонении ко грѣху не покаившася инокиня вѣчно осуждена мучиться», «Повѣсть о женѣ, не исповѣдавшей грѣха, и того ради казнима бѣ», «Повѣсть о женѣ, утаившей грѣхъ», [О девице, не исповедавшей грѣхъ] (название не указано), «Нѣкто священноинок моляся о матери своей о отпущении грѣховъ ея». Большая часть этих текстов в удорских сборниках следуют друг за другом и стро-

ятся по определенной сюжетной модели: блудный грех — смерть без исповеди — явление после смерти близкому родственнику на огненном змее — рассказ о своих мучениях.

Таким образом, рукописные цветники удорских староверов-странников нередко содержат повести ВЗ, по большей части восходящие к наиболее распространенному в севернорусской книжности второму переводу. Старообрядческих переписчиков и читателей привлекала религиозно-нравоучительная направленность сборника и его занимательные истории, в которых оказывались герои — простые люди, поддающиеся различным соблазнам, совершающие необдуманные поступки. Красочные миниатюры, сопровождающие и поясняющие сюжеты повестей, безусловно привлекали внимание старообрядческих книжников и позволяли перевести словесный текст на изобразительный (графический) язык.

Список источников

Владимиров П. В. «Великое Зерцало» (Из истории русской переводной литературы XVII в.). М.: Императорское Общество истории и древностей российских при Московском ун-те, 1884. 276 с.

Державина О. А. «Великое зеркало» и его судьба на русской почве. М.: Наука, 1965. 438 с.

Грицевская И. М. Чтение и четьи сборники в русских монастырях XV–XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 425 с.

Карманова Н. А. Печорский крестьянин-старообрядец И. С. Мяндин — переписчик и редактор новелл Великого Зерцала // Старообрядчество: история, культура, современность. М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 2006. Вып. 11. С. 90–110.

Карманова Н. А. Старообрядческий писатель С. А. Носов — переписчик и редактор новелл Великого Зерцала (по материалам фонда ОРК НБ СыктГУ) // Староверие на северо-востоке европейской части России : сб. ст. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2006. С. 92–112.

Мальцев А. И. Статьи Никиты Семёнова (1860 г.) и раскол страннического согласия // История церкви: изучение и преподавание : материалы науч. конф., посвящ. 2000-летию христианства. Екатеринбург: Изд-во Урал. госун-та, 1999. С. 222–227.

Ненашева Л. В. Рукописная книга Русского Севера XV–XX вв. в собрании Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера». М.: Северный паломник, 2019. 392 с.

Прокуратова Е. В. Старообрядческая культура Коми края XVIII–XX веков: книгописная деятельность и литературное творчество удорских староверов. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. 528 с.

Образ коня в эпосе Урала

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу образа коня в текстах из сборника Кириши Данилова и в более поздних записях Уральского региона, которые являются в основном прозаическими пересказами былин, что говорит об угасании традиции в то время или о возможном ее отсутствии. Результаты исследования показали, что образ коня в сборнике Кириши Данилова включает множество элементов, общих для всего русского эпоса, но отличается рядом деталей от более поздних уральских записей, где встречаются оригинальные мотивы. Это объясняется, видимо, внеуральским происхождением текстов сборника.

Ключевые слова: Урал, Кириша Данилов, эпос, конь, богатырь

Образ коня в эпосе уже привлекал внимание исследователей, но мы рассмотрим, как он представлен в былинах конкретного, Уральского, региона.

Наиболее ранним источником и основой уральской эпической традиции считается сборник Кириши Данилова, к которому присоединяются записи и публикации отдельных исследователей более позднего периода. Последние являются большей частью прозаическими пересказами былин, что говорит об угасании традиции или о ее отсутствии как таковой. Чтобы определиться в этом вопросе более четко, мы сравним, как представлен образ богатырского коня в сборнике Кириши Данилова и в поздних записях¹.

Следует отметить, что конь в эпосе составляет единое целое со своим всадником — как своего рода кентавр. Но в некоторых фрагментах конь выступает как самостоятельный персонаж, наделенный собственными силой и разумом. При анализе уральского материала нам встретился следующий ряд мотивов, связанных с образом коня: добывание или выбор коня; его свойства или качества и оценка этих качеств, похвальба конем; богатырь и конь как единое целое; уход за конем: его седлание, кормление-поение и привязывание; минуты «слабости» коня; посмертие героя и его конь; спор сокола с конем и др.

1. Добывание или выбор коня. С мотивом добывания и выбора коня в уральском материале связаны в основном прозаические фрагменты, зачастую сказочного характера, причем исключительно в сюжете «Исцеление Ильи Муромца». Побуждают Илью к этому исцелившие его старцы: «И они ему сказали: „Здесь мужик поведет жеребенка. Ты его купи. И пой его, корми. Это будет тебе слуга верный“»²; «А где мне конь?» — <...> — «А поди

¹ Для анализа было взято 57 фрагментов текстов методом сплошной выборки из указанных в списке литературы источников.

² РО ИРЛИ. Ф. 690 (Богословский П. С.). Оп. 1. № 120. Л. 6. (Далее — Богословский). Здесь и далее в цитатах из былинных текстов курсивом отмечены фрагменты, непосредственно относящиеся к образу коня.

в поле, сгаркай: “Сивко-Бурко, вешшой, моу, коурко”. Тебе-ка станет конь — из рóту огонь”»¹.

В одном случае мотив добывания и выбора коня совпадают: «И еще подарили они ему уздечку и наказали: “Иди с этой уздечкой на базар и купи коня, чтобы уздечка была не больша и не мала коню”. Отец с матерью уж дома, радуются, что он оздоровел, а про коня говорят: “У нас в пригоне кони добрые, а ты купил худенькую лошаденку”. — “У вас кони добры, да мне негодны. Я на них руку положу, они от моей руки гнутся, а мой конь не гнется”»².

Мотив выбора коня присутствует лишь в одном из текстов записи конца XIX в. на сюжет «Добрыня и Алеша»:

«Благослови, матушка, взойти на конюшен двор,
Выбрать под себя мне коня доброго.
Коня доброго, все иноходнаго».
Тут входил Добрыня на конюшенку
И вскричал Добрыня своим громким голосом:
«Уж вы гой еси, мои кони добрые,
Кони добрые, все иноходные!
Сослужите мне службу не дальнюю и не ближнюю,
Совезите меня от восхода до запада,
К тому озеру к Белоозеру». <...>
Тут все кони испугались,
Повесили свои буйны головы,
Потупили очи ясны во сыру землю.
Ответ на них держал один буланый конь:
«Уж ты гой еси, наш хозяин ласковый,
Добрыня сын Никитьевич!
Сослужу я тебе службу не дальнюю и не ближнюю,
Когда минет двенадцать лет»³.

2. Свойства или качества коня и оценивание этих качеств. Здесь мы встречаем традиционные признаки богатырского коня: «конь — из рóту огонь» [Мехнецова. С. 47]; «конь под ним как бы лютой зверь»; «конь и бур, космат, / У коня грива на леву сторону до сырой земли»⁴. Ср.: «Под ним добрый конь, что лютой зверь, разыграется» [Коротины. С. 128] и др.

Наиболее живописный вариант встречается у Кирши Данилова в сюжете «Иван Гостиный сын»:

¹ Мехнецова Г. Н. Следы былинного эпоса: записи Г. И. Сулейманова в Прикамье // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 4. (Далее — Мехнецова). С. 47.

² Блажес В. В. Эпический сюжет 650 С* в современных записях // Фольклор Урала. Вып. 6: Фольклор городов и поселков. Свердловск, 1982. (Далее — Блажес). С. 153.

³ Коротин Е. И., Коротин О. Е. Устное поэтическое творчество уральских (яицких) казаков: Антология. Ч. 1: Песенное творчество. Самара, 1999. (Далее: Коротины). С. 122.

⁴ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977. (Далее — Кирша Данилов). С. 20.

*Стал ево бурко передом ходить,
 И копытами он за шубу посапывати,
 И по черному соболу выхватывати,
 Он на все стороны побрасовати, —
 Князи и бояра дивуются,
 Купецкия люди засмотрелися.
 Зрявкает бурко по-туриному,
 Он шип пустил по-змеиному, — <...>
 А князи-та и бояра испужалися,
 Все тут люди купецкия
 Акарачь они по́ двору напоззалися.
 А Владимир-князь со княгинею печален стал <...>.
 Кричит сам в окошечко косящето:е:
 «Гой еси ты, Иван Гостиной сын!
 Уведи ты уродья со двора долой!»*

[Кирша Данилов. С. 41–42].

Более поздние описания проще и по форме, и по содержанию:

1. «Он пошёл, себе имал коня милову, / Коня милову, Илюша, *иноходова*»¹. Стоит отметить, что признак «иноходности» встречается довольно часто, видимо, как особое качество богатырского коня.

2. Топот коня Добрыни сопровождается природными потрясениями: «Мать родная уже давно ждет Никиту, услышала она топот его богатырского коня и говорит: *“Не сыра ли земля колышется, / Не леса ли зеленые к земле клонятся, / Не Никитушка ли ко мне домой возвращается?”*»².

3. Поступь богатырского коня способна изменить сам природный ландшафт: «*Богатырский конь Ильи Муромца глубоко выдергивал копытом землю, и из глубокой ископыти богатырского коня забили колодцы, и вода в них никогда не высыхала*» [Городцов. С. 24–25]; «*Конь под богатырем Святогором был под стать седоку: велик ростом и был он силы великой. Идет конь шагом, а копыта коня по щетку врезаются в каменную гору*» [Городцов. С. 30].

4. Сам конь подобен вихрю: «*Конь летит, как черная туча*» [Богословский. Л. 11] и др.

5. В одной из лиро-эпических песен уральских казаков встречаем такую характеристику коней: «*Наши лихие уральские кони / Готовы и в воду, и крепки в поход*»³.

¹ Русский дом. Русские легенды, мифы, эпические баллады, духовные стихи, старинные и современные сказки, басни, говоры, диалектные и фразеологические словари, пословицы и поговорки, присказки (конец XIX — вторая половина XX — начало XXI века) в рассказах старожилов Зауралья / авт.-сост. Л. А. Саверский. Курган, 2018. Ч. 2. (Далее — Русский дом). С. 105; ср.: Коротины. С. 151–152.

² Городцов П. А. Были и небылицы Тавдинского края : в 3-х т. / под ред. В. Я. Темплинга. Тюмень, 2000. Т. 1. Сказки. (Далее — Городцов). С. 29.

³ Песни уральских казаков / зап., нот., сост., вступ. ст. и коммент. Т. И. Калужниковой. Екатеринбург, 1998. (Далее — Калужникова). С. 89.

6. Уникальны бумажные крылья коня Тугарина Змеевича: «Садился на своего добра коня, / Поднялся на бумажных крыльях поднебесью летать» [Кирша Данилов. С. 104].

Добрый конь в текстах Кирши Данилова «Михайла Казаринов», «Илья Муромец и разбойники», «Дюк Степанович» оценивается по ряду признаков и качеств:

*А конь под ним — как лютой зверь,
Цены коню, сметы нет.
Почему коню цены-сметы нет?
Потому ему цены-сметы нет:
За реку броду не спрашивает,
Он скачет, конь, с берегу на берег,
Котора река шириною пятнадцать верст*
[Кирша Данилов. С. 110]¹.

В более поздних записях мотив оценивания коня не встречается.

Конь же часто становится предметом похвальбы на пирах: «Кто хвастат силою, хто хвастат молодой женой, хто хвастат старой матерью, хто хвастат добрым конём»².

3. Образ богатыря в связке с конем. Образ коня и образ всадника, как правило, существуют в неразрывном единстве, метаморфозы одного сопровождаются метаморфозами другого. Особенно ярко это проявлено в текстах Кирши Данилова. Кроме традиционных формул «садился на добра коня» или «скочил с добра коня» и др., встречаются гораздо более детальные и художественно богатые описания:

*Как есён сокол вон вылётывал,
Как бы белой кречет вон выпархивал, —
Выезжал удача доброй молодец,
Молоды Дюк сын Степанович...
А и конь под ним как бы лютой зверь,
Лютой зверь — конь и бур-космат,
У коня грива на леву сторону до сырой земли,
Он сам на коне — как есён сокол,
Крепки доспехи на могучих плечах*
[Кирша Данилов. С. 20]³.

(Ср.: «Выезжал-то тут Дюк Степанович, / Добрый молодец, / На своем-то на добром коне, в буром бахмате, — / Под ним добрый конь, что лютой зверь, разыграется. / Сам сидит он на добром коне, как ясен сокол» [Коротины. С. 128]).

Сравним с описанием противника героя и его коня:

¹ Ср.: Кирша Данилов. С. 223; с. 20: «цена коню пять тысячечей».

² Черных А. В. Вновь к вопросу о бытовании былин в Пермском Прикамье // Традиционная культура. 2020. Т. 21, № 4. (Далее — Черных). С. 38. Ср.: Кирша Данилов. С. 39.

³ Ср.: Кирша Данилов. С. 110, 223.

*В вышину ли он, Тугарин, трех сажень,
Промеж плечей — кося сажень,
Промежу глаз — калена стрела,
Конь под ним, как лютой зверь,
И из хайлища пламень пышет,
Из ушей дым столбом стоит!* [Кирша Данилов. С. 100].

Пока богатырь уничтожает противника копьем и мечом, конь его топчет:

*Приправил он своего добра коня,
Принастегивал багатырскова <...>
Первова татарина копьем сколол,
Другова, собаку, конем стоптал* [Кирша Данилов. С. 113].

(Ср.: «Тог<да> сел И<лья> на сво<его> добр<а> коня и сказ<ал>: <...> “Ну, не ясён со<кол> налетал на гусей и на лебедей, и прирубил все войски 30 000, и конь грудью измял”» [Богословский. Л. 9–9 об.]).

Аналогичная формула распространяется и на описание коня противника героя:

*И увидел Тугарин Змеевич Алешу Поповича,
Заревел зычным голосом:
«Гой еси ты, Алеша Попович млад!
Хошь ли, я тебе огнем спалю?
Хошь ли, Алеша, конем стопчу <...>?»*
[Кирша Данилов. С. 105].

Сравнение коня с лютым зверем не случайно. Ведь боевой богатырский конь участвовал в схватке наравне с хозяином, рвал зубами и бил копытами противника, являясь самостоятельной грозной силой.

Конь и богатырское оружие неотделимы от своего хозяина и в плену:

*Оне крюки-багры заметывали,
Подымали ево на стену высокою
Со ево добрым конем. <...>
Взяли у нево добра коня,
И взяли палицу медную,
А и тяжку литу в триста пуд* [Кирша Данилов. С. 138], —

и в могиле:

*И тут Пóток Михайла Иванович
С конем и сбруею ратною
Опустился в тое ж могилу глубокаю <...>
И стоял он,
Пóток Михайла Иванович,
В могиле с добрым конем
С полудни до полуночи* [Кирша Данилов. С. 119, 120].

И как апофеоз единства всадника и коня звучат завершающие слова казачьей лиро-эпической песни:

Но мы ошибку ту исправим
И в наступательном бою
Своей отвагою докажем,
Тогда нам слава и коню! [Коротины. С. 199].

4. Диалог с конем, говорящий конь-советчик. В ряде текстов традиционно возникает диалог богатыря с конем, где конь наделяется человеческой речью, мудростью и даром предвидения, превышающим данные качества в человеке.

*Провещится ему доброй конь,
Бурочко-косматочко, троелеточко,
Человеческим русским языком:
«Гой еси, хозяин ласковой мой!
Ни о чем ты, Иван, не печалуйся: <...>
Только меня води по три зорѹ,
Медвяною сытѹю поѹ
И сорочинским пшеном корми.
И пройдут те дни срочныя
И те часы урочныя,
Придет от князя грозен посол
По тебя-та, Ивана Гостинова,
Чтобы бегати-скакати на добрых на конях;
Не седлай ты меня, Иван, добрѹ коня:
Только берись за шелкѹ поводѹк»* [Кирша Данилов. С. 41].

В более поздних записях конь может покинуть своего хозяина, не послушавшегося к его словам: «А конь целовецьим голосом заговориў: “У Калина-царя есь три канавы глубокиѹ. Я, — говорит, — первыѹ две перескоцю, а третью — нет, в яму паду”. Илля россердиўся: “Ах, ты конь, травеной мешок! Тебе бы пашню пахать, не татар топтать”. Поехали. И правду, конь две ямы перескоциў, в третью попаў. *Илля упаў, а конь убежаў*» [Мехнецова. С. 49].

В одной из лиро-эпических песен присутствует мотив жалобы на тяжесть перехода, не характерный для богатырского коня. На вопрос хозяина о причине его грусти конь отвечает:

*Вот не тяжело мне, коню,
Твоя да сбруя ратная, <...>.
Вот не тяжело мне, коню,
Твое да копье булатное, <...>.
А тяжелы мне, коню, <...>
Дальние да только переходушки,
Тяжелы пути безводные* [Коротины. С. 142].

Поэтический монолог-обращение к коню в лиро-эпической песне может принимать заклинательный характер и включать заговорные формулы:

*Уж конь ты наш серый, конь серо-пегий,
Не покинь ты млада сына моего милого,*

*Не дай ты взять верху над собой
Коню неприятеля.
Вывези моего сына на родную сторонку,
Отплачу же я тебе за то сторицею:
Подкую тебя на серебряные подковки,
Сплету я тебе своими руками уздечку шелковую.
Покрою тебя попоною ковровою,
Уберу я тебе гриву в ленты алые.
Будешь ты у нас стоять в стойлице ясеневом,
Будешь ты у нас есть белоярую пшеничку.
Будешь пить воду ключевую,
А не то — сыжу¹ медвяную.
Голубчик серенький, серо-пегенький,
Не покинь моего вьюноша! [Коротины. С. 141].*

5. Уход за конем: седлание, кормление-поение и привязывание коня.

Отдельное место в уральских эпических текстах занимает описание ухода за конем: процесс его седлания, кормления-поения, привязывания. В «набор» для седлания коня входят традиционные *седельце черкасское, двенадцать шелковых подпруг, узда тесмяная*; в поздних записях — *потнички белы бумажные*. В единичных случаях — *подпружечки с пряжечками серебряными, у которых шпенёчки позолóчены* [Русский дом. С. 106] и *повод шелковый* [Коротины. С. 128]; в сборнике Кирши Данилова — *в задней слуге и в передней слуге по тирону по каменю по дорогу, по самоцветному*. Делается все это традиционно не для красоты, а для крепости:

*А не для-ради меня, молодца, басы, —
Для-ради богатырские крепости,
Для-ради пути, для дороженьки,
Для-ради темной ночи осенней:
Чтобы видеть при пути-дороженьки
Темна ночь до бела света! [Кирша Данилов. С. 136]².*

Неспособность оседлать коня соотносится со слишком юным возрастом богатыря:

*Уж ты гой еси, дитя мое, чадо малое,
Добрынюшка сын Никитьевич!
Молодехонек ты, зеленехонек:
Не умеешь ты, Добрынюшка, коня седлать,
Коня седлать, Добрынюшка, конем владеть,
Тебе от роду только двенадцать лет! [Коротины. С. 121].*

¹ Возможно, в издании опечатка: *сыту*.

² Ср.: Городцов. С. 24; Коротины. С. 128.

Забота о конях включает в себя и обязательный элемент их кормления-поения *в зеленых лугах на Сафат-реке* [Кирша Данилов. С. 99]¹; *в стойлах своих* [Кирша Данилов. С. 115] и др.

Мотив привязывания коня также имеет свои варианты. Например, в текстах Кирши Данилова на сюжеты «Дунай Иванович-сват», «Дюк Степанович», «Михайла Казаренин», «Алёша Попович и Тугарин», «Иван Годинович», «Добрыня чудь покорил» встречаются однотипные описания такого плана: *Сере-ди двора королевского <вар.: двора княженецкого, на гостинном дворе> / Скакали молодцы с добрых коней, / Привязали добрых коней к дубову столбу <вар.: «к дубову столбу, к кольцу булатному»>*.

В казачьей лиро-эпической песне «Первым полем мальчик шел», записанной в 1888 г., говорится:

*А третьим полем зелен дуб стоит,
В зеленом дубу — золото кольцо:
Привяжу я коня к золотому кольцу* [Коротины. С. 137].

Если в песне говорится о зеленом дубе, о природном ландшафте, то в былинах действие происходит уже в социализированном пространстве, и коня привязывают к *дубову столбу; к дубову столбу за колечко серебряное* [Коротины. С. 128]; *ко столбечику точёному, / Ко колечушку ко золочёному* [Русский дом. С. 106]²; *Он подводил его ко красну крыльцу* [Коротины. С. 128]³.

В сборнике Кирши Данилова наблюдаются еще два варианта, когда коня привязывают к воткнутому в землю копыю: «*Воткнет копьё во сыру землю, / Привязал он коня за востро копьё*» [Кирша Данилов. С. 59]⁴, — или другая формула: «*не вяжет коня, не приказывает*» [Кирша Данилов. С. 130].

Встречаются и стилистически менее завершённые конструкции: «Вот приехау Илля ко двору, а двор не запер. *Оставиу ево с конём в ограде (привязаннова-то)*» [Мехнецова. С. 48].

6. «Слабость» коня. «Слабость» богатырского коня проявляется в былине «Святогор и Илья Муромец», в сюжетах, связанных со змееборчеством Добрыни и со столкновением Ильи Муромца с Соловьем-разбойником, — в каждом из них по-своему, поскольку разной является и причина, вызывающая бессилие коня.

В сюжете «Святогор и Илья Муромец» причина слабости коня представляется вполне «оправданной»: «Схватил Святогор Илью Муромца вместе с его богатырским конем, связал их и привязал в торока за свое седло и поехал дальше своим путем, да скоро и забыл про Илью. Едет, конь Святогора *подоткнулся*, и Святогор сказал ему: “Что ты, конь мой, подтыкаешься? Я никого на свете не боюсь!” А конь ему ответил человеческим голосом: “Как мне не под-

¹ Ср.: Мехнецова. С. 48.

² Ср.: Городцов. С. 26.

³ Ср.: Кирша Данилов. С. 118.

⁴ Ср.: Коротины. С. 117.

тыкаться, ведь я несу на себе двух могучих богатырей и богатырского коня, тяжело мне!"» [Городцов. С. 25]¹.

В былине «Добрыня и Змей» слабость коня проявляется в его неспособности сопротивляться натиску змеенышей, пока богатырь не воспользуется «плёточкой»:

Ездит день, ездит два, ездит и третий;
Конь стал на колени потыкаться.
Он вспомнил, эту шелковую плёточку взял,
Стал коня промежду ушей бить.
Конь стал по поличку поскакивать,
Малых змеёнышей от щшоточек стряхивать,
И притоптал их всех [Русский дом. С. 107–109]².

В былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник» богатырь обращается к коню, используя уничижительную формулу: «Соловей-разбойник, засвистеу. Конь паў на колени. Илля-то ругат ево: "Ах ты, волчья кось, травенбй мешок! Испугался свисту соловьинова!"» [Мехнецова. С. 48, 49]³. Стоит отметить, что мотив слабости коня совсем не встречается в текстах Кирши Данилова и наблюдается только в более поздних записях.

7. Посмертие богатыря и его конь. В ряде текстов, заканчивающихся смертью богатыря, возникает мотив прощания с конем. В былине о Святогоре и Илье Муромце Святогор перед смертью отдает Илье меч, но коня просит отпустить на волю: «Мечом моим владей; а коня отпусти, пусть гуляет» [Блажес. С. 152]. В лиро-эпических песнях часто встречается фрагмент, где казак перед смертью обращается к своему коню с просьбой отнести весть о нем родным: «Уж ты конь, резвый конь, конь, товарищ мой! / Ты беги-ка, мой конь, в землю русскую, / Не давайся-ка ты, конь, в руки неприятелю. / Только дайся ты, мой конь, брату родному. / Не забудь еще сказать отцу с матерью, / А еще не забудь сказать малым детушкам, / Малым детушкам, молодой жене: / Обвенчала меня пуля свинцовая» [Коротины. С. 147]⁴. При этом в головах героя лежит «шашка острая», а в ногах стоит его конь. В одном из текстов конь пытается пробудить своего хозяина: «Конь копытом землю бьет, хозяйина пробуждает: "Встань-ка, встань хозяин мой, хозяин родной! / Ты садись-ка на меня — поедем домой, / Поедем домой к жене молодой!"» [Коротины. С. 144–145].

8. Спор сокола с конем. Нельзя проигнорировать такое замечательное и уникальное явление, как былевая песня (по терминологии Т. И. Калужниковой) «Спор сокола с конем», бытующая в казачьих регионах, в том числе и уральском. В ней сокол насмехается над конем: «Уж ты, кляча ли моя, кляча, сивый резвый конь! / На тебе ли, сивый резвый конь, шерсть ослиная (оленяя), / А чернб мясо на резвбм коне что воронее!». В результате возникшего спора они

¹ Ср.: Блажес. С. 152, 153.

² Ср.: Черных. С. 37.

³ Ср.: Городцов. С. 25.

⁴ Ср.: Коротины. С. 143, 146, 148; Калужникова. С. 58.

*Заложились о своих буйных о головушках:
Доставалось соколу лететь чрез синё море,
А коню бежать приводилось круг синя моря.
Обегал он, славный резвый конь, круг синя моря,
Добежал он до местечка до урочного,
А яснаго буйна сокола и в появи нет.
Напившись он, наевшись, он во стойло стал.*

Сокол прилетает с опозданием и винится перед конем, что задержался, охотясь на «гусей, лебедей, серых утицев»¹. Согласно мнению В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова, поэтическое содержание этой песни является не аллегорией и не реальной историей из жизни животных, а выражением вольнолюбивых настроений народа: «Сказочно-прекрасный дуб, вырастающий в чистом поле, дикий конь и неприрученный сокол, конский скак, от которого дрожит земля <...> — все это песенные мотивы и образы, которые в совокупности создают произведение героического характера»². Д. М. Балашов, напротив, считает «Спор сокола с конем» аллегорической балладой, где сталкиваются идея служения долгу («конь олицетворяет верность и честь») и погоня за корыстным интересом («сокол — корыстность и тщеславие»)³.

Следует отметить, что в сборнике Кирши Данилова данный сюжет не встречается.

9. Другое. Как единичные случаи на Урале встречаются мотивы: кони как синоним богатства («Мать-отец у него были богатые; коней много у них» [Блажес. С. 153]) и казнь конями («Потом ево привязали к диким коням, ко хвостам, этого Олёшу, и отправили в путь. Ево растрепали кони» [Русский дом. С. 109]).

Подведем итоги.

1. Общими для сборника Кирши Данилова и более поздних записей являются следующие мотивы: свойства или качества коня⁴ и похвальба конем⁵; образ богатыря в единении с конем⁶; уход за конем: его седлание⁷; кормление-поение⁸ и привязывание⁹; диалог с конем¹⁰.

¹ Сборник уральских казачьих песен / собр. и издал Н. Г. Мякушин. СПб., 1890. С. 14; ср.: Коротины. С. 131; Былины. Русский музыкальный эпос / сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. М., 1981. № 96, 97.

² Былины / подгот. текста, вступит. ст. и коммент. В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. М., 1958. Т. 2. С. 471–472.

³ Балашов Д. М. История развития жанра русской баллады. Петрозаводск, 1966. С. 65.

⁴ Богословский. Л. 9–9 об.; Мехнецова. С. 47; Коротины. С. 128, 151–152; Кирша Данилов. С. 41–42, 104; Русский дом. С. 105; Городцов. С. 24–25, 29, 30; Калужникова. С. 89.

⁵ Кирша Данилов. С. 39; Черных. С. 38.

⁶ Богословский. Л. 11; Коротины. С. 128, 199; Кирша Данилов. С. 20, 100, 105, 110, 113, 119, 120, 138, 223; Городцов. С. 24.

⁷ Коротины. С. 128; Кирша Данилов. С. 136; Русский дом. С. 106; Городцов. С. 4.

⁸ Мехнецова. С. 48; Кирша Данилов. С. 99, 115.

⁹ Коротины. С. 117, 128, 137; Кирша Данилов. С. 48, 59, 118, 130; Русский дом. С. 106; Городцов. С. 26.

¹⁰ Мехнецова. С. 49; Коротины. С. 142, 199.

2. Только в сборнике Кирши Данилова встречаются мотивы оценивания коня¹.

3. Только в более поздних записях уральского эпоса встречаются мотивы: добывание или выбор коня²; слабость коня³; посмертие богатыря и его конь⁴; спор сокола с конем⁵.

4. В сборнике Кирши Данилова отсутствуют оригинальные «уральские» мотивы, встреченные нами в более поздних записях, что объясняется, видимо, с одной стороны, универсальностью для эпоса рассмотренных мотивов, связанных с образом богатырского коня и его всадника, и с другой стороны, отсутствием самостоятельной былинной уральской традиции при наличии своеобразной лиро-эпической традиции (былевых песен). В любом случае настораживает отсутствие очевидной преемственности в системе образов между сборником Кирши Данилова и более поздними записями, что может говорить о внеуральском происхождении текстов сборника.

Список источников

Балашов Д. М. История развития жанра русской баллады. Петрозаводск: Карельское кн. изд-во, 1966. 72 с.

Блажес В. В. Эпический сюжет 650 С* в современных записях // Фольклор Урала. Вып. 6: Фольклор городов и поселков. Свердловск: [Уральский гос. ун-т], 1982. С. 150–154.

Былины / подгот. текста, вступит. ст. и коммент. В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1958. Т. 2. 523 с.

Былины. Русский музыкальный эпос / сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов; ред. Л. Н. Лебединский. М.: Советский композитор, 1981. 616 с. (Собрание русских народных песен).

Городцов П. А. Были и небылицы Тавдинского края : в 3 т. / под ред. В. Я. Темплинга. Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 2000. Т. 1: Сказки. 368 с. (Краеведческая б-чка журн. «Лукич»).

Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.: Наука, 1977. 488 с. (Литературные памятники).

Коротин Е. И., Коротин О. Е. Устное поэтическое творчество уральских (яицких) казаков. (Антология). Самара: Самар. дом печати, 1999. Ч. 1. Песенное творчество. 464 с.

Мехнецова Г. Н. Следы былинного эпоса: записи Г. И. Сулейманова в Прикамье // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 4. С. 41–53.

Песни уральских казаков / запись, нотирование, сост., вступ. ст. и коммент. Т. И. Калужниковой. Екатеринбург: Сфера, 1998. 236 с. (Традиционная народная культура Урала).

¹ Кирша Данилов. С. 20, 110, 223.

² Богословский. Л. 6; Мехнецова. С. 47; Блажес. С. 153; Коротины. С. 122; Русский дом. С. 107–109. Ср.: Черных. С. 37.

³ Мехнецова. С. 48, 49; Блажес. С. 152, 153; Городцов. С. 25; Черных. С. 37.

⁴ Блажес. С. 152. Ср.: Коротины. С. 143, 144–145, 146, 147, 148; Калужникова. С. 58.

⁵ Коротины. С. 131; Былины. Русский музыкальный эпос. № 96, 97.

Русский дом. Русские легенды, мифы, эпические баллады, духовные стихи, старинные и современные сказки, басни, говоры, диалектные и фразеологические словари, пословицы и поговорки, присказки (конец XIX — вторая половина XX — начало XXI века) в рассказах старожилов Зауралья / авт.-сост. Л. А. Саверский. Курган: [б. и.], 2018. Ч. 2. 480 с.

Сборник уральских казачьих песен. 162 песни и 18 стихотворений Уральского и других казачьих войск / собр. и изд. Н. Г. Мякушин. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890. 289 с.

Черных А. В. Вновь к вопросу о бытовании былин в Пермском Прикамье // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 4. С. 29–40.

А. Н. Розов (Санкт-Петербург)

Народные предрассудки в восприятии духовенства

Аннотация. В статье перечисляются все источники из епархиальных ведомостей второй половины XIX — начала XX века, посвященные специфике «народного православия», в котором смешались как нехристианские, т. е. языческие обычаи и предрассудки, так и внешенхристианские. Данный материал представляет собой богатую, малоизвестную информацию о существовавших в то время суевериях, предрассудках, обычаях и обрядах, некоторые из которых сохранились до настоящего времени. Подчеркивается важная роль духовенства, в первую очередь сельского, в религиозно-нравственном воспитании прихожан.

Ключевые слова: священники, епархиальные ведомости, суеверия, предрассудки, обычаи, обряды

Данная статья посвящена борьбе священников с нехристианскими обычаями, обрядами, предрассудками главным образом среди сельского населения во второй половине XIX — начале XX в. Данные десятилетия выбраны не случайно, т. к. это было время расцвета церковной периодики. Именно с 1860-х гг. почти во всех епархиях появляются епархиальные ведомости. В них на страницах неофициальной части по программе, утвержденной для подобных журналов Священным Синодом 31 декабря 1859 г.¹, служители церкви публикуют разнообразные материалы о духовно-нравственной жизни своих прихожан, в том числе сведения о местных суевериях и поверьях. Количество фольклорно-этнографических сведений в ведомостях во многом зависело либо от главы епархии, либо от редактора издания. Так, рязанскую кафедру с 1882 по 1894 г. возглавлял архиепископ Феофил. Именно он с 1889 г. кардинально изменил характер «Рязанских епархиальных ведомостей», включив в журнал рубрику «Материалы для истории Рязанской епархии, ее церквей, святынь и приходов» (1889–1892), в которой было опубликовано более 120 описаний приходов, извлеченных из сообщений настоятелей храмов, присланных в 1883 и 1884 гг. в Рязанский церковный историко-статистический

¹ Данная программа в ряде журналов неоднократно менялась.

комитет. В них приводятся топонимические и исторические предания, даются описания календарных, крещенских, свадебных, похоронных и хозяйственных обрядов, примет, рассказывается о местных суевериях, о своеобразном понимании крестьянами церковных праздников и обрядов и т. д.

В Вологде с 1874 по 1896 г. редактором местных ведомостей был историк-краевед, преподаватель семинарии Н. И. Суворов. Он не только печатал обстоятельные статьи об истории Вологодской епархии, ее церквях и монастырях, но и от имени редакции неоднократно обращался к духовенству с просьбой присылать сведения по народному быту прошлого и настоящего. С 1860-х гг. во многих епархиях начинается ведение по особой программе церковных летописей¹, в которых требовалось перечислять суеверия и предрассудки прихожан. Присланные материалы также публиковались в епархиальной периодике. Считалось, что работа священника над составлением летописей, его знакомство с трудами его предшественников помогут пастырю понять многое из духовно-нравственной жизни своих прихожан.

Еще в 1848 г. Отделение этнографии РГО разработало свою программу по сбору этнографических сведений, которая была разослана по всем губерниям России². В нее входили и сведения о календарных и семейных праздниках, о фольклорных произведениях. Данная программа также не раз совершенствовалась. Все собранные материалы хранятся в архиве РГО, и следует подчеркнуть, что священники составляли значительную часть корреспондентов этого учреждения.

В 1898 г. князь Вячеслав Николаевич Тенишев издал «Программу этнографических сведений о крестьянах центральной России»³. Среди тех, кто откликнулся на эту программу, были сельские иереи, которые присылали фольклорные и этнографические материалы из своих приходов. Ныне они хранятся в архиве Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге.

Огромную роль в воспитании прихожан, в борьбе с язычеством еще со времен средневековья сыграло проповедничество как вид учительства прихожан. Оно достигло наивысшего расцвета в XIX — начале XX в. Главная цель проповеднической деятельности — разъяснение прихожанам, в первую очередь сельским, истинного смысла христианства. Кроме того, иереи призывали сельчан по-христиански проводить церковные праздники, не обращаться за помощью к знахарям, обличали святочные ряженье и гадания, отмечание крестьянами Масленицы, молодежные посиделки и т. д. Эти проповеди публиковались как в церковной периодике, так и в виде отдельных изданий⁴.

¹ Указ Синода от 12 декабря 1866 г. С этого времени программа церковных летописей неоднократно корректировалась.

² Васкул А. И. Этнографическая программа Русского географического общества // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб., 2012. Т. 36. С. 460–471.

³ Программа сведений о крестьянах Центральной России / Составленная на основании соображений, изложенных в книге В. Н. Тенишева «Деятельность человека», князем В. Н. Тенишевым при участии гг. В. Н. Добровольского и А. Ф. Булгакова. Смоленск, 1897.

⁴ Розов А. Н. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб., 2003. С. 83–117.

Со второй половины XIX в. получили широкое распространение внебогослужебные собеседования и повсеместно открывались церковно-приходские школы, а также воскресные школы для взрослых. Все это делалось для того, чтобы объяснить прихожанам основы православной веры и убедить их отказаться от суеверных представлений. Еще одной задачей проповедей и собеседований была борьба со старообрядчеством и сектантством.

8 мая 1864 г. были утверждены правила организации церковных Братств при храмах, состоящих из мирян и членов клира. Главной задачей Братств было религиозно-нравственное просвещение народа. Братства ежегодно публиковали в епархиальных ведомостях отчеты священников о результатах своей религиозно-просветительской деятельности в приходах. Например, на общем ежегодном собрании Вологодского православного Братства во имя Всемилоственного Спаса отмечалась постоянная борьба иереев на беседах с прихожанами против разного рода суеверий, предрассудков и обрядов, осуждение апокрифов, широко бытующих в крестьянской среде («Сон Богородицы»), молодежных посиделок и т. д.¹ Борьба за нравственность крестьян осуществлялась и другой церковной организацией — приходским попечительством при храме. В одном из сельских приходов попечительство Самарского уезда боролось с хороводами и «безобразиями» на свадьбах².

Со второй половины XIX в. во всех епархиях устраивались периодические собрания местного духовенства, на которых иереи рассказывали о своем опыте противостояния местным суевериям и предрассудкам, старообрядцам и сектантам. По материалам выступлений священников собрания принимали постановления. Так, в Вологодской епархии было решено принять строгие меры против присутствия на деревенских свадьбах «знахарей», «сторожей» и «друзек», якобы отвращающих новобрачных от порчи; убеждать прихожан не приглашать этих лиц на семейное торжество; сжигать знахарские «молитвы»³.

Несмотря на то, что священники не входили в состав крестьянского схода, они тем не менее могли предлагать прихожанам такие постановления, которые меняли какие-то традиционные привычки. Например, в одном селе Псковской епархии на сходе было решено отмечать без разгула лишь один день местных праздников, запретить устройство молодежных гульбищ во все праздничные и предпраздничные дни⁴.

Кроме того, фольклорно-этнографические материалы содержатся в отчетах благочинных, присланных епархиальному начальству. Так, в одном из

¹ Отчет о деятельности Вологодского православного Братства во имя Всемилоственного Спаса на седьмой год его существования (с 22 мая 1891 г. по 25 мая 1892 г.) // Вологодские епархиальные ведомости. Прибавления. 1892. № 12. 15 июня. С. 139–140.

² С. I. С. О деятельности приходского попечительства в Гвардейской слободе, Самарского у. // Самарские епархиальные ведомости. Ч. неофиц. 1869. № 17. 1 сент. С. 415.

³ О периодических собраниях духовенства Вологодской епархии // Вологодские епархиальные ведомости. Прибавления. 1869. № 14–15. 15 июля — 1 авг. С. 631–632.

⁴ Предложение священника и приговор прихожан о проведении праздничных дней // Церковный вестник. 1898. № 11. 12 марта. С. 396–397.

подобных отчетов перечислялись суеверия, распространенные в Новоузенском уезде Самарской губернии: особое отмечание «зубка» при рождении ребенка, праздники «русалки» и «купалы»¹. На основании этих отчетов редактор «Пензенских епархиальных ведомостей», преподаватель местной семинарии Н. К. Смирнов составлял обзоры о религиозном состоянии православного населения местной епархии².

В конце XIX — начале XX в. в ряде епархий возникали разные учреждения — например Тамбовская ученая архивная комиссия³, которая обратилась к духовенству с просьбой присылать записи разных фольклорных жанров, описания обычаев, обрядов, старинных игр и т. д.

Ниже приводятся источники, в которых можно отыскать сведения по теме «Народные предрассудки в восприятии духовенства»⁴.

Уже в 1870-е гг. в церковной периодике появляются статьи, авторы которых утверждали, что «богословские науки должны использовать достижения этнографии для изучения психологии народа, особенностей народной религиозной жизни. Духовные школы должны прививать учащимся интерес к народному быту»⁵. Тот же автор призывал служителей церкви познакомиться с трудами ученых А. Н. Афанасьева, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, сборниками фольклорных текстов В. И. Даля, П. В. Киреевского, П. Н. Рыбникова и др.⁶ По-нашему мнению, эти советы актуальны и для нашего времени.

Сами священники понимали, что им необходимо делать в своем сельском приходе. «Для успешной борьбы с суевериями и предрассудками, — писал корреспондент журнала «Руководство для сельских пастырей», — надо знать их, изучать историю их происхождения: одни из них — остатки язычества, другие — результат применения христианских верований к языческим

¹ Выдержки из отчетов благочиннических за первую половину сего 1868 года // Самарские епархиальные ведомости. Ч. неофиц. 1868. № 23. 1 дек. С. 575–576.

² Смирнов Н.: 1) Религиозное состояние русского православного народонаселения в пределах Пензенской епархии // Пензенские епархиальные ведомости. Ч. неофиц. 1876. № 14. 15 июля. С. 1–11; № 15. 1 авг. С. 1–9; № 16. 15 авг. С. 1–10; № 17. 1 сент. С. 1–13; 2) Нравственное состояние русского народонаселения в пределах Пензенской епархии // Пензенские епархиальные ведомости. Ч. неофиц. 1876. № 20. 15 окт. С. 1–7; № 21. 1 нояб. С. 1–9; № 22. 15 нояб. С. 1–6.

³ От Тамбовской ученой архивной комиссии // Тамбовские епархиальные ведомости. Ч. неофиц. 1899. № 21. 22 мая. С. 554–555.

⁴ Должен подчеркнуть, что до сих пор публикации из церковной публицистики, содержащие интереснейшие материалы по специфике народного православия, используются исследователями в недостаточной мере, поэтому уже в течение более 20 лет мною составляются аннотированные фольклорно-этнографические указатели к разным епархиальным ведомостям; подобных указателей сделано более десяти.

⁵ П-в А. Научное отношение к вопросам, касающимся изучения народных верований, обрядов и проч., и значение его для пастыря-богослова // Церковный вестник. 1876. № 5. 31 янв. С. 1–3.

⁶ П-в А. Заметки о правовых обычаях русского народа // Церковный вестник. 1876. № 17. 1 мая. С. 3–5.

представлениям, третьи — результат “недомыслия” простого народа в вопросах веры»¹.

Все крестьянские обычаи, зафиксированные служителями церкви, делились ими на две группы: 1) нехристианские, то есть языческие, и 2) внешне-христианские. Внутри же этих групп отмечалось то, что с точки зрения церкви являлось безвредным, и то, что приносит вред прихожанам. Считалось, что бороться с народными обычаями, если они не безнравственны, не следует, нужно искоренять только то, что является жизненно вредным: гадания, ряженье, знахарство и т. д. При этом обращалось внимание на методы воздействия на прихожан. Утверждалось, что одними запрещениями, угрозами отлучения от церкви, какими-то наказаниями достичь желаемого вряд ли возможно. Необходимо убедить прихожан в бессмысленности, греховности их действий, и тогда они откажутся от своих привычек. Нередко главы епархий разъясняли священникам, как надо относиться к народным обрядам и обычаям. Например, архиепископ Волынской епархии Модест выступил против запрещения рядом сельских священников некоторых праздников, отсутствующих в святцах, исполнения коляд, свадебных песен и обрядов, а также обычая приносить в храм свечи, собственно изготовленные. Модест дал указания, как правильно устраивать колядование. Он же ответил одному священнику, который хотел запретить проведение прихожанами местных праздников, не являющихся церковными. Архиепископ писал, что пастырь должен узнать, когда и почему возникли подобные праздники; возможно, такие праздники возникли в местных уже не существующих храмах и т. д. Главное — не запрещать такие праздники, а сделать все, чтобы они проводились благопристойно².

Приведу ряд примеров, относящихся к «народному православию». Например, в конце XIX в. во многих церковных журналах помещался диалог двух деревенских женщин, стоявших в церкви у икон. Одна из них говорила другой, «что Бог на иконе очень стар, а потому после его смерти Богом будет Иоанн Предтеча»³. Церковные корреспонденты отмечали, что крестьяне поклоняются иконам, а не святым, которые на них изображены. Они не понимают, что любой святой на иконе всего лишь слуга Божий, ходатай наш пред Богом, что он может помочь людям не сам, а только Божьей благодатью; таким образом, поклонение, которое подобает только Богу, крестьяне воздают всем святым без различия⁴.

В ряде мест существовали свои обычаи в храме. Так, в одном из сельских приходов Тамбовской епархии прихожане оставляли в храме чашечки, в ко-

¹ Пастырь как непрестанный руководитель прихожан // Руководство для сельских пастырей. 1894. Т. 3. № 36. 4 сент. С. 1–7.

² Как следует относиться к старинным народным обычаям? // Оренбургские епархиальные ведомости. Ч. неофиц. 1902. № 3. 1 февр. С. 118 («Известия и заметки»: «Холмско-Варшавские епархиальные ведомости»).

³ П-в А. Следствия малограмотности среди простого народа и средство к распространению просвещения // Церковный вестник. 1889. № 37. 14 сент. С. 635–637.

⁴ Малов Н. Об участии духовенства в деле народного образования // Тамбовские епархиальные ведомости. Прибавление. 1867. № 1. 1 янв. С. 8–9.

которые клали мед и свечи к заупокойным канонам. Когда священник попросил всё это унести из церкви, то одна старуха сказала, что подобные чашечки нужны для поминовения умерших и они приятны Богу. Прихожане не всегда могут быть в храме, а баночки там всё время стоят¹. Автор заметки, которому удалось искоренить данный обычай, отметил, что «простой народ любит делать из всего свои выводы, часто странные и суеверные; самый святой предмет веры у него непременно содержится с такими прибавлениями, что изумляешься, как святая вера уживается в их уме с явным суеверием»².

Подобные неканонические обычаи встречались не только в сельских приходах, но и в городских. В городе Моршанске в церкви ставили свечи нижним концом кверху, чтобы муж стал хорошо жить с женой³.

Считалось, что елеосвящение больного предвещало его смерть, а если после данного таинства человек выздоравливал, то его воспринимали воскресшим покойником и все сторонились его. Многие знахарки использовали при своем «лечении» тексты неканонических молитв, составленных по образцу молитв церковных. Повсеместно существовала примета во время крещения. Когда священник состригал несколько волосиков у младенца, завертывал их в мягкий воск и опускал в крещенскую чашу, то все присутствующие в церкви смотрели: утонет этот шарик или нет; если утонет, то младенец умрет.

Определенная часть суеверий была связана с фигурой священника. Так, повсеместно существовала примета: встреча с ним сулит несчастье, поэтому, увидев священника, надо либо вернуться домой, либо бросить какой-то предмет на дорогу в качестве преграды между собой и иереем, либо плюнуть на священнический след. Церковные публицисты объясняли это суеверие как рудимент враждебного отношения язычника, языческого жреца к священнику — носителю новой веры⁴. В XVIII–XX вв. эта примета сознательно пропагандировалась в народе старообрядцами и сектантами.

Во время трудных родов прихожане просили священника открыть в храме царские врата. Не раз пастыри обращались в церковные журналы с вопросом: можно ли это делать? Ответы были разные: либо нельзя, так как это суеверие, либо можно, так как ничего вредного в этом обычае нет.

В ряде мест существовали местные молебны. Например, в одном из приходов Тамбовской епархии за день или за два дня до Пасхи по избам ходил священник с «разрешительной» молитвой, позволяющей возобновить супру-

¹ Данилов Н. (сельский свящ.). Зло в добре от простоты // Тамбовские епархиальные ведомости. Прибавления. 1864. № 13. 1 июля. С. 26.

² Там же. С. 27.

³ Соколов Павел (свящ. г. Моршанска). Пример суеверия от простоты // Тамбовские епархиальные ведомости. Прибавление. 1862. № 43. 22 апр. С. 350–351.

⁴ Дашкевич В. Поучение в неделю 5-ю по Пятидесятнице (Грех бояться встречи со священником) // Приложение к Руководству для сельских пастырей. Проповеди. 1886. Июль. С. 421–425.

жеские отношения, запрещенные на весь Великий пост. Мужчины наперебой зазывали его в свои дома и щедро одаривали¹.

Местная традиция могла оказывать влияние на церковную обрядность. Так, в Олонецкой губернии во многих приходах отмечалось два праздника — так называемое «овечье» и «бычье» воскресение. Особенно торжественным было «бычье воскресенье», отмечаемое после Ильина дня. Священник после обедни кропил животное святой водой, после чего быка сразу убивали. Часть мяса шла причту, остальное мясо приготавливалось и съедалось около церкви². Все попытки некоторых пастырей бороться с этим древним, явно нехристианским обычаем были безуспешными³.

Надо отметить, что некоторые местные церковные обычаи сохранялись и в конце XX в. В селах Белгородского Приосколья на праздничной литургии в день Пятидесятницы⁴ во время чтения «колелопреклонённых» молитв все прихожане вьют венки из травы, устилающей пол храма. Первым начинает вить венок священник. Впоследствии эти венки хранятся дома в высушенном виде и используются в качестве лекарства при головной боли. Один священник, который отказался вить венок, по просьбе прихожан был переведен в другой приход. Всё это было зафиксировано во время экспедиции московских фольклористов в 1980-е гг.⁵

Все перечисленные в статье народные обряды, обычаи, суеверия, предразсудки и способы борьбы священников с некоторыми из них в основном имели место во второй половине XIX — начале XX в. Было бы очень важно исследовать, какие черты «народного православия» сохраняются в городских и сельских приходах в настоящее время.

Список источников

А. Н. Остатки древних обычаев в Олонецкой губернии (Письмо в редакцию) // Церковный вестник. 1882. № 18. 1 мая. С. 8–9.

Васкул А. И. Этнографическая программа Русского географического общества // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2012. Т. 36. С. 460–471.

Выдержки из отчетов благочиннических за первую половину сего 1868 года // Самарские епархиальные ведомости. Ч. неофиц. 1868. № 23. 1 дек. С. 575–576.

Данилов Н. (сельский свящ.). Зло в добре от простоты // Тамбовские епархиальные ведомости. Прибавления. 1864. № 13. 1 июля. С. 26.

¹ Розов А. Н. Указ. соч. С. 59.

² А. Н. Остатки древних обычаев в Олонецкой губернии (Письмо в редакцию) // Церковный вестник. 1882. № 18. 1 мая. С. 8–9; Докучаев-Басков К. А. Своеобразные народные праздники // Церковный вестник. 1890. № 16. 19 апр. С. 283–284.

³ Красновский К. Из Олонецкой епархии (Оригинальное празднование дня св. пр. Божия Илии) // Церковный вестник. 1878. № 32. 19 авг. С. 4–5.

⁴ Это воскресенье здесь называется «семиком», а следующий за ним понедельник — Троицей.

⁵ Розов А. Н. Указ. соч. С. 60.

Дашкевич В. Поучение в неделю 5-ю по Пятидесятнице (Грех бояться встречи со священником) // Приложение к Руководству для сельских пастырей. Проповеди. 1886. Июль. С. 421–425.

Докучаев-Басков К. А. Своеобразные народные праздники // Церковный вестник. 1890. № 16. 19 апр. С. 283–284.

Как следует относиться к старинным народным обычаям? // Оренбургские епархиальные ведомости. Ч. неофиц. 1902. № 3. 1 февр. С. 118 («Известия и заметки: Холмско-Варшавские епархиальные ведомости»).

Красновский К. Из Олонецкой епархии (Оригинальное празднование дня св. пр. Божия Илии) // Церковный вестник. 1878. № 32. 19 авг. С. 4–5.

Малов Н. Об участии духовенства в деле народного образования // Тамбовские епархиальные ведомости. Прибавление. 1867. № 1. 1 янв. С. 8–9.

О периодических собраниях духовенства Вологодской епархии // Вологодские епархиальные ведомости. Прибавления. 1869. № 14–15. 15 июля — 1 авг. С. 631–632.

От Тамбовской ученой архивной комиссии // Тамбовские епархиальные ведомости. Ч. неофиц. 1899. № 21. 22 мая. С. 554–555.

Отчет о деятельности Вологодского православного Братства во имя Всемилостивого Спаса на седьмой год его существования (с 22 мая 1891 г. по 25 мая 1892 г.) // Вологодские епархиальные ведомости. Прибавления. 1892. № 12. 15 июня. С. 139–140.

Пастырь как непрестанный руководитель прихожан // Руководство для сельских пастырей. 1894. Т. 3. № 36. 4 сент. С. 1–7.

П-в А. Заметки о правовых обычаях русского народа // Церковный вестник. 1876. 1 мая, № 17. С. 3–5.

П-в А. Научное отношение к вопросам, касающимся изучения народных верований, обрядов и проч., и значение его для пастыря-богослова // Церковный вестник. 1876. № 5. 31 янв. С. 1–3.

П-в А. Следствия малограмотности среди простого народа и средство к распространению просвещения // Церковный вестник. 1889. № 37. 14 сент. С. 635–637.

Предложение священника и приговор прихожан о проведении праздничных дней // Церковный вестник. 1898. № 11. 12 мар. С. 396–397.

Программа сведений о крестьянах Центральной России / Составленная на основании соображений, изложенных в книге В. Н. Тенишева «Деятельность человека», князем В. Н. Тенишевым при участии гг. В. Н. Добровольского и А. Ф. Булгакова. Смоленск, 1897.

Розов А. Н. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб.: Алетейя, 2003. 253 с.

С. I. С. О деятельности приходского попечительства в Гвардейской слободе, Самарского у. // Самарские епархиальные ведомости. Ч. неофиц. 1869. № 17. 1 сент. С. 415.

Смирнов Н. Нравственное состояние русского народонаселения в пределах Пензенской епархии // Пензенские епархиальные ведомости. Ч. неофиц. 1876. № 20. 15 окт. С. 1–7; № 21. 1 нояб. С. 1–9; № 22. 15 нояб. С. 1–6.

Смирнов Н. Религиозное состояние русского православного народонаселения в пределах Пензенской епархии // Пензенские епархиальные ведомости.

Ч. неофиц. № 14. 1876. 15 июля. С. 1–11; № 15. 1 авг. С. 1–9; № 16. 15 авг. С. 1–10; № 17. 1 сент. С. 1–13.

Соколов Павел (свящ. г. Моршанска). Пример суеверия от простоты // Тамбовские епархиальные ведомости. Прибавление. 1862. № 43. 22 апр. С. 350–351.

Г. С. Савельева (Сыктывкар)

Песенный фольклор села Серёгово¹

Аннотация. Село Серёгово Княжпогостского района является одним из русских анклавов на территории Республики Коми и зоной фольклорного взаимовлияния коми и русской культур. Цель данного исследования связана с начальным этапом по систематизации и описанию архивных материалов, представляющих песенную культуру села. В статье представлен репертуар календарно-обрядовых, свадебных, хороводно-игровых (приуроченных к луговым игрищам и исполняемых произвольно во время молодежных собраний), плясовых, лирических (в том числе литературного происхождения) песен; рассмотрены жанрово-функциональные особенности, представлен обрядовый контекст их бытования. В работе использованы материалы ФА СГУ, ФФ ИЯЛИ, НМ РК.

Ключевые слова: фольклорные коми-русские контакты, песенные жанры, архивы, Серёгово

Село Серёгово расположено в низовьях р. Выми (правый приток р. Вычегды) и входит в состав Княжпогостского района Республики Коми. История возникновения этого поселения связана с солеваренным промыслом. Первые упоминания о нем относятся к концу XVI в. Население изначально было довольно пестрым: поляки, карелы, русские, пришедшие с нижней Мезени, Тотмы, Соли Вычегодской, Соли Галицкой, местное коми население, обрусевшее к концу XIX в.² Это село является одним из русских анклавов на территории республики и зоной фольклорного взаимовлияния коми и русской культур.

Цель, которая была поставлена при написании данной статьи, связана с начальным этапом по систематизации и описанию экспедиционных материалов, представляющих песенную культуру с. Серёгово. В исследовании дан обзор репертуара и рассмотрены жанрово-функциональные особенности песен этой узколокальной традиции.

Самые ранние³ из проанализированных нами архивных источников относятся к середине 30-х гг. XX в. (хранятся в фондах НМ РК). Общий обзор

¹ Работа выполнена в рамках плановой темы НИР (рег. № 121051400044-2).

² Жеребцов И. Л. Где ты живешь: Населенные пункты Республики Коми. Историко-демографический справочник. Сыктывкар, 2000. С. 203–204.

³ Сведения об экспедиции 1916 г. в с. Серёгово даны в исследовании: Иванова Т. Г. Яренский уезд Вологодской губернии в контексте севернорусских былинных регионов // Рябининские чтения — 2023 : материалы IX конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера / отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск, 2023. С. 341–344.

этих материалов представлен в статье Ю. А. Крашенинниковой, где в числе прочих указаны четыре свадебные песни и опубликован текст рождественской песни, исполняемой во время обхода домов¹. В 1951 г. в с. Серёгово работал А. К. Микушев; им зафиксировано 16 песен, среди них главным образом песни литературного происхождения, а также одна баллада и три хороводно-игровые песни².

Первая фиксация серёговской традиции на аудионосители была сделана в 1960–1961 гг. П. И. Чисталевым (18 магнитных лент). Практически весь объем записей представляют образцы песенного фольклора. По итогам этой экспедиции собирателем были сделаны нотные и текстовые расшифровки отдельных песен. Эти источники хранятся в ФФ ИЯЛИ³.

Следующий этап полевых исследований связан с деятельностью фольклористов Сыктывкарского государственного университета. В 1990 г. на Выми, в том числе в с. Серёгово, работала экспедиция под руководством А. Н. Власова. В 2000 г. специалисты университета вели сбор материала в составе студенческой практики Коми государственного пединститута под руководством С. В. Красильниковой. Этот большой корпус источников хранится в ФА СГУ (Княжпогостское собрание). Здесь же находятся тетради с записями студентов Сыктывкарского университета, сделанными в рамках фольклорных практик 1976, 1977 и 1984 гг. Краткий обзор этих материалов имеется в статье А. Н. Власова и Т. С. Каневой⁴. Кроме того, серёговский песенный репертуар по данным ФА СГУ систематизирован Т. С. Каневой в виде рабочего сюжетного указателя.

Настоящее исследование основано на материалах трех названных архивов, охватывающих период с 1930 по 2000 г.

В серёговском репертуаре можно выделить песни календарно-обрядовые (святочные поздравительные), свадебные, хороводно-игровые (приуроченные к луговым играм и исполняемые произвольно во время молодежных собраний), плясовые, лирические (в том числе литературного происхождения).

Календарно-обрядовая поэзия представлена поздравительной песней святочного цикла — «Пришли мы славить добра господина» (вариант зачина: «Хозяина звали во пир пировати») с мотивами одаривания хозяев и просьбой о воз-

¹ Крашенинникова Ю. А. Фольклорное наследие с. Серёгово в коллекции Национального музея Республики Коми // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2019. № 2(2). С. 185–186, 188.

² ФФ ИЯЛИ: материалы А. К. Микушева, с. Серёгово Железнодорожного р-на. Записи произведены 17, 18 июля 1951 г. от хора художественной самодеятельности и отдельных исполнительниц (2 рукописные тетради).

³ ФФ ИЯЛИ: рукописные расшифровки П. И. Чисталева (с. Серёгово); А0602–А0618, А0683.

⁴ Власов А. Н., Канева Т. С. К проблеме феноменологии локальных традиций (по результатам исследования фольклорной культуры Европейского Северо-Востока России) // Народная культура Европейского Севера России: региональные аспекты изучения : сб. науч. тр. Сыктывкар, 2006. С. 26–27.

награждении «христославцев». Записана она в двух вариантах: в 1930-х гг. (рукописный) и 1960 г. (аудиозапись). Первый из них более развернут в сюжетно-композиционном решении: «Пели после того, как прославят Рождество:

Хозяина звали во пир пировати,
Во стол стол столовати,
Хозяюшку дарили да кунней шубой,
Та под атласом, да та под зеленым.
Сыновей его дарили да по добру коню,
Да по вороному.
Дочерей его звали да на свят вечер.
Дочерей его дарили да по веночку,
Да по златому.
А нам, христославцам,
Не рубль, не полтина, одна злата гривна,
Да блюдо шанег, на шаньге-то козулька,
На козульке рогулька, на рогульке виночарка,
На виночарке-то березовая палка.
Эх, открывайте сундучки,
Вынимайте пяточки,
Ясны звездочки малы деточки»¹.

При всей образной яркости данного текста в нем отсутствует четкая последовательность действий, свойственная святочным поздравительным песням. Прояснить сюжетную линию позволяет сходный вариант, записанный в Архангельской обл.: *Пошли мы славить к добру господину, / Добра господина в дому не случилось. / Хозяина звали во пир пировати, / Хозяюшку звали во стол столовати, / Сыновей его звали на игрище, / Дочерей его звали на сходбище, / Хозяина дарили кунней шубой, / Всё под атласом, всё под зеленым. / Хозяюшку дарили сорок соболев, сорок сибирских. / Сыновей его дарили / По добру коню, по вороному. / Дочерей его дарили по веночку, по златому*².

Второй серёговский вариант с зачином «Пришли мы славить к добру господину» более лаконичен, персонажный ряд здесь ограничен хозяином (звали во пир пировати, дарили вороным конем), хозяйкой (звали во стол столовати, дарили кунней шубой) и христославцами; часть с их одариванием представлена в кратком варианте («нам, христославцам, не руб не полтина, одна злата гривна»)³.

Также зафиксирована песня с зачином «Каляда-маляда» — в единичной записи, которая выявлена на сегодня, исполнитель относит ее к колыбель-

¹ НМ РК: КП 12484. Л. 135–135 об. Записала Цивилева В. И.: «Писала под пение бабушки, возраст ей 76 лет. Уроженка Серегова». Текст приведен нами без повторов; в оригинале написан сплошным текстом без разделения по строкам.

² Обрядовая поэзия / сост., предисл., примеч., подгот. текстов В. И. Жекулиной, А. Н. Розова. М., 1989. С. 63–64. № 21.

³ ФФ ИЯЛИ: А0611–2. Записано П. И. Чисталевым в 1960 г. от Павловой Анны Христофоровны, 66 лет.

ным. Начинается она как колядка: *Каляда-маляда, а почто пришла, накануне Рождества?* Дальнейшая структура имеет вопросно-ответную форму, характерную и для рождественских обрядовых песен¹, и для детского фольклора: *...Да и косы просить. — На что косы просить? — Сено косить. — На что сено косить? — Коровушку кормить. — На что коровушку? — Молочка доить. — А на что молочка? — Ванюшку кормить. — На что Ваню кормить? — Снова сено косить. О-о-о, баюшки-баю*².

В архивных источниках достаточно широко представлены сведения по свадебному фольклору — это и обрядовые описания, и образцы свадебных песен. Разнообразие ритуальных элементов, определяющее специфику серёговской свадьбы, наиболее полно отражено в материалах 1990, 2000 гг. из ФА СГУ. Свадебные песни имеются во всех архивных собраниях и отличаются устойчивостью репертуара.

До венца песни исполнялись на вечеринках у невесты, которые регулярно устраивались после рукобитья до свадьбы (одну-две недели). К невесте собиралась молодежь, парни и девушки. Опевали только молодых — жениха и невесту. К этому моменту отнесены песни «Я качу, качу спо блюдечку», «За двором-то за дворянским». По типу акционального сопровождения информанты определяют песни как «походные». То же обозначение использовалось и для песен, приуроченных к молодежным посиделкам. В целом вечеринки у невесты повторяли традиционные молодежные собрания — помимо величания молодых, парни и девушки играли, танцевали под гармошку: «...вечорки, значит, в доме невесты, вот. Собирается молодежь, парни и девушки собираются. И значит, тут и гармошка, тут и веселье всякое, и обязательно вот у нас серёговские, нигде такого нет, серёговские эти кадрили, ленцет обязательно и свадебные походные песни. Походные песни, значит. <...> На вечорках. Возьмут, кавалер и барышня, значит, за руки. И вот ходят так и поют песни»³. При этом припевочные песни устойчиво соотносились только со свадьбой. К довенечной части приурочена также песня «Не от ветру, не от вихорю»: «Исполнялась в доме невесты подружками, приходившими помогать готовить приданое: шить рубашки, вышивать полотенца, вязать кружева»⁴.

После венца в доме жениха угощали *поезжан*, а затем уже собирались остальные *свадебшики*, и начинался пир. За столом присутствовали пять-шесть приглашенных женщин, которые опевали молодых и гостей⁵. К песням на пиру у жениха относятся: «Ешше кто сидит на лавочке», «За тыню ли я», «Как у чарочки у серебряные», «Кто у нас хорошей». Одной и той же песней

¹ Обрядовая поэзия. № 30, 31.

² ФФ ИЯЛИ: А0613-10. Записано П. И. Чисталевым в 1960 г. от Шилиной Александры Антоновны, 1914 г.р.

³ ФА СГУ: АФ 1404-34. Записано Г. С. Савельевой, Ю. В. Савельевым в 1990 г. от Пономаревой Нины Александровны, 1909 г.р.

⁴ ФФ ИЯЛИ. Рукописные расшифровки П. И. Чисталева (с. Серёгово). Л. 185.

⁵ Подробное описание серёговской свадьбы зафиксировано П. И. Чисталевым в 1960 г. от Поляковой Александры Ивановны (ФФ ИЯЛИ: А0608).

могли опевать и новобрачных, и гостей. В комментариях к величаниям гостей зачастую акцентируется разделение по возрасту и статусу: молодым, пожилым, «стареньким», замужним, вдовам, «одиноким». Так, например, песня «Кто у нас хороший» адресована молодым неженатым парням; к песне «Как у чарочки у серебряной» дан следующий комментарий: «Застольная, опевают семейных — мужа с женой и несемейных пожилых людей»¹. Песня «Полоса, моя полосонька» исполнялась для присутствующих среди гостей вдов. Кроме того, в репертуар свадебных включена песня парню-подростку — «Каты-покаты, / Женихи у нас богаты». В соответствии с содержанием песней «В огороде гряды, да ехы» величали молодых после первой брачной ночи: жена лежит на перине, посылает мужа за парчой в Москву, за это обещает услужить — родить сына и дочь.

За опевание гости должны были благодарить деньгами. В песне «Еще кто сидит на лавочке» после величания следует часть с просьбой об одаривании: *...Про тебя песню поют, / Тебе честь воздают, / Просят у тебя золотую гривну, / Другу серебряную, / Красным-то девицам на румяница, / Молодым молодкам на зеленое вино*². Одаряющих в свою очередь благодарили песней «Благодарствуй, гость дорогой». Специальная песня была предназначена девушкам, которые принимали участие в приготовлении свадьбы («Девушки пиво наварили»). После нее тоже выкладывали деньги. Собранные могли использовать по ходу свадьбы: «...получаешь вот эти денежки и покупаешь на завтра, там пишется»³, «нам на румяна, нам на веселье, нам на похмелье, на опохмелье». Ну там вина покупают или что, такое»⁴. В репертуаре серёговской свадьбы имела место песня и на проводы гостей, исполняемая отдельно каждому гостю — «Провожу ль я свою гостеньку».

Из календарно приуроченных выделяются песни, соотносимые в серёговской традиции с летними играми. По имеющимся материалам, этот обрядовый комплекс можно представить следующим образом. Начало проведения гуляний было связано с празднованием Николина дня — одним из храмовых праздников в с. Серёгово⁵. Они устраивались в праздники и воскресные дни до заговенья Петровского поста. В описаниях устойчиво присутствует количество обязательных песен — их было пять, в местной терминологии они обозначаются как «луговые». Остальной хороводный репертуар исполнялся произвольно и не имел четкой привязки к весенне-летнему периоду.

Первой в хороводно-игровом сценарии была песня «Выходили красны девушки». В соответствии со словами «Выносили красны девицы / На белых руках соловьюшка» открытие сезона луговых гуляний и первый хоровод по-

¹ ФФ ИЯЛИ. Рукописные расшифровки П. И. Чисталева (с. Серёгово). Л. 186.

² ФФ ИЯЛИ: А0614–5. Записано П. И. Чисталевым в 1960 г. от местного хора.

³ Вероятно, речь идет о тетради-песеннике.

⁴ ФА СГУ: АФ 1429–62, 63. Записано Т. С. Каневой, М. А. Потаповой в 2000 г. в п. Ляли от Бессоновой Ксении Алексеевны, 1924 г.р., урож. с. Серёгово.

⁵ Возможно, начало проведения луговых гуляний варьировалось. Имеются упоминания Троицына дня (ФА СГУ: АФ 1432–22) и Вознесенья (ФА СГУ: АФ 1404–20).

лучили название «выносить соловья». В одном из комментариев дано описание хореографии: под песню, «взявшись за платочки», ходили по кругу, попеременно меняя направление¹. В рукописных материалах П. И. Чисталева приведены сведения, скорее всего, отражающие актуальную на момент записи интерпретацию обрядового начала игрищного действия. Вынос соловья здесь имеет материальное воплощение: «Выход с этой песней на “игрище” (круг, лужок) сопровождается выносом “соловья” — макета птицы»². Оригинальное описание «выноса соловья» приводит в своем исследовании Н. Д. Конаков: «В вымских селениях в первый день Петрова поста совершался обряд “вынос соловья” (соловейос петкөдөм). Участвовали в нем девушки, женщины. Одна из них рядилась в старую рваную одежду, а остальные участницы обряда водили вокруг нее хоровод, распевая протяжные лирические песни. После каждой песни находившаяся в кругу женщина кланялась поющим. Завершался обряд проводами ряженой за околицу селения. При этом сопровождающие причитали и плакали»³. Несмотря на то, что это описание имеет явные параллели с русскими традициями пасхально-троицкого цикла, бытование его в серёговской традиции вызывает большие сомнения. Приведенные здесь данные — приуроченность к первому дню поста, ряженная женщина, ее провода с плачами, исполнение лирических протяжных песен — не находят подтверждения в имеющихся архивных источниках. Кроме того, исследователь ссылается на полевые записи Н. И. Дукарт, находившиеся в отделе этнографии ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Сейчас этих материалов нет, не исключено, что они безвозвратно утеряны. Возможно, знакомство с первоисточником могло бы что-то прояснить в этом единичном описании. Во всяком случае, и в статье Н. И. Дукарт, посвященной исследованию весенне-летних обрядов коми, ничего подобного нет, при том, что луговым игрищам в с. Серёгово она уделяет отдельное внимание: «В Серёгово на луговые игры собирались в Троицу, Николин и последний раз — Петров день. Девушки надевали свои лучшие наряды, на головы повязывали обязательно красные платочки. В эти дни качались на качелях, пели хороводные песни, пять из которых были обязательны и исполнялись строго в определенном порядке. Первая песня “Выходили красны девицы”, вторая “Шел по улице в конец, шел удалый молодец”, третья — “Под лесом, лесочком”, четвертая — “По городу гуляет царев сын”, пятая — “Заинька посеренький погуливал гулял”»⁴. Это описание (за исключением качания на качелях) соотносится с экспедиционными материалами фольклористов.

¹ ФА СГУ: АФ 1404–38. Записано Г. С. Савельевой, Ю. В. Савельевым в 1990 г. от Ешкелевой Серафимы Александровны, 1896 г.р.

² ФФ ИЯЛИ. Рукописные расшифровки П. И. Чисталева (с. Серёгово). Л. 181.

³ Конаков Н. Д. От святок до сочельника: Коми традиционные календарные обряды. Сыктывкар, 1993. С. 68.

⁴ Дукарт Н. И. Весенне-летние праздники и обряды в северной деревне конца XIX — начала XX вв. // Вопросы истории Коми АССР (XVII — начало XX вв.). Сыктывкар, 1975. С. 151.

В полевых записях из коми традиций пока выявлено лишь единичное упоминание о «выносе соловья» в с. Половники Княжпогостского р-на: «Видзö пыран лунад вöлі ми гезйöн ворсам, соловей петкöдам, по-сибирски войлам»¹ (В заговенье мы играли веревкой, соловья выносили, догонялки по-сибирски). Не обнаружено на сегодня данных о летних хороводных сценариях и в соседнем Усть-Вымском районе. По всей видимости, обрядовый комплекс «вынос соловья», как и летние игрища, бытовали только в Серёгово. Эта узколокальная традиция могла отразиться в рассказах о некогда отмечаемых праздниках и в коми селениях, как приведенный выше пример из с. Половники.

Помимо песни «Выходили красны девицы», в число пяти луговых песен, по разным данным, нами отнесены следующие: «Шел по улице в конец, шел удалый молодец», «Под лесом-лесочком», «По городу гуляет царев сын», «Занилька посеренький погуливал-гулял», «На горе мак, на прекрутой мак» (*мак щипали*), «Как на нашей сторонке» (*хмель вьют*), «Как по травке, по муравке» (вариант зачина «Спо той травке, спо муравке»), «Кумушка-кума, во весь свет душа».

Завершение сезона луговых игрищ называлось «заносить соловья». Сведения о последнем гулянье чрезвычайно размыты. «Заносили соловья» на заговенье Петровского поста, по некоторым данным на Петров день. Остается пока неясным, в какой степени песенно-хороводная часть повторяла или, наоборот, отличалась от «выноса соловья».

К хороводно-игровым песням, которые не имели конкретной приуроченности, относятся «Как по морю синему», «Вдоль по бережку ходила-гуляла», «В окол Дону», «Как на талую на землю», «Я поеду во Китай город гуляти», «Уж я золото хороню» и др. Объемно в серёговском репертуаре представлен и корпус плясовых песен: «А вечеру, спо вечеру милой пришатился ко двору», «Ах ты, Груня, да Аграфена», «Как у наших у ворот», «Мимо моих белокаменных палат проезжали две цыганки в маскарад» и др.

Корпус лирических песен отражает поздний пласт песенной культуры. Городской романс, авторские произведения пользовались в с. Серёгово большой популярностью. С традиционной необрядовой лирикой они представляли цельный блок и достаточно гармонично вписывались и в будничное, и в праздничное времяпрепровождение. Эти песни не имели строгой приуроченности, при этом зачастую соотносились с обрядовым контекстом: их исполняли у пасхальных качелей, на летних луговых игрищах, молодежных «вечеринках» осенне-зимнего периода. Вписанной в сценарий луговых игрищ оказывается песня «На отлетике сизенькой голубчик». Из лирических песен она исполнялась первой после хороводной части: «Летом, на гуляньях, на лужочке. <...> после хороводов эта первая песня. — За руки брались? — Нет, ходили так просто по горе да и пели. По улицам ходили пели»². В комментариях к

¹ ФФ ИЯЛИ: Х52-2. Записано В. А. Ляшевым в 1974 г. (данные об информанте отсутствуют).

² ФФ ИЯЛИ: А0604-3. Записано П. И. Чисталевым в 1960 г. от Шилиной Александры Антоновны, 1914 г.р.

некоторым из песен, исполняемых во время будничных посиделок, подчеркивается их статусная принадлежность и они обозначаются как «девичьи». Так же, как и свадебные припевки, они могли сопровождаться действием и включались в группу «походных» — парень выбирал одну из девушек и, взявшись за руки, они прохаживались по избе («Обойми, поцелуй», «Кольцо души-девицы я в море уронил», «Разудалый добрый молодец, ты оставь за мной ухаживать»). Песню «Я калинушку ломала, в пучочки вязала, в дорожку кидала» исполнители соотносят с периодом жатвы. В песнях «Не кукуй, моя кукушка» и «Уж ты сад, ты мой сад» реализуется тема солдатства, и они устойчиво были связаны с проводами в армию. Кроме этого, в лирический репертуар входили песни: «Брала, брала Машенька земляничку», «В поле аленькой цветочек», «Всю мы Москву объезжали», «Ой, горе горька кукушечка», «Не во трубоньку трубила», «Прощай, жизнь, радость моя», «Что это за сердце, всё оно изныло» и др.

В завершение отметим, что начиная примерно с 30-х гг. прошлого века в культурной жизни села свое устойчивое место занимает художественная самодеятельность при местном Доме культуры. Создаются драматическая группа, хор, музыкальная группа, струнный оркестр. Они активно гастролируют по Княжпогостскому и соседнему Усть-Вымскому районам, участвуют во всероссийских и республиканских конкурсах и смотрах¹. Выписка из протокола по итогам смотра художественной самодеятельности 1957 г. дает общее представление о концертном репертуаре, который естественно становился источником для пополнения списка исконных «местных» песен: «За 1957 год <...> поставлен 21 концерт, из них 11 выездных. Репертуар составлен из произведений советских поэтов и композиторов, поэтов и композиторов стран народной демократии, русские народные песни, танцы, хороводы, используется местный материал»². Тексты привнесенных песен, как и сценарные варианты их соотнесения с обрядом или каким-либо действием, записывали в личные тетради-песенники. Традиция их ведения была очень распространена в Серёгово. По аудиозаписям четко прослеживается их использование во время экспедиционных опросов, связанных с песенным фольклором. Ситуацию сосуществования традиционного и сценического необходимо учитывать в дальнейших исследованиях, в том числе и при работе с материалами соседних коми районов.

В целом объем архивных материалов позволяет проводить дальнейшие исследования данной традиции в различных аспектах. В качестве наиболее перспективных направлений можно наметить изучение репертуара в контексте молодежной культуры, особого внимания заслуживает свадебный фольклор, актуален сопоставительный анализ песенных сюжетов с коми и севернорусскими традициями; отметим также необходимость этномузыковедческого обращения к сереговской песенной культуре.

¹ Сажина Р. А. Кристаллы Серегово: Научно-популярные очерки. Емва, Сыктывкар, 2010. С. 118–120.

² Княжпогостский историко-краеведческий музей. Ф. 8. Оп. 1. Д. 12. Протоколы по итогам смотра художественной самодеятельности. 1957 г. Л. 26–28.

Список источников

Власов А. Н., Канева Т. С. К проблеме феноменологии локальных традиций (по результатам исследования фольклорной культуры Европейского Северо-Востока России) // Народная культура Европейского Севера России: региональные аспекты изучения: сб. науч. тр. к 10-летию кафедры фольклора и истории книги. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2006. С. 16–39.

Дукарт Н. И. Весенне-летние праздники и обряды в северной деревне конца XIX — начала XX в. // Вопросы истории Коми АССР (XVII — начало XX вв.). Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1975. (Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 16). С. 141–152.

Жеребцов И. Л. Где ты живешь: Населенные пункты Республики Коми. Историко-демографический справочник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. 444 с.

Иванова Т. Г. Яренский уезд Вологодской губернии в контексте севернорусских былинных регионов // Рябининские чтения — 2023: материалы IX конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера / отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2023. С. 341–344.

Конаков Н. Д. От святок до сочельника: Коми традиционные календарные обряды. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. 128 с.

Крашенинникова Ю. А. Фольклорное наследие с. Серегово в коллекции Национального музея Республики Коми // Фольклор: структура, типология, семантика. 2019. № 2 (2). С. 180–199.

Обрядовая поэзия / сост., предисл., примеч., подгот. текстов В. И. Жекулиной, А. Н. Розова. М.: Современник, 1989. 735 с.

Сажина Р. А. Кристаллы Серегово: научно-популярные очерки. Емва, Сыктывкар: Коми респ. тип., 2010. 148 с.

Н. Б. Храмова (Нижний Новгород)

Фольклористика в Нижегородском крае в 1920–1930-е годы: роль краеведческих организаций

Аннотация. Статья посвящена малоизученному периоду в истории нижегородской фольклористики — 1920–1930-м годам. В ней подробно рассматривается фольклористическая деятельность одной из краеведческих организаций того времени — Нижегородской археолого-этнологической комиссии (НАЭК). Анализируются основные направления работы НАЭК, её достижения и трудности, связанные с сохранением и публикацией фольклорных материалов. Особое внимание уделяется исследованиям таких членов Комиссии, как С. М. Парийский, П. О. Пилашевский и А. А. Богодуров.

Ключевые слова: Нижегородская археолого-этнологическая комиссия (НАЭК), И. И. Тимин, С. М. Парийский, П. О. Пилашевский, А. А. Богодуров

Сравнительно недавно стали известны и уже увидели свет фольклорные записи, сделанные в первой трети XX в. нижегородским краеведом И. И. Ти-

миным, о которых никогда не упоминалось в обзорах нижегородской фольклористики¹.

Иван Иванович Тимин (1903–1987) родился в крестьянской семье; один из первых участников комсомольского движения в Нижегородской губернии, в 1928 г. окончил отделение языка и литературы педагогического факультета Нижегородского государственного университета, всю жизнь проработал учителем, писал рассказы и повести. Собрание Тимина, состоящее из записей его учеников, содержит 7,5 тысячи частушек (включая варианты) в 193 рукописях. Они сделаны в период с 1922 по 1940 г., представляют более десяти областей (но большая часть относится к Нижегородскому краю). Записи не подвергались внешней цензуре (со стороны органов власти или других социальных институций) и отбору собирателя. Это самое крупное из опубликованных нижегородских собраний частушек и одно из крупнейших в России начала прошлого века.

Собрание нуждается во включении в контекст региональной фольклористики. В данной работе мы, оттолкнувшись от деятельности И. И. Тимина, рассмотрим фольклористическую деятельность краеведческих организаций Нижегородского края в 1920–1930-е гг.²

История собирания и изучения фольклора в XIX в. на территории Нижегородского края довольно подробно изучена и описана как в обзорных работах³, так и в статьях, посвященных деятельности отдельных собирателей и исследователей⁴. История же местной фольклористики в XX в. пока еще мало

¹ Частушки 1920–1930-х годов. Собрание И. И. Тимина : в 2 т. / сост., вступит. ст., коммент. и указатели К. Е. Кореповой. Н. Новгород, 2025.

² В связи с ограниченным объемом публикации оставляем в стороне разработанную нами тему краеведения в нижегородских образовательных учреждениях этого же периода.

³ См.: *Звездин А. И.* Об организации работ по этнографии края // Нижегородское краеведение. 1931. № 9–10. С. 11–15; *Потявин В. М.* Собрание и изучение фольклора Нижегородского Поволжья в XIX веке // Народная поэзия Горьковской области / сост. и ред. В. М. Потявин. Горький, 1960. Вып. 1: [Сказки, песни, частушки]. С. 371–432. Кроме того, имеются два аннотированных библиографических указателя, охватывающих корпус источников по нижегородской фольклористике XIX в.: *Фольклор Нижегородского края: библиографический указатель* / сост. М. Н. Андреева, А. Н. Донин, К. Е. Корепова; под общ. ред. К. Е. Кореповой. Горький, 1971; *Фольклорно-этнографические материалы на страницах периодического издания «Нижегородские епархиальные ведомости» (1864–1905). Указатель материалов* / сост. П. В. Федосеева, Ю. М. Шеваренкова, К. Е. Корепова. Н. Новгород, 2013.

⁴ См. например, работы о деятельности А. В. Карпова, братьев А. А. и М. А. Александровых, священника Василия Страгородского и других собирателей и исследователей нижегородского фольклора: *Корепова К. Е.* Андрей Васильевич Карпов — собиратель нижегородского фольклора // Традиционная культура. 2010. № 3. С. 108–118; *Корепова К. Е.* Братья А. А. и М. А. Александровы — собиратели нижегородского и сибирского фольклора // Покровские дни : труды 2-й научной фольклорной конференции (9–10 октября 2010 г.) : в 3 т. Н. Новгород, 2011. Т. 2. С. 5–14; *Курдин Ю. А., Пряников А. В.* Священник Василий Страгородский — исследователь фольклора и быта крестьян Арзамасского уезда середины XIX века // Карповские чтения — 7 : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. Арзамас, 2017. С. 222–243; *Кудряшов И. В.* Околоцерковные обычаи и суеверия жителей горо-

исследована, особенно в межвоенный период 1920–1930-х гг. Существуют отдельные работы, касающиеся указанного этапа. Например, в предисловии К. Е. Кореповой к библиографическому указателю нижегородского фольклора, изданному в 1971 г., представлен краткий обзор краевой фольклористики¹. Еще одна работа — диссертация Н. Н. Тамбовцевой об истории нижегородского краеведения в 1920-е гг.². Однако автор, будучи историком, основное внимание уделяет истории развития краеведения в целом. Кроме того, Н. Н. Тамбовцева учитывает не все публикации по фольклору и этнографии, а лишь те, которые были созданы (опубликованы или хранятся в архивах) членами изучаемых ею краеведческих организаций. Также в ее работе отсутствует анализ специфики собирания и изучения фольклора в эти годы.

В последние годы появился ряд новых документальных свидетельств о работе различных нижегородских организаций в 1920–30-е гг., обнаружены новые архивы личных документов, в т. ч. записи фольклорных материалов (кроме собрания И. И. Тимина, это архив В. Ф. Ржиги³, материалы А. А. Богодурова⁴ и др.). Все это позволяет еще раз обратиться к краевой фольклористике 1920–30-х гг., в частности осветить деятельность краеведческих организаций Нижегородского края.

1920-е гг. называют «золотым веком» краеведения: быстрый рост числа организаций и участников краеведческого движения, тесная связь краеведения с академической наукой и государственной властью, теоретические и практические задачи, поставленные перед краеведением его «активистами» и местными властями — все это привело к тому, что в эти годы, по оценке М. В. Муратова, «краеведение перестает быть делом отдельных исследователей, разрозненных обществ и кружков и постепенно превращается в настоящее движение»⁵. И как отмечают исследователи, советское краеведение этого периода «сыграло важную роль в развитии русской фольклористики»⁶.

да Арзамаса и Арзамасского уезда конца 40-х годов XIX века в описании протоиерея Иоанна Сахарова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2024. № 3. С. 35–44. Вышеперечисленные статьи — лишь малая часть научных работ, посвященных отдельным собирателям и исследователям нижегородского фольклора XIX в. К примеру, только в пятитомном биобиблиографическом словаре «Русские фольклористы: XVIII–XIX вв.» имеется более тридцати словарных статей К. Е. Кореповой о нижегородских фольклористах указанного периода (см.: Каракулов А. Н. Библиография научных работ К. Е. Кореповой: к юбилею // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 2. № 167–199, 205–231).

¹ Фольклор Нижегородского края: библиографический указатель. С. 4–8.

² Тамбовцева Н. Н. Историческое краеведение в Нижегородской губернии 20-х годов XX века : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Н. Новгород, 2002.

³ Мартынова Е. В. Документы Ф. В. Ржиги в Центральном архиве Нижегородской области // Государственная архивная служба Нижегородской области: [сайт]. URL: <https://archives.nobl.ru/activity/51049/>. Дата публикации: 18.01.2024.

⁴ См.: Изумрудов Ю. А., Храмова Н. Б. Фольклор в записях А. А. Богодурова // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2025. № 1. С. 113–156.

⁵ Цит по: Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века: 1900 — первая половина 1941 г. СПб., 2009. С. 324.

⁶ Иванова Т. Г. Указ. соч. С. 328.

В 1920-е гг. в Нижегородской губ. также активно развивалось краеведческое движение. В этот период здесь действовало более десятка краеведческих организаций разного уровня (губернских, уездных и районных). На губернском уровне можно выделить следующие организации: Нижегородская археолого-этнологическая комиссия, Нижегородское научное общество по изучению местного края, Ассоциация по изучению производительных сил, Нижегородское краевое научное общество краеведения и др. На низовом (уездном и районном) уровне действовали такие организации, как Ветлужское научное общество по изучению местного края (с 1918 г.), Сергачское краеведческое общество, Богородский краеведческий кружок, Арзамасский краеведческий кружок при педтехникуме, Балахнинское научное краеведческое общество, Канавинский краеведческий кружок имени М. Горького, Гнилицкое краеведческое общество, Сормовский краеведческий кружок и др. Кроме того, на местах действовали и отдельные исследователи, интересовавшиеся краеведческой тематикой.

Круг задач, которые ставили перед собой данные организации, был весьма широк, и, как отмечает Н. Н. Тамбовцева, «этнографическая проблематика была одной из ведущих для того времени» во всех краеведческих организациях региона. Под «этнографической проблематикой» исследовательница подразумевает также сбор и изучение фольклора¹. Однако анализ источников показывает, что все же среди «этнографических/этнологических» полевых работ и научных исследований преобладали темы материальной культуры, а собственно фольклорная проблематика оставалась на периферии интересов.

Рассмотрим для примера собирание и изучение фольклора в одной из краеведческих организаций того периода.

Нижегородская археолого-этнологическая комиссия (НАЭК) была организована в 1920 г. членами бывшей Нижегородской государственной ученой архивной комиссии (НГУАК), закрытой в 1918 г. советскими властями. Сначала организация называлась «Нижегородская архивно-археологическая комиссия», а в апреле 1921 г. была переименована в НАЭК. Так как НАЭК, по сути, была наследницей НГУАК, то она продолжила все направления, которые были у ее организации-предшественницы: изучение истории местного края, систематизация, описание и публикация нижегородских архивных материалов, проведение археологических раскопок, исследование народного быта и искусства, кустарных промыслов и пр.

Поскольку НАЭК испытывала трудности с финансированием, ее издательская работа была ограниченной: было издано несколько отчетов о деятельности комиссии, некоторые работы вышли отдельными изданиями (на-

¹ Таким же образом понимали эту проблематику и сами нижегородские краеведческие организации того периода. Например, в Уставе НАЭК, опубликованном в 1926 г., среди задач и целей Комиссии указано: если Комиссия будет развиваться, то в ней могут быть выделены отделы, в частности Этнологический, а в нем подотделы: «музыкально-этнографический, народно-словесный и др.» (Нижегородская археолого-этнологическая комиссия: 1923–1925 гг. Н. Новгород, 1926. С. 28).

пример, сборник «Памяти А. Я. Садовского» в 1928 г.). Часть работ членов комиссии была опубликована в столичных и местных сборниках и периодических изданиях. Однако довольно значительное число трудов участников организации (полные тексты их докладов и статьи) осталось неопубликованным: они хранятся в рукописях в Центральном архиве Нижегородской области в фондах НАЭК или личных архивах либо были утрачены, и сведений о них нет. Некоторые работы членов НАЭК были изданы позже, в 1980–2010-е гг.¹

Организацией, которая могла бы объединить краеведческую работу в крае, НАЭК не смогла стать. Руководство со стороны НАЭК другими, низовыми, организациями (в уездах и районах) вылилось в рассылку рекомендаций, выезды на места и чтение методических и тематических лекций по краеведению, выступления перед учителями и разработку тематики «Краеведение в школе».

Одним из немногих членов НАЭК, занимавшихся в 1920-е гг. исследованием фольклора, был Сергей Михайлович Парийский (1870–1931). Он происходил из семьи священника, окончил историческое отделение Казанской духовной академии, до революции преподавал гуманитарные дисциплины в Нижегородских средних учебных заведениях (епархиальное училище, женская гимназия, кадетский корпус), в советское время вел курсы истории местного края, архивоведения и этнографии в Нижегородском государственном университете и Нижегородском педагогическом институте. Был редактором отдела краеведения в журнале «Кооперативное дело» в 1922–1924 гг. С 1904 г. являлся активным членом НГУАК, был одним из основателей НАЭК и даже какое-то время ее председателем, в 1924 г. также присоединился к Нижегородскому научному обществу по изучению местного края. Основными его исследовательскими интересами были местная история и археология. Кроме того, он много занимался полевыми археологическими исследованиями, музейной, экскурсионной работой, читал лекции для городских и уездных краеведов и учителей об организации краеведческой работы (в частности, в школах)².

В начале 1920-х гг. в круг научных интересов С. М. Парийского вошли этнография и фольклор. Вероятно, потому, что он, увидев перелом, происходящий в обществе, понял: нововведения стремительно уничтожают традиционный быт и уклад русской деревни, — и поэтому одной из задач краеведов должна стать фиксация явлений, которые могут быть уничтоже-

¹ Например, «Отчет о работе Нижегородской археолого-этнологической комиссии за сентябрь 1922 — февраль 1923 г.» был опубликован в 1988 г. (Отчет о работе НАЭК за сентябрь 1922 — февраль 1923 г. // Культурное строительство в Нижегородской губернии. 1917–1927 : документы и материалы. Горький, 1988. С. 113–118).

² Подробнее о жизни и деятельности С. М. Парийского см.: Галай Ю. Г. Сергей Михайлович Парийский // Галай Ю. Г. Храня истории следы. Н. Новгород, 2014. Т. 1. С. 494–496; Кучерова Т. В. Семья Парийских по материалам нижегородской печати рубежа XIX–XX веков // Открытый текст: электронное периодическое издание. URL: <https://opentextnn.ru/history/semeynye-arhivy/semja-parijskih/?ysclid=mbtmi4egry342863633>. Дата публикации: 06.11.2022.

ны в ближайшем будущем. В 1924 г. на одном из заседаний Ученого совета НАЭК С. М. Парийский сделал доклад «О необходимости принятия мер к собиранию фольклора, ввиду вытеснения его современной частушкой»¹. Скорее всего, по его инициативе Ученый совет НАЭК в этом же году обратился в Нижегородский губернский отдел народного образования (губоно) с просьбой: «Ввиду продолжающегося исчезновения фольклора, вытесняемого современной частушкой, просьба к Губоно рекомендовать учителям народных школ при краеведческих работах собирать фольклор и собранное печатать в органе Губоно»². В 1923 г. С. М. Парийский готовил к печати две работы по фольклору («К истории русской песни» и «Нижегородский край в пословицах, присловьях, сказаниях и поговорках»)³, но они не были доведены до конца⁴. В 1926 г. на губернских курсах переподготовки учителей в Нижнем Новгороде Парийский прочитал лекцию «Этнографический очерк Нижегородской губернии»⁵. В опубликованных отчетах НАЭК содержание лекции не отражено, но, поскольку в предыдущие годы исследователь несколько раз обращался к фольклору, можно предположить, что в своем выступлении он о нем также говорил.

Еще одним членом НАЭК, обратившимся к собиранию и изучению нижегородского фольклора, был Павел Осипович Пилашевский. К сожалению, о его жизни и деятельности известно очень мало. С 1926 по 1932 г. Павел Осипович Пилашевский был профессором кафедры русского языка и словесности, сначала в Нижегородском государственном университете, а затем — в педагогическом институте⁶. С 1927 г. являлся действительным членом НАЭК⁷. Кроме того, был членом Нижегородского научного общества по изучению местного края⁸.

Он занимался исследованием нижегородских говоров⁹. В 1927–1928 гг. как член Нижегородского научного общества по изучению местного края принимал участие в комплексной антропологической экспедиции под руко-

¹ Нижегородская археолого-этнологическая комиссия: 1923–1925 гг. Н. Новгород, 1926. С. 18.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 24.

⁴ Эти работы не упоминаются в библиографических указателях о нижегородском фольклоре или краеведении. В отчете НАЭК за 1926 г. работа «Нижегородский край в пословицах, присловьях, сказаниях и поговорках» по-прежнему значится, как находящаяся в рукописи (Нижегородская археолого-этнологическая комиссия: 1926 г. Н. Новгород, 1927. С. 10).

⁵ Нижегородская археолого-этнологическая комиссия: 1926 г. Н. Новгород, 1927. С. 6, 7.

⁶ Наука // Нижегородский государственный педагогический университет. URL: <https://nnsru.ru/science/development.php> (дата обращения: 13.04.2025).

⁷ Нижегородская археолого-этнологическая комиссия в 1927 и 1928 гг. Н. Новгород, 1929. С. 29.

⁸ Третий год работы Нижегородского научного общества по изучению местного края: 1927. Н. Новгород, 1928. С. 35.

⁹ Программа для собирания материалов по изучению говоров Нижегородской губернии / подгот. к изд. П. О. Пилашевский. [Н. Новгород], 1928.

водством профессора Антропологического института при Московском университете Б. С. Жукова. Летом 1927 г. вместе со студентами педагогического факультета Нижегородского университета совершил несколько «пешеходных экскурсий» в Семеновском уезде и обследовал 94 населенных пункта¹. По результатам экспедиции им был сделан доклад на исторической секции Нижегородского научного общества по изучению местного края, который потом был опубликован в «Известиях Нижегородского университета»². В своем исследовании Пилашевский выделил на территории Семеновского уезда три главных типа говоров — каждый из них подробно охарактеризован. Исследователем отмечено, что результаты его работы дают «интересный и богатый материал не только для диалектологии и истории русского языка, но и для истории колонизации края»³. В 1928 г. Пилашевский работал в составе «лингвистического отряда» (В. И. Сидоров, Р. И. Аванесов, П. О. Пилашевский), комплексной антропологической экспедиции МГУ на юге губернии и исследовал говоры русского населения и мордвы (терюхан)⁴.

Летом 1929 г. Пилашевский продолжил полевые исследования, однако уже как член НАЭК. Он был командирован комиссией в старообрядческий Хахальский район бывшего Семеновского уезда⁵ для собирания и изучения фольклора. Основной целью его работы было «исследовать влияние современности на старое, народное, главным образом, скитское творчество»⁶. По итогам выезда он подготовил доклад в НАЭК под названием «К изучению старообрядческого фольклора Семеновского Заволжья». Краткий реферат этого доклада был опубликован в отчете комиссии и содержал лишь описание темы исследования и задач, поставленных перед Пилашевским в ходе полевых работ⁷. Полный текст доклада не был опубликован, поэтому более подробные сведения о том, какой материал был собран в ходе выезда, отсутствуют.

В 1929 г. на заседаниях НАЭК был сделан еще один доклад о фольклоре — «Народные песни 90-х гг. в южной части Арзамасского уезда» — краткий реферат которого также был опубликован⁸. Докладчик — А. А. Богодуров — представил свое небольшое собрание песен (55 текстов, из которых в докла-

¹ Пилашевский П. О. Материалы по изучению говоров Нижегородской губернии // Известия Нижегородского государственного университета. 1928. Вып. 2. С. 348.

² Пилашевский П. О. Говоры Семеновского уезда Нижегородской губернии // Третий год работы Нижегородского научного общества по изучению местного края: 1927. Н. Новгород, 1928. С. 25–26; Материалы по изучению говоров Нижегородской губернии // Известия Нижегородского государственного университета. 1928. Вып. 2. С. 348–364.

³ Пилашевский П. О. Говоры Семеновского уезда Нижегородской губернии. С. 26.

⁴ С. Ст. В Ассоциации по изучению производительных сил Нижегородской губернии // Нижегородское хозяйство. 1929. № 5–6. С. 72.

⁵ Нижегородская археолого-этнологическая комиссия в 1929 году. Н. Новгород, 1930. С. 5 (1-я пагинация).

⁶ Там же. С. 12 (2-я пагинация).

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 17 (2-я пагинация).

де упоминались только 20), записанных им в 1888–1903 гг. на юге губернии, в Арзамасском уезде. Полностью текст сообщения Богодурова также не публиковался, и можно было предположить, что и его собрание было утеряно, как многие другие. Однако, как оказалось, рукописный сборник песен¹ был бережно сохранен в семейном архиве. Недавно внучка А. А. Богодурова, Е. А. Новикова, предоставила возможность одному из преподавателей Нижегородского государственного университета, Ю. А. Изумрудову скопировать его содержание. В этом году сборник был полностью опубликован².

1929 год был последним годом существования НАЭК. В 1930 г. Комиссия вошла в состав новообразованной краеведческой организации — Нижегородского краевого научного общества краеведения — на правах секции истории материальной культуры. Подводя итоги фольклористической деятельности НАЭК, можно отметить, что она оказалась довольно скудной: за почти десятилетний период существования членами организации было подготовлено всего пять работ, посвященных фольклору, при этом ни одна из них не была опубликована в тот момент. Также был осуществлен один выезд для изучения старообрядческого фольклора.

Что касается других краеведческих организаций, действовавших на территории Нижегородской губернии в 1920-е гг., к ним, как, впрочем, и к НАЭК, применима характеристика, данная одной из них К. Е. Кореповой: «...в 1925 году <...> было создано Научное общество по изучению местного края, но организовать фольклорную работу оно не сумело»³.

Многие нижегородские фольклористы 1920–1930-х гг. не смогли реализовать свои замыслы: их научные исследования и собрания материалов остались неопубликованными и со временем утеряны. О жизни некоторых фольклористов мы сейчас практически ничего не знаем. Однако судьба двух собраний, о которых мы упоминали в настоящей статье, — И. И. Тимина и А. А. Богодурова — свидетельствует о том, что есть возможность отыскать потерянные архивы, работы и сведения о деятельности этих людей. Это дает надежду вписать их фигуры в историю науки, а их труды ввести в научный оборот.

Список источников

Галай Ю. Г. Сергей Михайлович Парийский // Галай Ю. Г. Храня истории следы. Нижний Новгород: Издат. отдел Нижег. епархии при Вознесенском Печерском монастыре, 2014. Т. 1. С. 494–496.

Звездин А. И. Об организации работ по этнографии края // Нижегородское краеведение. 1931. № 9–10. С. 11–15.

Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века: 1900 — первая половина 1941 г. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2009. 800 с.

¹ Он содержит только часть собрания Богодурова: 23 песни и 17 частушек, записанных в 1884–1897 гг.

² Изумрудов Ю. А., Храмова Н. Б. Указ. соч.

³ Фольклор Нижегородского края: библиографический указатель. С. 6.

Измурдов Ю. А., Храмова Н. Б. Фольклор в записях А. А. Богодурова // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2025. № 1. С. 113–156.

Каракулов А. Н. Библиография научных работ К. Е. Кореповой: к юбилею // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 2. С. 125–147.

Корепова К. Е. Андрей Васильевич Карпов — собиратель нижегородского фольклора // Традиционная культура. 2010. № 3. С. 108–118.

Корепова К. Е. Братья А. А. и М. А. Александровы — собиратели нижегородского и сибирского фольклора // Покровские дни : труды 2-й научной фольклорной конференции (9–10 октября 2010 г.) : в 3 т. Нижний Новгород: Покровские дни, 2011. Т. 2. С. 5–14.

Кудряшов И. В. Околоцерковные обычаи и суеверия жителей города Арзамаса и Арзамасского уезда конца 40-х годов XIX века в описании протоиерея Иоанна Сахарова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2024. № 3. С. 35–44.

Курдин Ю. А., Пряников А. В. Священник Василий Страгородский — исследователь фольклора и быта крестьян Арзамасского уезда середины XIX века // Карповские чтения — 7 : сб. ст. всеросс. науч.-практ. конф. Арзамас: Арзамас. филиал ННГУ, 2017. С. 222–243.

Кучерова Т. В. Семья Парийских по материалам нижегородской печати рубежа XIX–XX веков // Открытый текст: электронное периодическое издание. URL: <https://opentextnn.ru/history/semejnye-arhivy/semja-parijskih/?ysclid=mbtm14egry342863633> (дата обращения: 06.11.2024).

Мартынова Е. В. Документы Ф. В. Ржиги в Центральном архиве Нижегородской области // Государственная архивная служба Нижегородской области. URL: <https://archives.nobl.ru/activity/51049/> (дата обращения: 18.01.2025).

Наука // Нижегородский государственный педагогический университет. URL: <https://nnspu.ru/science/development.php> (дата обращения: 13.04.2025).

Нижегородская археолого-этнологическая комиссия в 1927 и 1928 гг. Нижний Новгород: Тип. «Работник» М. Т. Берона в Нижнем Новгороде, 1929. 30 с.

Нижегородская археолого-этнологическая комиссия в 1929 году. Нижний Новгород: б. и., 1930. 28 с.

Нижегородская археолого-этнологическая комиссия: 1923–1925 гг. Нижний Новгород: Нижполиграф, 1926. 32 с.

Нижегородская археолого-этнологическая комиссия: 1926 г. Нижний Новгород: Тип. «Работник» М. Т. Берона в Нижнем Новгороде, 1927. 15 с.

Отчет о работе НАЭК за сентябрь 1922 — февраль 1923 г. // Культурное строительство в Нижегородской губернии. 1917–1927 : документы и материалы. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1988. С. 113–118.

Пилашевский П. О. Говоры Семеновского уезда Нижегородской губернии // Третий год работы Нижегородского научного общества по изучению местного края: 1927. Нижний Новгород: Нижполиграф, 1928. С. 25–26.

Пилашевский П. О. Материалы по изучению говоров Нижегородской губернии // Известия Нижегородского государственного университета. 1928. Вып. 2. С. 348–364.

Потявин В. М. Собираание и изучение фольклора Нижегородского Поволжья в XIX веке // Народная поэзия Горьковской области / сост. и ред. В. М. Потявин. Горький: б.и., 1960. Вып. 1: Сказки, песни, частушки. С. 371–432.

Программа для собирания материалов по изучению говоров Нижегородской губернии / подгот. к изд. П. О. Пилашевский. Нижний Новгород: Педфак НГУ, 1928. 31 с.

С. Ст. В Ассоциации по изучению производительных сил Нижегородской губернии // Нижегородское хозяйство. 1929. № 5–6. С. 71–73.

Тамбовцева Н. Н. Историческое краеведение в Нижегородской губернии 20-х годов XX века : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Нижний Новгород, 2002. 296 с.

Третий год работы Нижегородского научного общества по изучению местного края: 1927. Нижний Новгород: Нижполиграф, 1928. 48 с.

Фольклор Нижегородского края: библиографический указатель / сост. М. Н. Андреева, А. Н. Донин, К. Е. Корепова; под общ. ред. К. Е. Кореповой. Горький: ГГУ, 1971. 144 с.

Фольклорно-этнографические материалы на страницах периодического издания «Нижегородские епархиальные ведомости» (1864–1905). Указатель материалов / сост. П. В. Федосеева, Ю. М. Шеваренкова, К. Е. Корепова. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2013. 120 с.

Частушки 1920–1930-х годов. Собрание И. И. Тимина : в 2 т. / сост., вступ. ст., коммент. и указатели К. Е. Кореповой. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2025. Т. 1. Девичьи частушки. 605 с.; Т. 2. Мужские и прочие частушки. Другие материалы. 447 с.

Л. И. Шишкина (Санкт-Петербург)

Опыт истории: Русско-японская война в зеркале газетной периодики

Аннотация. В статье рассматривается роль журналистики в первой «локальной» войне России XX века. При анализе проблем, поставленных газетной публицистикой как наиболее мобильной в освещении событий, в том числе впервые поднятой проблемы «столкновения цивилизаций», возникают параллели с современной историко-культурной ситуацией.

Ключевые слова: Русско-японская война, газетная периодика, «Русский инвалид», хроника событий, столкновение цивилизаций

В этом году исполняется 120 лет с момента окончания Русско-японской войны (1904–1905 гг.) и подписания Портсмутского мирного договора, означавшего ряд болезненных потерь для России. Казалось бы, этот весьма неоднозначный факт русской истории остался в далеком прошлом. Однако развитие событий и глубина проблем, ими поднятых, вызывают параллели с нынешней реальностью.

Логика движения истории показывает, что точкой отсчета того или иного века становятся не цифры на странице календаря, а некие знаковые события. Так, «настоящий Двадцатый век», по мысли А. Ахматовой, начинался в августе 1914 г. — с началом Первой мировой войны, которую О. Шпенглер называл «обширным инфарктом Европы». Но для России «первые признаки смерча» обозначились уже в событиях Русско-японской войны. В этом пла-

не интересно посмотреть, как же отозвалась и что видела в ней отечественная журналистика.

С первых дней 1904 г. на страницах российских газет оживленно обсуждалась ситуация на Дальнем Востоке и предрекалась неизбежность военного столкновения. В ночь с 26 на 27 января японцы атаковали русскую эскадру. В морском бою у Порт-Артура были затоплены крейсер «Варяг» и канонерка «Кореец». Так началась война, которая стала не только историческим и политическим событием XX века, но и «эмблемой», обозначившей вступление человечества в новую культурную эпоху и предвосхитившей многие будущие проблемы его существования.

Газетная и журнальная периодика, отвечая на эйфорическое состояние русского общества, предоставляла обширную информацию о ходе военных действий на Дальнем Востоке. «Война заполнила жизнь. Она захлестнула столбцы газет. Ее отголосками и всевозможными географическими и этнографическими справками заняты страницы журналов», — характеризовал состояние периодической печати критик и публицист А. Измайлов¹. В это время выходят многочисленные издания типа: «Война с Японией» (М., 1904), «Дневник войны» (СПб., 1904–1905), «Иллюстрированная летопись русско-японской войны» (СПб., 1904–1905), «Летопись войны с Японией» (СПб., 1904–1905), «Хроника русско-японской войны» (СПб., 1904–1905) и др. Помимо фактологической информации, они содержали богатый иллюстративный материал: фотографии 19-летнего, в будущем знаменитого фотографа, Виктора Буллы и художника-фотографа В. А. Табурина, зарисовки маститого баталиста В. В. Верещагина и профессора академии художеств Н. С. Самокиша (впоследствии Самокиш выпустил альбом фронтовых работ «Война 1904–1905 гг.: из дневника художника». (СПб., 1915), где к рисункам был приложен текст его дневника). Периодические журналы были заполнены разного рода очерками о войне. В «Русском вестнике» за 1904 г. свыше полугода печатались очерки Ю. Ельца «На театре военных действий». Вслед за ним появился «Дневник корреспондента» И. Шахновского с характерным названием «Желтая туча (Двенадцать месяцев войны с Японией)». «Русское богатство» в трех номерах печатало записки «На войне» Г. Белорецкого. Очерки с тем же названием, принадлежавшие перу Н. Мордвинова, появились в журнале «Наука и жизнь».

Но главным источником информации стали газеты, в которых основное пространство заняли рубрики: «Война», «С театра военных действий», «Война с Японией», схемы передвижения армий, карты Маньчжурии с указанием мест боев, фотографии героев войны, прославленных русских кораблей, отдельных войсковых соединений и т. д.

На театр военных действий хлынул поток журналистов. При маньчжурских армиях России пребывало 102 русских и 38 иностранных корреспондентов, среди которых были известные писатели. Н. Г. Гарин-Михайловский,

¹ Измайлов А. Литература и жизнь // Родная нива. 1905. № 12. С. 112.

с апреля 1904 г. состоявший инженером при штабе командующего 1 Маньчжурской армии, стал обозревателем московской газеты «Новости дня» (его первый очерк из цикла «Дневник во время войны» появился 3 мая 1904 г.). «Русское слово» из номера в номер печатало отдельные части «Дневника военного корреспондента» патриарха отечественной военной журналистики Вас. И. Немировича-Данченко, получившего известность еще во время русско-турецкой войны. В качестве врача на войну отправился В. Вересаев, впоследствии запечатлевший реалии и факты происходящего в цикле очерков «На русско-японской войне». Петербургские и московские газеты отправили на войну своих лучших репортеров. В «Московских ведомостях» печатался И. А. Ладыженский. Ю. Л. Елец и В. Л. Кинг-Дедлов были командированы авторитетной петербургской газетой «Новое время». На ее страницах привлекали внимание точностью фактов корреспонденции П. Борисова и А. Ольгинского. В рубрике «Дневник войны» часто появлялись развернутые сообщения за подписью Эфте — псевдоним есаула Аргунского полка Ф. Ф. Тютчева. При газете «Русь» числились подполковник Н. А. Корф (псевдоним Жгут) и Г. П. Эдельман-Эрастов. Официальным корреспондентом «Правительственного вестника» стал подполковник военно-судебного ведомства В. А. Апушкин, зарекомендовавший себя знающим и подвижным хроникером.

Наиболее полно события войны были представлены в газете «Русский инвалид» — официальном печатном органе военного министерства. Наряду с телеграммами главнокомандующего и официальными сообщениями из Токио, Харбина и других городов, в них печатались очерки военных корреспондентов, обогащавших информацию комментариями и размышлениями. Таковы были объективные и трезвые «Походные заметки» ротмистра Главного штаба К. К. Агафонова, аналитические статьи ген. П. Паренсона, неброские, но точные корреспонденции штабс-капитана П. М. Михайлова. Наибольший же интерес представляли яркие очерки под общим названием «На войне» постоянного корреспондента газеты П. Н. Краснова (в то время подъесаула лейб-гвардии казачьего Атаманского полка). Начиная с февраля 1904 г. (первый напечатан в № 35 от 16 февраля) они шаг за шагом воспроизводили развитие военных действий, представляли быт и настроение армии, выражали впечатления от пережитого.

Газетная периодика воссоздавала трагическую хронику событий: бой у Порт-Артура 31 марта, когда подрвался на mine флагманский корабль русского флота броненосец «Петропавловск»; сражение под Тюренченом, в котором подвиг самопожертвования явила русская артиллерия; поражение при Вафангоу; гибель крейсера «Новик»; августовское длительное и упорное сражение под Ляояном, в котором русская армия потерпела катастрофу и после кровопролитных боев и ужасных потерь (газеты называли от 30 до 40 тысяч человек) отступила к Мукдену, неудача семидневной изнуряющей битвы при реке Шахэ (потери насчитывали 42 тысячи человек), общий разгром сухопутной армии под Мукденом — факты, которые потрясли русское общество.

Военные корреспонденты не только создали хронику военных событий, но фиксировали многочисленные подробности. Они писали о самопожертвовании русских солдат и офицеров, о нечеловеческом перенапряжении, бессонных ночах, об испепеляющем зное, поражавшем людей солнечными ударами, самоотверженности докторов и санитаров. Сообщались и факты обстрела японцами санитарных поездов, паники и неразберихи, когда подразделения одной армии уничтожали друг друга, отступлении русских войск по Ляоянской (Мандаринской) дороге после кровопролитных боев 12, 13 и 14 августа. Так, например, его описывал П. Краснов: «По всем дорогам, что идут в северном направлении, клубами стелется пыль и идут бесконечные обозы, артиллерийские парки, батареи, двуколки, лазаретные повозки, а потом войска, войска, войска. Наибольшее движение по широкой Мандаринской дороге»¹.

Мотив палящего зноя присутствовал практически во всех газетных зарисовках. Вот, для примера, несколько из разных корреспонденций: «Жара и мухи. <...> Что может быть хуже, мучительнее этого сочетания. Жара 46 градусов в тени, а на солнце ад»²; «В воздухе ни малейшего движения. Облака пыли как поднялись, так и стоят неподвижные, мутные, душные». Фактор жары и поражения солдат солнечным ударом был столь значителен, что отмечался в официальной телеграмме главнокомандующего ген. Куропаткина³.

П. Краснов, описывая двухдневный июньский бой под Вафангоу, отмечал невероятное упорство обеих сражающихся сторон и стойкость русских солдат. «Двое суток над их головами рвались сотнями шрапнели, и черный дым от мелинитовых гранат, падавших на батарею, ел глаза артиллеристам, а осколки снарядов побивали лошадей, ломали пушки, а люди все топтались на одном месте, валялись в глинистой пыли, в камнях и низком кустарнике, не желая отдавать одни другим кусочек земли»⁴.

К лету общественное уmonoстроение сильно изменилось: ожидание быстрой победы в «маленькой победоносной войне» обернулось разочарованием и трагической рефлексией. Современников поражало небывалое кровопролитие этой войны, зачастую нарушавшей традиционный кодекс военной чести. Видавшие виды корреспонденты с определенной долей изумления фиксировали многочисленные случаи беспощадного истребления солдатами разных армий друг друга, инстинктивной жестокости сражавшихся. Показательны отрывки из корреспонденций В. Немировича-Данченко: «Нельзя себе вообразить, в каких положениях смерть застает противников, — описывал репортер поле сражения. — Вот один так и замер, сжимая горло другому, а в нем самом торчит впившийся в спину и сломавшийся штык; вон несколько человек переплелось так, что разобрать нельзя, где враг, а где наши. Руки, сжатые в кулаки, руки, вытянувшиеся куда-то, руки, подвернувшиеся под спины, — и все раны в голову, в грудь. Разбитые черепа, вывалившиеся и

¹ Русский инвалид. 1904. № 183. 21 авг. С. 4.

² Там же. № 183. 21 авг. С. 4.

³ Там же. № 186. 24 авг. С. 5.

⁴ Там же. № 147. 7 июля. С. 4.

расплывшиеся мозги, и лужа крови у самых тел, клочья мяса, бывшие когда-то человеком, вывороченные раны, из которых торчат сломанные кости, ножом перехваченные горла, из которых кипучей струей хлестала кровь»¹.

20 мая 1904 г. в «Русском инвалиде» появилось сообщение, что японцы обстреляли санитарный поезд, обозначенный белым флагом с красным крестом, что означало нарушение «международного военного культурного обычая». Неоднократно упоминалось, что войска неприятеля были хорошо экипированы, и оборванные русские солдаты надевали на себя одежду убитых японцев².

Отдельные реалии войны складывались в общую картину явления, нарушающего законы человеческого бытия. Так, В. Немирович-Данченко, описывая бой за Путиловскую сопку, ставший центральным моментом кровавого сражения под Тюренченом (18 апреля там было положено 3,5 тысячи жизней), рисует страшную картину горы трупов: «Видели вы воду, выступающую из берегов, когда, переполнив их, она широко выливается через высокие берега и затопляет собою все кругом? Так именно трупы после этой ужасной бойни выступали из длинных и глубоких окопов. Внутри они лежали одни на других, горбами, снаружи — точно их выбросили оттуда и, распластавшиеся, они были раскинуты около»³.

Состояние страха и ужаса, иррационального и бессознательного, составляющее «нерв» этой войны, также присутствовало в сознании очевидцев. Показательны корреспонденции военного журналиста французской газеты «LeJournal» Людовика Нодо (LudovicNaudeau), присутствовавшего на театре военных действий с апреля 1904 г. В них современная война характеризовалась как невидимая, фантасмагорическая, таинственная и непонятная, когда «опасность возникала из воздуха — от этих загадочных гор, от красноватых полей». Он обратил внимание на «могущественный» гипнотический эффект влияния японцев, который квалифицировал как психологический феномен войны: «русская армия была в каком-то наваждении и шатании», она «была захвачена врасплох летним зноем»; «покров тайны, которым окутала свои действия японская армия <...> парализовал русские войска»⁴.

В прессе начавшуюся войну часто называли «конфликтом за корейские дрова», намекая на ее экономическую подоплеку — столкновение экономических интересов России и Японии из-за лесных концессий в Корее. Более популярной была версия «маленькой победоносной войны», которая, по идее министра внутренних дел В. К. Плеве, могла переломить сложившуюся в начале XX в. ситуацию противостояния власти и общества. Но важно подчеркнуть, что публицистическая мысль уловила более общий, цивилизационный смысл происходящего. Очень скоро стало понятно, что в далекой Мань-

¹ Русское слово. 1905. 10 (23) янв. С. 2.

² Об этом сообщало «Русское слово» (1905. 10 (23) янв. С. 2).

³ Русское слово. 1905. 10 (23) янв. С. 2.

⁴ Нодо Людовик. Они не знали... Письма военного корреспондента газ. «LeJournal» о русской армии в кампании 1904 г. // Беспл. прилож. к газ. «Русское дело». М., 1905. С. 5, 7, 25.

чжурии столкнулись не просто две враждебных армии, но два типа культуры, обозначился конфликт, который современная наука определила как «столкновение цивилизаций».

Священник Гр. Петров пророчески говорил о новой силе, которая идет с Востока на смену «усталому» культурному европейцу. «Япония проснулась. Шевелится Китай. Что-то бродит и на ближнем Востоке, в мусульманском мире. Народы Азии и Африки, исповедующие Коран, тоже мечтают о мировой роли»¹. В свете указанных процессов он оценивал русско-японскую войну как первое предупреждение самодовольной, эгоистичной, самодостаточной в своем благополучии Европе. Петр Краснов, в будущем один из лидеров белого движения и автор ретроспективных утопий, а в то время военный корреспондент газеты «Русский инвалид», писал, что на снежных полях Маньчжурии решается вопрос «быть или не быть европейской цивилизации». «Желтый мир <...> вдруг встрепенулся и пошел войною на белолицего европейца, <...> и русскому оружию выпала честь защитить европейскую цивилизацию, защитить то, что десятками веков накаплилось, вырабатывалось, изобреталось и устраивалось»².

В этом контексте новую актуальность приобретал вечный вопрос об исторической и культурной миссии России. В движении на Восток многие современники усматривали исполнение Россией ее предназначения быть цивилизационным мостом между Востоком и Западом — нести культурные идеи Запада по рельсам Великого Сибирского пути.

В общественном сознании актуализировался и еще один образ России — страны, которая на протяжении многих веков выполняла миссию щита, закрывая собой ценности европейской культуры. Редактор газеты «Новое время» А. Суворин утверждал, что Россия, связав Европу и Азию, исполнила роль «младшей, но сильной сестры Просвещения». «Мы завоевываем будущее, мы становимся на стороне европейской цивилизации и на страже собственного развития», — писал он³. Многие считали, что именно в этой войне решается вопрос будущего России — потеряет ли она статус великой державы, или останется ею.

Среди авторитетных представителей научной и художественной мысли отношение к русско-японской войне было различным. Так, великий ученый Д. И. Менделеев рассматривал ее в свете прогнозируемых им цивилизационных процессов. Он пророчески предсказал развитие человечества по пути глобализации — «с тем необходимым и даже неизбежным, реальным сближением всех народов <...> и с тем идеалистическим единством, которое заставляет из белых, желтых, красных и черных людей делать один зоологический вид (*homo sapiens*), и который проще всего выражается единством разума и истины, совести и справедливости»⁴. В стремлении к океану ученый

¹ Русское слово. 1904. № 92. 8 февраля. С. 2.

² Русский инвалид. 1904. № 65. 21 марта. С. 4.

³ Новое время. 1904. № 10023. 26 января. С. 6.

⁴ Менделеев Д. И. Заветные мысли. СПб., 1904. С. 214.

видел не только осуществление исконной мечты русского человека об идеальном царстве «на море-океане» («Выход к океану — есть осуществление родной сказки», — писал он), но и необходимое условие равновесия центробежного и центростремительного начал, составляющих своеобразие русской истории и русского национального характера, а также результат естественного чувства самосохранения от посягательств на русское пространство со стороны густонаселенной Азии.

Размышления о судьбах цивилизации во многом объясняют и позицию В. Брюсова. Вслед за Владимиром Соловьевым, предрекавшим в своей книге «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» грядущее столкновение Европы и Азии, поэт утверждал: «Панмонголизм и панисламизм — вот две реальные силы, с которыми Европе скоро придется считаться»¹. Полагая, что в ходе культурного развития «ветхие страны протрут от векового сна, и Запад ощутит угрозу своей гегемонии», он воспел глобальные интересы Российской империи. «Ее (России) мировое положение, вместе с тем судьба наших национальных идеалов, а с ними родного искусства и родного языка зависит от того, будет ли она в XX в. владычицей Азии и Тихого океана»², не слияние с Западом, а концентрация усилий для превращения Тихого океана в «наше озеро» — такой видел Брюсов историческую перспективу для России. Эти идеи нашли отклик в его поэзии 1904–1905 гг.

Тема конца европейской культуры как результата столкновения цивилизаций станет центральной в историософских концепциях Андрея Белого с его идеей «желтой опасности» («скоро уж маршал Ояма / с музыкой в город войдет»), М. Волошина, который приветствовал возмездие Европе со стороны «мудрого Востока», а в письме к В. Брюсову характеризовал настроение переживаемого исторического момента: «Общее ожидание всепоглощающего европейского взрыва. Первые признаки смерча»³.

Казалось бы, все эти события далеки от современного человека. Но это впечатление обманчиво. Историю надо знать и уважать — она имеет обыкновение повторяться.

Список источников

Брюсов В. Собр. соч. : в 7 т. М.: Худож. лит, 1973. Т. 6. 670 с.

Измайлов А. Литература и жизнь // Родная нива. 1905. № 12. С. 110–113.

Менделеев Д. И. Заветные мысли. СПб.: Типо-литография М. П. Фроловой, 1904. 428 с.

Нодо Людовик. Они не знали... Письма военного корреспондента газ. «Le-Journal» о русской армии в кампании 1904 г. // Беспл. прилож. к газ. «Русское дело». М., 1905. С. 1–6.

Новое время. 1904. № 10023. 26 января.

¹ Брюсов В. Собр. соч. : в 7 т. М., 1973. Т. 6. С. 423.

² Там же.

³ Переписка (В. Я. Брюсова) с М. А. Володиным // Литературное наследство. Т. 98. Кн. 2. М., 1994. С. 306.

- Переписка (В. Я. Брюсова) с М. А. Волошиным // Литературное наследство. Т. 98. Кн. 2. М.: Наука, 1994. С. 251–385.
- Русский инвалид. 1904. № 65. 21 марта.
- Русский инвалид. 1904. № 183. 21 авг.
- Русское слово. 1904. № 92. 8 февраля.
- Русское слово. 1905. 10 (23) янв.

У. О. Щукина (Санкт-Петербург)

**Память традиции и локальная идентичность
в историко-краеведческой деятельности
жителей верховий Северной Двины
(по материалам региональных музеев)**

Аннотация. *Статья посвящена изучению письменных источников, созданных и собранных жителями верховий р. Северной Двины, носителями местной фольклорной традиции, преимущественно в XX — начале XXI в. Проанализировано более 30 документов из архивных фондов трех региональных музеев Архангельской области (Красноборского историко-мемориального и художественного музея им. С. И. Тупицына, Черевковского филиала Красноборского музея, Верхнетоемского краеведческого музея им. А. А. Тунгусова). Выбранные документы рассмотрены как три группы источников по традиционной культуре края: записи и самозаписи фольклора, историко-краеведческие очерки и эго-документы, содержащие фольклорные тексты. Находясь на пересечении многих интерпретационных стратегий, эти материалы позволяют лучше понять, как сами жители определяют местную традицию, каковы ее границы в их понимании и что составляет ее содержание.*

Ключевые слова: *верховья Северной Двины, записи и самозаписи фольклора, историко-краеведческие очерки, краеведческий музей, эго-документы*

Предметом современных гуманитарных исследований все чаще становятся письменные документы, созданные и собранные носителями традиции, в т. ч. различные материалы краеведов, автобиографическая проза и литературное творчество местных жителей¹. В специальных исследованиях не-

¹ Назовем некоторые исследования: Разумова И. А. Творчество городских самодеятельных поэтов как индикатор региональной общности // IV Масловские чтения : сб. науч. ст. / науч. ред. С. А. Антошина. Мурманск, 2006. С. 46–49; Канева Т. С. Краеведческие материалы П. Г. Сухогузова в контексте изучения фольклорной традиции села Прокопьевка Республики Коми // Славянская традиционная культура и современный мир. Личность в фольклоре: исполнитель, мастер, собиратель, исследователь. сб. науч. статей. М., 2008. Вып. 11. С. 260–266; Мои песни: Лешуконские песни, собранные М. Н. Мякушиным / [подгот. к изд. Е. И. Якубовской]. Архангельск, 2016; Власов А. Н. Фольклоризм как стилевая доминанта в авторских нарративах (словари краеведов) // Русский фольклор. Материалы исследования. СПб., 2018. Т. 37: Фольклоризм в литературе и культуре: границы понятия и сущность явления. С. 135–148; Жадовская С. А. Личная история и формирование местной исторической памяти (на материале воспоминаний жителей г.

однократно отмечалось, что на формирование локальной идентичности влияют различные факторы, в числе которых осознание общности традиций, ценностей, верований и т. д.¹ Все это напрямую связано с представлениями о «своем» и «чужом».

В настоящей статье речь пойдет об архивных фондах региональных музеев Архангельской области: Красноборского историко-мемориального и художественного музея им. С. И. Тупицына (с. Красноборск), его Черевковского филиала (с. Черевково) и Верхнетоемского краеведческого музея им. А. А. Тунгусова (с. Верхняя Тойма). Интересующие нас документы хранятся в составе личных фондов краеведов, фондов, посвященных собирательской деятельности в регионе, либо же представляют собой россыпь материалов, объединенных определенной тематикой. Все они являются результатом историко-краеведческой и фольклорно-этнографической деятельности местных жителей верховий Северной Двины, любителей и собирателей старины (см. *Приложение*).

Выбранные источники можно разделить на три группы в зависимости от типа нарратива и уровня осмысления фольклорной традиции: это записи и самозаписи фольклора, историко-краеведческие очерки и эго-документы, содержащие фольклорные тексты².

Записи и самозаписи фольклора. Интерес к фольклорной традиции отразился в записях местными жителями сведений о родном крае, которые существуют в различных формах: структурированные и разрозненные, в тетрадях и на отдельных листках, в черновом и беловом виде. По записям видно, что они могли вестись по плану или, что называется, «по случаю», окказионально. Как правило, материалы представлены в виде самостоятельно составленных «сборников» одного или разных жанров фольклора, имеющих отношение к строго определенному микрорегиону (месту рождения и жительства или, реже, месту многолетней работы автора-собираателя).

Наиболее часто встречающимися сборниками текстов одного жанра являются сборники частушек. Нам известны частушки в записи Августы Николаевны Сухановской (26, 27)³; частушки, хранящиеся в настоящее время в фонде Александра Александровича Тунгусова в Верхнетоемском краевед-

Шенкурска Архангельской обл.) // Рябининские чтения — 2019 : материалы VIII конференции по изучению и актуализации культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2019. С. 61–63; Дранникова Н. В. «Кабы не было б колхозов — не было бы горюшка»: Частушки о советской власти в рукописи М. И. Романова «Фольклор Устья» // Прекраснейшей : сб. памяти Елены Душечкиной / отв. ред. Е. А. Белоусова. СПб., 2022. С. 500–506 и др.

¹ Разумова И. А., Сулейманова О. А. Культурная память семьи как фактор локальной идентичности жителей Кольского Севера // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI в. Апатиты, 2007. С. 71.

² Ввиду ограниченного объема статьи в качестве примеров приводятся лишь некоторые документы изученных фондов.

³ Здесь и далее цифры в круглых скобках обозначают ссылки на перечень источников, представленный нами в виде Приложения.

ческом музее, записанные односельчанами и переданные краеведу¹ (1), а также публикации частушек из собрания Зинаиды Петровны Некрасовой (31).

При этом сборники текстов одного жанра — редкое в XX в. явление по сравнению со сборниками текстов разных жанров: местные жители, собиратели «старины», часто фиксировали в одном месте (в черновых и беловых тетрадях) все, что было услышано от собеседников. Отметим, что их информантами становились родственники, часто родители, т. е. представители предыдущего поколения, и соседи. В некоторых случаях дальнейший этап работы собирателей предполагал разделение общего корпуса записей по фольклорным жанрам либо по тематике (например, история населенного пункта).

Примерами сборников текстов разных жанров служат собранные учителем Волчьеручьевской начальной школы Павлом Алексеевичем Жигаловым пословицы, поговорки, присловья, загадки (25); рукописный альбом черевковской исполнительницы Олимпиады Васильевны Антроповой со сказками, колыбельными, песнями, анекдотами, загадками, частушками (30); несколько сборников со сведениями по истории, этнографии, фольклорной традиции Красноборского района, составленных краеведом Павлом Григорьевичем Зашихиным (13, 14, 20).

Сборники П. Г. Зашихина² — один из наиболее ярких образцов осмысления местными жителями своей традиции (в терминологии А. Н. Власова — саморефлексии традиции³). Много лет целенаправленно занимаясь краеведением, П. Г. Зашихин собирал сведения о родном регионе, затем структурировал и переписывал в беловую тетрадь, создавал целостную историю («летопись») района, после чего нередко писал на основе этих материалов очерки по отдельным темам и публиковал их в местной газете.

Отметим, что в ходе работы собиратели-любители фольклора и краеведы стремились не только запечатлеть локальную традицию, но и показать ее отличие от соседних районов (и уже — своей деревни от соседних) и в целом от других традиций страны. Записи фольклора, таким образом, становились в том числе способом репрезентации своего пространства в общем пространстве русской культуры и сохранения «памяти места».

Историко-краеведческие очерки. Вторую группу источников можно назвать и более широко — сочинения местных жителей по локальной истории, фольклорной традиции, этнографии интересующего населенного пункта. Назовем здесь очерки красноборских краеведов П. Г. Зашихина (15–19) и

¹ Перечислим собирателей частушек, как они указаны в документах (в круглых скобках отражены даты записей): Любовь Ивановна <Мигунова> (1930–1950-е), Л. И. Савелов (1954), Тамара Федоровна Опушневa (1984), Т. Королёва (1998).

² Подробнее о биографии и фонде краеведа П. Г. Зашихина см.: *Щукина У. О.* Фольклорные материалы в фонде краеведа П. Г. Зашихина в Красноборском музее // *Словесность и история.* 2024. № 2. С. 191–207.

³ *Власов А. Н.* Саморефлексия в традиционной культуре как объект комплексного исследования // *От конгресса к конгрессу. Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов : сб. докладов / сост. В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова, А. С. Каргин.* М., 2011. Т. 3. С. 8–26 и др.

Сергея Ивановича Тупицына (21–23), нижнетоемского краеведа Сергея Григорьевича Третьякова (2–4), жителей Верхней Тоймы Александра Александровича Тунгусова (1) и Якова Ивановича Нифанина (6)¹.

Изучение текстов историко-краеведческих очерков позволило выделить несколько устойчивых сюжетов о прошлом региона. Все они связаны со знаменательными событиями локальной истории, биографиями и деятельностью известных местных жителей (рассказы на эти темы встречаются также в воспоминаниях). Например, в очерках из Красноборского района фигурируют Ермак Тимофеевич (15–17), каменотес С. К. Суханов (10, 12), художник А. А. Борисов (7, 24) и др.

Эго-документы. Наиболее репрезентативными в третьей группе источников являются воспоминания о себе и своей семье, о родных местах. Следует заметить, что они нередко содержат в себе элементы историко-краеведческого описания, которые могут стать даже текстообразующими. Личное соприкасается с коллективным, случаи из жизни, воспоминания о самом себе и своей семье, о родных местах сопровождаются историческими фактами, выписками (а также вырезками) из печатных источников (чаще всего из газетных статей). В подобные тексты нередко включаются фольклорные материалы: топонимические предания, предания о заселении края и первых жителях и т. д. Таковы тексты Н. П. Борисова о малой родине о Красноборске и близлежащих деревнях (8, 9, 11), воспоминания Е. А. Вохминова (28) и А. В. Кузнецова (29) о с. Черевково и окрестностях, воспоминания Я. И. Нифанина о д. Кудрина Гора (5) и др.

Примечательны воспоминания жителя с. Черевково Александра Васильевича Кузнецова (29). Его рассказ о прошлом, созданный в 1990-е гг., содержит не только интересные сведения, но и размышления о фольклорной традиции края.

А. В. Кузнецов начинает с описания места своего жительства, включив в него весь куст деревень по р. Лудонге, притоку р. Тядемы: перечисляет деревни, расположенные по правой и левой сторонам реки (дает название деревень по их прозвищу), приводит ряд этнографических сведений (об укладе жизни в деревне, о строительстве домов, о пастушеских традициях и т. д.). Он пишет о внешнем виде и внутреннем убранстве местных церквей и часовен и здесь же пересказывает предания, связанные с их строительством, и предания о местночтимом святом — Петре Черевковском. Далее следуют сведения о православных и традиционных праздниках и постах: автор обращает внимание на особенности проведения Пасхи, Троицына и Духова дней, Крещения, Масленицы. Есть в его воспоминаниях и небольшое количество примет (о погоде, аграрные), он их называет «приметами природы». Кратко описаны уклад жизни и обычаи старообрядцев, живущих в этих деревнях.

Особый интерес в воспоминаниях А. В. Кузнецова вызывает рассказ о свадебной традиции Черевково и близлежащих деревень в различные годы:

¹ Некоторые из этих трудов опубликованы (32–34 и др.).

в конце 1920-х, 1950-е и 1980-е. Он прослеживает изменения свадебной традиции во времени и описывает примечательный случай, связанный со свадьбой, участником которого он был:

«В 1953 г. жених, невеста, их родители договорились проводить свадьбу в полном согласии: родители жениха заварили пиво, а родители невесты были состоятельны, но из-за большой скупости решили не расходовать, не варить пиво, не проводить свадьбу, не приглашать гостей, причем сторону женихов предупредили поздно, т. е. когда пиво уже было готово, приглашены жениховы гости; жених и его родители были в большом расстройстве, в неудобном положении, гости их успокоили. Вместо свадьбы провели пир-пирушку. Выпили пиво, поплясали, попели песен, повеселились гости и разошлись домой.

Идя домой с указанной пирушки, под хмельком, мне пришла мысль зайти в дом “невесты” поговорить с ее родителями. Сначала шел разговор на отвлеченные темы, потом был приглашен к столу. Начался разговор по существу нерешенного вопроса, родители невесты осознали свою оплошность. В течение недели решили все вопросы, с обеих сторон было сварено пиво, закуплено спиртное, закуска, и свадьба пошла на широкую ногу, а мне пришлось исполнять обязанности формального свата, т. к. у жениха и невесты, их родителей была договоренность по всем вопросам ранее без моего участия» (29, л. б/н).

Видим, что зафиксированный А. В. Кузнецовым «случай из жизни» одновременно показывает рефлексию автора над изменениями в местной культурной традиции: в описании содержится его отношение к «забыванию» местными жителями традиций и стремление такое положение дел исправить.

Воспоминания местных жителей о родном крае зачастую неразрывно связаны с семейной историей авторов. Об этом говорят и исследователи, обращающиеся к вопросам самоидентификации и локальной идентичности в источниках по семейной истории (семейной письменности): «Культурная память семьи помогает человеку самоопределиться. Знания, воспоминания о предках, родителях, наряду с усвоенными с детства моделями поведения, формируют не только этническое, социальное, личностное (в совокупности свойств) самоопределение, но и локальную идентичность»¹.

Один и тот же элемент родного пространства в воспоминаниях может стать «местом памяти» (особо отмеченным объектом) и в истории семьи, и в истории села/деревни. Приведем пример из воспоминаний Евгения Алексеевича Вохминова, записанных в с. Черевково сотрудниками местного музея в 1995 г.: «Кладбище на Посаде было открыто в начале 30-х лет, когда перестали хоронить в Черевкове возле церкви. Первым на Посаде был похоронен прадед Евгения Алексеевича [автора воспоминаний] — Егоров Алексей Михайлович». Другой пример: «Кедровый сад был заложен Мокеевым Фед<ором> <...> У Мокеева была одна дочь. Родители её не отдали далеко замуж, а взя-

¹ Разумова И. А., Сулейманова О. А. Указ. соч. С. 69.

ли дворника, Попова М. Я., который в паях с другим человеком имел однопалубный пассажирский пароход <...> Белый дом был построен до его женитьбы, там жила его невеста. До 1930 года семья Поповых жила в Белом доме <...> С 1931 по 1934 год в этом доме была Мысовская начальная школа, где Евгений Ал<ексеевич> учился 3 года» (28, л. б/н).

Таким образом, анализ источников разного жанра — записей и самозаписей фольклора (сборников текстов одного или разных жанров), историко-краеведческих очерков, автобиографической прозы (в частности, воспоминаний о родном крае) — показал, что местные жители, записывая все то, что касается места их жительства в границах, в которых они себе его представляют, сформировали письменное наследие региона и зафиксировали на определенном этапе память носителей о традиционной культуре. Их материалы, созданные в ходе любительской собирательской, историко-краеведческой и литературной деятельности, составляют одну из форм саморефлексии традиции и важный фактор локальной идентичности, являются интереснейшим источником для специального глубокого исследования.

Список источников

Власов А. Н. Саморефлексия в традиционной культуре как объект комплексного исследования // От конгресса к конгрессу : материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов : сб. докл. / сост. В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова, А. С. Каргин. М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 2011. Т. 3. С. 8–26.

Власов А. Н. Фольклоризм как стилевая доминанта в авторских нарративах (словари краеведов) // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2018. Т. 37. Фольклоризм в литературе и культуре: границы понятия и сущность явления. С. 135–148.

Дранникова Н. В. «Кабы не было б колхозов — не было бы горюшка»: Частушки о советской власти в рукописи М. И. Романова «Фольклор Устьи» // Прекраснейшей: сб. пам. Елены Душечкиной / отв. ред. Е. А. Белоусова. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 500–506.

Жадовская С. А. Личная история и формирование местной исторической памяти (на материале воспоминаний жителей г. Шенкурска Архангельской обл.) // Рябининские чтения — 2019 : материалы VIII конференции по изучению и актуализации культуры Русского Севера. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. С. 61–63.

Канева Т. С. Краеведческие материалы П. Г. Сухогозова в контексте изучения фольклорной традиции села Прокопьевка Республики Коми // Славянская традиционная культура и современный мир. Личность в фольклоре: исполнитель, мастер, собиратель, исследователь : сб. науч. статей. М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 2008. Вып. 11. С. 260–266.

Мои песни: Лешуконские песни, собранные М. Н. Мякушиным / подгот. к изд. Е. И. Якубовской. Архангельск: Лоция, 2016. 560 с.

Разумова И. А. Творчество городских самодеятельных поэтов как индикатор региональной общности // IV Масловские чтения: сб. науч. статей / науч. ред. С. А. Антошина. Мурманск: МГПУ, 2006. С. 46–49.

Разумова И. А., Сулейманова О. А. Культурная память семьи как фактор локальной идентичности жителей Кольского Севера // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI в. Апатиты: КНЦ РАН, 2007. С. 69–79.

Щукина У. О. Фольклорные материалы в фонде краеведа П. Г. Зашихина в Красноборском музее // Словесность и история. 2024. № 2. С. 191–207.

Приложение

Публикации краеведов

Верхнетоемский краеведческий музей им. А. А. Тунгусова

1. Фонд Александра Александровича Тунгусова. № 6/н [«Кабы не Арза — не река...» (материалы к публикации)].
2. Фонд Сергея Григорьевича Третьякова. № 558/25 КП (Описание Нижнетоемской волости Важского уезда с 1678).
3. Фонд Сергея Григорьевича Третьякова. № 558/29 КП (Историческая справка на д. Б. Панфиловская, Нижнетоемской волости).
4. Фонд Сергея Григорьевича Третьякова. № 558/47 КП (Описание Вершинской волости по 1930-е гг.).
5. Личное дело Я. И. Нифанина. № 2145/1-4 НВФ. (Нифанин Я. И. Воспоминания об услышанном и лично пережитом, об истории Гавриловского сельсовета, деревни Кудрина Гора. Автобиография).
6. Документальный фонд «Гавриловский с/с». № 998 КП (Нифанин Я. И. Запись истории Гавриловского с/с В-Тоемского р-на (1957 г.)).

Красноборский историко-мемориальный и художественный музей им. С. И. Тупицына

Ф. Борисов Николай Петрович

7. № 17 (Страницы жизни А. А. Борисова).
8. № 18 (Из истории Алексеевской волости...).
9. № 27 (Из прошлого... Каким быть Красноборску. Зимний день в крестьянской семье. Старая мельница на Солонихе).
10. № 58 (Наброски к книге о С. Суханове).
11. № 64 (Воспоминания о деревнях Мануиловская (Мартюшино), Глубокий Ручей, Осташевская (Созониха)).

Ф. Зашихин Павел Григорьевич:

12. № 116 (Каменотес-ваятель Самсон Суханов).
13. № 120 (Запись фольклора, старинных свадебных песен и др. Тетр. № 3).
14. № 458 (Разные наблюдения, записи легенд, народных поверий).

Ф. Научно-вспомогательный фонд

15. № 771/19 (Жизнь Ермака в Красноборском районе).
16. № 771/20 (Ермакова гора).
17. № 771/31 (Ермак на Северной Двине).
18. № 771/111 (Из истории одного бывшего Красноборского захолустья).

19. № 771/131 (История церкви спаса на Красном бору).

20. № 771/223 (Летопись Красноборского района. Преданья старины глубокой. Легенды, старины, сказания и рассказы о давно прошедших временах и сведения не столь далеких лет, но ценных для местной истории Красноборского района).

Ф. Тупицын Сергей Иванович

21. № 68 (Материалы о д. Ракулка).

22. № 72 (Белая Слуда первой половины XVII в.).

23. № 91/2 (Памятные места природы и истории Красноборского района).

24. № 91/6 (Художник Борисов в наше время).

Ф. Устное народное творчество

25. № 1 (Рукописное собрание пословиц (Собирал учитель Жигалов П. А., 1930-е–50-е годы).

26. № 2 (Собрание северных частушек А. Н. Сухановской).

27. № 3 (Рукописное собрание северных частушек А. Н. Сухановской).

**Черевковский филиал Красноборского историко-мемориального
и художественного музея им. С. И. Тупицына**

Ф. Научно-вспомогательный фонд

28. № 6/н [Воспоминания Евгения Алексеевича Вохминова].

29. № 6/н [Воспоминания Александра Васильевича Кузнецова].

30. № 6/н [Рукописный альбом Олимпиады Васильевны Антроповой].

Публикации краеведов

31. Верхнетоемские частушки: из собрания З. П. Некрасовой / вступ. ст. Л. Г. Кузнецовой. Верхняя Тойма: [б. и.], 1992. 70 с.

32. *Тунгусов А. А.* Кабы не Арза — не река: [заметки о фольклоре и его сборе]. 2-е изд., перераб. Архангельск: Правда Севера, 2006. 164 с.

33. *Тунгусов А. А.* Мой Верхнетоемский район. Архангельск: Поморский госуниверситет, 2001. 280 с.

34. *Тупицын С. И.* Хроника земли Красноборской. Красноборск: [б. и.], 1998. 178 с.

**ПУБЛИКАЦИИ
ПОЛЕВЫХ И АРХИВНЫХ
МАТЕРИАЛОВ**

Вологодские частушки в записи В. А. Молодцова начала 1910-х годов

Аннотация. Настоящая публикация вводит в научный оборот ранее неизвестные рукописи деятеля науки, культуры и народного образования Коми края Василия Александровича Молодцова, хранящиеся в Научном архиве Русского географического общества. Материалы представляют собой записи частушек на русском языке, сделанные в Вологодской губернии, вероятно, в первой половине 1910-х гг. В это время он был слушателем Петербургского/Петроградского учительского института и обучался у литературоведа и фольклориста В. В. Данилова. Коллекция Молодцова содержит 73 частушки.

Ключевые слова: В. А. Молодцов, В. В. Данилов, Петербургский/Петроградский учительский институт, Русское географическое общество, Вологодская губерния, частушки.

Василий Александрович Молодцов (20.12.1885 (01.01.1886) — 31.08.1940) известен истории науки прежде всего как лингвист, теоретик коми языка, один из создателей коми алфавита, букваря и грамматики. Уроженец д. Тентюково близ Усть-Сысольска (сегодня населенный пункт входит в территорию г. Сыктывкара), он окончил Усть-Сысольское уездное училище, затем Тотемскую учительскую семинарию и Петербургский учительский институт. После этого Молодцов учительствовал в Ношульском высшем начальном училище, преподавал в Усть-Сысольской учительской семинарии и активно занимался разработкой вопросов создания национальной школы. «По инициативе В. А. Молодцова, — отмечают И. Л. Жеребцов и Г. А. Некрасова, — организуется Комиссия по созданию коми литературы для школ и народа, которая была призвана заниматься созданием коми литературного языка и письменности, переводами на коми язык произведений русских и зарубежных писателей, собиранием коми фольклора, созданием художественных произведений на коми языке, составлением учебников и хрестоматий для коми школ»¹. Теоретическим и практическим проблемам создания коми письменности и литературы В. А. Молодцов посвятил в дальнейшем всю жизнь².

Неудивительно, что все опубликованные труды Молодцова посвящены лингвистике и методике преподавания, первая из них датируется 1920 г.³

¹ Жеребцов И. Л., Некрасова Г. А. В. А. Молодцов: долгий путь к признанию // Пермистика XVI. Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар, 2017. С. 9.

² Подробнее о жизненном пути В. А. Молодцова см.: Жеребцов И. Л., Некрасова Г. А. Создатель коми алфавита // Они любили край родной. Сыктывкар, 1993. С. 207–208; Цыпанов Е. А. Молодцовский алфавит // Коми язык: энциклопедия. М., 1998. С. 264–266; Некрасова Г. А. Молодцов Василий Александрович // Исследователи коми языка. Библиографический указатель. Сыктывкар, 2017. С. 186–189; Боле Е. Н. «Молодцовский» алфавит и жизнь В. А. Молодцова в историческом контексте. Сыктывкар, 2020.

³ Молодцов В. А. Лыдысны велӧдчан (Букварь). Усть-Сысольск, 1920.

Между тем его ранние рукописи, обнаруженные в Научном архиве Русского географического общества (далее — НА РГО), позволяют проанализировать его вклад и в историю русской фольклористики.

В 1911–1914 гг. В. А. Молодцов прошел курс обучения в Петербургском/Петроградском учительском институте¹. Занятия по русскому языку, литературе и методике их преподавания в институте вел в то время Владимир Валерианович Данилов², который привлек своих учеников к собиранию фольклорно-этнографических материалов в разных губерниях России.

В 1916 г. в Журнале Министерства народного просвещения вышла статья В. В. Данилова «Работы по этнографии в учительских институтах и семинариях»³, где он привел обзор содержания полученных им сведений. Из работ учеников В. В. Данилова Молодцову принадлежат две рукописи, в настоящее время хранящиеся в разных разрядах архива РГО: недатированная тетрадь «Песни Вологодской губернии»⁴ и сшитые листы большого формата, занесенные в опись под названием «По грамматике»⁵. Вторая рукопись имеет авторское название «Суффиксы глаголов зырянск<ого> языка. Извлечение из моих работ по составлению грамматики зырянского языка» и датирована 1914 г. Подзаголовок говорит о том, что еще за несколько лет до революции Молодцов серьезно занимался описанием грамматики коми языка. Его хорошее знание истории вопроса подтверждается приведенной в конце работы ссылкой: «Смотри о глагольных суффиксах в книге “Зырянский край” Лыткина, на стр. 37, 38, 39 втор. отд.»⁶.

Собранные В. А. Молодцовым материалы отличаются от работ других учеников В. В. Данилова. Он единственный зафиксировал и обобщил особенности своего родного языка. В отличие от материалов остальных авторов, среди его записей отсутствует анализ состояния народной традиции, ко-

¹ Личное дело В. Молодцова см. в фонде Петроградского учительского института: Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 412. Оп. 1. № 1452.

² Данилов Владимир Валерианович (20.07(01.08)1881 — 23.04.1970) — литературовед, фольклорист. Закончил Историко-филологический институт кн. Безбородко в Нежине (1905). Был преподавателем в гимназиях Екатеринослава, Одессы (1905–1911), Петербургском/Петроградском учительском институте (1911–1918), в военно-морских учебных заведениях Ленинграда (1920–1947). Работал в Рукописном отделе Института русской литературы РАН (1948–1956). Занимался изучением фольклора, древнерусской литературой, творчеством М. В. Ломоносова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева и др., составлял библиографические обзоры и т. д. Автор ряда методических статей, посвященных преподаванию русского языка и других дисциплин. См.: Пушкинский Дом. Материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005. С. 435; Список печатных научных трудов В. В. Данилова (1904–1962) / сост. Н. Т. Панченко. Л., 1963.

³ Данилов В. В. Работы по этнографии в учительских институтах и семинариях // Журнал Министерства народного просвещения. 1916. № 8. Народное образование. С. 113–126.

⁴ НА РГО. Р. 7. Оп. 1. № 81.

⁵ НА РГО. Р. 53. Оп. 1. № 116.

⁶ Речь идет о книге Г. С. Лыткина, изданной в типографии Императорской Академии наук: Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык : пособие при изучении зырянами русского языка / сост. Г. С. Лыткин, преп. С<анкт>-Петербур<ургской> шестой гимназии. СПб., 1889.

торый, вероятно, являлся обязательной частью студенческого задания, поскольку несколько рукописей имеют однотипные заголовки «Состояние народной песни и обряда...».

Рукопись В. Молодцова «Песни Вологодской губернии» содержит 73 четырехстрочных стихотворных текста, без вступления, комментариев и сведений об исполнителях, месте и времени записи. Позднее при описании материалов архива РГО, Д. К. Зеленин пронумеровал тексты карандашом, выделил топонимы (Вологда, Шуйское) и конкретизировал жанр — частушки¹. Среди рукописей учеников Данилова есть еще одна тетрадь с частушками — «Частушки и песни», записанные И. Скверским в с. Пестово Демянского уезда Новгородской губернии².

Очевидно, что тексты записаны Молодцовым на территории с русскоязычным населением. На более точную привязку к местности косвенно указывают упомянутые в одной частушке географические названия: «Что от Вологды дорожка, / А от Шуйскаго-то тропа». Отметим, что до поступления в Учительский институт В. А. Молодцов в 1910–1911 гг. преподавал в д. Михеево Тотемского уезда, недалеко от которой располагается с. Шуйское. Можно предположить, что рукопись создана между 1910 и 1914 гг. — временем окончания автором Петроградского учительского института.

Все собранные песенные тексты объединены любовной и семейно-бытовой тематикой и представляют собой частушки лирического типа³. Тексты в коллекции Молодцова расположены по принципу нанизывания: они связаны между собой схожими или однотипными начальными строками («Это что пошли за годы», «Все сказали про меня», «Бабы старья, судите» / «Бабы судят, бабы радят», «На милого моего»), либо характерным словом-образом («Супостатка-сватья» / «Супостаточка моя»).

Зачины некоторых частушек соотносятся с другими фольклорными жанрами — пословицами («Треску бояться — / И в лес не ходить» — вариант пословицы «Волков бояться — / В лес не ходить»), загадками («Меня били, колотили...» — начало загадок «Били, колотили, во все чины производили, на престол царем посадили» (лен), «Били меня, били, колотили, колотили, ключьями рвали, по полю валяли, под ключ запирали, на стол сажали» (лен), «Меня били, колотили, ворочали, резали, я все терплю и всем добрым плачу» (хлеб)).

Обращает на себя внимание окказиональное междометие «латата» в тексте № 52 («На беседушку пришел — / Дорогая занята. / Завязал тальянку в узел — / С посиденьки латата»), которое, по мнению К. Е. Кореповой, может

¹ Неопубликованная часть описания материалов архива РГО хранится в личном фонде Д. К. Зеленина, см.: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 849. Оп. 1. № 90. Л. 1015–1016. См. также: Описание коллекций рукописей Научного архива Географического общества СССР. Л., 1973. Вып. 1. С. 69.

² НА РГО. Р. 24. Оп. 1. № 54.

³ Бахтин В. С. Русская частушка // Частушка / предисл. В. Ф. Бокова; вступ. ст., подгот. текста и примечания В. С. Бахтина. М.; Л., 1966. С. 8–52.

восприниматься как звукоподражание плясовому притопыванию и придает тексту особую эмоциональную выразительность¹.

Тетрадь Молодцова представляет собой беловые записи чернилами с единичными правками тем же почерком. При публикации все правки отмечены в комментариях. Орфография и пунктуация даны в соответствии с современными нормами (*и* вм. *і*, *е* вм. *ѣ*), при этом оставлено без изменений написание окончаний прилагательных (встречаются варианты: *ия*, *-ья* / *-ие*, *-ые*) и неодинаковое (нормативное / ненормативное) написание приставок (*рас-ставаться*, но *безпокойтесь*). Сохранены также другие элементы фонетической записи оригинала (*дочево*, *носовова* и др.).

1. Ночи темная, осенняя,
Частые дожди льют.
Очи кария, лукавыя
Спокою не дают.

2. Песенки не поются,
Голосок не тянется.
Дочево противен стал —
Неохота кланяться.

3. Худо, худо зажинаться
На широкой полосе,
Потруднее расставаться,
Кой мальчишка по душе.

4. Что от Вологды дорожка,
А от Шуйскаго-то тропа.
По дороге нам не нужно,
По тропе иди сюда².

5. Милова родители,
Вы меня не бойтесь³:
Силой не навалюсь,
Вы не безпокойтесь.

¹ Благодарим К. Е. Корепову и Т. С. Каневу за помощь в трактовке концовки этой частушки и указание на вариант использования междометия в тексте из Новгородской губернии: «Я тальяночку под мышку, / По деревне латата, / Прежде я любил Иришку, / А теперя Пашу, да» (Сборник великорусских частушек / под ред. Е. Н. Елеонской. М., 1914. С. 82. № 936).

² В ркп. изначально было «туда», исправлено сверху чернилами.

³ В ркп.: «боитесь».

6. Милый спит, а я целую
Губки сладкия, как мед,
А теперь мне опротивели:
Холодные, как лед.

7. Керосину в лампе мало,
Стал огонек потухать.
Ходил, ходил ко мне милый,
А теперь стал забывать.

8. «Пойдем, подружка, помолотим,
Старую любовь воротим». —
«Не пойду я молотить:
Любови мне не воротить».

9. Маменька окутала
С вечера до вечера:
«Ты поспи, родная дочь,
Пока не изувечена».

10. Отбивают дролю,
Я и то не спорю:
Видно, дролечка хорош,
Я его не стою.

11. Все сказали: не расстаться,
Я, шутя, рассталася,
Среди реки, на лавине,
Одна осталася.

12. Я на платье попросила —
Мати щеткой отвозила:
«Вот те пара с лапами,
Не гуляй с ребятами».

13. Что ты, милый, не пришел¹,
Я тебе велела,
Керосину лампочка
Целу ночь горела.

14. Ты не пой до полуночи,
Мой желанный петушок,

¹ В ркп. *не* с глаголом написаны слитно.

Не разбуди моих родителей,
Сейчас придет дружок.

15. Я сидела на скамье,
Вышивала по канве,
По канве, по бисеру —
Волостному писарю.

16. Мне не жалко носовова,
Кой в кармане полежал,
Только жалко дорогово —
К супостатке убежал.

17. Золото колечко,
Думала, далечко;
Недалеко, на руке,
На хорошем парнеке.

18. Я, отчаянна башка,
Не хожу без камешка.
Меня в Сибири ожидают,
Шьют рубашку из мешка.

19. Мотовиловскую гору
Обливали ввечеру.
(Имя и отчество)
Заноситься нечему¹.

20. На моем колечке проба,
Далеко живет зазноба,
Далеко цветочек мой,
Невесела, да песни² пой.

21. За рекой собачка лает,
Видно, слышит белочку.
К нам в деревню мальчик ходит,
Видно, любит девочку.

22. Это что пошли за годы,
Это что за времена:
Лет пятнадцать девчоночка —
И та просмеяна.

¹ В ркп. написано отдельно.

² В ркп. изначально было «песенки», исправлено сверху чернилами.

23. Это что пошли за годы:
Старики стали в моде,
Стали в моде молодцы,
Которым лет по двадцати.

24. Треску бояться —
И в лес не ходить,
Разговоров опасаться —
Ребят не любить.

25. Как бы ты, моя сударушка,
Не по душе была,
Не пришел бы в ночь темную
Проведывать тебя.

26. Кончил, кончил он ходить,
Кончил до дома водить.
Привыкай, моя сударушка,
Одна домой ходить.

27. Часто, часто он ходил,
Думала, проводывал —
У молоденькой у девушки
Ума выводывал.

28. Милый мой, я твоя,
Куда хошь девай меня:
Ото всех худая жизнь,
Хоть живая в гроб ложись¹.

29. Голубой, не выгорай
На моей головушке.
Дорогой, не забывай
На чужой сторонушке.

30. Раставались мы с мальчиком,
Растаться не могли:
Его серенькия² глазоньки
Опять позавлекли.

31. У милова кони сыты —
Не стоят на поводу.

¹ Слово приписано позднее.

² В ркп. изначально было окончание *-ие*, исправлено чернилами.

Не велела, так не женится
Во нынешнем году.

32. У милова кони кары
Среди деревни встали.
Как бы руку не дала,
Не просмеяна была.

33. У моей у серой юбки
Назади четыре шва.
Как бы миленький посватался —
Радехонька пошла.

34. В том краю большая драка:
Моего милова бьют.
Моему сердечку тошно:
Мне поплакать не дают.

35. Голубые глазки злые,
Карие — лукавые,
У моего милова серые —
Любые самые.

36. Ой, дролечки жалко,
По правде¹ сказать,
Не воротишь это времячко
По-старому опять.

37. Все сказали про меня:
Двенадцать дролей у меня.
Давайте посчитаемте —
Одиннадцать отбавимте.

38. Все сказали про меня:
С каждым занимаюсь я.
Кроме дроли-семинарика
Ни с кем не знаюсь я.

39. Дорогому моему,
Ходить не велено ему,
Потому не велено,
Что все заканителено.

¹ В ркп. сущ. с предлогом написаны слитно.

40. Дорогая моя мама
Ни за что не забранит:
Приведу милаго на дом —
Она чаем напоит.

41. Меня били, колотили
В воскресенском отводу,
Мне не больно показалось —
Я еще не раз приду.

42. Пью — говорят,
И не пью — говорят,
Напьюсь, повалюсь —
Пущай говорят.

43. Топни ножкой, топни двум —
Не ухаживай за двум.
Люби девушку, меня,
А то так к лешему тебя.

44. Не чести, мама, милого:
Угощенье пропадет.
Тебе люб, а мне не надо —
В зятевья не попадет.

45. За Ивановича мама
Не бранила никогда,
Полюбила (отчество) —
Выбила меня.

46. Меня дома-то бранят,
Знаю, что за Мишу.
Ничего не говорю,
Будто и не слышу.

47. Пошла плясать
По соломушке,
Раздайся, народ,
По сторонушке¹.

48. Топни, нога,
Топни, правенькая,

¹ В ркп. сущ. с предлогом написаны слитно.

Двадцати пяти любила —
Сама маленькая.

49. Попоем, подруга, песен,
Попоем, удалая.
Ты люби большого брата,
А я буду малаго.

50. Дорогая ты моя
Хорошенькая девушка,
С неделю не было меня —
Была ли переменушка?

51. До свиданья, прощай,
Веселая беседушка.
Обвернулся, ручку дал:
Прощай, милая девушка.

52. На беседушку пришел —
Дорогая занята.
Завязал тальянку в узел —
С посиденьки латата.

53. Маменька ругается:
Куда платки не деваются?
Сама не догадается,
Что милый утирается.

54. Бабы старья, судите,
Молодые, погодите:
Вы из девиц недавно,
Про вас судили все равно.

55. Бабы судят, бабы радят,
Без меня милого женят.
Я прошеньице подам,
Жениться милому не дам.

56. Кавалеры к нам ходили —
В яму провалилися.
Им и ладно, чертям:
Больно заносилися.

57. На милого моего
Надо вицу на его,
Вицу витоватую:
Он любит вертоватую.

58. На милого моего
Можно пообидеться:
Больно рано разсмеялся,
Думал не увидеться.

59. Деньги были — не купили
Медного подсвечника.
Сам не ходит — звать не будем,
Мы его просмешники.

60. На широкой полосе
Трудно горсточку нажать.
Леший знает, чью старушку
Надо маменькой назвать.

61. Говорят-то про меня,
Говорят-то: мало ли.
Вы спросите у меня,
Мне его-то надо ли.

62. Милого родители,
Вы меня не бойтесь¹:
Силой я не выйду взамуж²,
Вы не беспокойтесь.

63. Дорогой мой, дорогой,
Дорогие оба,
Обещались вы любить
До самого³ до гроба.

64. Ах ты Васенька, Вась,
Заговаривать горазд.
Я, молоденькая девушка,
На басенки сдалась.

¹ В ркп.: «боитесь».

² В ркп. написано отдельно.

³ В ркп. изначально было «самаго».

65. Миленькой, усатенькой
В рубашке полосатенькой,
Иди одень кумашную,
Позабудь домашнюю¹.

66. У дроли щечки как листочки,
Глазки — черный чернослив,
Не обманывай-ка, золотцо, —
Навек будешь счастлив.

67. Супостатка-сватья
Оденет полуплатья.
Наши-то игровые —
Как родные братья.

68. Супостаточка моя
В чужия сани суется.
Перебила у меня —
Недолго накрусуется.

69. Перебить-то перебила,
Поди, думает, не жаль.
Погоди-ка, прогуляет
Свою серенькую шаль.

70. У дроли хитрая мамашенька
Послала мне поклон,
Я сказала ягодиночке:
«Какое дело ей?»

71. Сошью кофточку на вате,
А другую на меху.
Одного люблю для славы,
А другого для смеху.

72. Милые родители,
Не заливайте в печке жар.
Заливаете, не знаете,
Кого на свете жаль.

73. Заведите мне на Троицу
Галоши новыя.

¹ В ркп. изначально было «домашнюю».

(Отчество¹) напрашивается
В игровые.

Список источников

Бахтин В. С. Русская частушка // Частушка / предисл. В. Ф. Бокова; вступ. ст., подгот. текста и примечания В. С. Бахтина. М.; Л.: Советский писатель, 1966. С. 8–52.

Боле Е. Н. «Молодцовский» алфавит и жизнь В. А. Молодцова в историческом контексте. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2020. 118 с.

Данилов В. В. Работы по этнографии в учительских институтах и семинариях // Журнал Министерства народного просвещения. 1916. № 8. Народное образование. С. 113–126.

Жеребцов И. Л., Некрасова Г. А. В. А. Молодцов: долгий путь к признанию // Пермистика XVI. Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар: СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 8–16.

Жеребцов И. Л., Некрасова Г. А. Создатель коми алфавита // Они любили край родной. Сыктывкар: Коми кн. издательство, 1993. С. 205–223.

Молодцов В. А. Лыддысны велёдчан (Букварь). Усть-Сысольск: Изд. отдел Зырянотдела, 1920. 28 с.

Некрасова Г. А. Молодцов Василий Александрович // Исследователи коми языка. Биобиблиографический указатель. Сыктывкар: Анбур, 2017. С. 186–189.

Описание коллекций рукописей Научного архива Географического общества СССР. Л.: Б.и., 1973. Вып. 1. 89 с.

Пособие при изучении зырянскими русским языком / сост. Г. С. Лыткин, преп. С<анкт>-Петерб<ургской> шестой гимназии. СПб.: Тип. Акад. наук, 1889. 338 с.

Пушкинский Дом. Материалы к истории. 1905–2005. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 600 с.

Сборник великорусских частушек / под ред. Е. Н. Елеонской. М.: Изд. Комиссии по народной словесности при Этногр. отделе ИОЛЕАиЭ, 1914. 539 с.

Список печатных научных трудов В. В. Данилова (1904–1962) / сост. Н. Т. Панченко; под ред. Л. М. Добровольского. Л.: Тип. Библиотеки АН, 1963. 32 с.

Цыпанов Е. А. Молодцовский алфавит // Коми язык: энциклопедия. М.: ДИК, 1998. С. 264–266.

С. В. Подрезова (Санкт-Петербург)

**«Пишу из настоящей деревни, из настоящей избы»:
Экспедиция С. И. Бернштейна и Н. П. Гринковой в Гдовский уезд
Петроградской губернии летом 1920 года**

Аннотация. В работе впервые рассматривается история диалектологической экспедиции, организованной Ученой коллегией Географического института летом 1920 г. в Гдовский уезд Петроградской губернии. Основными участниками поездки стали молодые лингвисты — Сергей Игнатьевич Бернштейн и Надежда

¹ Перед словом зачеркнуто: «Имя».

да Павловна Гринкова. В научный оборот вводится восемь документов из Архива Дома-музея Марины Цветаевой и Отдела рукописей Российской государственной библиотеки: удостоверение для работы в экспедиции, записки и открытки Н. П. Гринковой и два письма С. И. Бернштейна из экспедиции к матери — Полине Самойловне Бернштейн. Эти документы помогают восстановить географию поездки, методы и особенности полевой работы молодых исследователей.

Ключевые слова: Сергей Игнатьевич Бернштейн, Надежда Павловна Гринкова, диалектологическая экспедиция, Гдовский уезд, Географический институт, фонографические записи

История коллекций Фонограммархива Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (далее — ФА ИРЛИ) — старейшего и одного из самых крупных фондов звукозаписей по фольклору и этнографии в России, имеет немало белых пятен и загадок. Одной из таких загадок до недавнего времени оставалась небольшая коллекция фонозаписей (ФА ИРЛИ. Кол. 13. ФВ 774–776), сделанных С. И. Бернштейном от псковской крестьянки Анны Васильевны Севериковой, 53 лет, летом 1920 г. В инвентарной книге и формулярах к восковым цилиндрам, составляющим эту коллекцию, указаны две даты — 17 и 19 июля 1920 г. Первая из них позже исправлена на 2 июля — именно эту дату называет голос, объявляющий место и время записи, а также марку фонографа. Нет сомнений, что восковой цилиндр запечатлел высокий голос Сергея Игнатьевича Бернштейна (1892–1970) — молодого библиографа, лингвиста, одного из основателей ОПОЯЗа, фонетиста, увлеченного идеями изучения мелодии русского стиха и законов, которые регулируют его произношение (поэтической декламации). Приведем его слова целиком: «Проба рекордера / на фонографе Эдисона модель Эс¹ / Кабинета экспериментальной фонетики / Петербургского университета. / Второго июля тысяча девятьсот двадцатого года. / В восемь часов вечера».

По традиции ведения звукозаписи тех лет, за объявлением обычно следовала сама запись, однако на данном фоновалике между объявлением «пробы рекордера» и записью сказки, рассказанной псковской сказочницей, в доме которой С. И. Бернштейн провел несколько недель, есть длительная пауза в 8 секунд. Характерное изменение шума валика свидетельствует о том, что фонограф был остановлен, а затем запущен снова, а значит, «проба» и последующая звукозапись могли быть сделаны в разные дни. Все это позволяет с уверенностью говорить о том, что документы не имеют ошибок: проба фонографа состоялась в Петрограде 2 июля, а звукозапись сказок С. И. Бернштейн сделал, как и было указано, в деревне Анашкино Серёдкинской волости Гдовского уезда 17 и 19 июля. Таким образом, в Фонограммархиве хранятся первые звукозаписи фольклорных материалов, сделанных знаменитым ученым в экспедиции².

¹ В формуляре к фоноваликам значится аппарат модели Excelsior.

² В работе Т. Г. Ивановой ошибочно указано, что эти записи были сделаны Бернштейном от псковичей в Петрограде стационарно, см.: *Иванова Т. Г.* История русской фольклористики XX века: 1900 — первая половина 1941 гг. СПб., 2009. С. 588.

Еще меньше сведений имеется о самой поездке Бернштейна на Псковщину. В существующей литературе встречается лишь краткое упоминание, основанное на автобиографии ученого, о том, что он был командирован Географическим институтом в Гдовский уезд для диалектологических разысканий¹. Известно, что в 1920 г. Бернштейн выполняет обязанности ассистента по кафедре сравнительного языкознания (с 1919 г.) Петроградского университета, в котором также состоит библиотекарем лингвистического семинария и хранителем Кабинета экспериментальной фонетики, ведет семинарий и практические занятия по экспериментальной фонетике и экспериментально-фонетические исследования русской интонации; является сотрудником Института живого слова, где в организованной им лаборатории ведет фонозапись авторской читки поэтов и писателей, а также руководит семинарием по анализу фонографических записей, недавно (16 мая 1920 г.) по собственному желанию уволился из Российской публичной библиотеки². Между тем в большом послужном списке мы не находим Географический институт.

Согласно поденным записям, которые Бернштейн педантично вел на протяжении многих лет³, 11 июня 1920 г. он получил предложение принять участие в диалектологической экспедиции в Гдовский уезд от Надежды Павловны Гринковой. По-видимому, молодые лингвисты на тот момент не были близко знакомы, фамилию Гринковой на протяжении нескольких дней ученый записывает с ошибкой — «Игренова».

Н. П. Гринкова (1895–1961) вошла в историю как лингвист, специализирующийся на русской диалектологии, педагог, основатель «герценовской школы» диалектологии⁴ и этнограф, сотрудница Российского этнографиче-

¹ *Аргутинская Н. К.* Бернштейн Сергей Игнатьевич // *Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. Т. 2: Российская публичная библиотека — Государственная библиотека в Ленинграде 1918–1930.* СПб., 1999. С. 108.

² Там же. О деятельности в Институте живого слова см.: *Вассена Р. К.* Реконструкции истории деятельности Института живого слова (1918–1924) / авторизованный пер. с ит. М. Велижева // *Новое литературное обозрение.* 2007. № 4 (86). С. 79–95. Отдельные сведения уточнены по автобиографии ученого, составленной 30 сентября 1921 г.: Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее — ЦГАЛИ). Ф. 82. Оп. 1. Д. 104. Л. 43–43 об. Пользуясь случаем, выражаю большую признательность В. В. Золотухину за помощь в работе с архивными источниками и консультации.

³ Бернштейн заносил на небольшие листочки (иногда — требования публичной библиотеки) все дела, встречи, упоминания об отправленной и полученной корреспонденции, прочитанную литературу, другие значимые сведения. В личном архиве Бернштейна, переданном в архив Дома-музея Марины Цветаевой (КП КП-4968/1), сохранились поденные записи за январь–июнь 1920 г., записи за вторую половину года, к сожалению, утрачены.

⁴ С 1931 по 1961 г. Н. П. Гринкова работала в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена, с 1931 — в должности доцента, с 1938 — профессора, осенью 1941 г. возглавила кафедру русского языка (*Груздева Е. Н.* Надежда Павловна Гринкова: между лингвистикой и этнографией // *Судьбы ученых в эпоху перемен: Очерки и документы /*

ского музея¹. Согласно уточненной биографии, составленной Е. Н. Груздевой², в 1917 г. Гринкова закончила Императорский Женский педагогический институт в Петрограде, где слушала лекции М. Р. Фасмера, Н. М. Каринского и др. В 1917 и 1918 гг. сдавала экзамены по славяно-русскому отделу наук Петроградского университета и впоследствии получила диплом I степени университета, а в течение 1918–1920 гг. посещала специальные курсы и семинары по языкознанию и русскому языку, в том числе лекции А. А. Шахматова и семинары Л. В. Щербы. Интерес к диалектологии и фольклору был привит Гринковой еще в стенах Женского педагогического института известным исследователем фольклора Н. М. Каринским³. В июне 1919 г. по представлению Н. М. Каринского Гринкова знакомится с А. А. Шахматовым, который рекомендует эрудированную и подающую надежды исследовательницу для участия в научных проектах⁴, а затем ненадолго становится руководителем ее магистерской диссертации. С 1918 г. Гринкова работает ассистентом кафедры русского языка в Первом Петроградском педагогическом институте, созданном на основе ее alma mater. Осенью 1920 г., уже по возвращении из экспедиции, она становится преподавателем русской диалектологии этнографического отделения Географического института.

Вероятно, Гринкова, так же как и Бернштейн, была приглашена в псковскую экспедицию как сторонний участник, специалист-диалектолог. Молодых ученых объединяло и то, что для обоих эта поездка стала первым опытом собирательской работы в фольклорном «поле»⁵. Похожими также были их довольно трудные жизненные обстоятельства: оба рано потеряли отцов

под ред. Е. Н. Груздевой. СПб., 2021. С. 158, 161). О ее вкладе в основание школы см.: Герценовская школа русской диалектологии: Н. П. Гринкова и В. И. Чагишева : сб. статей / авт.-сост. С. Г. Ильенко и др. СПб., 2004.

¹ Иванова Т. Г. Указ. соч. С. 263–274; Алымов С. С. Три этюда о «марризме» в советской этнографии // Этнографическое обозрение. 2008. № 6. С. 79–93.

² Груздева Е. Н. Указ. соч. С. 158, 161.

³ Николай Михайлович Каринский (1873–1935) — известный исследователь фольклора, по воспоминаниям учеников, на занятиях декламировал «заговоры», сказки на разных наречиях, организовывал экспедиции (экскурсии) на Русский Север, где учил записывать особенности местных говоров (Музей истории РГПУ им. А. И. Герцена. С–15. Воспоминания В. А. Семеновой об экскурсии на Север. Л. 5). Подробнее о ее занятиях диалектологией в годы учебы см.: Груздева Е. Н. Указ. соч. С. 148.

⁴ Так, весной 1920 г. Шахматов привлек Гринкову к работе в Постоянной комиссии карт и путей при Российской академии истории материальной культуры. Среди прочего, Комиссия готовила диалектологическую карту А. А. Шахматова (Груздева Е. Н. Указ. соч. С. 151). Впоследствии 20 декабря 1920 г. молодая лингвистка становится научным сотрудником РАИМК, ведет здесь диалектологические, фольклорные и этнографические изыскания, участвует в экспедициях, проводимых под руководством Д. А. Золотарева, см. подробнее: Иванова Т. Г. Указ. соч. С. 263–274.

⁵ В 1912 г. Бернштейн вел сбор этнографических предметов в Лодзее Сувалкской вол. Литвы по заданию своего преподавателя Э. А. Вольтера (Подрезова С. В. Самая (не)известная экспедиция: новые документы о первой поездке ГИИИ в Заонежье // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб., 2022. Т. 39. Наследие Б. Н. Путилова и К. В. Чистова и современная фольклористика. С. 267). Сохранились сведения о том, что в

(Бернштейн — в 1900, Гринкова в — 1911) и после революции несли финансовые заботы о семье¹, что побуждало их братья за любую работу. В голодные послереволюционные годы² даже поездка в экспедицию, где были «молоко, масло, варенец <...> и все это тоже настоящее» (см. документ № 4 в настоящей публикации), была спасением, возможностью поправить свои дела. Показательно, как настойчиво Н. П. Гринкова просит своего коллегу не оставлять ей масло, приготовленное для передачи «Е. Д.», — вероятно, в голодный Петроград (см. документы № 7, 8).

Несколько слов о проекте, в котором участвовали Бернштейн и Гринкова, а также третья участница — Екатерина Федоровна Горбатюк (документ № 3), которая работала в паре с Бернштейном, — возможно, выпускница Женского педагогического института³.

Географический институт был образован декретом наркома просвещения А. В. Луначарского от 3 декабря 1918 г. на основе Высших географических курсов и включал два отделения: географическое и этнографическое⁴. Огромную роль в организации и деятельности Географических курсов института сыграл известный этнограф, один из создателей российского этнографического образования Л. Я. Штернберг. К 1920 г. институт начинал оживать после событий Гражданской войны: постепенно увеличивалось количество студентов этнографического факультета⁵, осенью были внесены изменения в учебный план, согласно которым на 1 курсе ряд естественно-исторических предметов был заменен «гуманитарными предметами подготовительного характера, а именно психологией, общим языкознанием и общим ходом мировой

1915 г. Гринкова присутствовала на выступлении пинежской сказительницы М. Д. Кривополеновой в Женском педагогическом институте (*Груздева Е. Н.* Указ. соч. С. 151).

¹ После трагической смерти отца во время эвакуации из Китая в Хабаровск и до 1917 г. Полина Самойловна Бернштейн, С. И. и его младший брат — Игнатий Игнатьевич Бернштейн (Александр Ивич) жили на проценты со страховки, выплачиваемой Китайско-Восточной железной дороги, что позволяло семье вести в Петербурге безбедное существование. После Революции, когда семья лишилась этого источника, мать занялась переводческой деятельностью с немецкого. Позже П. С. стала первым переводчиком произведений Стефана Цвейга (первое издание относится к 1924 г.), вела с ним переписку, привлекала к работе над переводами С. И. Бернштейна (*Переписка Стефана Цвейга с издательством «Время» 1925–1934 // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам. СПб., 2011. С. 251*).

² В первые месяцы 1920 г. Бернштейн особенно аккуратно заносит в свои поденные записи не только все расходы, включая стоимость обеда и свой рацион (вплоть до стоимости куска хлеба), но и данные о вырученных матерью средствах за продажу котлет, собственноручно приготовленной ею и проданных в стенах Института живого слова таким же голодающим сотрудникам и студентам.

³ См. ее дело: Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 918. Оп. 1. 1869–1927 гг. Д. 3206.

⁴ С 1925 г. Географический институт включен в состав Ленинградского государственного университета в качестве географического факультета.

⁵ В учебном 1920–1921 г. слушателями этнографического факультета числились 284 чел. (*Григорьев А. А.* Географический институт в 1920–1921 годах // *Известия Географического института. Пг., 1921. Вып. 2. С. 157*).

истории культуры»¹. Для проведения научных исследований при институте была создана Ученая коллегия, которая «постановила своей задачей все-стороннее исследование Петроградского края в естественно-историческом и статистико-экономическом отношениях, чтобы на основании добытых данных составить подробный атлас»². В рамках этой большой работы предполагалось составить диалектологическую карту Петроградской губ., собирание материала для которой и было поручено Н. П. Гринковой и С. И. Бернштейну³.

Получив предложение, Бернштейн основательно берется за подготовку к экспедиции — прежде всего изучает литературу по истории Гдовского уезда, письменным памятникам Пскова, диалектологии и фольклорным заговорам. В полевые записи он вносит сведения о следующих изданиях:

1. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе: с прил. очерка русской диалектологии / сост. чл. комис. Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков. М.: Синод. Тип., 1915. (Труды Моск. диалектол. комис; Вып. 5).

2. Познанский Н. Ф. Заговоры: Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. Пг.: Тип. А. В. Орлова, 1917. 352 с.

3. Энциклопедия: Гдовский уезд Петроградской губернии⁴.

4. А. Ф. С. Гдов // Новый энциклопедический словарь / изд. под общ. ред. почетного академика К. К. Арсеньева; издатели: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). Т. 12. СПб.: Тип. Акционерного общества Брокгауз-Ефрон, [1912?].

5. Каринский Н. М. Очерки из истории псковской письменности и языка. I. Исследование языка Псковского Шестоднева 1374 года с тремя автотипическими снимками. Петроград: Сенатская тип., 1916. 61, [2] с., [2] л. факс.

6. Каринский Н. М. Язык Пскова и его области в XV веке. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1909. VIII, 207, [2] с. (Записки Историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета; ч. 93).

7. Шахматов А. А. Несколько заметок об языке псковских памятников XIV–XV вв.: (По поводу книги «Николай Каринский. Язык Пскова и его области в XV веке») // Журнал Министерства народного просвещения. 1909. № 7. С. 105–177.

8. Каринский Н. М. Программа для собирания русских говоров Петербургской губ. (не опубликовано).

¹ Там же. С. 144–145. О становлении этнографического образования в Петрограде/Ленинграде, первых десятилетиях деятельности Географического института и роли в этом процессе Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза см.: Вахтин Н. Б. У истоков североведческого образования в Петербурге: созидатели в эпоху *interregnum* // Сибирские исторические исследования. 2023. № 1. С. 64–95.

² Бюллетень Географического института. Март 1921. № 1. Петербург, 1921. С. 9.

³ Гринкова продолжила работу и в следующем — 1921 г. в соседнем — Лужском уезде (Гринкова Н. П. Очерки по русской диалектологии. III. К диалектологии Ленинградской губернии // Известия ОРЯС. Л., 1925. Т. XXX. С. 256).

⁴ Более полные выходные данные установить не удалось. Возможно, имеется в виду: Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Санкт-Петербург: С.-Петерб. епарх. ист.-стат. ком., 1885. Вып. 10. Гдовский уезд. С. 121–294.

9. *Соболевский А. И.* Очерки из истории русского языка. Киев: Унив. тип. (И. И. Завадского), 1884.

Незадолго до поездки Бернштейн посещает лекцию Л. Я. Штернберга в Географическом институте (14 июня)¹ и неоднократно встречается с Н. П. Гринковой (15, 25, 29², 30 июня), где обсуждает подготовку к экспедиции: в некоторых случаях рядом с ее фамилией стоят пометки: «осно<вы> зап<иси>», «Зап. от Гринковой», готовит фонограф.

Ценным источником о географии, методах и нюансах полевой работы Бернштейна являются архивные документы, публикуемые в настоящей работе: удостоверение С. И. Бернштейна и Е. Ф. Горбатюк, записки и открытки Н. П. Гринковой и два письма С. И. Бернштейна из экспедиции к матери — Полине Самойловне Бернштейн. Согласно обнаруженным документам и публикации Н. П. Гринковой, экспедиция проходила с 7 по 30 августа. Н. П. Гринкова и С. И. Бернштейн работали отдельно — каждый в своей части территории Гдовского уезда, охватывающей современные Гдовский и часть Псковского района Псковской области. Бернштейн обследовал деревни юго-западных волостей уезда: Серёдкинской (западную часть, в том числе побережье Псковского озера), Бельской³ и Гвозднинской⁴. Гринкова изучала диалектные особенности центральных волостей Гдовского уезда: Прибужской, Тупичинской, Заянской, Гдовской и Полновской волостей⁵. В двух деревнях Гвозднинской волости собиратели, вероятно, работали вместе, что подтверждается документами: Бернштейн переехал сюда 11 августа, в тех же числах на Гдовщину планировала вернуться Гринкова. Судя по письмам, 5 августа собирательница приехала из Гдова в Петроград, а 12 августа снова отправилась в экспедицию со своей сестрой (документы № 6–8). При этом Бернштейн в эти дни планировал уже вернуться в Петроград, но продолжил работу по настоятельной просьбе Л. Я. Штернберга (см. документы № 8).

Маршрут полевой работы С. И. Бернштейна и Е. Ф. Горбатюк можно реконструировать следующим образом:

7 июля — отъезд в экспедицию,

8–9 июля — Гдов (решение организационных вопросов, работа с жителями города, отъезд в с. Маслогостицы),

10–20 июля — Серёдкинская вол. (база в д. Анашкино),

21 июля — 10 августа — Бельская вол.,

11–29 августа — Гвозднинская вол.,

30 августа — отъезд в Гдов и Петроград.

Поскольку в одном из писем к матери Сергей Игнатьевич просит адресовать корреспонденцию в Отдел народного образования в Гдове, а он сам

¹ В поденной записи он указывает и адрес института: «Мойка 122, у Англ<ийского> Пр<ичала>».

² См. записку Гринковой, публикуемую ниже (документ № 1).

³ В настоящее время входит в состав Серёдкинской волости Псковского района.

⁴ В настоящее время входит в состав Первомайской волости Гдовского района.

⁵ Гринкова Н. П. Указ. соч. С. 257.

и Н. П. Гринкова упоминают его поездки в Гдов, можно предположить, что Бернштейн периодически выезжал в город.

В Анашкино С. И. Бернштейн и Е. Ф. Горбатюк остановились в доме Севериковых. Из писем мы узнаем, что радушные хозяева всячески заботились об исследователях из Петрограда. Кроме того, они оказались знатоками местной традиции, готовыми делиться своими знаниями: от членов семьи собиратели смогли записать солидную коллекцию диалектологического и фольклорного материала. Две сказки в исполнении хозяйки дома А. В. Севериковой, которую Бернштейн в письме к матери именует «приятной бабушкой», были записаны на фонограф (ФА ИРЛИ. Кол. 13. ФВ 774–776).

Очевидно, что ученому нравилось работать в экспедиции (ср. его реплику «Всё это очень весело, и очень интересно, и, надеюсь, будет продуктивно, и притом сытно»), его не тяготило отсутствие комфорта, не пугали серьезные задачи, чего нельзя сказать о его спутнице. Единственным, что, по словам Бернштейна, ему доставало, было умение «разговаривать с крестьянами» (документ № 5). Указывает он также на сложность вести сбор диалектологического материала в одиночку: «...почти невозможно одновременно разговаривать и записывать», — справедливо сетует ученый матери (там же). Из переписки мы также узнаем о трудностях иного порядка, с которыми собирателям приходилось сталкиваться в районе, где совсем недавно пролегла прифронтовая полоса: о необходимости оформлять и отмечать специальные разрешения — как для проезда в приграничную зону (документы № 3, 5), так и в Петроград (документ № 6), умении предупреждать подозрения (документ № 5) и быть готовыми к досмотру (документ № 6). И это неслучайно — Гдовский уезд в эти годы находился в сложном политическом и экономическом положении. Буквально перед самым приездом собирателей заведующий информационно-инструкторским подотделом отдела управления докладывал: «Гдовский уезд по самому положению своему вследствие близости Эстонии и Псковской губернии, бывшей долгое время не в составе Советской Республики, имел благоприятные условия для развития спекуляции, перебежничества и шпионажа; с другой стороны, уезд полгода находился под властью белых правителей, благодаря каковым обстоятельствам всегда требовалась усиленная работа в уезде. В среде крестьянства до сих пор сохраняются, особенно по глухим хуторским местам, кулацко-собственнические инстинкты, создавая благоприятную почву для появления реакционных течений, и в некоторых волостях население за последнее время настроено явно не сочувственно к советской власти, в каковых волостях уже проводились нападения и убийства ответственных работников и милиционеров»¹.

Несмотря на непростые обстоятельства, экспедиция была удачной, а результаты — впечатляющими. По возвращении оба собирателя должны были подготовить отчеты о своей работе и обобщить наблюдения над диалектными особенностями, прочертить границы языковых явлений. Н. П. Гринко-

¹ Доклад о состоянии Гдовского уезда Петроградской губернии к июню месяцу 1920 года. Цит. по: Гдовский уезд, годы двадцатые... // Псков. 2006. № 25. С. 247.

ва представила свои материалы в виде диалектической (так!) карты русского населения Гдовского, Ямбургского и Новолодожского уездов на выставке учено-учебной деятельности Географического института, открытой 30 января 1921 г.¹, а затем опубликовала развернутое описание гдовского говора в специальной статье². Отчет С. И. Бернштейна опубликован не был, не сохранился он и в личном архиве ученого. Вероятно, по возвращении в Петроград ученый был занят в Институте живого слова и университете и не составил отчет вовремя — в нескольких письмах Гринкова неоднократно напоминает ему об этом. Последнее письмо-записка с просьбой прислать отчет Л. Я. Штернбергу и сетование на то, что С. И. не предоставил тексты для выставки, датировано 7 февраля 1921 г.³ Вероятно, отчет все же был подготовлен к публикации, поскольку упоминается в автобиографии ученого, датированной 30 сентября 1921 г.: «Отчет о диалектологических и этнографических наблюдениях, произведенных летом 1920 года в южной части Гдовского уезда (Принят к напечатанию в «Известиях Российского географического института)»⁴.

Ниже публикуются архивные документы, помогающие воссоздать детали работы и ощутить атмосферу тех лет. Новые источники позволят дополнить биографии двух ученых, вписать важную страницу в историю этнографического факультета Петербургского университета, а также открыть еще одну страницу в истории русской фольклористики.

1

Записка Н. П. Гринковой к С. И. Бернштейну⁵

С. И. Бернштейн<у>

Спасская 21, кв. 8

29.VI.<1>920

Многоуважаемый Сергей Игнатьевич!

Зайдите ко мне в Институт в четверг от 4 до 5, необходимо, чтобы сговориться об отъезде и получении пропуска.

Если это Вам неудобно, то вечером в 9 час<ов> ко мне.

Лучше постарайтесь в Институт.

Н. Гринкова

¹ Бюллетень Географического института. Март 1921. № 1. Петербург, 1921. С. 6. Выставка освещала работу Института за время его существования (начиная с открытия Географических курсов). На выставке были представлены результаты работ летних экспедиций 1920 г.

² Гринкова Н. П. Указ. соч. С. 256–267. В работе получили обобщение материалы двух поездок Н. П. Гринковой в 1920 (Гдовский уезд) и в 1921 г. (Лужский уезд). Материалы С. И. Бернштейна привлекались ею только для определения границы «просачивания акающих говоров» (Там же. С. 258).

³ Архив Дома-музея Марины Цветаевой. КП-4970/152. Записка Н. П. Гринковой.

⁴ ЦГАЛИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 104. Л. 43–43 об.

⁵ Архив Дома-музея Марины Цветаевой. КП-4970/146. Лист из блокнота в линейку, простой графитный карандаш. 17 x 10. Автограф.

Письмо Н. Гринковой С. И. Бернштейну¹Здесь²

Разъезжая ул. д. 2, кв. 3

Сергею Игнатьевичу Бернштейн<у>

20.VI.<19>20

Многоуважаемый Сергей Игнатьевич!

Вы дали мне Nebauer'a т. I, III, VI³, а нет II-го, имеется он у Вас или нет? Будьте добры сообщить. Также сообщите все, что имеется в Ваших записях относительно Лужского у<езда>.

Собираюсь ехать между 3 и 6 июля.

Занесите карты.

Всего лучшего!

Н. Гринкова

3

**Удостоверение С. И. Бернштейна и Е. Ф. Горбатюк для работы
в Гдовском уезде⁴**

<Л. 312>

Р.С.Ф.С.Р.

Исполнительный комитет

ГДОВСКОГО

Уездного Совета

Крест. Раб и Кр.-Арм. Дел.

дал Президиум⁵

9 июля 1920 г.

№ 5374

Всем Волисполкомам Гдовского уезда. Гдовский Уездный Исполком просит все Волисполкомы Гдовского уезда оказывать тов. Сергею Игнатьевичу Бернштейну и Екатерине Федоровне Горбатюк⁶, командированным Петроградским Географическим институтом по поручению Высовнархоза⁷ и Российской Академии наук для научного обследования Гдовского уезда, полное и всемерное содействие в выполнении предложенного им задания, — в частности в продо-

¹ Архив Дома-музея Марины Цветаевой. КП-4970/153. Почтовая карточка. Фиолетовый карандаш. Автограф.

² Имеется в виду Петроград.

³ Нам не удалось установить, какую работу имеет в виду Н. П. Гринкова.

⁴ ОР РГБ. Ф. 948. К. 23. Ед. хр. 8. Л. 312. Машинопись на листе из тетради в клетку.

⁵ Со слов «Президиум» вписано рукой С. И. Бернштейна.

⁶ Имена вписаны рукой С. И. Бернштейна.

⁷ Высовнархоз — Высший совет народного хозяйства при Совете народных комиссаров (ВСНХ РСФСР), образован в декабре 1917 г. Главной задачей ВСНХ было возрождение хозяйства.

вольственным и жилищном отношении, а также в отношении перевозочных средств.

/ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСПОЛКОМА [Подпись]¹
СЕКРЕТАРЬ Н Маторин²

<Л. 312 об. подписи и печати, составленные разными лицами и разными чернилами:>

В Середкинском Волисполкоме явлен 10 июля 1920 г.

Зам. председателя И. Исаков³

Секретарь Волосов

В Бельском Волисполкоме явлен 21 июля 1920 г.

Председатель [Подпись]⁴

Секретарь Ал Федоров

Вход. № 967

Явлен в Гвозднинский Волисполком

11 августа 1920 г. за вх. № 1984

/ Председатель Исполнит. Комит. Гвоздн. Вол. Кр. Соз. [Подпись]⁵

4

Письмо С. И. Бернштейна матери — П. С. Бернштейн⁶

Анашкино⁷ 11.VII.<19>20 11 ч<асов> в<ечера>

Дорогая мамочка.

Пишу из настоящей деревни, из настоящей избы. Вокруг меня настоящие бабы и настоящий акающий и цокающий говор. Ты даже не можешь себе представить, как это хорошо. А передо мной молоко, масло, варенец, — вернее — остатки всего этого, всё это я сегодня ел, и всё это тоже настоящее.

Приехали мы сюда вчера часов в 5. Пошли в Маслогостицкий⁸ Исполком.

¹ Подпись неразборчива. Красные чернила.

² Подпись проставлена красными чернилами. *Николай Михайлович Маторин* (1898–1936) — этнограф, религиовед, фольклорист. В 1916 г. поступил на историко-филологический факультет Петроградского университета, но в 1917 г. был призван на военную службу, вскоре вернулся домой и занялся пропагандистской работой, в 1919 г. вступил в ряды большевистской партии. В 1920–1922 г. находился на советской и партийной работе в Гдове. В 1930–1934 Н. М. Маторин возглавлял Музей (Институт) антропологии и этнографии, с 1929 г. преподавал в Ленинградском университете. Мог быть знаком с С. И. Бернштейном по университету.

³ Подпись вставлена черными чернилами.

⁴ Подпись неразборчива. Фиолетовые чернила.

⁵ Подпись неразборчива. Фиолетовые чернила.

⁶ ОР РГБ. Ф. 48. К. 76. Ед. хр. 15. Л. 12–13. Автограф. Писчая бумага, простой графитный карандаш.

⁷ Деревня Анашкино была расположена неподалеку (на расстоянии версты) от Серёдки, в настоящий момент это Анашкинская улица с. Серёдка.

⁸ Вероятно, имеется в виду современное село Серёдка, до 1916 г. носившее наименование Маслогостицы. Несмотря на переименование, расположенная в селе железнодорожная станция существовавшей до 1944 г. железной дороги Псков — Гдов (между станциями

Исполком вселил нас в избу одной богатой крестьянской семьи. И, как ни странно, хозяева приняли нас очень радушно, кормят, ухаживают — такие милые. Особенно приятная здесь бабушка. А говор у всех у них — прямо заслушаешься. У меня уже записано 200 примеров. Сегодня я отправился с своей сотрудницей в лес, мы наелись черники, а потом в течение трех часов сортировался этот материал. Завтра с утра мы пойдем на Псковское озеро, верст за 15 отсюда: говорят, там празднуют Петра и Павла. Переночуем там же, или за 3 версты оттуда — в Баглицах¹ и, вероятно, в течение 2-х-3-х дней обойдем соседние деревни по берегу озера. Затем вернемся сюда отдыхать. Здесь оставим вещи и отправимся завтра только с самым необходимым в одном мешке на двоих. Всё это очень весело, и очень интересно, и, надеюсь, будет продуктивно, и притом сытно. Из вещей, предназначенных для обмена, я пока ничего не трогал. Впрочем, за то, что нас здесь кормят, придется оставить немалую толику.

Моя спутница, несмотря на комфорт и внимание, к^{<ото>}рым мы окружены, тяготится деревней — отказываюсь ее понимать. Я так счастлив, что вырвался из П^{<етер>}бурга. Отношения с ней у меня наладились: слишком скучно было бы дать волю нашей обоюдной антипатии. Я кормил ее своей внимательностью, и ей не осталось ничего другого, как сдаться и *fairebonne mine*². А разговоры с крестьянками она ведёт довольно умело — гораздо лучше, чем я, — и тем дает мне возможность много и точно записывать.

Вот все мои новости. Пойду сейчас спать на свой сеновал. Завтра рано встану, выкупаюсь в ручье — в пра́лишше³ — слыхала ли когда-нибудь такое слово? — и отправимся в Липно. Потом отдохнем здесь 2–3 дня и пойдем за 12 верст в Смержаха⁴ и в Третью Китины⁵ — у нас уже есть притащенная посуда от родственников здешних наших хозяев — и так рассказывают сказки и поют старые песни.

В заключение еще раз повторяю свою просьбу, о которой писал во вчерашнем письме: пожалуйста, напиши мне по следующему адресу: Гдов, Отдел

Ямм и Псков), сохраняла свое название. Современная деревня Маслогостицы располагается в 4 км к югу от села Серёдка.

¹ Деревня Баглицы расположена на берегу Псковского озера, в 17 км к северо-западу от села Серёдка.

² *Франц.* — хорошо выглядеть.

³ *Пра́лишше*, согласно словарям, — место на реке, озере, пруде, где полощут белье, «Пралище, где моют белье» (Славн Псковское, 1957), «Где там полоскались, Пралищем звали» (Псковское): Словарь русских народных говоров. / гл. ред. Ф. П. Сорокалетов. СПб., 1997. Вып. 31. Почестно-Присуть. С. 66.

⁴ Деревня входила в Гверздонскую вол., расположена в 13 км на юго-восток от Серёдки и в 2 км на север от д. Гверздонь.

⁵ С. И. Бернштейн устойчиво именуется деревню «Третьи Китины», вероятно, имея в виду деревню Китино, расположенную в 12 км восточнее Серёдки. На местном диалекте название произносится как Кити́ны. На территории деревни Китино расположены два археологических памятника: курганно-жальничный могильник X–XVI вв. общей площадью 4 га и жальничный могильник XII–XVI вв.

народного образования. Анне Васильевне Минеевой. Для меня. Я как-нибудь заеду в Гдов на днях — это отсюда 4 часа на поезде и получу письма.

Крепко, крепко целую тебя и Саню¹.

Сережа

5

Письмо С. И. Бернштейна матери — П. С. Бернштейн²

Анашкино 14.VII.<19>20

Дорогая мамочка.

Я начал это письмо два дня от н<ынешнего> вечером, а позавчера утром ушел отсюда, попросив снести письмо на почту; но этого не сделали — и вот оказалось, что я 3 дня не посылал писем. Кроме того, почта отправляется отсюда не каждый день, так что перерывы в моих письмах неизбежны. Но пусть не беспокоит тебя: я катаюсь как сыр в масле, ем блины со сметаной, пью молоко, ем ягоды и варенье. Нас кормят, за нами ухаживают, и за 3 дня мы дали всего фунт соли и 1 селедку.

Мы провели около суток в Баглицах — с нас ничего не хотели взять за ночлег и кормежку.

На дорогу отсюда дали нам по 4 блина — настоящих, таких, как делают на Масленицу, а перед уходом накормили теми же блинами со сметаной и с маслом. Таковы обстоятельства продовольственные. Теперь о деловой стороне моей экскурсии. Мы вышли отсюда третьего дня утром, чтобы попасть к вечеру в Липно³ за 15 вест отсюда, на берегу Псковского озера, где говорили, празднуется день Петра и Павла. Вышли мы в 12-ом часу, останавливались в каждом лесу и часов в 5 пришли в Баглицы, за 3 версты от Липно и там нашли место для ночлега. Затем отправились дальше, переправились на лодке через маленькую речушку⁴ (мост через нее разрушен белыми) и пришли в Липно. Это замечательно красивое место. Берег на озере виден только с одной стороны, на небольшом пространстве.

Так, впрочем, и в Баглицах. Но праздник меня разочаровал: ходят группами парни и группами девки, друг с другом не разговаривают, ходят чинно, скучают, изредка танцуют под гармоники, но танцуют только девицы, все в городских костюмах, песен не поют. Так<им> обр<азом>, этнографического материала я там не нашел. Вернулись в Баглицы, спал я там скверно (тоже на сеновале), очень рано встал и, слушая разговоры хозяев, до 2-х часов собрал достаточный диалектологический материал и рисовал план избы.

¹ Саня — домашнее имя младшего брата Игнатия Игнатьевича Бернштейна (1900–1978), впоследствии писателя и литературоведа, получившего известность под псевдонимом Александр Ивич. см.: *Богатырева С. И.* Хранитель культуры, или До, во время и после «Картонного домика» // *Континент.* 2009. № 4 (142). С. 268.

² ОР РГБ. Ф. 48. К. 76. Ед. хр. 15. Л. 14–14 об. Писчая бумага, простой графитный карандаш. Автограф.

³ Деревня Липно расположена в 15 км от Серёдки на северном побережье Псковского озера.

⁴ Река Липенка.

Из Баглиц мы хотели объехать на лодке всё русское побережье Псковского озера¹ южной границы Гдовск<ого> уезда (другой берег — уже за границей — эстонский), но оказалось, что надо предварительно получить разрешение в штабе батальона в Маслогостицах (это в версте от Анашкина). И нам пришлось отправиться обратно. Вернулись мы поздно вечером — в 12-м часу: опять останавливались в каждом лесу, и я доспал там время, недоспанное в Баглицах, опять купались в речке, и, кроме того, еще зашли на полпути к учителю в деревне Усадище², просидели у него 3 часа, получили массу этнографических сведений, заполнили наши анкеты, и угостил он нас на сдачу. А придя в Анашкино, я поужинал и лег спать на свой сеновал и выспался окончательно.

Всё бы хорошо, только барышня моя терроризирует меня: ей скучно, она хочет в П<етер>Бург. Это было бы очень жалко: 1) я совершенно не умею разговаривать с крестьянами, а сейчас разговаривает она: я и только слушаю, и записываю; 2) почти невозможно одновременно разговаривать и записывать: это возбуждает внимание и недоумение несколько неприятного характера, а когда один говорит, а другой пишет, этого не замечают, наконец, 3) очень уж скучно совершать одному пешие путешествия в 10–15 верст. Ну авось она еще передумает — очень неуравновешенная особа.

Вот всё, что я хотел написать. Забыл только об одном небезынтересном обстоятельстве: в Баглицах нас хотя и кормили, и указали вареньица, а спутницу мою на ночь устроили прямо с комфортом, — отнеслись к нам с недоверием и, пожалуй, даже с опаской: как бы не вышло какой реквизиции, или передела, или другой неприятности, — и провожали нас еще ласковее, чем встречали. Там, в прифронтовой полосе, близ границы, привыкли ко всяким неожиданностям такого рода.

Крепко целую, Сережа.

6

Письмо Н. П. Гринковой С. И. Бернштейну³

Гдов, Пет<роградская> губ<ерния>

Отдел народного образования

А. В. Минеевой для С. И. Бернштейн<а>

6.VIII.<1>920

Многоуважаемый Сергей Игнатьевич!

Все устроивается так, что я опять попаду в Гдов, выезжаю в среду 11-го из Петрограда. Большая просьба, не уезжайте из Гдова до меня, я буду 12-го в Гдове. Если же Вам будет необходимо выехать до 12-го, то оставьте мне под-

¹ Далее вычеркнута недописанная фраза «до грани<цы>». По псковскому озеру проходила граница с Эстонией.

² Деревня Усадище расположена в 8 км от Серёдки, по дороге в сторону Баглиц, на реке Липенка.

³ Архив Дома-музея Марины Цветаевой. КП-4970/147. Почтовая карточка. Фиолетовые чернила. Автограф.

робный перечень деревень, в к<ото>рых Вы были, гл<авным> обр<азом> в северной части, т<ак> к<ак> я еду в Полновск<ую> вол<ость>¹, искать границу ак<ающих> гов<оров> и смешанных, а также результаты Вашей последней работы, гл<авным> обр<азом> границу цоканья. Мне очень хотелось бы поговорить еще с Вами до Вашего отъезда в Петроград. Я пробуду в уезде 2 недели, и в конце августа вернусь в Петроград. Попросите хозяйку общежития к 12-му иметь нас в виду, пусть постарается освободить балкон и 2 кровати-носилки (я еду с сестрой). Доехали благополучно.

Имейте в виду, что в делегатск<ом> вагоне² места не дают, занимайте место в III кл<ассе> наверху, иначе не удастся спать, поезд идет в 12 ночи.

Надо в «чеке»³ получить пропуск в Пет<роград>, т<ак> к<ак> наши из Пет<роградского> Совдепа⁴ уже не действительны.

Осмотр был в Маслогостицах и в Пскове очень поверхностный, даже не спрашивали, что везем⁵. Желаю всего лучшего. Надеюсь встретить в Гдове.

Н. Гринкова.

<надпись по левому краю:>

по телефону позвонила, привезу письма

7

Фрагменты письма Н. П. Гринковой⁶

Гдов, Пет<роградская> губ<ерния>

Улица Карла Маркса, № 13

Общежитие для командировочных

Сергею Игнатьевичу Бернштейн<у>

6.VIII.<1>920

Многоуважаемый Сергей Игнатьевич!

Я буду в Гдове опять, 12-го августа. Вчера приехала, а сегодня уже с утра бегаю по учреждениям за новыми командировочными. <...> Кроме того, сообщите, что нашли нового, и где граница цоканья. Эти материалы оставьте у Минеевой (или у ее матери, кажется А. В.⁷ уедет в Пет<роград>); если это не удастся, то у хозяйки общежития. <...> Масло для Е. Д. берите с собой, до меня

¹ Полновская волость с юга граничила с Серёдкинской волостью.

² Один из лучших вагонов, места в них предоставлялись делегатам съездов и совещаний советских организаций.

³ Вероятно, имеется в виду Чрезвычайная комиссия.

⁴ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов.

⁵ Тщательный досмотр был связан с активной борьбой с контрабандой, которая была развита в приграничной зоне (см., например: Доклад старшего контролера Гдовского таможенного надзора Эмилия Ивановича Лерха в Уездкомпанию от 1 декабря 1920 г.: Гдовский уезд, годы двадцатые... С. 247–248).

⁶ Архив Дома-Музея Марины Цветаевой. КП-4970/148. Почтовая карточка. Фиолетовые чернила. Автограф.

⁷ Анна Васильевна Минеева.

не оставляйте, т<ак> к<ак> я повезу опять для себя, и это будет опасно. Пишу Вам сейчас же в Отд<ел> нар<одного> образ<ования>.

<надпись по левому краю:>

По тел<ефону> позвонила. Привезу письма. Дождитесь.

8

Письмо Н. П. Гринковой С. И. Бернштейну¹

Гдов, Пет<роградская> губ<ерния>

Отдел народ<ного> образования

А. В. Минеевой для С. И. Бернштейн<а>

7. VIII. <1>920

Многоуважаемый Сергей Игнатьевич!

Вчера писала Вам в от<дел> нар<одного> об<разования> и в общежитие². Я приеду в Гдов 12-го в четв<ерг>. Дождитесь меня. Надо переговорить. Звонила Вашим, завтра зайдет брат³, чтобы сообщить кое-что для передачи Вам, т<ак> к<ак> я очень надеюсь, что Вы не уедете, не дождавшись меня. Если нечего будет делать в Гдове, то побродите по соседним деревням, говорят, что под самым Гдовом есть укающие говоры. Вот и заботы. Не забудьте все устроить в Комтруде, как уговорились. Привезите масло Е. Д., для меня не оставляйте, т<ак> к<ак> мне не захватить. Привезу денег для Вас.

Была у Штернберга, очень просит Вас, как только приедете, побывать у него. Очень ему хочется, чтобы Вы еще поездили. Не согласится ли Ларин⁴? Как бы устроить?

Список источников

Алымов С. С. Три этюда о «марризме» в советской этнографии // Этнографическое обозрение. 2008. № 6. С. 79–93.

Аргутинская Н. К. Бернштейн Сергей Игнатьевич // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. Т. 2: Российская публичная библиотека — Государственная библиотека в Ленинграде 1918–1930 / гл. ред. Л. А. Шилов. СПб.: Изд-во РНБ; Алетейя, 1999. С. 107–110.

Богатырева С. И. Хранитель культуры, или До, во время и после «Картонного домика» // Континент. 2009. № 4 (142). С. 267–324.

¹ Архив Дома-музея Марины Цветаевой. КП-4970/149. Почтовая карточка. Черные чернила. Автограф.

² См. документ № 7.

³ И. И. Бернштейн.

⁴ Борис Александрович Ларин (1893–1964) — лингвист, учился в Киевском университете, в студенческие годы работал в семинаре по древнерусской литературе В. Н. Перетца, в 1913–1914 гг. вел изучение диалектов литовского языка. С 1916 г. продолжает занятия по подготовке к профессуре в Петербургском университете под руководством И. А. Бодуэна де Куртенэ и Л. В. Щербы по славистике и др., преподает в школе. С 1919 г. преподавал во 2-м Гос. пед. институте, автобиографию см.: Институт лингвистических исследований РАН. [Электронный ресурс]. URL: <https://iling.spb.ru/persons/larin-boris-aleksandrovich> (дата обращения 24.05.2025).

Бюллетень Географического института. 1921. № 1 (март). Пг.: Гос. изд-во, 1921.

Вассена Р. К реконструкции истории деятельности Института живого слова (1918–1924) / авториз. пер. с итал. М. Велижева // Новое литературное обозрение. 2007. № 4 (86). С. 79–95.

Вахтин Н. Б. У истоков североведческого образования в Петербурге: создатели в эпоху *interregnum* // Сибирские исторические исследования. 2023. № 1. С. 64–95.

Гдовский уезд, годы двадцатые... / подборка и публ. О. В. Салкиной // Псков. 2006. № 25. С. 246–250.

Герценовская школа русской диалектологии: Н. П. Гринкова и В. И. Чагишева: сб. статей / авт.-сост. С. Г. Ильенко и др. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 341 с.

Григорьев А. А. Географический институт в 1920–1921 годах // Известия Географического института. Пг., 1921. Вып. 2. С. 143–164.

Гринкова Н. П. Очерки по русской диалектологии. III. К диалектологии Ленинградский губернии // Известия ОРЯС. Т. 30. Л., 1925. С. 251–267.

Груздева Е. Н. Надежда Павловна Гринкова: между лингвистикой и этнографией // Судьбы ученых в эпоху перемен : очерки и документы / под ред. Е. Н. Груздевой. СПб.: Реноме, 2021. С. 146–168. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 21).

Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века: 1900 — первая половина 1941 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 800 с., ил.

Переписка Стефана Цвейга с издательством «Время» 1925–1934 / предисл., публ. и коммент. М. Ю. Кореневой, технич. подгот. публ. Л. В. Зародовой // Институт культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам. СПб.: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2011. С. 250–478.

Подрезова С. В. Самая (не)известная экспедиция: новые документы о первой поездке ГИИИ в Заонежье // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2022. Т. 39. Наследие Б. Н. Путилова и К. В. Чистова и современная фольклористика. С. 260–317.

Словарь русских народных говоров. Вып. 31: Почестно-Присутъ / гл. ред. Ф. П. Сорокалетов. СПб.: Наука, 1997. 432 с.

Е. И. Якубовская (Санкт-Петербург)

Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд.

Полевой дневник Пинежской экспедиции 1927 года

Аннотация. В данной статье представлена первая публикация полного текста полевого дневника, который вели Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд в июне 1927 г., в период специальной поездки Отдела теории и истории музыки (МУЗО) Государственного института истории искусств — марш-броска к верховьям реки Пинеги. Каждый из собирателей вел свои записи отдельно: З. В. Эвальд взяла на себя труд «официального летописца экспедиции», ее текст мог быть зачитан в каче-

стве научного отчета; Е. В. Гиппиус вел личный дневник поездки, с колоритными подробностями, остроумными и яркими описаниями событий их пути, полного приключений и настоящих опасностей, встреч с людьми и новым песенным материалом. При этом оба текста содержат ценные наблюдения и научные обобщения, описание методики полевой работы.

Ключевые слова: полевые материалы 1927 г., Пинега, Е. В. Гиппиус, З. В. Эвальд

Имена классиков этномузыкологии Евгения Владимировича Гиппиуса (1903–1985) и Зинаиды Викторовны Эвальд (1894–1942) привычно существуют для нас — их научных потомков — как единое целое, неразделимо. Их первая поездка на Русский Север в качестве собирателей фольклора состоялась в 1926 г. в составе Заонежской экспедиции Зубовского института¹. Однако по-настоящему тесное творческое общение, сотрудничество и совместное открытие для себя народно-песенной культуры во всей ее глубине началось для них, как нам кажется, именно в 1927 г. на Пинеге.

Занятия музыкальной фольклористикой неотделимы от полевой работы с ее научными загадками и открытиями, а подчас и приключениями, бытовыми трудностями. А главное, только в «поле» происходит встреча исследователей «лицом к лицу» с устной традиционной культурой, существующей как бы в «ином измерении», прежде неведомом музыковеду с классическим образованием; особым звучанием, поражающим новизной и вместе с тем будоражающим музыкальный опыт исследователя: возникают ассоциации и со Стравинским, и с добаховским контрапунктом. И конечно же, встречи с новыми людьми: внешне и внутренне яркими творческими личностями исполнителей — то чистыми и прозрачными, то наполненными едким юмором и самоиронией, выдающей высокую самооценку. Наконец, именно в экспедиции ярко проявляются характеры коллег, их отношение к делу, мелкие конфликты и большая дружба на годы и годы. И да — настоящая любовь, которая выражается в самоотверженной верности и готовности совершить невозможное во имя дела, которое является главным для тебя и для твоего спутника.

Нам довелось — вслед за Екатериной Анатольевной Дороховой, которая первой опубликовала фрагменты этих записей², — подробно ознакомиться с полевыми дневниками Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд³. Экспедиционные тетради волею обстоятельств оказались отделены от звуковых материалов, которые хранятся в Фонде фоноваликов Фонограммархива Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (звуковая коллекция 003F). Тетради же находятся в Отделе документов и личных архивов Российского национального музея музыки, в фонде 450 (фонд Е. В. Гиппиуса).

¹ Зубовским институтом в те годы нередко называли основанный в 1912 г. графом В. П. Зубовым Государственный институт истории искусств: ГИИИ (в период с 1912 по 1931 гг.), ныне — Российский институт истории искусств, РИИИ.

² Дорохова Е. А. Неизвестные страницы пинежских экспедиций 1927 и 1930 годов // Вопросы этномузыкознания. 2013. № 4 (05). С. 40–45.

³ Перечень изученных документов см. в списке «Архивные источники».

Звукозаписи давно известны исследователям — во всяком случае, они описаны, представлены в электронном каталоге, составленном с учетом приходных книг поступлений Фонограммархива, вкладышей в фоновалики и надписей на их коробках и других документов, к числу которых принадлежит также подготовленный к печати и вышедший в 1937 г. второй том сборника «Песни Пинежья»¹, где указаны сведения об исполнителях. Напротив, рукописные полевые материалы долгое время были недоступны исследователям, поскольку не были описаны и зафондированы.

Теперь наступило время публикации этих уникальных материалов. Дневники сохранили записи обоих участников отдела МУЗО (так сокращенно именовали сотрудники Зубовского института Отдел теории и истории музыки). Характер каждого из них раскрывается в описании обстоятельств экспедиции, типажей встречавшихся им людей, пейзажа. А вот в описании чисто музыкальных явлений оба начинающих в те годы молодых фольклориста сходятся: сказывается общая школа, направление предыдущих исследований, да и просто сам склад и содержание их общего и научного образования.

Перелистаем страницы полевых тетрадей, исписанных карандашом, мелким торопливым почерком, так как основной проблемой, постоянно нависавшей над участниками экспедиции, была нехватка времени. Они зависели от расписания парохода, который ходил по реке, а она летом сильно мелела, буквально на глазах! Успеть на пароход, но при этом охватить возможно больше материала, а он — материал — в этих заповедных местах был буквально неисчерпаемо богат. Невозможно выбрать, что писать в первую очередь: лирику, свадьбу или игровой фольклор, ведь для записи на фонограф в каждой деревне отводился чаще всего только один день! Конечно, прежде всего выделяли время для фонозаписи мелодий былин, духовных стихов, баллад и исторических песен.

Работали часто не только от зари до зари, но часто прихватывали и белую ночь, тем более что исполнители пели с большой охотой: «Когда мы были доведены до полного утомления, девушки заявили, что хотят частушки. Уже 12 часов ночи»².

Исполнители расходились по домам, а собиратели приводили в порядок записи, зарисовывали избы, предметы старины и писали дневник. Передвигались на лодке, на простой телеге, запряженной в одну лошадь, порой ночами: «В 2 часа ночи приехали в Нюхчу. Постучались к председателю сельсовета. <...> Устроили нас ночевать в школе. Напоили и накормили. <...>. В 9 ч. утра явился председатель, разбудил, сообщив, что *идут певуны*»³.

¹ Песни Пинежья: Материалы фонограммархива, собранные и разработанные Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд / под общ. ред. Е. В. Гиппиуса. М., 1937. Кн. 2.

² Отдел документов и личных архивов Российского национального музея музыки (далее: РНММ). Ф. 450, № 3317 (Е. Гиппиус. Тетрадь записей экспедиции в Архангельскую область. 1927). Л. 5.

³ РНММ. Ф. 450, № 3310 (Эвальд З. В. Записная книжка, Пинежье. 1927). Л. 27–26 об. (пагинация идет в обратном порядке). Курсив мой. — Е. Я.

Среди рукописных тетрадей 1927 г. есть один крохотный блокнот, предназначенный для ведения дневника экспедиции. Он относится к краткой поездке отдела МУЗО в составе Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд «на разведку», к верховьям реки Пинеги. Руководитель экспедиции К. К. Романов разрешил поездку с условием возвращения в с. Карпогоры через неделю, чтобы далее продолжить работу в составе комплексной экспедиции.

Официальный дневник пинежской экспедиции обычно вела ее участница, филолог Н. П. Колпакова¹, она же вела и свой личный дневник поездки². Поскольку Гиппиус и Эвальд на своем маршруте к верховьям Пинеги были только вдвоем, дневник им пришлось вести самим. Зинаида Викторовна писала «официальный» дневник — заготовку для отчета. Она старалась выдерживать соответствующий стиль, в т. ч. говорила о себе и спутнике в 3-м лице. Евгений Владимирович писал о личных впечатлениях: в той же тетрадке, но с другого конца. Его стиль более свободный, характеристики сочны и откровенны, описания полны колоритных подробностей, портреты местных жителей яркие и точны, хотя подчас и не лишены едкости.

Итак, обратимся к тексту полевой тетради. В настоящей публикации он приводится полностью. Сокращения раскрываются в угловых скобках. Пунктуация и индивидуальные особенности правописания (в частности, написание географических названий) приведены к современным нормам. Сохраняется лишь индивидуальная манера собирателей называть деревни во множественном числе: Горы, Сульцы, Поганцы, Ваймуши — быть может, это особенность того времени. В рукописи изредка встречаются слова, написанные не вполне разборчиво. Они даются в скобках, курсивом с вопросительным знаком.

Записи З. В. Эвальд³

21/VI

Расстались с экспедицией в 1 <час> дня. Погрузившись на телегу, переехали в Поганцы⁴, где, несмотря на неблагоприятные обстоятельства (приезд сына к песельнице А. Е. Хромцовой⁵), нам удалось с 1½ до 3½ сделать еще 6 записей на 4 валиках. В 3½ часа выехали на Сульцы⁶. Состояние дороги было настолько отчаянным, что встречные неоднократно предупреждали о невозможности проезда до Сульцев. И действительно, на всех трех речках на этом пути мосты были размыты или же снесены.

¹ Колпакова Н. П. Дневник пинежской экспедиции ГИИИ. 1927 // Былины Пинеги. СПб.; М., 2012. С. 730–743 (Свод русского фольклора. Былины в 25 т. Т. 7).

² Колпакова Н. П. У золотых родников: Записки фольклориста. Л., 1975.

³ РНММ. Ф. 450, № 3310 (Эвальд З. В. Записная книжка, Пинежье. 1927). Л. 44 об.–64.

⁴ Здесь и далее: деревня Поганец (Ивановско-Чернышевская) Сурско-Сергеевской волости.

⁵ Анна Ермолаевна Хромцова (1867 г. р.), жительница деревни Поганец Сурско-Сергеевской волости.

⁶ Село Сульца (Никитинская) Сулецкой волости.

Через первую, глубокую до пояса, мы шли вброд, лошадь с телегой вел под уздцы возница, так же, как и мы, не допускавший мысли о возвращении назад.

Через вторую же, собрав бревна и доски и расположив их на остатках снесенного моста, мы перетаскивали через это сооружение сперва багаж, а затем телегу втроем, на руках. Коня же перевели вброд.

Через третью, самую глубокую и быструю, снова переносили вещи отдельно вброд, а лошадь с телегой далеко (*волоком?*) под мостом, по вязкой глине, погружая до осей.

После каждой переправы регулярно проверялась целостность валиков, тогда двигались дальше. Остальная часть дороги состояла из болот, крутых подъемов и спусков с изобилием (*так!* — *Е. Я.*) комаров.

Прибыли в Сульцы в 11½ ночи и немедленно отправились к председателю сельсовета, причем нашли в нем не только любезного хозяина, но и деятельного помощника.

В этот же вечер из разговоров с собравшимися крестьянами выяснилось, что¹ добраться на лошадях нереально до Кучкаса², как было условлено с повозчиком, но даже и до Нюхчи³ — совершенно немыслимо, поэтому мы расстались с ним и по указанию председателя сейчас же договорились с лучшим в Сульцах старым перевозчиком Дмитрием Булыгиным, не раз ездившим в Выю⁴, чтобы завтра же выехать туда на лодке.

В этот же вечер собравшимся у председателя крестьянам был продемонстрирован колокольный звон и две песни с пробного валика, с целью заинтересовать их в нашей работе и привлечь певцов и таким образом в течение 3-х — 4-х часов, кот<орые> мы предполагаем проработать в Сульце, составить ясное понятие о местном репертуаре и исполнителях.

1) Ввиду малого времени мы ограничили нашу задачу следующим: не гнаться за новым материалом, а: записать на фонограф три песни из наиболее популярных в Суре, выделенные нами для систематической повторной записи их во всех пунктах обследования,

2) выяснить местный репертуар путём опроса по репертуарным карточкам,

3) если позволит время, записать песни, нам не встречавшиеся. Этими же соображениями мы решили руководствоваться во всех промежуточных пунктах до Выи.

Демонстрация фонограмм имела огромный успех. Немедленно же один из присутствовавших (оказался племянником Анны Ермолаевны Хромцовой из Поганцев), спел две песни городского типа; затем был назван целый ряд исполнителей, и председатель любезно предложил собрать на след<ующее>

¹ Зачеркнуто: *Дальнейший проезд.*

² Деревня Кучкас Нюхченской (Тимошинской) волости.

³ Деревня Нюхча Нюхченской волости.

⁴ Река Выя — приток Пинеги в ее верховьях. Деревня Усть-Выя Выйско-Ильинской волости Сольвычегодского уезда (ныне Верхнетоемский район) — конечный пункт маршрута группы МУЗО.

утро у себя как певцов, так и всех интересующихся для фонограф<ических> записей.

Ввиду позднего часа (1½ ночи), присутствовавшие разошлись. Мы же пошли смотреть деревню и наметить, если встретится что-нибудь для зарисовки для ИЗО¹.

22/ VI

С 8 утра, едва мы успели напиться чаю и привести в порядок записи предыдущего дня, изба начала быстро наполняться. Собралась почти вся деревня, и налицо оказались почти все известные исполнители, как названные накануне, так и прежде указанные нам еще в Суре.

Благодаря удачной организации записи и на редкость серьезному и сознательному отношению всех присутствовавших, нам удалось не только выполнить намеченное, но и произвести цел<ый> ряд новых записей (Всего 10 записей на 6 валиков фонографа). Из разговоров с отд<ельными> исполнителями выяснилось, что былины, вероятно, отсутствуют. Были указания на Суру, «где есть староверы, а у нас их нету».

Работа была окончена к 11½ ч., после чего мы разделились. Е. В. Гиппиус отправился наладить отъезд и запастись продовольствием до Выи, а З. В. Эвальд занялась зарисовкой намеченного накануне (7 рис<унков>).

В 1½ мы выехали из Сульцев. Способ продвижения в лодке оказался: отталкивание шестом у самого берега, скорость 3–4 версты в час. До 5 вечера, когда пришлось закутаться с головой для защиты от тучи комаров, мы приводили в порядок утренние записи, и в связи с ними наметили планы работы в Нюхче.

23/VI

Прибыли в Нюхчу в 2 ½ часа ночи (рекой 40 верст — 11 часов). Переправившись со всем багажом через болото в деревню, отстоящую на 1 ½ в<ерсты> от берега, мы снова направились к председателю сельсовета, разбудили его и, разъяснив цель нашего приезда, попросили, во-первых, открыть нам школу для ночлега, а во-вторых, организовать собрание крестьян на след<ующее> утро, для беседы с певцами и фонограф<ической> записи.

Оказалось, что председатель уже присутствовал на записи в Суре и чрезвычайно заинтересован нашей работой: поэтому он любезно вызвался немедленно же переговорить с крестьянами. В 8 ч. утра нас разбудил тот же председатель и сообщил, что через час деревня соберется.

Сведения, полученные от председателя, нас чрезвычайно заинтересовали. Впервые мы встретились с фактом исполнения стариками² репертуара, обычно присущего женщинам. Старики же славились больше, чем местные песельницы. Вскоре после указанного часа, школа быстро наполнилась. Пришли все указанные нам певцы — три старика около 70 лет; все они, особенно запевало, обнаружили живейший интерес к делу сохранения русской

¹ ИЗО — Отдел изобразительных искусств и архитектуры ГИИИ.

² Слово подчеркнуто З. В. Эвальд.

песни как глубоко ценной для них и эстетически, и эмоционально. Эта настроенность передалась и окружающим, слушавшим с глубоким вниманием.

После первой же записи мы убедились, что имеем дело с наиболее хорошо сохранившимися образцами горизонтальных форм¹, представляющих огромный интерес как по звукоряду и ритмике, так и по полифонной структуре. Поэтому мы решили задержаться на 2 часа дольше и по возможности исчерпать <репертуар> как этих певцов, так и других, не менее интересных певцов и певиц, стилистически объединяющихся с районом Суры.

Для нас стало очевидным, что Нюхча, так же как и Поганцы, является одним из наиболее древних очагов песенной культуры. Из этих же соображений, а также по недостатку времени, мы сознательно пожертвовали музыкально-бытовой хореографией Сульцы и Нюхчи, ограничившись опросом по репертуарным карточкам.

Все три старика, а теперь и большинство собравшихся, интересуются и гордятся только песнями, ничего не зная о былинах и стихах. Однако мы не можем говорить с уверенностью об отсутствии былин в районе Нюхчи, ввиду того что наше обследование далеко не полно и ограничивается только одной из 4-х деревень, входящих в этот район. Общее число записей в Нюхче — 13 на 7 валиках.

Ввиду позднего времени мы не решились задерживаться для зарисовки некоторых архитектурных деталей, представляющих несомненный интерес.

Выехали из Нюхчи в 4 часа. Во время след<ующего> переезда занимались систематизацией новых записей. В 7 час<ов> вечера прибыли в Кучкас — последнюю деревню до Выи, в 12 верстах от Нюхчи. Ввиду позднего часа в Кучкасе мы успели только обойти деревню, зайти в некоторые дома и провести опрос по репертуарным карточкам, благодаря чего (*так!* — Е. Я.) выяснилось почти полное совпадение с репертуаром Нюхчи.

Во время обхода деревни нами было замечено несколько характерных для Кучкаса особенностей архитектуры, кот<орые> и были зарисованы.

Выехали в 8 ч<асов> вечера и в 11 часов вечера остановились для ночлега в курной лесной избушке, ввиду того что нам предстоял переезд в 60 верст до первой Выйской деревни. Несмотря на то, что избушка была нами тщательно протоплена, возможность сна была чрезвычайно ограничена вследствие обильной фауны и духоты.

24/ VI

Поэтому мы выехали в 3½ ч<аса> утра, поставив себе целью во что бы то ни стало добраться в этот же день до Выи, боясь опоздать с возвращением, т. к. мы задержались. До 3 ч<асов> дня мы ехали без остановок. В 3 часа остановились в группе маленьких курных избушек (Мататуриха), куда летом приезжают «жить со скотом». Здесь мы вторично встретились с молодым парнем

¹ Под *горизонтальными формами* З. В. Эвальд понимает музыкальные формы, в которых мелодическое развитие происходит в горизонтали (линейно), в отличие от тех, где главной движущей силой является энергия *вертикали* (гармонии).

из дер<евни> Усть-Вьи¹, который уже накануне указывал нам на свою мать как на известную песельницу. Парень этот, встретивший нас первый раз недружелюбно (словами: «зря ездите, не мужицким делом»), после разговора с нами увлекся фонографом и дал целый ряд адресов в Вые, пригласив для начала к себе.

Здесь же наш лодочник сообщил нам, что <при> возникшем противном ветре он не сможет добраться без ночевки в пути — т. е. не ранее середины следующего дня. Так как эта непредвиденная задержка отняла бы целый рабочий день, мы осведомились, нет ли пешеходной дороги, и, получив утвердительный ответ, немедленно решили пройти пешком оставшиеся 30 верст, т. к. при этих условиях лодочник обещал даже к вечеру быть в Хорнеме².

Вышли в 4 часа. Пройдя вперед и дойдя до довольно широкой и быстрой речки, в которой, по словам выйского крестьянина, вброд — вода только до пояса, мы убедились, что на очень большом протяжении глубина сразу у берега выше человеческого роста. Это препятствие, грозившее разрушить все наши планы, было преодолено самым неожиданным, почти кинематографическим путем³. Продолжая безнадежное обследование берега вплоть до устья речки, мы неожиданно увидели мирно плывущую по Пинеге нашу лодку, которая и перевезла нас на другой берег.

Очевидно, половодье сделало невозможным переход вброд и через следующую речку, за 5 верст от Хорнемы, поэтому мы условились с Булыгиным⁴, что он будет ждать нас около нее, но, когда мы подошли к этой речке, то туча комаров, буквально залепившая глаза, нос и уши, не дала нам возможности не только ждать проводника, но и разуться для перехода вброд. Поэтому, найдя в устье речки случайно занесенные 4 бревна, мы решили перейти по ним, слегка погружаясь в воду, при этом так наз<ываемое> «погружение» выразилось у Е. В. Гиппиуса в погружении до колен, а у З. В. Эвальд до подбородка (в полном облачении). После этого мы продолжали путь прежним быстрым темпом, и к 9½ часа пришли в Хорнему, пройдя таким образом 30 верст в 5 часов (эту быстроту передвижения следует приписать гл<авным> обр<азом> изобилию оводов и комаров, не дававших нам передышки ни на минуту).

Дойдя до Хорнемы, мы послали мальчишку известить нашего старика⁵ о своем прибытии в деревню, а сами пошли искать ночлега. Наш выбор оказался мало удачным. Когда, опустившись на скамейку, Е. В. Гиппиус нашел на руке комариный укус, хозяин дома задал контрвопрос: «Вас уже атаковали клопы?» Обернувшись, мы увидели себя окруженными армией.

¹ Е. В. Гиппиус в своих записях называет его имя: Григорий Дунаев.

² Деревня Хорнема (ныне Верхнетоемского района) стоит на пути к Усть-Вые.

³ Словами «кинематографическим путем» оба собирателя обозначают ситуацию переправы: с одной стороны, живописно-приключенческие обстоятельства переправы, с другой — то, что очередной эпизод неизменно чудесным образом оканчивается «счастливым концом».

⁴ Дмитрий Иванович Булыгин — лодочник.

⁵ Т. е. лодочника Д. И. Булыгина.

Хозяин, политически просвещенный выйский гражданин, объяснил, что безуспешно борется с клопами жидкостью какого-то доктора, причем задал вопрос: «Вы не знаете, товарищ, клоп одноклеточное или двуклеточное?» И, видя наши изумленные физиономии, пояснил: «Я так понимаю, что одноклеточное, потому что мороз его не берет». Вполне естественное желание перейти в другую избу прошло, когда мы узнали, что одноклеточные организмы присущи всем жилым помещениям Хорнемы без исключения, и мы кротко ретировались на сеновал.

25/VI

В 4 ч<аса> утра мы выехали из Хорнемы и закинули фонограф к нашему дорожному знакомому¹. Прибытие фонографа вызвало энтузиазм всей деревни, с нетерпением ожидавшей нас. За нами следом, обогнав даже, шла толпа в 20 бород одних мужиков.

В 7 часов утра мы пришли в Акуловку — торговый центр Выи, наход<ящийся> против погоста и соединенный с ним мостиком (в одну доску).

Найдя себе помещение, мы приступили к рекогносцировке и наконец к 2 часам вернулись в Усть-Выю, где, как было условлено, нас уже ожидали крестьяне как с этой, так и с других деревень.

Обследование Выйского района как основного было сделано не только в чисто муз<ыкальном>, но и в бытовом плане, чему помог бывший на другой день праздник.

Не углубляясь сейчас в характеристику собранного материала, отметим только, что он, как в бытовом, так и в чисто муз<ыкальном> отношении от всего Сурского района отличается и с ним совершенно не связан. Число записей в этот день — 25 на 10 валиках и 3 на слух. Работа была закончена к 11 вечера и фонограф перенесен в Акуловку. <Были сделаны> зарисовки особого рода местной балалайки. Кроме того, зарисована часовня и два резных ковша.

Вернувшись домой в 9 ч<асов> вечера, мы взяли фонограф и направились в дер<евню> Заборье в 3 вер<стах> от Акуловки. В это же время выяснилось, что пароход из Суры уйдет 27-го, поэтому мы решили этой же ночью постараться уехать обратно. В дер<евне> Заборье мы работали до 12 ч<асов> ночи, причем сделано 9 записей на 4 валиках. В их числе единственный найденный нами остаток былины.

Это обследование подтвердило наше впечатление, что основной бытующий материал Выи нами исчерпан, причем нами захвачено все наиболее существенное, а также целый ряд старинных вымирающих песен. Здесь необходимо отметить, что репертуар Выи значительно (*нрзб.*) и меньше, чем Суры, т. к. Выя находится в стадии интенсивного роста городских влияний. Последнее подтвердилось сделанным в одной деревне опросом по репертуарным карточкам.

В 1 час ночи мы разделились. З. В. Эвальд осталась делать зарисовки внешнего вида деревни, а Е. В. Гиппиус предполагал сделать кальки выши-

¹ Григорию Дунаеву.

вок, с собранных накануне образцов. Но ввиду вторичного извещения о том, что пароход идет во вторник 28 утром, пришлось ускорить приготовления к отъезду и, таким образом, выполнить кальки так и не удалось.

27/VI

В 3 часа ночи выехали на двух лодках и решили плыть не останавливаясь. Прибыли в Сульцы в 7 час^{ов} утра, благодаря противному ветру, и немедленно выехали с другим лодочником (т. к. наш валился с ног) на Суру, куда и прибыли в 2 ч^{аса} дня. В 3 ч^{аса} сели на «Курьера» и в 5 ч^{асов} выехали на Карпову Гору.

Записи Е. В. Гиппиуса¹

20/VI

Наша сепаратная поездка сделалась сегодня известна всей экспедиции. Произошла отчаянная дамская сцена. Одни сердились из зависти, что мы едем, другие от обиды, что Романов это скрывал. Было много неприятных разговоров, и я наговорил всем дамам массу резкостей, вовсе ненужных.

Утром мы с Зиной отправились в ВИК² получить необходимые бумаги в Выю и Малопинежье (куда, вероятно, все-таки не удастся доехать из-за денег) и звонить по телефону в г. Пинегу, чтобы узнать, будет ли пароход (товарный) до Нюхчи³, расположенной на полдороге к Вые. Выяснилось, что пароход выходит из Пинеги через три дня, а куда он дойдет, неизвестно, быть может только до Суры. Тогда я направился к председателю ВИКа посоветоваться, как быть, и в результате переговоров с ним решил ехать на лошадях до Нюхчи уже завтра, а от Нюхчи до Выи — что Бог даст.

Сообщил в экспедиции, что мы уезжаем завтра на лошадях, и поэтому прошу мне помочь днем сходить в Горы⁴ за 5 верст с фонографом записать трех сказительниц, которые поют хором втроем былинку, о которых мне сообщил Никифоров⁵. Вызвались А. Д. Стена⁶, Любочка⁷ и Витя⁸. В 3 часа после окончания ра-

¹ РНММ. Ф. 450, № 3310 (Эвальд З. В. Записная книжка, Пинежье. 1927). Л. 36 об.–23 об. (пагинация идет в обратном порядке).

² ВИК — волостной исполнительный комитет (позднее — сельсовет).

³ Здесь и далее везде Е. В. Гиппиус пишет: «Нюкчи», «Нюкча».

⁴ Деревня Гора (Игнатовско-Якшинская) Сурско-Сергеевской волости.

⁵ Александр Исаакович Никифоров (1893–1942) — филолог, «прикомандированный» к экспедиции сотрудник Толстовского музея, занимавшийся преимущественно записью сказок.

⁶ Анна Дмитриевна Стена (Стен, 1896–1952) — художница, музеевед, реставратор. В 1926 г. окончила ленинградский Институт истории искусств по специальности «искусствовед-музеевед по древнерусскому искусству». Впоследствии художник Новгородской Специальной научно-реставрационной производственной мастерской. Реставратор храма Спаса на Нередице и Рождественского собора в Ферапонтовом монастыре (копии фресок).

⁷ Любовь Митрофановна Шуляк (1896–1996) — архитектор-реставратор, впоследствии одна из создательниц новгородской школы реставрации, участница послевоенного возрождения городского ансамбля Великого Новгорода.

⁸ Виктор Астахов, сын Анны Михайловны Астаховой.

боты с песенными карточками и проверкой и упаковкой фонограмм мы отправились в Горы. Фонограф несли в три очереди, поэтому было легко.

Из трех рекомендованных Никифоровым песенниц две старухи и одна молодая. Страшно стесняются перед односельчанами пения былин, стесняются из боязни, что осмеют то, что им дорого и к чему они относятся с трогательным уважением. Действительно, когда в избу набилась обычная толпа и старухи запели, раздался сдержанный смех и хихиканье. Старухи сконфузились и заявили, что при народе петь не будут. Пришлось выставить всю толпу, которая облепила окна. Былину поют на один и тот же напев в унисон¹ редкими расхождениями в терцию, повторяемую подряд несколько раз. Впечатление такое, что эта терция или вертикальная окристаллизованная, или что это перенесение² песенной манеры исполнения в былину. Песен ни одна из них не знает, и считают, что это не искусство: всякий-де умеет, — и нам напойт девки и жонки. Мы³ записали небольшие куски двух былин, чтобы иметь представление о видоизменениях напева в связи с различными условиями текста. После былин записал, наконец, у женок ёлку *ел<и>нышу*⁴, которую мне называли девушки на Погосте⁵ и которую никто не знает, и еще несколько песен.

Вечером, когда мы вернулись около одиннадцати часов, наши сидели огорченные и разочарованные. Пароход на Карпогоры, по официальным сведениям, должен прийти между часом ночи и десятью утра, так что надо всю ночь дежурить с биноклем, чтобы успеть на пристань. Пошел в начале первого побродить один по деревне, встретить восход солнца, но почувствовал себя страшно уставшим и вернулся.

21/VI

Пароход пришел в 11 часов утра. Утром мы вышли все вместе до пристани, где простились с нашими, и в лодке переправились, уже вдвоем, на Остров, который теперь соединен мостом с Поганцами. Увидав нас, нагруженных вещами, какой-то мужик справился, куда мы идем, и, узнав, предложил лошадь. Через некоторое время мы сторговались ехать до Кучкаса, что десять верст ниже Нюхчи, с остановками в Сульце и Нюхче для записей.

Я решил во время дороги на Выю действовать как большинство собирателей-эстетов, т. е. брать не всё в этих деревнях, а старину о<т> прославленных песельниц, (*нрзб.*⁶), иначе не хватило бы время в плане научном. Предложил Зине (поддержавшей меня в этом начинании) записать какие-нибудь три наиболее любимые песни во всех селениях, где мы проедем и где их будут знать. Выбрали «Черемушку», «Запил Ваня» и «Невеселая кампаньница».

¹ В рукописи — «униссон».

² Зачеркнуто: «принципа».

³ «Мы» исправлено из «я».

⁴ Свадебная опевальная песня «Уж ты ёлка, елинуша».

⁵ В деревне Погост Сурско-Сергиевской волости собиратели работали 13–14 июня 1927 г.

⁶ Два слова написаны неразборчиво.

Оставив вещи у нашего нового гида, я съездил за реку за почтой, но писем снова нет.

В 2 часа выехали, заехав еще раз к Анне Ермолаевне в Поганцы¹. К ней приехал сын, за которого она сильно волновалась, и с радости предложила еще спеть. Но запротестовал сын, представившийся молодым партийным работником из Архангельска. Пришлось пить с ним чай и полчаса говорить о политике и доказывать политическое значение этнографии и высокую ценность песен его мамы, которая сидела тут же и, ехидно мигая своим единственным глазом, поддакивала: «Видишь, как меня питерские-то честят, в ад упихали душу-то, поджарили, дым пошёл! Ой, и честевище!» — или: «Конфеты дали, да и платок — вон как во тьме-то кромешной хорошо жить».

Наконец пришла Зина, заждавшаяся меня у Ульяны², как раз в ту минуту, как я волók разодетую в новый сарафан и гордую бабу, вместе с убежденным в необходимости собирать песни сыном, к бабушке Ульяне. Они нам спели еще четыре песни: три новые и одна во исполнение задания: «Запил Ваня», уже петую Абаковной³. Затем в 3½ часа мы, шумно провожаемые всеми Поганцами, выехали на лошади в Сульцы.

Дорога первые шесть верст идет высоким сосновым лесом, очень глухим, причем место очень высокое, поэтому сплошной песок. Лошадь идет шагом, т. к. телега вязнет в песке. Первый час мы ни о чем не думали, настолько приятно было ненадолго отделиться от толчеи всего состава экспедиции. Кроме того, была некоторая приятная жуть в величественном, беспросветном, на много верст раскинувшемся одной сплошной стеной лесе и ощущении огромного расстояния (150 километров), которое нужно проехать. Но через восемь верст нас взволновал встретившийся мужичок, который энергично заметил, что мы едем напрасно, т. к. размыты все мосты и проехать никак нельзя.

Мы стали слегка волноваться, но переправа через первую маленькую речку вброд, за исключением страха за валики, немного успокоила, несмотря на то что вода стояла сильно выше колена, когда мы переходили. Лошадь вывезла пустую телегу с вещами. После первой речки следовал подъем, и мы выехали на берег Пинегы, где сразу остановилось дыхание, настолько хорошо было вокруг. Берег с одной стороны высокий. С огромной высоты ельник, с другой обрыв, река узкая и немного темная, от этого веет наконец настоящей суровой северной красотой и отсутствием следов цивилизации, которыми еще грешит Сура. Дорога идет несколько верст берегом: мы долго не могли оторваться от реки.

В это время попался второй встречный, который заметил еще энергичнее: «Поезжайте назад, пока не заехали далеко, — все равно проехать немыс-

¹ Анна Ермолаевна Хромцова (1867 г. р.).

² Ульяна Филипповна Ширяева (1863 г. р.), жительница деревни Поганец Сурско-Сергиевской волости, постоянный партнер А. Е. Хромцовой в их хорошо спевшемся дуэте.

³ Евфросинья Абаковна Дорофеева (1865 г. р.), жительница деревни Остров Сурско-Сергиевской волости.

лимо. Ближайший мост разломан так, что через него, перепрыгивая, еще можно пройти, а с телегой никак. Второго нет вовсе». Но мы решили ехать во что бы то ни стало, напролом.

Следует подъем в гору, спуск, и, заедаемые комарами, мы отпрягаем лошадь и бежим к речке. Проехать в самом деле никак нельзя. Мы долго думаем, что делать. Речка быстрая и глубокая, а мост перековеркан так, что переправиться иначе как пешком пропрыгать по остаткам, еще можно. Наконец решили. Распрягли лошадь, пустили ее кормиться. Затем стали переносить вещи по одной в руках и наконец поволокли втроем телегу, удерживая или подтягивая ее на остатки моста. После долгого труда она была перетащена на тот берег. Пока возница переводил лошадь вплавь, мы, по очереди, махая друг над другом веткой, чтобы отгонять наседавших комаров, которые носились тучей, как пчелиный рой, стали проверять валики. Все оказались целы. Это сильно нас успокоило.

Вещи опять тщательно увязаны и упакованы, и мы снова едем. Полверсты подъема в гору, верста спуска, и дорогу перерезает третья и последняя речка, очень узкая, но с сильным течением. Стоит шум, как от ручья. Вещи снова развязываются по одной, переносятся вброд, а лошадь с телегой вдруг¹ переводится вброд возницей.

Опять подъем на высокую гору — и мы на ровной дороге без всяких препятствий, как на нашем пути до деревни, так и на пути комаров, нас грызущих. Солнце заходит, и мы едем по густому, исключительно еловому лесу с высоченными толстыми деревьями.

В начале двенадцатого наконец показались Сульцы. В Сульцах о нас уже знали по нашей Сурской работе. Чрезвычайно радушно встретил председатель сельсовета, у которого мы остановились. Выяснилось с первых слов, что в Нюхчу и Кучкас проехать на лошадях нельзя вовсе. Послали за «специалистом ездить вверх» Булыгиным². Мы расплатились с извозчиком, сговорились с Булыгиным за 20 р. ехать в его стружке³ на Выю завтра около полудня.

Вечером обошли всю деревню и сделали отметки о том, что надо зарисовать для ИЗО. Церковь Преображения Господня в Сульце (новая) (нач. XX в.)⁴ под амбаром, три датированные избы, хоть одна из них 1052 г. Пускали⁵ колокольный звон и записали какую-то дрянь для приманки. Председатель обещал завтра созвать певцов.

¹ Т. е. вместе с телегой, не распрягая.

² Дмитрий Иванович Булыгин — житель села Сульца.

³ *Стружок* — лодка, выдолбленная из осиновой колоды; гребное судно, употребляемое на реках для перевозки разного груза.

⁴ Деревянная церковь с колокольной, обшитая тесом, построенная в 1905–1906 гг. на средства, пожертвованные Иоанном Кронштадтским. Закрыта не позже 1930-х гг., наверхия сломаны. Использовалась как клуб. Община восстановлена в 2000-х гг., службы приходили в приспособленном помещении. В 2010 г. общине было возвращено старое здание церкви.

⁵ *Пускали* — здесь: проигрывали на фонографе сделанную ранее демонстрационную запись.

22/VI

Все утро записывали. Записи прелюбопытные. <В отличие> от Суры, Сульцы — <это> шаг к архаике, зато в Суре популярны старинные песни в кругу молодежи, тогда как в Сульцах больше поют ее только старики. Репертуар во многом совпадает с Сурой, особенно с Поганцами.

Работали около четырех часов, после чего облик деревни¹ был совершенно ясен. Сделали намеченные вчера зарисовки и в 1½ ч<ас> выехали на стружке в Нюхчу. Окрестные крестьяне относятся к выйской поездке со (нрзб.). Несколько раз между Дм<итрием> Ив<ановичем> и береговыми мужичками — след<ующий> диалог: «Дмитрий, ну-ко, везешь в Нюхчу?» — «Нет, думаю в Выю» — «Ох, милый!».

В лодке лежим на соломе, как боги. Берега довольно однообразны, но замечательно хороши: очень высокие и очень большой лес.

Наше счастье закончилось в 8 ч<асов> вечера. Появились комары тучами. Сначала я их терпел, потом стал сгонять, наконец выскочил из лодки и, как сумасшедший, размахивая носовым платком, неся по болотистому берегу. Потом опять сели в лодку. Обвертелся с головой всем, чем было, и, не двигаясь, забрался головой в рупор². Встреча с Гришей Дунаевым³ во время (этого?).

В 2 часа ночи приехали в Нюхчу. Постучались к председателю сельсовета. Маленький мужичок, удивительно расположенный. Страшно заинтересовался записями на фонограф, обещал с утра собрать всех певунов. Устроили нас ночевать в школе. Напоили и накормили.

23/VI

В 9 ч<асов> утра явился председатель, разбудил, сообщив, что идут певуны. Здесь славятся своим пением гл<авным> обр<азом> старики, а не старухи. Изумительное многоголосие стариков. Целый ряд превосходных записей: Нюхча — колыбель наиболее древних видов пинежской песни.

Работали до 3½. В 4 часа выехали в Кучкас. Запасся платками, трубкой и махоркой против комаров. В 7 ч<асов> вечера приехали в Кучкас, обежали деревню. Сделали записи о репертуаре. Заметили несколько изб. Поехали дальше. В наше отсутствие Дмитрий Иванович встретился с (нрзб.) москвичами.

В 11 ч<асов> веч<ера> мы доехали до намеченной нами к ночевке лесной избушки. Еле-еле донесли вещи, так отчаянно ели комары. Развели костер. Изба курная, хотя и новая, этого года. Затопили избу, выкурили, но не

¹ Имеется в виду песенный стиль и репертуар.

² Рупор — деталь фонографа, усиливающая звук, подаваемый на мембрану, соединенную с записывающей иглой. Игла оставляла канавки различной глубины на вращающемся восковом цилиндре. В 1927 г. в полевой работе применялся широкий рупор для записи пения ансамбля нескольких певцов.

³ Григорий Дунаев — житель деревни Усть-Выя Выйско-Ильинской волости Сольвычегодского уезда, сын Авдотьи Кузьмовны Дунаевой (1864 г. р.), которая славилась как знающая песельница.

комаров. Поели нас, хоть от них <и> отмахивались, и наконец заснули в избе. Комары выкурились ровно на час, после чего появились снова, в изрядном количестве. Выйти из избы нельзя вовсе: комары тучами, позабывались в уши, глаза, и т. д. (нрзб.). В 4 часа проснулись и поехали дальше.

24/VI

Самая приятная часть лодочного переезда. Тихо, прохладно и не едят комары. Днем стало печь солнце, и к 3 часам вечера — остановка в лесной даче Мататурихе (30 верст от первой Выйской деревни). У нас сгорело и лицо, и руки, (нрзб.), вся кожа полопалась. В Мататурихе встретили Гришу Дунаева, который дал адреса в Вые. Пригласил послушать (пение?) своей матери, о которой говорят как о профессиональной певице. В версте от Мататурихи встретили лесной караван.

Чтобы не ночевать еще раз в лесу, решили добираться сегодня же в Выю. Для этого пошли пешком. Вышли в 4 часа. Изумительный переход. 30 верст по глубокому песку, 2 кинематографические¹ переправы через реки. В 9½ мы в Вые. Добежали без единой остановки, лакая воду, подгоняемые тучей оводов и комаров.

Повелитель клопов из Северолеса. Клоп — одноклеточное!² Ост<аться> в избе (нельзя?). Решили спать на сеновале и побежали после чаю встречать Дмитрия Ивановича³, который так и не приехал. Легли спать <в> 12½.

25/VI

Утром в 4 ч<аса> пошел искать Дм<итрия> Ив<ановича>, встретились и решили сейчас же ехать на Погост. Разбудили Зину. По дороге на Погост выскочили с фонографом и забросили его в семью Дунаевых в Устье.

Наше появление — впечатление. Семья Дунаевых на Погосте у часовни. Нас немного (покормили?), и скорее записывать. До двух часов возились с квартирой, кооперативом, почтой и (нрзб.). Потом час поспали и отправились с валиками в Устье. До вечера работали.

На этом завершается повествование о Выйской поездке от лица Е. В. Гиппиуса, которое эмоционально и фактологически дополняет дневник этого маршрута, который вела З. В. Эвальд.

Далее на той же и следующей странице обнаруживаются несколько кратких строк, написанных рукой Е. В. Гиппиуса, почти не читаемых из-за торопливого почерка и множества нетипичных сокращений. Они представля-

¹ О «кинематографических приключениях» см. в записях З. В. Эвальд, сноска 3 на с. 304.

² Забавный эпизод с хозяином избы и его увлеченность «научно-популярными» знаниями в собственной оригинальной интерпретации более подробно изложен выше в записи З. В. Эвальд.

³ Лодочника Д. И. Булыгина с багажом.

ют собой перечисление отличий песенной культуры Выи от Суры, Сульцы и Ньюхи:

- 1) Перерыв песен. Фермата без выдых<a>, с выдыхом на конце.
- 2) Темп
- 3) Тембр (?)
- 4) Смена репертуара
- 5) Преобладание (????)
- 6) Зырянское влияние (?) Деревни печеринки (?).

По-видимому, это заметки, сделанные во время движения судна, которые автор планировал развить в более пространные высказывания. Отголоски их можно видеть в статье Е. В. Гиппиуса «Культура протяжной песни на Пинеге»¹, написанной по следам экспедиции.

Список источников

Архивные источники

Гиппиус Е. Тетрадь 1. Пинега 1930. Материалы экспедиции. Отдел документов и личных архивов РНММ. Ф. 450, № 3318. 69 л.

Гиппиус Е. Тетрадь записей экспедиции в Архангельскую область. 1927. Отдел документов и личных архивов РНММ. Ф. 450, № 3317. 118 л.

Гиппиус Е. В. Тетрадь рабочих записей, экспедиция в Пинегу 1927, 1930. Отдел документов и личных архивов РНММ. Ф. 450, № 3320. 62 л.

Эвальд З. В. Записная книжка, Пинежье. 1927. Отдел документов и личных архивов РНММ. Ф. 450, № 3310. 80 л.

Эвальд З. Пинега. Материалы экспедиции 1930. Тетрадь 3. Отдел документов и личных архивов РНММ. Ф. 450, № 3315. 51 л. + 37 л.

Эвальд З. Тетрадь записей экспедиции на Пинегу. 1930. Тетрадь 2. Отдел документов и личных архивов РНММ. Ф. 450, № 3314. 67 л.

Литература

Гиппиус Е. В. Культура протяжной песни на Пинеге // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера : сб. секции крестьян. иск-ва комитета социол. изучения искусств. Л.: Academia, 1928. Вып. 2: Пинежско-Мезенская экспедиция. С. 98–116.

Дорохова Е. А. Неизвестные страницы пинежских экспедиций 1927 и 1930 годов // Вопросы этномузыкознания. 2013. № 4 (05). С. 40–45.

Колпакова Н. П. Дневник пинежской экспедиции ГИИИ. 1927 // Былины Пинеги. СПб.: Наука; М.: Классика, 2012. С. 730–743. (Свод русского фольклора: Былины в 25 т. Т. 7).

Колпакова Н. П. У золотых родников: Записки фольклориста. Л.: Наука, 1975. 200 с.

Песни Пинежья: Материалы фонограммархива, собранные и разработанные Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд / под общ. ред. Е. В. Гиппиуса. М.: Гос. муз. изд-во, 1937. Кн. 2. 592 с.

¹ *Гиппиус Е. В.* Культура протяжной песни на Пинеге // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера : сб. секции крестьян. иск-ва комитета социол. изучения искусств. Л., 1928. Вып. 2: Пинежско-Мезенская экспедиция. С. 98–116.

Ленские мифологические рассказы о случаях у воды
(по материалам Фольклорного архива
Сыктывкарского университета)

Аннотация. Данная публикация вводит в научный оборот небольшую группу устных рассказов из Ленского собрания Фольклорного архива Сыктывкарского государственного университета (18 текстов), связанных с мифологизацией водных источников. Записи были сделаны в ходе фольклорных экспедиций вуза в 1989 и 1990 гг. в Ленский район Архангельской обл. (бассейн р. Вычегды) под общим руководством А. Н. Власова. Каждый текст сопровождается паспортными сведениями. Тексты предваряет вступительная статья.

Ключевые слова: мифологический рассказ, мифологический персонаж, вода, нижняя Вычегда, Фольклорный архив Сыктывкарского университета

Водоемы и территории, прилегающие к ним, как известно¹, являются одними из типичных мифологизированных топосов (наряду с лесом, полем, домом и др.), структурным компонентом мифологической «карты»². В предлагаемой к публикации группе текстов ленской традиции обращает на себя внимание, что контакты с мифической силой (далее — МС) происходят обычно не на/в воде, а около нее³, на пограничье «вода — суша» (берег, яма, болото). Ленские нарративы о случаях у воды обобщенно (как некий умозрительный единый текст) производят впечатление смешанности локусов земли и воды в единый топос, напоминающий неразделенность, которая характерна для космогонических мифов (для «эпохи» до установления четкого миропорядка).

МС в ленских текстах именуется следующим образом: *чёрт, черти, лешак, леший, лешачиха, водяная, русалка*; но чаще не номинируется, а представляется через описательные характеристики: *человек во всем белом, чёрное, чёрная-чёрная, с волосами, мохнатая, как кошка*.

Отметим наиболее интересные, с нашей точки зрения, особенности публикуемых мифологических рассказов.

В рассказе № 1 «лешак», по выражению информанта, «водил» женщину, отправившуюся встречать сестру на берег. МС спрятала ее деньги, и она плутала, пытаясь найти их. Мотив прятанья предметов, ценностей обычно вызы-

¹ Ср.: «Вода — среда обитания нечистой силы и душ умерших людей» (Виноградова Л. Н. Вода // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. М., 1995. Т. I. С. 386).

² Ср., например: «В быличках воссоздается бесконечный континуум мозаичного мира, где непрерывно осуществляется действие демонических сил» (Голованов И. А. Категории пространства и времени в современном несказочном фольклоре Урала // Традиционная культура. 2010. № 4. С. 56).

³ Ср., например, с подобной тематической группой рассказов усть-цилемской традиции (Печора), в которых довольно заметны сюжеты воздействия мифической силы на человека или животных непосредственно в воде (реке, озере): Канева Т. С., Кох П. А. Усть-цилемские мифологические рассказы о случаях у воды / на воде // Palaeoslavica. Вып. XXVII. № 2 (2019). С. 172–175; № 23, 25–29, 32–37 и др.

вает ассоциации с домовым¹ и, соответственно, с освоенным пространством. «Лешак» в данном нарративе действительно *водит* женщину, т. е. заставляет беспорядочно блуждать в пространстве, но в поисках не выхода из опасного локуса (как обычно в таких сюжетах), а денег. В рассказе обнаруживаются и другие типические мотивы, встречающиеся в текстах о зловредных потусторонних силах: мотив догадки («А, — это мне-ка как слово говорит, — догадалась!») и типичный для хозяина воды мотив «водяной топит»: «Он там в этом месте утопил сколько людей».

В тексте № 2 действие происходит в разноплановом топосе, совмещающем в себе пространства земли и воды, культурного и «дикого» — на пожне (на лугу), у замкнутого водоема, называемого то озером, то болотом (видимо, имеется в виду некое мутное заболоченное озеро). В рассказе выделяются мотивы несвоевременности (двое пришли ко времени, третьего ждут), опасного ожидания, предсказания водяным духом смерти человеку, неотвратимости этой смерти. Мифический персонаж, находящийся где-то в мутной воде, произносит: «Рок-то бы есть <...>, да рокового-то нету»². Подозревая неладное, люди пытаются спасти запоздавшего на сенокос товарища, который хочет пойти на озеро попить, они предлагают принести ему воду, чтобы избежать «рока». Тем не менее человек захлебывается в бураке — сосуде из бересты, из которого пьет. Предсказание сбывается³.

В рассказе № 4 видим еще один вариант предсказания судьбы, которое герой получает на пограничье воды и земли, при этом рассказчица упоминает, что рядом с тем местом находилось кладбище, что, несомненно, усиливает ощущение потусторонности от описываемых событий и рисует границу между живыми и мертвыми. К рыбаку, отцу информанта, подходит человек в белом (белый цвет — известный маркер МС). Он предсказывает отцу рассказчицы год смерти. Визитер ведет себя вполне по-человечески, даже курит с рыбаком. Его внезапное появление и исчезновение испугало мужчину: «Мне <...> жутко стало».

¹ Ср.: Сюжетные ситуации: домовый прячет вещи, чтобы найти, надо сказать: «Поиграй да отдай». Локусы и акторы: дом, стол; домовый. Мотивы: Нечистая сила прячет вещи (ср.: Знатки XIII.E.14. Нечистая сила играет с пропавшими вещами (Петров Н. В. Сюжетно-мотивный комментарий. Указатель локусов и сюжетных ситуаций. Указатель акторов и мотивов // Между мифом и историей: Мифология пространства в фольклоре Русского Севера / сост. А. Б. Мороз, Н. В. Петров. М., 2016. С. 450).

² См.: «Иногда роковую минуту в жизни человека объявляет водяной. Он выходит на берег и кричит: “Судьба есть, да головы нет!”, “Час тот, да рокового нету!”, после чего человек сам подходит к реке и тонет» (Раденкович Л. Опасные места в славянской народной демонологии // Славянский и балканский фольклор / отв. ред. А. В. Гура. М., 2011. Вып. 11. Виноградье. С. 83).

³ См. усть-цилемскую параллель: Канева Т. С., Кох П. А. Указ. соч. С. 182–183. № 65. Подобный мотив отмечен и М. Н. Власовой, см.: «Некто трижды выскакивает из воды, пророча беду; появляющийся у этого места человек внезапно умирает» (Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв. / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. М. Н. Власовой. СПб., 2013. С. 206, № 83; с. 710–711).

В рассказе № 6 МС проявляет себя движениями в воде и характерными звуками («...вот — буль! Опять выйдет»)¹. Локус описан в мрачных тонах, наводящих на мысли о сверхъестественной опасности: глубокая («дна почти нету») темная яма, где *раньше*² мочили лён: здесь видится мотив заброшенности — прекращения утилитарного применения и отмены культурного назначения места. «Чёрт выходил» из этой ямы, пугая прохожих (очевидцев-рассказчиков), и тогда «все разбежались».

В рассказе № 7 причудливо переплетаются сновидческий, религиозный и демонологический планы. Информант сначала говорит о «чёртах», которые живут в воде, затем переходит к рассказу о самоубийстве сестры путем утопления. При этом ее попытки утопиться срывались из-за неснятого креста; только сняв крестик и не произнеся молитвы, словно они мешали совершить грех и, соответственно, перейти в мир, где живут «чёрты», сестра рассказчицы утонула. При этом обо всем этом она сообщила матери во сне.

В ленской «водной» выборке половину рассказов (№ 9–18) составляют нарративы о женском водяном персонаже (*русалка, лешачиха*). В них частотны мотивы, связанные с маркирующим этот персонаж образом волос и манипуляций с ними: указание на их длину, расчесывание, «мохнатость» мифического существа. В рассказе № 9 примечательно описание русалки: она изображается как женщина с хвостом, что вероятно, связано с более поздним «наложением» ее литературного (западноевропейско-романтического) образа на народное представление.

Текст № 12 выделяется детализированным описанием русалки (волосы, руки, пальцы, «как женщина», цвет тела). Акцентированная рассказчицей чернота как внешний демонический маркер — наиболее распространенная характеристика водных мифических существ в рассматриваемых рассказах ленской традиции.

В тексте № 13 снова местом действия является «большое, широкое» болото. Русалка описана как «здоровая» женщина³. Действие рассказа разворачивается в лунную ночь, что тоже можно считать типичной ситуацией для контактов с русалкой, по народным представлениям, зачастую соотносимой с заложенными покойниками⁴, хотя сама эта ситуация в данном рассказе словно

¹ Ср. с тем, как этот акустический мотив выражен в других рассказах: «Там в воде-то, говорит, заухало» (№ 1); «Там брякало, нам показалось как на воде так: бряк <...> она-то в деревне брякат-то, а на воде-то то так отдаёт» (№ 8); «Будем к ней подходить — она бух в воду...» (№ 12).

² Ср.: «Одно из опасных мест — гумно, на котором *больше* (выделено нами. — Д. Ш.) не молотят» (*Раденкович Л.* Опасные места в славянской народной демонологии. С. 75).

³ Большой рост сам по себе может служить маркером демонического. Об этом см.: *Неклюдов С. Ю.* Какого роста демоны? // *In Umbra: Демонология как семиотическая система.* Альманах [Вып.] 1 / отв. ред. и сост. Д. И. Антонов, О. Б. Христофорова. М., 2012. С. 85–122. О большом росте русалки свидетельствует и другой ленский информант: «большая, высокая баба» (№ 15).

⁴ «Кроме того, важной особенностью представлений о “ходячем” покойнике является его появление в лунные ночи — эта черта характерна для многих славянских персона-

бы выступает препятствием для русалки, мешающим заниматься «излюбленным» делом — расчесыванием волос. Русалка обращается к луне, как будто заговаривая ее «противодействие». Быличка завершается указанием информанта на эмоциональный исход встречи: охотник «бежал испуганный».

Интересно проявляет себя «водяная» в рассказе № 18: по замечанию информанта, она «не утопила» героя рассказа, а помогла ему вытащить лодку, которая перевернулась. Любопытен жест мифологического существа, который можно представить даже дружественным: она «хлопает» человека «сзади» (можно предположить — по плечу со спины, по спине). В поведении «водяной» усматривается некое озорство¹ и мнимая благорасположенность, которой, впрочем, не может быть доверия, т. к. человек говорит: «Ой, <...> я ведь чуть с ума не сошёл».

Вообще же типичный мотив утопления человека мифической силой представлен в ленских записях обобщенно, часто обезличенно, в виде кратких «свидетельств» (*утянет, придавит*): «Она тебя схватит и куда-нить в озеро утянет» (№ 14), «А эта <...> заскочила лешачиха — <...> и так придавит в воде» (№ 16).

Видение водяной расценивается рассказчиками как наваждение, оно передается характерным глаголом *маниться* (№ 11, 12, 15). Пространство, в котором может показаться водяная, в одном рассказе расширяется до леса: «бабу», которая «чесала» волосы, видят на мосту (очевидно, через какой-то водоем) или рядом с ним, а сама «лешачиха», будто оправдывая свою номинацию, ходит по лесу и, что любопытно, «ревёт» — такой «нюанс» фигурирует только в этом рассказе. В одном из рассказов (№ 17) календарный запрет на купание в Ильин день соединяется с мотивом появления (видения) «старухи», которая сидит «в воде» и «волосы чешет».

Особняком в ряду «водных» ленских рассказов стоят два текста о кладках в водоемах (в лесном ручье, «речке»). Ручей в записи № 3 обозначен как место, где «много так казалось»: рыбаки видели там большую кучу чешуи (возможно, имеется в виду визуальное сходство с монетами) — «привидение». В тексте № 5 «ребята», направляющиеся на вечерку (что косвенно говорит о времени видения), обнаруживают в темной лесной речке медный ушат; пред-

жей, особенно происходящих из умерших людей» (Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века. Т. 2: Демонологизация умерших людей / сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М., 2012. С. 363).

¹ «Смешливость» русалки (с чем в данном случае можно соотнести «водяную» из ленского рассказа) известна. Ср.: «Среди действий персонажа <...> характеризующих типичное поведение демона, выделяются <...> пение, смех (курсив наш. — Д. Ш.)» (Гранова М. А. Действия и функции русалки в мифологической традиции русских Пермского края // Славянская традиционная культура и современный мир / сост. В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова, Т. М. Санникова, А. В. Черных. СПб., 2021. Вып. 19. Слово. Время. Человек С. 40). Также в этом жесте (похлопывание сзади), как видится, проявляется трикстерская сторона «водяной», в той или иной степени, наверное, свойственная почти всем демонам (см. об этом: Гекман Н. А. Трикстер в русской демонологии // Идеи и идеалы. 2010. Т. 2. № 3 (5). С. 10–16).

полагая, что это клад, они ходят предпринять определенное магическое действие (бросить через левое плечо), но не успевают — ушат «потерялся».

Обобщая, можно говорить о «пучке» функций (в сюжетном смысле — мотивов), присущих «водным» мифическим существам из рассматриваемого блока записей. Это мотив утопления (представленный, как сказано выше, весьма схематично, если не считать любопытного случая с человеком, захлебнувшимся в бурке, № 2); мотив испуга очевидцев (сложно сказать, можно ли отнести это к функции и интенции водяного духа); звуковые и кинетические проявления мифического существа; мотив предсказания будущего мифическим персонажем; ряд мотивов и маркеров, связанных с внешним обликом (волосы). Несколько неожиданно смотрятся в этом ряду мотив сокрытия мифическим существом имущества человека (№ 1) и сюжет о помощи «водяной» человеку (№ 18). К наиболее частотным описательным характеристикам существ, фигурирующих в рассматриваемых рассказах, можно отнести следующие: цветовые признаки (чёрный, белый), волосатость (мохнатость), антропо- (женщина, старуха, бабушка) и зооморфизм («как кошка»). Виден и определенный ряд пространственных особенностей относительно мест действия, описанных в нарративах: соприкосновение или синтез «стихий» — воды и земли (берег, болотистые места, яма, озеро, мутная вода), «полудикие» в смысле хозяйственного освоения локусы — пожни на берегу озера или яма, где «мочат лён». Восприятие этих мест показано традиционно: находясь там, люди испытывают страх, тревогу и другие неприятные чувства. Там что-то видится, «кажется», «манится»; к акустическим «аномалиям» относятся характерные звуки: «булькает», «брякает» и т. п.

Публикуемые тексты были выявлены в аудиофонде Ленского собрания ФА СГУ студенткой направления «Филология» СГУ им. Питирима Сорокина Юлией Дмитриевной Пантелеевой под руководством Т. С. Каневой в рамках подготовки выпускной квалификационной работы «Устная мифологическая проза Ленского района Архангельской области: сюжетно-тематическая характеристика (по материалам Фольклорного архива СГУ им. Питирима Сорокина)»¹. Расшифровки аудиозаписей в разное время выполнялись и постепенно корректировались несколькими лицами (собирателями и исследователями) по мере обращения к ним: З. Н. Мехреньгиной (№ 1, 2, 4, 9–12),

¹ См. публикации тезисов студенческих докладов: *Пантелеева Ю. Д.*: 1) Духи природы в фольклорной традиции Ленского района Архангельской области // Слово и текст в культурном и политическом пространстве: Всероссийская с международным участием научная конференция студентов и аспирантов: сб. материалов (Сыктывкар, 19 апреля 2019 г.) / отв. ред. Т. Н. Бунчук. Сыктывкар, 2019. С. 100–102; 2) Рассказы о том, как «манилось», в мифологической прозе Ленского района Архангельской области // Слово и текст в культурном и политическом пространстве: Всероссийская с международным участием заочная конференция студентов и аспирантов высших учебных заведений (Сыктывкар, 24 апреля 2020 г.): сб. материалов / отв. ред. Т. Н. Бунчук. Сыктывкар, 2020. С. 97–98.

Л. Д. Головачевой (№ 7, 8, 17), Ю. Д. Пантелеевой (№ 1, 4, 7, 12, 15–17), Т. С. Каневой (№ 3, 5, 6, 8, 10–16, 18), Д. И. Шомысовым (№ 2, 9, 13, 17). Для данной публикации тексты подготовлены Т. С. Каневой и Д. И. Шомысовым (произведена сверка и корректировка расшифровок по аудиозаписям).

В текстах в квадратных скобках курсивом приводятся вопросы собирателя; угловыми скобками показаны вырезки незначительных или не поддавшихся расшифровке фраз, а также восполнения слов авторами публикации. Буквой Z в текстах показаны технические паузы во время аудиозаписи (включение/выключение магнитофона). Слово «говорит», обычно редуцируемое рассказчиками (типа «грит»/«горит»), передается полностью. В местах записи обозначение «с/с» означает «сельсовет» (что соответствует административно-территориальному делению на момент фиксации текстов).

После каждого текста указаны шифр архивной записи и ее паспортные данные: фамилия, имя, отчество, год рождения информанта, место фиксации, когда и кем записан рассказ.

1. ...А вот эта же баба рассказывала, говорит: вот пошла, говорит, я сестру провожать. Сестра сказала: «Деньги мне привези на пристань, мне на эту пристань деньги привези, говорит, я поеду, говорит, домой». Я, говорит, взяла деньги пятьсот рублей, пошла, поехала, говорит, в лодке и думаю: вот тут увезу. <...> Лодку тут поставлю, говорит, и на пристань побегу. Лодку поставила, говорит, деньги повесила на сук, говорит, на талину в носовике, а сама, говорит, тут чё-ко прибрала — денег нет. Искать, искать! Помню, что на талину вешала — денег нету. Искала, искала. Потом, говорит, уж пошла на угор, все талины обошла. Но почё на угор-от я пошла? Все талины обошла. Нету денег, говорит. Потом, говорит, уж «Заря»¹ пришла, «Заря» ушла, и всё деньги ищу, и всё деньги не могу найти. Потом, говорит, я стала плакать да молиться. «А! — это мне-ка как слово говорит. — Догада-а-алася!» Потом, говорит, как я, говорит, лодку-то спихнула, дак говорит: «У-у-у!» — там, говорит, в воде-то, говорит, заухало, говорит. Господи! — говорит. Меня-то уж второй раз водило, говорит. Вот беда-то какая! <...> И второй раз, говорит, такая беда приключилась. [Так это кто водил?] <...> [Лешак водил?] Лешак и был. [Он в воде может быть?] В воде лешак. Он там в этом месте утопил сколько людей. Двоих утопил, потом и третий выкарабкался, помер. И вот у Веры деньги прятал...

ФА СГУ АФ 0815-10:

Попова Зоя Егоровна 1912 г.р., Сафроновский с/с, д. Выемково.

Зап. в 1989 г. З. Н. Мехреньгиной.

2. Один был человек, значит, семья была большая, у его было очень пожен много. А он, значит, не может сам убрать. Ну, вот, три человека согласились, купили у него пожню. Ну, он им пожню продал. И они пошли, значит, эту

¹ Теплоход.

пожню косить все вместе, убирать сенокос. Ну, и, значит, ну, договорились: завтра пойдём или послезавтра. И пошли. Двое, значит, пришли раньше, а третий там запоздал, значит. Эти двое пришли, а там было озеро такое в кустах. Ну, оне сидят, значит, дожидаются третьего, там это у озера, в болоте и говорит: «Рок-то бы, говорит, есть, да рокового-то нету. Рок-то бы есть, да рокового нету». Оне так думают: чё такое это? Что такое там? Кто говорит, в болоте такое? Там оне сидят. Ну, и третий прибежал, ну, запыхался, торопился, прибежал. Говорит: «Пить хочу. Пойду в озеро, — говорит, — напьюсь». А мужики чё-ко так намекнули: «Мы, — говорят, — сейчас принесём воду». Они побежали у озера, принесли воды. И он стал пить и в бураке, в бураке утонул, захлебнулся в бураке и всё. Вот и роковой пришёл! Вот те и всё.

ФА СГУ АФ 0824-13:

*Карпов Федор Васильевич 1910 г.р., Иртовский с/с, д. Новая Деревня.
Зап. в 1989 г. З. Н. Мехреньгиной.*

3. ...Мол, раньше какой-то клад был. [Клад?] Да, или что такое. Вот в том, говорят, в этом ручью много так казалось, кому как, чем покажется. <...> [А почему он назывался Павлов ручей?] А не знаю, почему он Павлов. Он и сейчас Павлов. Тут наши ходили. Пойдут этим рúчьем на речку с неводом, и им казалось тоже в этом ручью: вот большая куча вот от рыбы эта чешуя, чешуя от рыбы. А кто её там положил? Тоже что-то такое, какое-то привидение.

ФА СГУ АФ 0826-14, 15:

*Парилова Евдокия Степановна 1908 г.р., Слободчиковский с/с,
д. Слободчиково.
Зап. в 1990 г. З. Н. Мехреньгиной.*

4. Видение было. Мой отец, а он старенький тоже был уже, пошёл рыбу удить на реку вот тут, под этот, где пристаёт эта вот «Заря», там кладбище наверху. Он говорит, я там, говорит, сажу, ужу рыбку. Пришёл человек во всём белом: «Дедушко, рыбку удишь?» — «Да, рыбку». — «Давай покурим». Ну, я, говорит, удочку положил, закурили. Я, говорит, закурил. Покурили. «Ну, ладно, дедушко, úди давай». Он это вот ему сказал: «Дедушка, ты в семьдесят пятом году помрёшь» — этот, в белом человек. Ну, говорит: «Ну, ладно. Не знаю, когда смерть придёт, тогда и помру». Ну, вот, посидел, говорит, немножко: «Ну, ладно, дедушко, úди рыбку, а я пойду». Вижу, говорит, встаёт, встал, говорит. Я, говорит, немножко оглянулся, ну, там <минута>, может, прошла — нигде этого человека не оказалось, ни в которой стороне. А вот, мне, говорит, так жутко стало, у меня даже волосы стали дыбом вставать. Так вот что, я, говорит, удочки зáбрал, домой пришёл, вот и рассказыват. Вот такое мне привидение тут вот...

ФА СГУ АФ 0826-17: См. № 3.

5. У нас речка рядом ес<т>ь, она текёт из лесу, тёмная речка. И вот шли ребята на вечорку, на вечорку шли. Идут возле речку и видят в речке медный ушат, большой медный ушат. И вот. И, говорят, надо, надо, говорят, через левое плечо, мол, бросить, и что-то там есть, клад какой-то. Раньше ведь клады-то были ведь большие, клали что-то. Мол, говорит, наверно, клад есть! Дай-ко кинём! И это не успели они, как, потерялся этот ушат.

ФА СГУ АФ 0832-22:

*Баранова Марфа Петровна 1927 г.р., Козьминский с/с, д. Гыжег.
Зап. в 1990 г. М. Кирилловой, Н. Ф. Форос.*

6. ...Там была яма очень тёмная, глубокая яма была. Ну, и вот. А молодёжь тоже пошли. <...> Идём, говорит, мимо ямы, а яма — дна почти нету-то. Вот раньше лён мочили да вот всё тако в этой в яме. Идём, говорит, и вот — буль! Опять выйдет. Бультыхнет в этой яме и опять выйдет. Они, говорит, испугались: что это такое там бультыхает? Думали сразу — утки, раньше уток сильно очень много было. Нет — кру́ги очень большие. И опять, говорит, остановимся, а далёконько стоим, говорит, смотрим в эту яму. Всё равно. Вот выскочит чего-то такое чёрное, что оно выскочит? И опять туда, говорит, уйдёт. И так все разбежались, убежали. Вот это было тоже. [А кто это был?] А не знаю, тоже считали, что чёрт выходил.

ФА СГУ АФ 0832-276: см. № 5.

7. ...в воде. [А кто там?] Да кто? Такие чёрты и живут, чёрты и живут там с волосами да всякие живут. <...> У меня сестра утонула. Она, я маленька ещё была, замуж вышла да и утонула. Дак она маме привиделась во сне. «Я, говорит, мама, пошла тонуть-то, а крестик-от не сняла, крестик-от, так я и не утонула бы. А потом я вышла из воды-то, да и крестик вот, говорит, знаешь, его повешала на палочку, тогда и утонула, а не сказала: “Господи, благослови, Христос”». И утонула. Вот, видишь как... Вот, с крестиком не могла утонуть моя сестра. Мне это мама рассказывала...

ФА СГУ АФ 0844-35, 36:

*Степырева Анна Ивановна 1908 г.р., Сойгинский с/с,
д. Германовская (д. Кулига).
Зап. в 1990 г. Л. Д. Головачевой.*

8. ...Там брякало, нам показалось как на воде так: бряк. [На воде брякало?] Ну, она-то в деревне брякат-то, а на воде-то то так отдаёт. Мы убежали, ловить не стали. Испужались.

ФА СГУ АФ 0847-02:

*Калинина Дарья Григорьевна 1912 г.р., Рябовский с/с, д. Рябово.
Зап. в 1990 г. Л. Д. Головачевой.*

9. У нас одна старушка рассказывала. [Что видела русалку?] Но. [А где это она видела?] У озера. <...> Z ...женщины, как рыба хвост, а голова, <гово-

рит>, женская. А кто её знат?.. Я не зна... Z ...она как раз сидит, будто бы волосы расчёсывают у озера...

ФА СГУ АФ 0823-34:

*Карпов Федор Васильевич 1910 г.р., Иртовский с/с, д. Новая Деревня.
Зап. в 1989 г. З. Н. Мехреньгиной.*

10. Женщина, вроде волоса распущены, вот так. Я даже вот не видала сама, и даже... Так немножко в народе-то дак есть <разговоры>.

ФА СГУ АФ 0825-40:

*Барандова Анна Дмитриевна 1915 г.р., Слободчиковский с/с,
д. Шеинская. Зап. в 1990 г. З. Н. Мехреньгиной.*

11. Вот по мосту-ту идёшь, дак всё раньше говорили, говорят: тут манится. Будто кака-то баба сидит, волосы чёшет. А у меня... Я-то дак не видала это, не бывала. [Это у этой у речки?] Вот шли возли ричку-то. Z Говорят, вот ревьёт, ревьёт ходит, ревьёт ходит по лесу, кто-то ревьёт. А это мужчина рассказывал один, дак он только ненормальный был, дак кто его знает. Z Вот это в ричке-то тут, говорят, лешачиха и сидела. Волосы дли-и-инные, чёшет сидит. [Лешачиха?] Раньше-то говорили это.

ФА СГУ АФ 0825-67:

*Галина Александра Ивановна 1914 г.р., Слободчиковский с/с, д. Шудино.
Зап. в 1990 г. З. Н. Мехреньгиной.*

12. ...Пойдём рыбу ловить неводом. Это русалка в воде жила. Выйдет на берег — волоса дли-и-инные, чёрны. Вот так сидит, расчёсывают. Сидит расчёсывают эти волоса. К ней подойдёшь — бух в воду! А в воде не найдёшь её. [Вы сами видели?] Да! Что ты! Близко вот! Вот невод тащим рыбу к берегу. Она сидит, волоса длинные, а руки длинные, а какие пальцы! Вот так сидит и расчёсывают, эти волоса расчёсывают. Будем к ней подходить — она бух в воду, всё. [Она на кого похожа?] Женщина, как женщина. Чёрная-чёрная! [И ноги у нее есть?] Ноги, руки — всё есть. Токо тело чёрное. Манится — манилось раньше...

ФА СГУ АФ 0828-15:

*Килушева Александра Петровна 1905 г.р., Тохтинский с/с, д. Лыσιμο.
Зап. в 1990 г. З. Н. Мехреньгиной.*

13. Один у нас охотник пошёл в лес, а в лес пошёл через болото. Болото большое, широкое, на Прислон. <...> Вот, иду, говорит, с охоты, а луна, говорит, светится, ужас, говорит, ясно! И вот он пришёл к нам и рассказывает, а мы маленькие ещё были, сидим и слушаем, вот как этот...¹ сейчас. Ну, и вот слушаем, а он говорит: иду по болоту-ту, говорит, сидит женщина, здоровая, говорит, большая, на кочку. Ага. И чешет волосы, говорит. А месяц-то светит, а она

¹ Вероятно, телевизор.

говорит: «Свети, хоть не свети, а волосы расчешу! Свети, хоть не свети, а волосы расчешу!» Он, говорит, я так испугался, говорит, кругом обежал, и не знаю, скоко кило́метров, говорит, бежал испуганный. Вот. Это, наверное, русалка уж была ли хто?..

ФА СГУ АФ 0832-22:

*Баранова Марфа Петровна 1927 г.р., Козьминский с/с, д. Гыжег.
Зап. в 1990 г. М. Кирилловой, Н. Ф. Форос.*

14. ...она тебя сейчас схватит. [*У неё зелёные волосы?*] Да, зелёные волосы у русалки-то. Она тебя схватит и куда-нить в озеро утянет, тогда ты будешь, мол, знать.

ФА СГУ АФ 0833-22:

*Жданова Людмила Николаевна 1929 г.р., Тохтинский с/с, д. Тохта.
Зап. в 1990 г. М. Кирилловой, Н. Ф. Форос.*

15. Лешачиха-баба, какая есть баба. Большая, высокая баба, а покажется молодая. Поманилась да убежала.

ФА СГУ АФ 0833-33:

*Крюкова Екатерина Ивановна 1908 г.р., Тохтинский с/с, д. Крюковка.
Зап. в 1990 г. М. Кирилловой, Н. Ф. Форос.*

16. [*...Какая русалка?*] Как бабой покажется, тоже бабой. [*Говорите: мохнатая?*] Волосатая, мохнатая. Парень тонул, люди видели это в яме. А эта, говорит, заскочила лешачиха — чё, кошка как чёрная, и так придавит в воде, котора не любит дак. Тонут.

ФА СГУ АФ 0833-35: см. № 15.

17. Купаться в Ильин день нельзя. [*А почему?*] Почему? А один у нас мужчина — мне мама рассказывала — один мужчина пошёл в Ильин день купаться. Только в воду-ту зашёл, и вдруг ему старуха вот такая <нечиста сила, сказал>, вот сидит в воде, вот так волосы чешет <нрзб>. В Ильин день нельзя купаться, это большой праздник.

ФА СГУ АФ 0845-12:

*Софина Евдокия Дмитриевна 1910 г.р., Рябовский с/с, д. Заимка.
Зап. в 1990 г. Л. Д. Головачевой.*

18. [Первая рассказчица:]¹ ...по реке, и вот вздумала эта, как ей, нечистая-то сила или как её? Водяная-та, в лодку у его. Он в... в этой в лодке вывернулся. Течение, знашь, как лодка-то сильно повернулась, и пловёт и не знат, как и лодку-ту, где тащить лодку-то и... не знат, надо на́ берег как-то вытащить ей, повернуть <оттуда>. Она пришла ему сзади: «Тебе, говорит, не надо помочь?» — его хлопат. Он обернулся — нет никого. «Ой, говорит, бабушка, я ведь чуть

¹ Идентификация рассказчиц неясна — в записях собирателя нет отметок, кому конкретно принадлежат те или иные высказывания во время интервью.

с ума не сошёл!» Вот ведь, девка! Не утопила его, вытащила его, помогла лодку <достать>. [Вторая рассказчица:] Надо садиться ли куды идти, ли ехать, надо всё благословесь: «Осподи, благослови!»

ФА СГУ АФ 0848-36:

Чернышова Мария Федоровна ок. 1907 г.р.;

Беляева Елена Тимофеевна, ок. 1913 г.р., Рябовский с/с, с. Белопашенное.

Зап. в 1990 г. Л. Д. Головачевой.

Список источников

Виноградова Л. Н. Вода // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 386–390.

Гекман Н. А. Трикстер в русской демонологии // Идеи и идеалы. 2010. Т. 2. № 3 (5). С. 10–16.

Голованов И. А. Категории пространства и времени в современном несказочном фольклоре Урала // Традиционная культура. 2010. № 4. С. 55–64.

Гранова М. А. Действия и функции русалки в мифологической традиции русских Пермского края // Славянская традиционная культура и современный мир. Слово. Время. Человек / сост. В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова, Т. М. Санникова, А. В. Черных. Пермь; СПб.: Маматов, 2021. Вып. 19. С. 40–56.

Канева Т. С., Кох П. А. Усть-цилемские мифологические рассказы о случаях у воды / на воде // Palaeoslavica. Вып. XXVII. № 2 (2019). С. 163–188.

Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв. / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. М. Н. Власовой. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. 920 с.

Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века. Т. 2: Демонологизация умерших людей / сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М.: Рукописные памятники древней Руси, 2012. 800 с.

Неклюдов С. Ю. Какого роста демоны? // In Umbra: Демонология как семиотическая система. Альманах. Вып. 1 / отв. ред. и сост. Д. И. Антонов, О. Б. Христофорова. М.: РГГУ, 2012. С. 85–122.

Петров Н. В. Сюжетно-мотивный комментарий. Указатель локусов и сюжетных ситуаций. Указатель акторов и мотивов // Между мифом и историей: Мифология пространства в фольклоре Русского Севера / сост. А. Б. Мороз, Н. В. Петров. М.: Форум: Неолит, 2016. С. 314–458.

Раденкович Л. Опасные места в славянской народной демонологии // Славянский и балканский фольклор / отв. ред. А. В. Гура. М.: Форум. 2011. Вып. 11. Винограды. С. 73–88.

Н. Н. Артеменко (Санкт-Петербург)

«Народная песня делает человека живым». Саморефлексия народных исполнителей

Аннотация. Публикация посвящена психологии исполнительского творчества. На основе материалов фольклорных экспедиций ансамбля «Домострой» в

Ростовскую и Волгоградскую области (2000–2019 гг.) исследуются побудительные мотивы к творчеству и степень включенности фольклорного сознания исполнителя в творческий процесс. В публикации приводятся наиболее интересные интервью, мемуары и комментарии народных исполнителей, характеризующие донскую песенную традицию и своеобразие местного исполнительства.

Ключевые слова: фольклорное сознание, казачья песня, саморефлексия, голос, дискант

Тема личности творца-исполнителя в народном художественном творчестве в течение многих лет находится в центре внимания собирателей и исследователей фольклора. В новейшее время, с угасанием традиционных жанров фольклора, личность носителя и хранителя традиционных знаний — сказителя, певца, информанта — выдвигается многими исследователями фольклора на первый план.

Одной из специфических характеристик, связанных с образом носителя фольклорной традиции, является присущее ему «фольклорное», или «мифологическое», «архаическое», сознание. В отечественной науке понятие «фольклорное сознание» употребляется в качестве синонима «народного/национального миропонимания», «общественного сознания», «этнического сознания», «художественного фольклорного сознания»¹. За фольклорным сознанием признается роль важнейшего «генератора» фольклора и процессов воспроизведения фольклорной традиции².

В числе интересующих нас проявлений работы фольклорного сознания выступает *саморефлексия* народных исполнителей, способность их к вербальному выражению переживаемых в процессе исполнительского творчества мыслей и эмоций³. С этим связана испытываемая с некоторых пор потребность в фиксации собирателем народной певческой терминологии и нарративов, отражающих «осознанную часть “теории” местной песенной традиции»⁴.

¹ Путилов Б. Н. Историко-литературный процесс и эстетика фольклора // Проблемы фольклора / отв. ред. Н. И. Кравцов. М., 1975. С. 16; Путилов Б. Н. Место фольклора в комплексе славянских и балканских исследований // Комплексные проблемы истории и культуры у народов Центральной и Юго-Восточной Европы : сб. ст. М., 1979. С. 151–157; Костина А. В. Особенности субъекта традиционной культуры: личностный аспект // Славянская традиционная культура и современный мир. Личность в фольклоре: исполнитель, мастер, собиратель, исследователь: сб. науч. ст. М., 2008. С. 19–36; Ковалева Р. Фольклорный процесс // Славянські літератури у кантэксте сусветнай: Да 750-годдзя са дня нараджэння Дантэ Аліг'еры і 85-годдзя Уладзіміра Караткевіча : матэрыялы XII Міжнар. навук. канф., Мінск, 22–24 кастр. 2015 г. У 2 ч. / пад рэд. Г. М. Бутырчык. Мінск, 2016. Ч. 2. С. 239; Межуев В. М. Философия культуры. Эпоха классики. М., 2003. С. 41.

² Голованов И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. С. 12.

³ Культуролог В. Ф. Чеснокова (К. Касьянова) говорит о необходимости «отрефлексировать всё» для сохранения нематериального культурного наследия, «рефлексировать на предмет выявления ценностей». См.: Жуланова Н. И., Ключникова О. А. Интервью с В. Ф. Чесноковой // Вестник Российского фольклорного союза. 2006. № 2 (17). С. 39–40.

⁴ Кабанов А. С. Многоголосие и ритмика протяжных песен донских казаков // Проблемы взаимодействия самодеятельного и профессионального творчества : сб. науч. тр. М.,

Без опоры на обширный материал, полученный в непосредственном общении с народными исполнителями, изучение взаимодействия и взаимовлияния фольклорного сознания и традиционного исполнительства представляется нам затруднительным.

Данная публикация призвана восполнить недостаток в подобном материале, обусловленный известной инерцией собирательской работы, нацеленной прежде всего на фиксацию традиционного музыкального, песенного фольклора в ущерб разговорному жанру.

Предлагаемые материалы хранятся в личном архиве автора и представляют собой полевые тетради и аудиозаписи, выполненные участниками фольклорного ансамбля «Домострой» (рук. Н. Н. Артеменко, г. Санкт-Петербург) в Ростовской и Волгоградской областях в экспедициях 2000–2019 гг.

Мы отобрали наиболее яркие интервью, мемуары и комментарии народных исполнителей, характеризующие донскую песенную традицию и своеобразие местного исполнительства. Расшифровки текстов подготовлены автором и приводятся с минимальной литературной правкой и с сохранением особенностей фонетики и лексики донского говора. Курсивом выделены наиболее значимые, с нашей точки зрения, слова и фразы; в угловых скобках приведены смысловые восполнения усеченных фраз. Имеющиеся сведения об информантах и годе записи приводятся в сносках.

«Казачьи песни — от них же жить хочется! Песня — жизнь»

Любой, даже случайный зритель и слушатель донской казачьей песни отмечает, насколько глубоко народные певцы погружены в эмоциональный, содержательный мир исполняемой ими песни, как без остатка отдаются они ее течению. Масштабность, необычайная сложность этой культуры требует от исполнителя не только напряжения всех душевных и физических сил, но и, как показало многолетнее общение с исполнителями, серьезной интеллектуальной работы. Народное пение — это не бессознательное, бездумное музицирование «простого народа» и копирование прошлых образцов, а усиленная работа сознания — «фольклорного сознания».

Казачи единодушны в оценке места традиционной песни в их жизни. Песня — не просто досуг и приятное времяпрепровождение, а важнейшая составляющая полноценной духовной жизни, залог нравственного и физического здоровья.

В тяжелейшие годы Великой Отечественной войны песня оставалась подчас единственным средством от ощущения безнадежности и уныния. «Был у нас во время войны председатель колхоза, инвалид. Созвал он стариков, женщин и ребят-подростков в правление и говорит: “Давайте собираться, песни играть! Будем песни петь — выживем!”»¹

1982. Вып. 110. С. 100. См. также: Рудиченко Т. С. Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов-на-Дону, 2004. С. 55–57.

¹ Сообщение, услышанное нами в одной из первых экспедиций, стало лейтмотивом бесед с участниками и свидетелями Великой Отечественной войны. Передаем его в пересказе.

«Наши родители пережили войну — они только с песней пережили. У них на каждый случай были свои песни. У кого-то беда — они плачут. Поплакали, и начинает кто-то запевать самую грустную песню. Начинают веселее, веселее — вот человек и развеселился и на какое-то мгновение забывал свою беду. Старушка-мать мне говорила: “Никогда не унывай! Если трудно — запевай, пой песни. — Мамочка, да какую песню, та ж в горле перехватывает! — А ты такую запой, чтоб не перехватывало”»¹.

«Война была, а они и туда с песнями, и туда. Голодные были, а пели песни. Вот и мы с детства эти песни полюбили»².

«В колхозах после войны голод́а были. Голодаю, а саму на песни гонить. Вот Маслена, оттэль идём, играем, я *дишканю*³ — люблю смолод́а *приб́асывать*»⁴.

«Отцы наши попогибли. Жизнь была тяжёлая после войны, трудились с утра до вечера — *ни ласки тебе, ни сказки*. И вот, нарабotaются, потом садятся и запевают — такая жажда у них к песне. Они со слезами на глазах пели, а мы слушали. Песня лучше любой истории, здесь вся правда, в песнях. Чтобы выучить старинную песню, надо время, надо упорство, надо тренироваться. Надо столько силы воли, чтобы одолеть эти мотивы. Зато в них жизнь, они жизни учили»⁵.

«Вот знаете, девчата, без песен мы не б́или. Я всю жизнь коров продоила. Встанем же в четыре часа, спать хочется — вот мы туда и оттудова с песней. А как какой праздник, родители поют <духовные> *стихи*. И нас заставляли, это я хорошо помню, мне было лет двенадцать-четырнадцать. А теперь вот эти стихи у меня с ума не йдут»⁶.

«Едут на дойку бабы в степь, машина бортовая — поют. Подоили коров, в обед опять жарко — поют. На плантации овощи выращивают — девчата поют песни»⁷.

Нами был проведен дистанционный опрос участников этнографического ансамбля из х. Астахова Каменского района Ростовской области на тему «есть ли жизнь без песни». Ответы, как мы и ожидали, оказались весьма эмоциональны:

¹ А. Н. Лашхея, 80 л., х. Божковка Красносулинского р-на Ростовской обл., 2005.

² А. П. Железнёва, 76 л., х. Ремизов Цимлянского р-на Ростовской обл., 2015.

³ *Дишканить, дишкантить*, диал. — исполнять верхний подголосок, от лат. *discantus*: «противоголос», первый, верхний голос. Термин проник в народную казачью среду, согласно Т. С. Рудиченко, из «словаря певческой практики пореформенной (конца XVII в.) церкви». См.: Рудиченко Т. С. Указ. соч. С. 70–71.

⁴ Жительница х. Дулёнкова Боковского р-на Ростовской обл., 2003.

⁵ Г. З. Обухов, 79 л., ст. Митякинская Тарасовского р-на Ростовской обл., 2012. (Далее — Обухов).

⁶ Жительница хутора Араканцева Тацинского р-на Ростовской обл., 2011.

⁷ С. Ф. Сеньшин, 63 г., х. Нестёркин Обливского р-на Ростовской обл. 2017. (Далее — Сеньшин).

«Да как без нашей казачьей песни?! Песня для казака как его судьба. Вот думаю, если б не пел, поди, и в живых не было. А то всё болит, особенно душа. Вспомнишь своих, как было при матери: до седьмого пота работали, а песней жили. Играешь эти песни и вспоминаешь своих родных, кого с нами нет»¹.

«Песня? Ой, Боже, да это всё! Это моя жизнь, без казачьей песни себя не мыслю. Мамка с папкой вон как пели — нет, чтобы всё записывать да запоминать! Думали, что они будут жить вечно. Как же жаль, сколько песен позабыто. А петь казачью песню буду до смерти. Без неё как жить, зачем жить?»²

«Для меня песня — это наша жизнь. Я с ней живу и по жизни иду. Недавно чуть не умерла, да спасибо девчатам из ансамбля, как жизнь в меня вдохнули — приехали, напелись»³.

«Для меня казачья песня — это всё! Песня мне помогала и в радости, и в беде. Сколько живу, всегда пою, да и как без песни? Вот мои домашние приучены, что всё время я что-то мурлыкаю. Тут вдруг зашли, а я молчу, и сразу вопрос, что случилось, здорова ли я»⁴.

«Я другие песни и не пою, только *старинячы*. А когда совсем худо, поплачу-поплачу и начинаю петь песни, что слышала от бабушки. Смотришь — и легче стало»⁵.

Из отзыва казаков Глубокинского юрта о выступлении ансамбля: «Слушая ваши песни, сердце сжалось в комок, сладко заныло, ностальгия... Перед глазами пронеслась та жизнь, наше босоное детство и на лавочках казачки с песнями. Это нужно хранить, передавать и каждый день напоминать, что казачья песня — это история нашей Отчизны».

Благоговейное, ревностное отношение к казачьей песне выражалось в обычае петь стоя и спешиваться с коня при желании *заиграть песню*. Так, на предложение сесть, девяностолетний старец, вставший перед нами во фрунт, ответил: «Нет! Казачьи песни петь, как Богу молиться, надо стоя!»⁶

«Казачья песня — это молитва»⁷.

«Казаков пригласили на бал, и отец мой у царя на бале был. Он на *деревянке* плясал — без ноги остался, деревянка <костыль> у него, а *тáнцур!* Встать из-за стола — тогда казаки стоя пели — и вот на *деревянке* пляшет»⁸.

¹ А. Н. Суров, 75 л, х. Астахов Каменского р-на Ростовской обл., 2018.

² А. Н. Погребнова, 64 г., х. Каменка Каменского р-на Ростовской обл., 2018. (Далее — *Погребнова*).

³ Г. А. Дурнева, 81 г., х. Астахов Каменского р-на Ростовской обл., 2018.

⁴ Н. А. Калмыкова, 80 л., х. Астахов Каменского р-на Ростовской обл., 2018.

⁵ А. И. Ярославцева, 86 л., х. Астахов Каменского р-на Ростовской обл., 2018.

⁶ М. П. Сметанников, 90 л., ст. Базковская Боковского р-на Ростовской обл., 2000.

⁷ М. Е. Мигулин, 67 л., В. М. Мигулина, 62 г., (род.: х. Литвиновка Белокалитвенского р-на Ростовской обл.), мкр. Макопсе города-курорта Сочи, 2006. (Далее — *Мигулин, Мигулина*).

⁸ В. М. Генералов, 81 г., ст. Пугачевская Котельниковского р-на Волгоградской обл., 2016. (Далее — *Генералов*).

«Мы один раз на работе *подрались за песню*. Говорят: “Люба, иди, там золотовские бабы поют, песни повыучишь”. И я пошла. Ну, они меня нача́ли: “Ты не так поёшь”. И бабка одна камень достала»¹.

«Песню *играют*, потому что рассказывают»².

«Они поют, как рассказывают. У них же вся жизнь на глазах»³.

«Тут пели люди, что было́, что взбудоражило людей. Если в старое время жена прогуляла — ну, это тогда “а-я-яй”, вся станица на рогах стояла. Вот она, песня, отсюда»⁴.

Певческое мастерство в казачьем сообществе ценились столь высоко, что это качество могло стать определяющим при выборе невесты/невестки.

«Как наш дед сдох себе выбирал? Он выбирал, чтобы песни умели петь. Он заводит песни и заставляет <подхватывать>. Если хорошо спела, то денег давал двадцать пять рублей»⁵.

«Свёкор мне говорит: “Песню споёшь — будешь моей снохой”. И запекает высоко, а мне надо *подхватить*, не ударить в грязь лицом»⁶.

«Вот моя жена будет сидеть слушать и плакать, а петь — нет. А *надо было выбрать такую, чтобы пела и плясала*» (Обухов).

«За столами не лежат — песни одна за одной». Гуляния

Любимейшая тема рассказов наших исполнителей — праздничные гуляния и посиделки, радость и веселье вопреки жизненным трудностям и испытаниям.

«Весёлая жизнь была, хоть и трудная. Родители из Глубочки ехали на быках 30 км и пели»⁷.

«Наша жизнь была беднее намного, но как-то было весело. По хутору вечером только песни раздаются. Наше детство было такое холодное и голодное, а всё же на улицу ходили и что-то пели»⁸.

«Когда мы собирались, так мы там надорвались на песнях!.. Когда сходишься с такими единомышленниками, хочется петь без конца. Танцевать даже не растащишь — до того расходились» (Мигулин, Мигулина).

¹ Л. А. Голотова, 83 г., х. Чебачий Семикаракорского р-на Ростовской обл., 2010.

² Участники ансамбля х. Дорофеевского Котельниковского р-на Волгоградской обл., 2016. (Далее — *Дорофеевский*).

³ Б. В. Малахов, 72 г., ст. Романовская Волгодонского р-на Ростовской обл., 2015. (Далее — *Малахов*).

⁴ З. М. Банникова, 61 г., ст. Калитвенская Каменского р-на Ростовской обл., 2007. (Далее — *Банникова*).

⁵ Участницы хора х. Нижнеясиновского Каменского р-на Ростовской обл., 2007.

⁶ В. В. Синебрюхова, 77 л., х. Исаев Каменского р-на Ростовской обл., 2007.

⁷ А. Ф. Обухова, 74 г., х. Зелёновка Тарасовского р-на Ростовской обл., 2012.

⁸ Е. И. Зипунникова, 89 л., х. Сафронов Котельниковского р-на Волгоградской обл., 2018.

«Мама так пела, что говорили: “Ой, Васильевна! Пришлю я за тобой автобус, чтобы ты приехала, попела”. Она дишканила — девчата, милые! — как соловушка! Она слов даже не знала, а только *мотив* у неё был»¹.

«У нас в Маркинской был хор, пели так, что хочешь, не хочешь — заплачешь»².

«У меня, девчатки, моя рódная мамунюшка до старости, как колокол, пела. Вся у нас порода песенники, прадеды, дяды всю жись пели. Бывало, кум Иван, брат, приедет и говорить, что давай эту споем, “Одна рюмочка была не пьяна”. Он заведёт — мороз по коже лезет, так она дишканила!»³

«Женщины с мужчинами пели, дишканили так — о-о-о! Поют и меня тогда заставляют. Всё ущили нас “Тихий Дон” петь. Как завянуть песню, а ещё бабки так поддишканят — аж уши горять, заслушаешься так. Запевала тут только *толкнул*, а они подхватывают, и пошлó. Я всё думаю: откуда они брали песни на стихи Байрона <“Проснётся день красы моей”>? А отцы же приходили с войны, кто в плену где-то был, то в Белой гвардии, то в Красной служили»⁴.

«Мою бабушку с фермы отпускали домой: “Апросья, иди домой! Мы сейчас придём туда к тебе погулять”. Придут, и у них там когда Митяша с гармошкой, а в основном под “тра-ля-ля”. Сами играют, а бабы танцуют, сами пританцовывают. А я из-за печки выглядывала и прислушивалась. Вечером, как управились, и мужики двое-трое запели. Да как еще пели — такого сейчас нет» (*Дорофеевский*).

«Тогда ж в праздники гуляли и собирались. Брали стограммовую бутылочку и с нею сидели компанией. По принципу: *закапали в глаза и окосели*, пипеткой! Это ж для размягчения души и тела, фантазийность что ли. Выпили по рюмочке и запели. А когда хорошо споют, говорят “песня *подымается*”»⁵.

«В кружкá увот так становимся женщины, пляшем, и никто из круга за черту не выйдет. Как мы так умудрялись?! Все кружком. На гульбу придём причёсанные, красивые. С гульбы идём — одна волосина тут, другая там, один рукав тут, другой оторватый вообще. Тогда ж обои не клеились, а белилось всё, под плинтусами всё глиной замазывали. После гулянки вся глина оббитая вокруг — это так плясали»⁶.

«Баян с балалайкой спаривали и играли песни. Девки на речку пойдут, намажут ноги в *ил* и пошли плясать»⁷.

¹ М. С. Шмигирилова, 88 л., ст. Обливская Обливского р-на Ростовской обл., 2017.

² А. П. Сорокина, 69 л., г. Цимлянск Цимлянского Ростовской обл., 2015.

³ З. В. Кружилина, 79 л., ст. Боковская Боковского р-на Ростовской обл., 2003. (Далее — *Кружилина*).

⁴ Т. И. Шмарина, 80 л., п. Чернышковский Чернышковского р-на Волгоградской обл., 2018.

⁵ Н. И. Богданов, 51 г., х. Нижнеясиновский Каменского р-на Ростовской обл., 2007. (Далее — *Богданов*).

⁶ Участники ансамбля х. Артамошкина (Донского) Чертковского р-на Ростовской обл., 2014.

⁷ Т. П. Тарасов, 74 г., х. Ленин Белокалитвенского р-на Ростовской обл., 2006. (Далее — *Тарасов*).

«Под конец пляски не выдерживает какой-нибудь дед. Выскакивает на круг с *грахвином*, с кукурузиной вместо пробки, и начинает: “Ну, гад-нога, давай!”» (Погребнова).

«Если б я не ходила тридцать лет в самодеятельность — я бы уже не жила»

Сельские клубы, вопреки мнению большинства собирателей, сыграли определенную положительную роль в сохранении певческой традиции на Дону.

«Репетиции у нас же два раз в неделю. И, знаешь, стремиссе, суетиссе. Объявляют, что у нас концерт. Себе в порядок приведёшь, костюмы попогладим, попричешемся, *кулі* <шапочки на прическу> у нас. И нам говорить: “Вот это настоящие казачки”» (Кружилина).

«Как мы только не ездили на спевки, йде по снегу, а йде по льду плывём. Льдины нашу лодку туды гонють. А мы же плывём на ту сторону, я за вёслами, льдины туда-сюда отгоняю. И нащёли же песни петь. Она стала на корму на лодке и танцует. Ну, думаю, щас лёд шу-щуть, она сделает э... так вот, и мы пошли... — Весело было! Никогда не было, чтоб мы ехали туда или оттэда без песняка, она по Донцу раздаётся»¹.

«Репетиции у нас на колёсах были. Едем до Ростова, милиция остановит, платья увидят — “Счастливого пути” скажут»².

«Следом за дедом». Как учились петь

Традиционно изустная передача знаний у казаков носила достаточно активный характер и включала, помимо слушательского опыта и наблюдения, обучение основам певческого мастерства. Старшее поколение певцов, владеющее всем арсеналом традиционных для донской песни выразительных средств, играло в деле обучения молодежи ведущую роль.

«С дедмй ходили пели, песни из рота хватали»³.

«От кого мы начали эти песни петь — мы не знаем. А бабы играли старые, и мы ловили»⁴.

«Отец пел и я с ним. Мама говорит: “Да тише вы! Война, жрать нечего. Люди останавливаются и слушают, скажут, что вот, поют”. Песни всё равно учили петь. Голод невыносимый, нечем одеться, а мы в хате ляжём и песни играем» (Генералов).

«Царствие Небесное свекрухе моей, научила меня песням. Я в садике работала, а она заведующей. Я во вторую смену к часу приду, она: “Вот садись и

¹ Н. К. Жукова, 79 л., М. М. Лукашунас, 73 г., х. Почтовый Константиновского р-на Ростовской обл., 2014. (Далее — Жукова, Лукашунас.)

² Г. И. Остапова, 63 г., г. Белая Калитва Белокалитвенского р-на Ростовской обл., 2004. (Далее — Остапова.)

³ Участницы ансамбля х. Большая Фёдоровка Красносулинского р-на Ростовской обл., 2013.

⁴ Л. Д. Кумова, 74 г., х. Пичугин Советского р-на Ростовской обл., 2003. (Далее — Кумова).

учи!” Сяду тут вот с тетрадкой и начинаю. Сижу день и ночь — очень тяжёлая песня, реву. Она: “Людка! Хоть вой, хоть не вой, надо учить и запоминать!” И я так училась. А какие песни я до сих пор не умею петь, такое сложное пение»¹.

«Бабушка учила: она споёт, а ты потом за ней повторяй. У неё голос был, она дишканила. И говорить: “Дишкань!” Она там бубнила и не успокоится, пока не добьётся»².

«Моя бабулюшка говорила: “Увну́рушка, садись, давай споём!”»³

«Я училась песням от родителей. Вот мама говорит: “Давай споём, давай!” Я: “Мама, я не могу, тут колен много. — Давай за мной: «а-а-а, ой», дочечка, дишкань!” Я начинаю: «а-а-а», она ещё подыгрывала: “*Колен много, а щиколотка одна*”. Вот так я и училась помаленьку»⁴.

«Наши песни басом да на́ голос. А у меня никак не получалось. Мама тогда говорила: “Ну что ж, дочечка, крепись, Бог поможет!”» (*Остапова*).

«Мне было два с половиной года, когда дед сказал: “Хватить тебе под столом сидеть, иди, пой!”»⁵

«Мама рассказывала: бабушка носила донскую шубу, а у неё полы широкие, и туда, за пазуху, помещали ребенка. Вот поют бабы песни, а из-под шубы дитё дишканит»⁶.

«Есть такие казачьи певучие династии. Пять сестёр вместе пели очень хорошо. У них была двоюродная сестра Томочка. Её несли завернутой в одеяле, и она пела первым голосом»⁷.

«А мы *по спичкам* песни учили»⁸.

«Никто мене не учил, ничёго. Проклятая эта война! Отцов позабрали, пятеро осталось. Но я молча не ходила. Так вот заиграют — я уж её, песню, *знаю*»⁹.

Старшее поколение было не только главными учителями, но и первыми критиками начинающих певцов: «У моей бабушки было четверо детей: Стёпка, Танюшка, Наташка и Шурка, и все четверо пели на разный голос. Они

¹ Л. В. Гребенникова, 55 л., х. Каныгин Усть-Донецкого р-на Ростовской обл., 2009.

² Т. И. Шмарина, 80 л., п. Чернышковский Чернышковского р-на Волгоградской обл., 2018.

³ Л. И. Выпряжкина, 50 л., ст. Владимировская, Красносулинского р-на Ростовской обл., 2013.

⁴ Н. П. Чернова, 77 л., ст. Советская Советского р-на Ростовской обл., 2003. (Далее — *Чернова*).

⁵ А. А. Вергунов, 48 л., г. Семикаракорск Семикаракорского р-на Ростовской обл., 2010.

⁶ Л. Б. Ищенко, 63 г., ст. Селивановская Милютинского р-на Ростовской обл., 2012. (Далее — *Ищенко*).

⁷ Участницы ансамбля п. Чистоозёрного Каменского р-на Ростовской обл., 2007.

⁸ И. Т. Шиян, 86 л., х. Вячеслав Милютинского р-на Ростовской обл., 2012. К сожалению, свое замечание о столь остроумном способе разучивания песни исполнитель оставил без пояснения. Можно предположить, что речь идет о выкладывании спичками текста песни. (Далее — *Шиян*).

⁹ Н. Д. Качкина, 66 л., х. Ольховый Кашарского р-на Ростовской обл., 2014. (Далее — *Качкина*).

начинают петь, и бабушка: “Степка, ты не туда тянешь, *за мной лезешь!* — Да куда там за тобой?! — Я те говорю, *за мной лезешь!*”»¹

«Тогда не пели дураки, тогда пели певцы!»

Афоризм, вынесенный нами в заглавие, принадлежит А. П. Сорокиной, руководителю Цимлянского хора казачьей песни «Майдан». Выражает он, как нельзя лучше, всеобщее преклонение казаков перед мастерством и памятью народных певцов прошлого.

«Вот тогда были *певцы!* Я уже кождаменитель» (Банникова).

«У наших стариков было песен по две-три общие тетрадки, по девяносто шесть листов. И они за год не успевали спеть песни хотя бы по одному разу. Вот сколько их было!»²

«Песня — это кропотливый труд»³.

«Если б *тренировались*, то можно бы красивее спеть. — Красивей, когда много людей, она красиво тогда идёт. Но можно и втроём спеть» (Жукова, Лукашунас).

Е. А. Киреева, рассказывая о своем хоре, употребила объемный по своему содержанию термин «понимание песни»: «Я услышу от песни два-три куплета и я уже её *понимаю*»⁴.

«Когда ты песню знаешь хорошо, ты её на́ голос <дискант> хоть как *возьмёшь*. Ты сама должна *голосом руководить*, чтобы на дискант брать. Дискант должен всё покрывать. У нас песни с заворотами, а у вас напрямую» (Погребнова).

Протяжные казачьи песни, признанные центральной жанровой группой⁵, о сложности и красоте которой сложены легенды и пословицы, — былинные, исторические, лирические — исполнителями повсеместно определяются как *тяжёлые*:

«Старинные — они чижёлые песни, крутучие, вьртучие. Это не то, что сейчас. “Горы” — у неё сто поворотов, её кружить долго надо. Пока-а её разучишь. И надо ж попасть, чтобы правильно было. Вот слушайте, рódные! К нам сколько в хор приходили, начать они “ва-а-а”. Но ей, песней, надо руководить. Они ня знают ни *поворотов*, ничё, оруть, куда выходить, куда получится. И бросают хор» (Кружилина).

«Эти казачьи песни протяжные, с *переливами* “а-я-яй”. — А почему они протяжными называются? — Сейчас стала жись быстрая, поэтому песни быстрые. А вы ездили когда-нибудь на *разводе*? Вы там быстро не попоёте. Это

¹ М. И. Рябухина, 84 г., х. Дулёнков Боковского р-на Ростовской обл., 2003.

² Г. И. Вечёркин, 39., ст. Боковская Боковского р-на Ростовской обл., 2000.

³ А. Е. Юносов, 61 г., ст. Кочетовская Усть-Донецкого р-на Ростовской обл., 2010.

⁴ Е. А. Киреева, 95 л., г. Суrowикино Суrowикинского р-на Волгоградской обл., 2018. (Далее — *Киреева*).

⁵ Рудиченко Т. С. Указ. соч. С. 64.

сейчас по дороге, на резиновом ходу, а тогда шина была *объезженная*, железная. Раньше родители едут сено косить, посадятся в коляску и поют песни»¹.

«Если “ой да” и “е-е-е” нет, то это уже не казачья песня» (Качкина).

«Что протяжнее песня, то лучше»².

«Казачья песня на *растяг* поётся. Там “е-е-е, о-ё-е”. — А как это вы делаете? Вас учили, когда “е-е”, а когда “ё-ё”, или как хочется? Молодые как-то прямо поют, а вы с *поворотами*. — Там же и было так, в казаках-то раньше! “И-эх” *дадут*, а потом ниже, опять *ревануть* — опять ниже»³.

«Завести правильно песню — это ж основа. А дишканить — *на голос брать*. Если песня запала в душу, то и глухой заведёт. Эти вещи либо насильно вталкиваются в душу, либо как раньше казаки: садись и пой! Либо в семейном кругу, когда семья двенадцать человек, поют отцы, матери, поневоле начинаешь слушать. Я так пошёл работать заведующим клубом и петь. Стал к ним прислушиваться: ага, красиво. Надо чувствовать, каким голосом петь. Бывает, надо петь на голос, а там кто-нибудь “бу-у-у”, тогда берёшь и погнал на голос, *перехватываешь*» (Богданов).

Особо высоко ценилось казаками искусство мужского пения и наличие в ансамбле мужских голосов.

«Нам бы мужчину — *басануть* <петь нижним голосом> надо» (Ищенко).

«Что ж вы нам ни одного мужчины не нашли <для записи>! — А где ваши мужчины? — Наш гусей пасёт»⁴.

На вопрос об исполнении «мужских» и «женских» песен исключительно мужским и женским составом, о жестком распределении голосов в ансамбле — камне преткновения для современных казачьих групп — пожилые казаки отвечают однозначно: «У нас такого не было! Пели все»⁵.

«Это тяжёлая песня, “Гостюшки”, её нужно петь умеючи. — А её и мужчины, и женщины пели, вместе? — Все пели, кто мог, тот и пел. *А с женщинами же ишо и лучше получается!* Обычно эту песню сыгрывали. Бабы начинают готовить, по стопарику и начинают сыгрываться: кто будет запевать, кто будет *на голос брать* — это *дишканить* или *выводить*. А *тянуть* — это уже когда мы уже запели, а ты, ну, давай тяни! Один тянет, остальные *перехватываются*» (Тарасов).

«Деления на мужские и женские песни у нас не было. Дишкантили мужчины, а женщины выводили первый голос. Это чисто казачий — *стелющий*»

¹ О. Я. Кабаргина, 81 л., ст. Нижнекундрюченская Усть-Донецкого р-на Ростовской обл., 2009.

² Н. П. Ерохина, 59 л., х. Апаринский Усть-Донецкого р-на Ростовской обл., 2009. (Далее — *Ерохин*).

³ И. Т. Евлантьев, 72 г., х. Коньков Боковского р-на Ростовской обл., 2003.

⁴ Участницы ансамбля х. Терновского Шолоховского р-на Ростовской обл., 2001.

⁵ А. И. Рокачёв, 86 л., ст. Каргинская Боковского р-на Ростовской обл., 2000. (Далее — *Рокачёв*).

ся. У сестры был такой казачий, широкий, раскидистый голос, а мама выводила тонко-тонко, и они как-то ладили»¹.

«Мужчины давали в основном *первый голос* <бас>, а есть такие женские песни, которые мужчины не потянут. Если бы поднялись Петро Васильич, дядя Вася — ой, какие песни они пели!» (Мигулин, Мигулина).

«В песне “На заре, братцы, на зореньке” — как красиво там голоса *сливаются*! Понимаешь, там *волны* эти надо, волны!.. И второй должен быть уверенный, сильный голос. И мы с ней тут так зазвучим, аж самим мороз по телу» (Рокачёв).

«Мужские голоса должны больше подходить под женские. Женщина заводит, а мужчина к тенору ближе. У казаков в основном двухголосие. Нас учили, чтобы не было перерывов <пауз>, песня должна играть, *переливы* эти. Не было вздохов одинаковых: один делает вздох, другие не перерываются» (Тарасов).

«Мужики один кто-то дишканит. Все же неучёные, как душа велит, так и пели, а какая-то у них дисциплина и гармония была. Абы кто не лез в песню, отбор был. Если кто-то *не в дугу попрёт* там: “Да ладно ты, помолчи”, скажут. А раз из вечера в вечер собирались после трудового дня, то уже отбирался коллектив певцов. Одни шашками рубились, другие играли песни. Потом бабы играли, а к бабам деды хромые приставали — им тоже песен хочется!» (Малахов).

«Мужчины-тенора, которые дишканят, *играют на губах* “у-у-у, а-а, е-е”. Папа мой так делал»².

«Обычно в казачьих песнях дискант один. Остальные кто *заводит*, кто <подхватывает>. У нас на ферме была женщина, что дишканила на двадцать человек одна. Маме девяносто лет было, а дискант у неё был замечательный»³.

«Когда все поют вторым голосом, а дисканта нет, то звучит уже не то. Ну, я профессор в этом деле, я до сорока лет была дискантом. Дискант надо *расцвечивать* <варьировать, добавлять внутрислоговые распевы>, а там надо *подхватывать*» (Киреева).

На вопрос: «Как найти дискант» — отвечают с улыбкой: «А как красиво, так и пой!»⁴. «Песня сама подсказывает, куда идти» (Обухов).

«А как дишканится эта песня? — А хорошо!» (Киреева).

Выдающийся знаток донской народной⁵ песни О. В. Пономарева (х. Мрыховский) как-то заметила после некоторых сомнений: “А я дискант к этой пес-

¹ П. Н. Лесниченко, 86 л., г. Цимлянск Цимлянского р-на Ростовской обл., 2014.

² Г. В. Слащёва, 72 г., г. Суровикино Суровикинского р-на Волгоградской обл., 2017.

³ М. Г. Федотовская, 76 л., ст. Боковская Боковского р-на Ростовской обл., 2000.

⁴ И. А. Середенкина, 87 л., х. Большой Серафимовичского р-на Волгоградской обл., 2019.

⁵ Т. С. Рудиченко высказывает сожаление о «забвении традиции» и распространении термина «казачья песня» как относящегося исключительно к группе «мужских воинских» и строевых песен «на все песенные жанры, бытующие на Дону» (Рудиченко Т. С. Указ. соч. С. 71).

не *не найду*»¹. Таким образом, собиратель, доверяя опыту мастера, может смело отнести ее к песням «бездискантового» многоголосного склада.

Искусные певцы объясняют, что такое *играть* песню, как *подавать* голос, и горячо выговаривают не слишком умелым участникам ансамбля:

«Казачьи песни надо же *нянчить языком*! А ты *прямо* поёшь. Языком надо ворочать во рту, работать хорошо “е-а-е-а”»².

«По-разному песня поётся, и *пределы есть* оттуда и отсюда <речь идет, вероятно, о границах варьирования и ограниченном объеме звукоряда>. Вы так *однотонно* поёте, ту-ту-ту, а надо песню *туда-сюда играть*. Петь надо *просто*, пошире рот разевайте! Вышла на улицу и пой громко, красиво и чисто» (Сеньшин).

«Ну, и как вы пели, думаете? Плохо, вяло, не вместе, не люблю. Поднимайте выше и *больше давайте пойте*, а вы выглядываете из-за углов. Чтоб записать так записать». «Что-то вы там шёпчете?! Да вы резче играйте, громче! Вы дишканьтите — так дишканьте! Двое дишканют — и себе под нос. *Не держите голос!*» (Кумова).

«Чтобы хорошо было, надо регулярно петь — развивать *мускулатуру*»³.

Под *игрой*, помимо пластического, визуального ее выражения и типических особенностей артикуляции (дифтонгов, йотирования, огласовок, флажолетов и пр.), казачьей певческой традицией подразумевается и интонационно-мелодическое варьирование напева песни. Здесь существует опасность увлечься, *заиграться*:

«Там же, у *вариаций*, нужно знать меру допустимого, вправо-влево, чтобы не испортить песню. Ты чувствуешь эту меру, а иногда какую-то фантазию забубонишь “а-а, ох-ах”. Но это внутреннее чувство, контроль <даёт> разрешение на *сделать это*. Я не должен испортить песню. Нужна уважительная *взаимообучающая* обстановка в ансамбле» (Богданов).

Многозначный народный термин *играть песню* вызван глубоким эмоциональным переживанием песенного сюжета, а также традиционно серьезным, трепетным отношением певцов к слову: «Запомните, ребята: с песни слова никогда не выбрасывают. Шухарные какие, мучительные, стыдливые — всё *на столе* должно быть! Если бы не должны быть, их бы *не писали* там. Раз они *обязаны* — значит, всё!»⁴

¹ О. В. Пономарева, 80 л., х. Мрыховский Верхнедонского р-на Ростовской обл., 2014.

² В. Н. Кнышенко, 73 г., х. Старая Станица Каменского р-на Ростовской обл., 2007.

³ С. Г. Багрянцев, 74 г., И. С. Свечников, 74 г., х. Голубинка Белокалитвенского р-на Ростовской обл., 2004. (Далее — *Багрянцев, Свечников*).

⁴ О. И. Потатуева, 84 г., х. Каньгин Усть-Донецкого р-на Ростовской обл., 2009.

Ответственное отношение к песенному тексту вызывало подчас и обратные действия: «Мы некоторые куплеты выбрасывали: там даже *бессовестные слова*»¹.

«Вы нашего Бога девки!» За что казаки хвалят или ругают певцов

Донские казаки, справедливо гордящиеся своей певческой культурой, не скупятся на похвалы прекрасно *сыгранной* песне.

«Так, как вы поёте, я слышал только тридцать лет назад, деды наши так пели»².

«Вы нашего Бога девки!»³

«Мои сыны как запоют, так лампа тухнет! — А мои дочери запоют, муж проснётся и плачет»⁴.

«В Москву, в Кремль вас, на Красную площадь!»⁵

«Вы Царствие Небесное себе уже заработали песнями!» (*Мигулин, Мигулина*).

«Вы *разбудили* наш хутор»⁶.

«Хочу, чтобы вы *окропили* нашу улицу казачьими песнями!»⁷

Ключевое значение придают казаки качественному голосу и слуху, умению петь в ансамбле, «ладить».

«У деда, во-первых, голос был хороший, за ним *легко было петь*» (*Богданов*).

«Голос — это ладно. А вот когда слуха нет, это страшнее» (*Жукова, Лукашунас*).

«С. *заклятая* <природная> *казачка*! У неё голос-то хороший, но поёт *огородами, стороной* <вне тональности>» (*Чернова*).

«Что-то я вас, девчата, ничуть не слышу! — А ты *тише ори*!»⁸

«Голосу нет. — А ты *дуйся*! — Так *выше пирога не вздуешься*!» (*Багрянцев, Свечников*).

Яркие, хлесткие шутки отпускают исполнители в адрес певцов-неудачников:

«Я голосом *не руководил*» (*Шиян*).

¹ Р. М. Генералова, 84 г., ст. Пугачевская Котельниковского р-на Волгоградской обл., 2016.

² Бывший руководитель казачьего хора Дворца культуры г. Белая Калитва Белокалитвенского р-на Ростовской обл., 2004.

³ Жители г. Белая Калитва Белокалитвенского р-на Ростовской обл., 2004.

⁴ Участницы ансамбля х. Исаева Каменского р-на Ростовской обл., 2008.

⁵ А. И. Ярцева, 81 г., х. Астахов Каменского р-на Ростовской обл., 2008.

⁶ Жители х. Михайлова Тацинского р-на Ростовской обл., 2011.

⁷ А. Ф. Бузенко, 77 л., г. Котельниково Котельниковского р-на Волгоградской обл., 2018.

⁸ Л. М. Бирюкова, 73 г., Е. И. Дикарева, 75 л., х. Каменка Боковского р-на Ростовской обл., 2000.

«У меня голос был *седьмой*»¹.
«Не-е, плохо спел. Не пел, а *бубанёл*»².
«Голос *вянет*»; «голоса *позаржавели*, *позалипли*»³.
«Что ты воешь, как кобель на цепи?»⁴
«По-над стенками *тянул*, не туда» (Багрянцев, Свечников).
«У неё *жёлтый* голос, со слухом не в порядке» (Ерохина).

Вместо заключения

Народные певцы, как показало наше исследование, достаточно осознанно и требовательно относятся к акту исполнения народной песни. Исполнительское искусство воспринимается ими как необычайно нужное, удобное Богу и спасительное духовное занятие. Их чрезвычайно волнует будущая судьба казачьей песни, огорчает отход казачьей молодежи от традиционной культуры. Лидеры коллективов, ведущие певцы, запевалы в большинстве своем глубоко ощущают возложенную на них отцами и дедами миссию — сохранить жемчужину национального культурного наследия, не дать умолкнуть традиционной казачьей песне. И в своих рассуждениях, одно из которых положено в название данной работы, поднимаются подчас до понимания *жизнепорождающей*, иначе *витальной*⁵ или продуцирующей, функции фольклорной традиции.

«Это веками отшлифовано. И почему эти песни пелись? Сейчас дети не могут спеть песни, которые пели в прошлом году, а эти песни пелись триста лет. Их *не меняли*. Если пели песню “Поехал казак на чужбину далёко”, то её сто лет так пели и не меняли. Это были устои, стержень. Один из стержней — *хранение*. Песня казачья была *постоянной*, она была *одной из основ семьи*. Мы пели — и вы пойте, мы жили так — и вы живите так же. Всё было, но основа оставалась» (Богданов).

«Мы единомышленники. *Наша миссия — оздоровление общества*. Мы с вами занимаемся раскопками. Наши предки, умирая, надеялись, что мы сохраним их песни. А песни нельзя забыть!» (Обухов).

Список источников

Голованов И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: Флинта, 2010. 44 с.

Жуланова Н. И., Ключникова О. А. Интервью с В. Ф. Чесноковой // Вестник Российского фольклорного союза. 2006. № 2 (17). С. 39–40.

¹ Жительница х. Божковка Красносулинского р-на Ростовской обл., 2013.

² Г. М. Сибилев, 78 л., х. Верхневишневецкий Каменского р-на Ростовской обл., 2007.

³ О. И. Потатуева, 84 г., К. Н. Храпова, 62 г., А. М. Черевкова, 89 л., х. Каньгин Усть-Донецкого р-на Ростовской обл., 2009.

⁴ Шутливая поговорка о плохом, грубом пении.

⁵ Игумнов А. Г. Витальное и конкретно-историческое в русской исторической песне // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 10. С. 200–205.

Игумнов А. Г. Витальное и конкретно-историческое в русской исторической песне // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 10. С. 200–205.

Кабанов А. С. Многоголосие и ритмика протяжных песен донских казаков // Проблемы взаимодействия самодеятельного и профессионального творчества: Сб. науч. тр. М.: НИИК, 1982. Вып. 110. С. 99–143.

Ковалева Р. Фольклорный процесс // Славянскія літаратуры ў кантэксте сусветнай: Да 750-годдзя са дня нараджэння Дантэ Аліг'еры і 85-годдзя Уладзіміра Караткевіча: Матэрыялы XII Міжнар. навук. канф., Мінск, 22–24 кастр. 2015 г. У 2 ч. / пад рэд. Г. М. Бутырчык. Мінск: БДУ, 2016. Ч. 2. С. 236–244.

Костина А. В. Особенности субъекта традиционной культуры: личностный аспект // Славянская традиционная культура и современный мир. Личность в фольклоре: исполнитель, мастер, собиратель, исследователь : сб. науч. ст. М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 2008. С. 19–36.

Межуев В. М. Философия культуры. Эпоха классики : учеб. пособие для вузов. М.: Изд-во Моск. гуманитар.-соц. акад., 2003. 198 с.

Путилов Б. Н. Историко-литературный процесс и эстетика фольклора // Проблемы фольклора / отв. ред. Н. И. Кравцов. М.: Наука, 1975. С. 12–21.

Путилов Б. Н. Место фольклора в комплексе славянских и балканских исследований // Комплексные проблемы истории и культуры у народов Центральной и Юго-Восточной Европы : сб. ст. М.: Наука, 1979. С. 151–157.

Рудиченко Т. С. Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовской государственной консерватории им. С. В. Рахманинова, 2004. 512 с.

Л. С. Лобанова (Сыктывкар)

Мария Ивановна Соколовская — хранительница устной и книжной культуры верхней Вычегды¹

Аннотация. В публикации представлены фольклорно-этнографические материалы, записанные автором от Марии Ивановны Соколовской (1938 г.р.) в п. Зимстан Усть-Куломского р-на Республики Коми летом 2023 г. в ходе экспедиции Гимназии искусств при Главе Республики Коми (г. Сыктывкар). Практически все публикуемые тексты впервые вводятся в научный оборот, их анализ позволяет представить личность исполнителя и выявить контекстные связи и источники фольклорных текстов. Это воспоминания о Великой Отечественной войне, рассказ о наказании за несоблюдение праздников, легенда о Богородице и грешниках в аду и меморат о явлении Богородицы.

Ключевые слова: верхневычегодская локальная традиция коми, народное православие, устная проза, полевая фольклористика, М. И. Соколовская

¹ Статья выполнена в рамках плановой темы сектора фольклора «Поэтика фольклора народов Европейского Севера России в синхронии и диахронии» (2021–2025) (рег. № 121051400044–2).

В числе локальных традиций коми, связанных со старообрядчеством, на верхней Вычегде А. Н. Власовым и Т. С. Каневой была выделена микролокальная традиция Керчомъя¹ (Усть-Куломский район Республики Коми). Основой для исследователей в этом послужила прежде всего статья В. В. Филипповой², а также материалы фольклорно-этнографических экспедиций 1990-х гг., хранящиеся в ФА СГУ. Керчомская традиция охватывает ряд населенных пунктов, генетически связанных с данным селом, это села Усть-Нем, Мыёлдино, Нижний Воч, Дзель, поселок Зимстан. К специфическим чертам фольклорных традиций со старообрядческим компонентом относится особый характер «взаимосвязи устной и письменной культур»³. Данные тезисы подтверждаются и материалами, записанными нами в ходе экспедиций в д. Габово Усть-Куломского р-на.

В д. Габово мы впервые побывали в 2014 г., и это было связано с проектом Гимназии искусств при Главе Республики Коми по строительству часовни в честь святого Георгия Победоносца в память об участниках Великой Отечественной войны, ушедших на фронт из этой деревни. В тот год материал по традиционной культуре народа коми записывался в ходе практики обучающихся гимназии⁴, кроме того, была организована экспедиция с научными сотрудниками ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН⁵, в результате которой нам удалось поработать в населенных пунктах Габово, Дзель, Нижний и Верхний Воч. Во время экспедиции 2023 г. мы запланировали повторные записи в Габово и Дзель, а также опрос жителей п. Зимстан, преимущественно пожилых, рожденных в близлежащих деревнях. Нам удалось взять интервью у 8 информантов (7 женщин и мужчина 1936–1941 годов рождения) родом из Габово, Дзель, Дёма, Климовск, среди которых выделяется интервью с Марией Ивановной Соколовской⁶.

¹ Власов А. Н., Канева Т. С. К проблеме феноменологии локальных традиций (по результатам исследования фольклорной культуры Европейского Северо-Востока России) // Народная культура Европейского Севера России: региональные аспекты изучения : сб. науч. тр. к 10-летию кафедры фольклора и истории книги. Сыктывкар, 2006. С. 16–30.

² Филиппова В. В. Фольклорные традиции с. Керчомъя Усть-Куломского района (к изучению микролокальной фольклорной традиции) // Духовная культура Севера: Итоги и перспективы исследования : материалы конференции. Сыктывкар, 2002. С. 22–27.

³ Власов А. Н., Канева Т. С. Указ. соч. С. 22.

⁴ Некоторые особенности и результаты этой работы см.: Лобанова Л. С. Материалы из с. Ёртом Удорского р-на Республики Коми // Живая старина. 2015. № 2. С. 50–53.

⁵ Кроме автора статьи это С. А. Сажина и В. В. Власова.

⁶ Интервью зап. 05.06.2023 в п. Зимстан на цифровой диктофон, запись хранится в личном архиве автора. Расшифровки материалов даны в переводе с коми языка, выполненном автором публикации. Курсивом выделены неперебиваемые слова, а также выражения информанта на русском языке. Угловыми скобками отмечены пояснения, в квадратные скобки заключены вопросы собирателя. Некоторые тексты на коми языке были опубликованы: Лобанова Л. С., Юдина М. В. Вояс пыр нигаён, молитваён да Енмён (2023-ёд воын Зимстанын гижом материалъяс серти) [Через года с книгой, молитвой и Богом (по материалам, записанным в 2023 г. в п. Зимстан)] // Коми филология: научно-образовательный журнал. 2024. № 11–12. С. 184–190.

Мария Ивановна, в девичестве Лопырева, родилась в 1938 г. в д. Климовск¹. Эта деревня, сегодня пустующая, находится на р. Прупт в 19 км от п. Зимстан. С 14 лет Мария работала на лесозаготовках, в 17 лет поступила в техникум г. Сыктывкара, получила специальность бракера-десятника, вернулась в леспромхоз п. Зимстан, где и проработала всю жизнь на разных должностях.

Первые детские воспоминания нашей собеседницы связаны с Великой Отечественной войной: как она, маленькая девочка, в отцовских сапогах пашет землю, погоняя быка, потому что всех лошадей увели на фронт. Из этой небольшой деревни, где, по рассказам Марии Ивановны, было всего 12 дворов, на фронт ушло 17 мужчин, но вернулись только единицы, которых она вспоминает по домам-семьям:

«Из наших четырех вернулись только двое: отец с одной ногой и дядя Гриша, который совсем недавно умер, он был ранен так, что лёгкие и печень, как решето <стали>, так и было написано на бумаге. У наших соседей, у Ивана <Вань Ёндрей> ушли трое, вернулся один, у Фёдора Ивановича ушли три сына, все трое погибли за один год, потом умер муж у Евдокии <Кёсьта Ёдя>, у Марии <Ладе Марьи> тоже муж погиб, Иван <Уллян Иван> ходил да вернулся с одной рукой».

Отец Марии Ивановны — Лопырев Иван Егорович, участвовал в обороне блокадного Ленинграда, был ранен и вернулся домой без ноги, но, несмотря на это, всю жизнь проработал счетоводом в колхозе; кроме того, охотился и рыбачил. Он не любил вспоминать про войну. Из его рассказов Мария Ивановна привела только один случай, когда на 120 бойцов из оружия в наличии оказалось только два охотничьих ружья.

Насколько нам удалось выяснить, семья Марии Ивановны была глубоко верующей. В 1930-е гг. главу семейства — дедушку Марии Ивановны — арестовали за пропаганду религии, он сидел в тюрьме в Верхнем Чове под Сыктывкарком, откуда уже не вернулся. В д. Климовск не было часовни, на церковные службы ездили в Керчомъю, Нижний Воч и Ульяновский монастырь. Мама Марии Ивановны выполняла роль местного священнослужителя: крестила детей, отпевала умерших, проводила домашние богослужения на церковные праздники. Мария Ивановна вспомнила один случай, когда она, придя из школы после занятий, заявила маме, что Бога нет, ответ последовал незамедлительно: «Если еще раз скажешь такое, то голову поверну». Мама научила Марию Ивановну читать Псалтырь в семилетнем возрасте, и с этого периода началось знакомство с церковно-славянским языком и книжной культурой. Накануне больших церковных праздников — таких, как Рождество и Пасха, мама приглашала деревенских женщин, большинство из которых в это

¹ Рядом с д. Климовск находится д. Фроловск, откуда был родом Т. А. Кочанов — информант венгерского ученого Д. Р. Фокоша-Фукса. Материал, записанный от него, положил начало исследованию локальной традиции с. Керчомъя. Подробнее см.: *Филиппова В. В.* Указ. соч. С. 24–26.

время овдовели, и маленькая Маша читала Псалтырь всю ночь. Богослужebные книги в родительском доме хранили в потаенных местах и доставали только по праздникам.

Проведение праздников с молитвой, закрепленное в детском возрасте, соблюдается Марией Ивановной и по сей день. Мы беседовали с ней на следующий день после Троицы. В начале беседы она сообщила нам, что сегодня «очень большой праздник — *Духов день*», по этому случаю она с утра до нашего прихода читала молитвы, вспомнила мамины наставления: «Хоть какая работа не настигнет в Троицу и Духов день, не смейте ничего делать, особенно травяные, земельные дела, никогда в жизни, мол».

В качестве примера возможного наказания за принижение статуса праздников Мария Ивановна поведала следующую историю:

Наша мама ходила на отпевания <умерших> и в <соседнюю деревню> Фроловск. Маме было тридцать три года, когда она начала ходить <отпевать>. До Фроловска 12 километров, не на чем было ехать, пешком ходили. Её, тридцатилетнюю женщину, пригласили отпевать <умершего>. Случилось так, потому что он <умерший> ушел охотиться на праздники, как раз в рождественскую неделю, вот тогда зимой он ушел охотиться, а жена говорила: подожди, мол, чтобы рождественские праздники и Крещение прошли, а потом пойдешь, мол. <Муж> ответил: у вас эти праздники никогда не закончатся, только зима пройдет, а потом у вас Пасха начнется. Сейчас, мол, я схожу, пока не портится добыча. <...> Вот он охотился, и избушка его была полна, мол, рябчиков и тетерок. <Перед уходом> и сказал он: всю зиму, мол, не приду, только к Пасхе вернусь. А как тогда, мол, ты поступишь, тогда же потеплеет, все будет портиться. Если потеплеет, вы, мол, придите ко мне и помогите, если попадется <дичь>. И вот потом потеплело, не приходит, ждут-ждут, не приходит, приближается уже... уже пост заканчивается, а его нет и нет. А у них был парень — немой Иван, он был нем, но говорил чуть-чуть, и только себя называл: я — Ив. Вот потом его Ивом и называли. Вот этого Ива отец водил с собой, каждый год брал с собой этого 15–16-летнего парня, чтобы научился, тропы <отца> разузнал. И его <Ива> потом и отравили <в лес>: ты, мол, Ив, знаешь тропы, сходи, мол, и посмотри, как там отец, почему не приходит, а то он ничего не сможет привезти, если что-то попало, может, и ничего не попало, и все ещё охотится. Потом он пошел, смотрит, около избушки, лесной избушки, смотрит — голова отца валяется, прошел дальше — нога, потом — рука, медведь разорвал, разбросал когда-то давно уже, и снег сверху уже подтаял. [Разве зимой медведь не спит?] Видимо, <охотник> попал на берлогу, может быть, хотел поймать. И он <Ив> только то, что поместилось в охотничий вещмешок <взял>, ещё остались некоторые части тела. И вот пришел, а у них много детей в семье было, потом остальные братья пошли и принесли остатки тела и промысел. И вот его отпевать нашу маму позвали. А его жена, мол, плачет и приговаривает: вот, мол, говорила я тебе, не уходи до окончания Рождества, не уходи, а ты <в ответ>: у вас, мол, все время то Коляда, то ещё что, пойду, мол.

Панихиды оставались единственным религиозным обрядом, проведение которых не прерывалось в советские годы. Мария Ивановна, как и ее мама, в течение 30 лет проводила данный ритуал. С группой из четырех-пяти женщин они ходили в близлежащие деревни, а также в Носим, Кебанъель, Логинъяг. Богослужебные тексты, исполняемые во время панихиды, переписаны в простые школьные тетради, которые озаглавлены «Отпевание» и «Панихида». Различие их заключается в следующем: ритуал «Отпевания» проводится около тела умершего, а панихида — на 40-й день после смерти, и вот как сама исполнительница объяснила особенности его проведения:

40 дней, потому что *Исус Кристос молился сорок дней на горе*. Написано в «Молитвослове», что три дня душа-*лол* находится в доме, а остальные дни — около дома. [Как у вас провожают 40 дней?] Панихида у нас. Сначала стоя поют панихиду. Здесь, в церкви, всего ведь 30–40 минут идет панихида, все сократили. А у нас меньше трех часов не идет. Где-то в часов девять начинаем, в восемь соберемся. Наше пение... год-два назад говорили, стали забывать, мол, *крючковый запев*. У нас, по-моему, я ещё ни у кого не спрашивала, у нас и есть *крючковый*. [Чем он отличается?] Слова распеваем, двойным распеваем. [Вы все эти три часа по книге читаете?] Что положено читать, читаем, потом посмотрим с тетради и, что надо петь, споём, и обязательно после каждого текста говорим: «*Упокой, Господи, душу усопшего такого-то*». Потом садимся чай пить, мы с кем ходили, все просили не приносить вино на стол.

За 30 лет проведения панихиды Мария Ивановна отметила изменения, которые произошли в составе ритуала:

[У вас здесь выбирают человека, которого будут провожать на 40-й день?] Никого не провожают вместо умершего, только котомку отдают родственникам, кому хотят, тому и дают. [Что туда складывают?] Что вкуснее. Если женщине, то красивый платок положат или что-то ещё. Раньше душу-*лол* выносили¹, мы много лет выносили душу, пока не стали приходить *батьюшки*. Потом когда-то мне мама во сне сказала, что после храмового пения душа сама уходит, не надо выносить, если отпевал батюшка. Раньше у нас были две специальные молитвы, на вынос души молитвы. Их в последнюю очередь <исполняют>, когда уже собираются выносить, если хочешь до крыльца, а хочешь — и до забора. Сейчас их не поём.

Традиция проведения мирской панихиды прервалась по нескольким причинам: во-первых, женщин, участвующих в ритуале, осталось мало и, во-вторых, в поселке была выстроена церковь, появился местный священнослужитель, который проводит панихиду.

¹ Речь идет о ритуале выноса души, который проводится на 40-й день после смерти человека и входит в поминальный комплекс обрядов. Более подробно см.: Королева С. Обряд «проводов души» с ритуальным заместителем умершего (материалы русско-коми-пермяцкого пограничья) // Антропологический форум. 2014. № 23. С. 52–76.

Как результат искусного переплетения книжных и устных мотивов, в рассказах Марии Ивановны выступает образ Богородицы. Исследователями было отмечено, что Богородица является «центральной фигурой христианского культа, отраженной в книжной традиции вычегодских коми — в текстах богослужебной направленности, а также в неканонических сочинениях»¹, в результате чего в народной традиции складывается особый образ этого персонажа христианской религии.

За все надо расплачиваться. Ещё хорошо бы, если на этом свете при жизни Бог накажет, и выдержишь, а если с грехом попадешь туда, тогда уже тяжело будет человеку. Там, мол, в смоле варишься, в смолу, мол, тебя посадят. [Туда все вместе попадают — и грешники и праведники?] Видимо, так, потому что, когда Богородице сильно молишься и перечисляешь, кто из рода туда попал, она, мол, пояс бросает в адову яму и просит только праведников ухватиться за него, а все, мол, хватаются, потом она встряхивает, и грешники все обратно падают. Вытаскивают молитва и добрые дела.

Особый статус Богородицы подтверждается и устными рассказами о явлении этого персонажа. Видение Богородицы Марии Ивановне случилось после того, как ей сообщили, что самолет, на котором летела дочь с внучкой, потерялся.

Мне позвонила Светлана Сергеевна, она была начальником аэропорта: «*Маша, пока не волнуйся, но самолет у нас потерялся*». Вот это мне днем сообщили, меня как начало трясти, думаю, когда же это время пройдет. <...> Вот я жду и жду, и где-то ночью, наверно, часа в два-три, немного светает уже, все-таки октябрь был, девяносто первый год. <...> Я как что знала, это и прочитала, книгу беру, читаю, и сознание стало теряться. Я уже сюда вот на пол легла и плачу. Потом вдруг в доме стало светло, встряхнула головой, села, держусь <руками>, и вот здесь появилась женщина, вместо этой картины, такой же величины появилась икона, в таком красивом голубом платье, в голубом платке, молодая-молодая, может быть, лет шестнадцать на вид. Сама села и думаю: это, наверно, Господь послал мне ангела уже, сейчас я умру. Нет, потом где-то минуту я побыла, ребенок появился на руках. О, Господи, говорю, это же Богородица! Потом я стала молиться в её сторону, потом когда наплакалась, уже из носа стало капать, потом икона эта ушла, и появился очень яркий крест, восьмиконечный крест. Крест как стоит, вот так по краям идет огонь, как во время *сварки* искрится, так же и он горит. Так будто горит и горит. Потом я опять перекрестилась и думаю: если мне это явилось, значит, у меня не все потеряно, крест этот мне плохо не сделает, и икона тоже плохого не сделает. Потом этот крест ушел, и появилась икона с Иисусом Христом. У меня есть такая икона, я ездила в Псков и из церкви привозила икону Иисуса Христа, и эта икона здесь явилась, но очень сильно увеличенной. Потом я села, перестала плакать и крикнула Борису: «*Они живы!*»

¹ Прокуратова Е. В. Традиция почитания Богородицы и ее отражение в рукописной культуре крестьян верхней Вычегды // Семиозис и культура: человек в современном коммуникативном пространстве. Сыктывкар, 2019. С. 89.

Чтение молитв Мария Ивановна считает основным делом всей своей жизни. Она разделяет утренние и вечерние молитвы, ежедневные и праздничные, одной из самых сильных молитв считает Акафист Николаю Чудотворцу, который прочитала нам по памяти; большую роль отводит молитвам священнослужителей, превыше всего ставит храмовую молитву. В подтверждение своих слов привела суждения:

Если кто-то в доме молится, и он вдруг умирает, необходимо кому-то продолжить это дело. Одна бабушка отсюда умерла, и вслед за ней один за другим умерли родственники, потом одна взялась за молитву и спасла других.

Свой род Мария Ивановна ведет от Мефодия из Керчомъи, сейчас она единственная из семьи совершает моления, и родственники завещают ей старинные книги, которые она продолжает читать и хранит в память о предках.

Список источников

Власов А. Н., Канева Т. С. К проблеме феноменологии локальных традиций (по результатам исследования фольклорной культуры Европейского Северо-Востока России) // Народная культура Европейского Севера России: региональные аспекты изучения : сб. науч. тр. к 10-летию кафедры фольклора и истории книги. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2006. С. 16–30.

Королева С. Обряд «проводов души» с ритуальным заместителем умершего (материалы русско-коми-пермяцкого пограничья) // Антропологический форум. 2014. № 23. С. 52–76.

Лобанова Л. С., Юдина М. В. Вояс пыр нигаён, молитваён да Енмён (2023-öd воын Зимстанын гижом материалъяс серти) [Через года с книгой, молитвой и Богом (по материалам, записанным в 2023 г. в п. Зимстан)] // Коми филология: научно-образовательный журнал / гл. ред. Е. В. Остапова. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2024. № 11–12. С. 184–190.

Лобанова Л. С. Материалы из с. Ёртом Удорского р-на Республики Коми // Живая старина. 2015. № 2. С. 50–53.

Прокуратова Е. В. Традиция почитания Богородицы и ее отражение в рукописной культуре крестьян верхней Вычегды // Семиозис и культура: человек в современном коммуникативном пространстве : коллективная монография / под ред. Л. В. Гурленовой, Н. Ф. Зюзева. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. С. 84–89.

Филиппова В. В. Фольклорные традиции с. Керчомъя Усть-Куломского района (к изучению микролокальной фольклорной традиции) // Духовная культура Севера: итоги и перспективы исследования : материалы конференции. Сыктывкар: ИПО СыктГУ, 2002. С. 22–27.

СПИСОК БИОГРАФИЧЕСКИХ, БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ И МЕМОРИАЛЬНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ А. Н. ВЛАСОВУ

Дорохова Е. А. Памяти Андрея Николаевича Власова // Живая старина. 2023. № 3. С. 68–69.

Канева Т. С. Андрей Николаевич Власов: некролог // Традиционная культура. 2023. Том 24. № 3. С. 188–191.

Канева Т. С. Андрею Николаевичу Власову — 60 лет // Традиционная культура. 2015. № 4 (60). С. 165–169.

Канева Т. С. Счастливое поле Андрея Николаевича Власова: встреча памяти учителя // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2023. № 4 (28). С. 108–111.

Научные публикации А. Н. Власова: материалы к библиографии / сост.: А. И. Васкул, Т. С. Канева, Р. Е. Тубылевич // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2023. № 4 (28). С. 83–99.

Прокуратова Е. В. А. Н. Власову — 60 лет // Живая старина. 2015. № 4. С. 54.

Прокуратова Е. В. Памяти учителя: Андрей Николаевич Власов — археограф, фольклорист, исследователь литературы Русского Севера // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2023. № 4. С. 78–82.

Словесность и история. 2024. № 2. [Памяти Андрея Николаевича Власова].

Тубылевич Р. Е. Мемориальные чтения, посвященные Андрею Николаевичу Власову // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2023. № 4 (28). С. 100–108.

СОКРАЩЕНИЯ

- БАН — Библиотека Российской академии наук, г. Санкт-Петербург.
- ГИМ — Государственный исторический музей, г. Москва.
- Древлехранилище ИРЛИ — Древлехранилище им. В. И. Малышева Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, г. Санкт-Петербург.
- ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН — Институт языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», г. Сыктывкар.
- Коми НЦ УрО РАН — Федеральный исследовательский центр «Коми Научный центр Уральского отделения Российской академии наук», г. Сыктывкар.
- НА Коми НЦ — Научный архив Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», г. Сыктывкар.
- НБ СГУ — Научная библиотека Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.
- НИЛ ФИДКС — Научно-исследовательская лаборатория «Филологические исследования духовной культуры Севера» Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.
- НМ РК — Национальный музей Республики Коми, г. Сыктывкар.
- ОР БАН — Отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук, г. Санкт-Петербург.
- ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, г. Москва.
- ПНИЛ ФАИ — Проблемная научно-исследовательская лаборатория фольклорно-археографических исследований Сыктывкарского государственного университета (1988–2000), г. Сыктывкар.
- РГБ — Российская государственная библиотека, г. Москва.
- РГО — Русское географическое общество, г. Санкт-Петербург.
- РГПУ им. А. И. Герцена — Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург.
- РНБ — Российская национальная библиотека, г. Санкт-Петербург.
- РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, г. Санкт-Петербург.
- ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы, научное издание ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, г. Санкт-Петербург.
- ФА СГУ — Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.
- ФФ ИЯЛИ — Фольклорный фонд Института языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», г. Сыктывкар.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Артеменко Нина Николаевна — руководитель хора, СПб ГБУ «Дом культуры «Парголово», г. Санкт-Петербург.

Афанасьев Андрей Васильевич — независимый исследователь, член Союза журналистов Москвы, г. Москва.

Бубнов Николай Юрьевич — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела рукописей. Библиотека академии наук, г. Санкт-Петербург.

Бунчук Татьяна Николаевна — канд. филол. наук, доцент кафедры русской филологии, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

Васильева Елена Евгеньевна — канд. искусствоведения, доцент кафедры русского народного песенного искусства, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, г. Санкт-Петербург.

Васкул Анастасия Игоревна — канд. филол. наук, ученый секретарь, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, г. Санкт-Петербург.

Волкова Татьяна Федоровна — д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

Волоскова Снежана Евгеньевна — канд. филол. наук, заведующая отделом особо ценных фондов и продвижения чтения, фундаментальная библиотека имени императрицы Марии Федоровны, РГПУ им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург.

Дементьева Валерия Алексеевна — ведущий методист отдела народного творчества, Центр народного творчества и повышения квалификации, г. Сыктывкар.

Ельчанинова Ирина Николаевна — выпускница филологического факультета Сыктывкарского государственного университета 1985 г., Краснодарский край.

Жадовская Светлана Александровна — канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела русского фольклора, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, г. Санкт-Петербург.

Иванова Анна Александровна — канд. филол. наук, доцент кафедры русского устного народного творчества, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва.

Иванова Татьяна Григорьевна — д-р филол. наук, главный научный сотрудник отдела русского фольклора, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, г. Санкт-Петербург.

Канева Ирина Ильинична — магистрант (программа «Филология», профиль «Филология в современном социокультурном пространстве»), СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

Канева Татьяна Степановна — канд. филол. наук, доцент кафедры русской филологии, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

Козлова Ирина Владимировна — канд. филол. наук, старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики, Школа актуальных гуманитарных исследований, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, г. Москва.

Комелина Наталья Геннадьевна — канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела русского фольклора, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, г. Санкт-Петербург.

Корепова Клара Евгеньевна — д-р филол. наук, независимый исследователь, г. Нижний Новгород.

Коровина Надежда Степановна — канд. филол. наук, старший научный сотрудник сектора фольклора, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар.

Кужлев Максим Валентинович — младший научный сотрудник Древлехранилища, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, г. Санкт-Петербург.

Лобанова Людмила Сергеевна — канд. филол. наук, научный сотрудник сектора фольклора, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар.

Мехреньгина Зинаида Николаевна — заведующий научно-исследовательским отделом, Великоустюгский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, г. Великий Устюг, Вологодская обл.

Некрылова Анна Федоровна — канд. искусствоведения, научный сотрудник отдела русского фольклора, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, г. Санкт-Петербург.

Панюков Анатолий Васильевич — канд. филол. наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора фольклора, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар.

Петрова Людмила Андреевна — независимый исследователь, г. Санкт-Петербург.

Подрезова Светлана Викторовна — канд. искусствоведения, старший научный сотрудник, зав. Фонограммархивом, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, г. Санкт-Петербург.

Поздеев Вячеслав Алексеевич — д-р филол. наук, доцент, главный научный сотрудник сектора фольклора, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар.

Прокуратова Екатерина Владимировна — канд. филол. наук, доцент кафедры русской филологии, руководитель НИЛ ФИДКС, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

Рейли Марина Викторовна — канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела русского фольклора, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, г. Санкт-Петербург.

Розов Александр Николаевич — д-р культурологии, ведущий научный сотрудник отдела русского фольклора, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, г. Санкт-Петербург.

Рыжова Елена Александровна — канд. филол. наук, зав. кафедрой журналистики и общественных коммуникаций, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

Савельева Галина Сергеевна — канд. филол. наук, старший научный сотрудник сектора фольклора, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар.

Селиванова Ольга Владиславовна — канд. филол. наук, зав. библиотекой и доцент кафедры развития профессионального образования, Гатчинский государственный университет, г. Гатчина, Ленинградская обл.

Тубылевич Руслана Евгеньевна — преподаватель кафедры русской филологии, лаборант НИЛ ФИДКС, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

Храмова Наталия Борисовна — преподаватель кафедры русской литературы Института филологии и журналистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород.

Шишкина Лидия Ивановна — канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций, Северо-западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург.

Шомысов Даниил Иванович — ведущий методист отдела народного творчества, Центр народного творчества и повышения квалификации, г. Сыктывкар.

Щукина Ульяна Олеговна — ведущий библиотекарь сектора комплектования и документации Отдела рукописей, Российская национальная библиотека, г. Санкт-Петербург.

Якубовская Елена Ивановна — канд. искусствоведения, старший научный сотрудник Фонограммархива, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, г. Санкт-Петербург.

Научное издание

ПРОСТРАНСТВА ПАМЯТИ

**Сборник материалов и исследований
памяти Андрея Николаевича Власова**

Ответственный редактор ***Т. С. Канева***

Обложка: ***Т. А. Безбатичнова***

На фронтисписе: А. Н. Власов в Великом Устюге. Лето 2006 г.
(фото С. А. Чернышевой (Жадовской))

Системные требования:

ПК не ниже Pentium III; 256 Мб RAM; не менее 1,5 Гб на винчестере;
Windows XP с пакетом обновления 2 (SP2); Microsoft Office 2003 и выше;
видеокарта с памятью не менее 32 Мб; экран с разрешением не менее 1024 × 768 точек;
4-скоростной дисковод (CD-ROM) и выше; мышь.

Редактор ***О. В. Габова***

Компьютерный макет, техническое редактирование ***А. А. Ергаковой***
Выпускающий редактор ***Л. Н. Руденко***

6,0 Мб. 1 компакт-диск, пластиковый бокс, вкладыш.

Подписано к использованию 15.10.2025.

Заказ № 47. Тираж 50 экз.

Редакционно-издательский отдел СГУ им. Питирима Сорокина

167982. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 23Б

Тел. (8212)390-472, 390-473.

E-mail: ipo@syktsu.ru

<http://www.syktsu.ru/>

